

Р.Ю. Почекаев

.....

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ: 1717-1917

Юридические аспекты
фронтирной
модернизации

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. Ю. Почекаев

.....

**РОССИЙСКИЙ ФАКТОР
ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ:
1717–1917**

Юридические аспекты
фронтирной
модернизации

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2020

УДК 34(51)(09)
ББК 67.0(54)
П65

Монография подготовлена при финансовой поддержке
РГНФ (проект № 14–03–00322 «“Российский фактор” правового
развития Центральной Азии в имперский период (XVIII — начало XX вв.):
юридические аспекты фронтальной модернизации») и софинансировании
Научного фонда НИУ ВШЭ (проекты № 14–09–0187, 15–09–0273)

Рецензент —
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой истории права и государства
Юридического института РУДН
М.В. Немытина

**П65 Почекаев, Р. Ю. Российский фактор правового развития
Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной
модернизации [Текст] / Р. Ю. Почекаев ; Нац. исслед. ун-т
«Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы
экономики, 2020. — 326, [2] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-
1989-9 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2056-7 (e-book).**

В книге анализируются правовые аспекты взаимодействия Российской империи с государствами Средней Азии с начала XVIII в. до 1917 г. Автор характеризует основные этапы формирования российского влияния на правовое развитие среднеазиатских ханств, рассматривает главные направления, по которым это влияние осуществлялось. Обращается внимание на средства и методы российской правовой политики в ханствах Средней Азии после установления над ними протектората. Отдельно рассмотрен вопрос о правовой политике России в среднеазиатских регионах с особым правовым статусом, а также в условиях военного положения, революционной ситуации и проч. Проведенное исследование позволяет осмыслить исторический опыт интеграции на евразийском пространстве, очередной этап которой активно реализуется сегодня, а также оценить степень эффективности правовых средств этой интеграции в XVIII — начале XX в., их сильные и слабые стороны.

Книга предназначена для историков государства и права, историков России, востоковедов, политологов, а также студентов, обучающихся данным специальностям.

УДК 34(51)(09)
ББК 67.0(54)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1989-9

ISBN 978-5-7598-1989-9 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2056-7 (e-book)

© Почекаев Р.Ю., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7

Глава I

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК	23

§ 1. Экспедиция А. Бековича-Черкасского и память о ней в отношениях России с государствами и народами Средней Азии	24
§ 2. Место Средней Азии в проектах по торговле России с Индией (XVIII — первая половина XIX в.)	35
§ 3. Бухарцы перед российским законом и судом	43
§ 4. Экономические санкции как инструмент международно-правовых отношений России и Хивы	53
§ 5. Средняя Азия в русских торговых проектах середины XIX в. (правовые аспекты)	65

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКИХ ПРОТЕКТОРАТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	72

§ 1. Договоры 1868 и 1873 гг. в оформлении нового статуса среднеазиатских ханств	72
§ 2. Инкорпорация правителей среднеазиатских ханств в состав российской правящей элиты	81
§ 3. Правовые основания использования русских войск в протекторатах	88
§ 4. Начальник Амударьинского военного отдела — русский «политический агент» в Хиве	96

Глава III

НА СОБСТВЕННОМ ПРИМЕРЕ: РОССИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ИХ ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ	106

§ 1. Налоговые реформы в Русском Туркестане и их последствия для среднеазиатских ханств	107
§ 2. Правовое положение российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве	116
§ 3. Особенности правового статуса российских поселений в ханствах Средней Азии	124

§ 4. Российский суд в Бухарском эмирате	137
§ 5. «Женский вопрос» в Русском Туркестане и ханствах Средней Азии	149
§ 6. Правила производства и продажи алкогольной продукции в Бухаре: механизм распространения правовых норм для русских владений на территорию протектората	158

Глава IV

ИНСТРУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКТОРАТА	165
§ 1. Регулирование водопользования как инструмент политики Российской империи в ханствах Средней Азии.....	165
§ 2. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи.....	183
§ 3. Фиксация курса таньги как инструмент финансово-правовой политики России в Бухаре и Хиве на рубеже XIX–XX вв.	197
§ 4. Реорганизация вооруженных сил Бухарского эмирата и Хивинского ханства.....	211
§ 5. Деятельность российской полиции в Бухаре в начале XX в.	218

Глава V

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В РЕГИОНАХ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ И В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ	224
§ 1. Правовая политика Российской империи на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)	224
§ 2. Среднеазиатское восстание 1916 г. как основание для упрочения контроля Российской империи над Бухарой и Хивой	243
§ 3. Вопрос о правовом статусе ханств Средней Азии в политике Временного правительства	255

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ В ОЦЕНКАХ БУХАРСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ	274

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	291

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	292
Архивные источники	292
Опубликованные источники и литература	292

Должен обратить внимание вашего величества на то обстоятельство, что на всем протяжении наших границ в Азии в наших действиях нет, можно сказать, единства, нет той последовательности, которые необходимы для хода дел и которые, безусловно, принесли бы нам большие выгоды, если бы у нас был более совершенный план действий.

Кн. А. Чарторыйский

ВВЕДЕНИЕ

Процессы интеграции на евразийском пространстве, столь активно происходящие сегодня, отнюдь не связаны с сиюминутными политическими или экономическими интересами лидеров государств, которые в этих процессах участвуют. Формирование единого экономического и политического пространства в Евразии — процесс объективный и, можно сказать, predetermined, о чем свидетельствуют многочисленные примеры объединений на просторах Евразии самых разных стран и народов в различные периоды истории. Можно вспомнить «степные империи» Древнего мира и раннего Средневековья (держава Хунну и Тюркский каганат), конечно же — империю Чингис-хана и его преемников, а также — более близкую к нашей отечественной истории Золотую Орду. Своеобразным геополитическим преемником Золотой Орды стало Московское государство, которое сменила Российская империя и, наконец, Советский Союз. Безусловно, все эти объединения имели значительные недостатки, что и сегодня вызывает немало критики в их адрес. Однако вместе с тем они имели и определенные достоинства, преимущества для стран и народов, в них входивших.

Данная монография посвящена правовым аспектам интеграции на евразийском пространстве в эпоху Российской империи. В последние годы интерес к этому периоду существенно возрос. При этом спектр мнений относительно роли России в развитии государств и народов Центральной Азии весьма широк — от безусловного одобрения и оправдания любых действий имперских властей в целях установления и поддержания контроля над странами и народами региона до столь же полного их осуждения, обвинения в колонизаторстве, попытках уничтожения национальной самобытности, традиционной культуры и проч. На наш взгляд, такой разброс мнений, нашедших отражение в огромном множестве исследовательских, научно-популярных и публицистических работ, свидетельствует о том, что Российская империя сыграла весьма важную роль в правовом развитии стран и народов Центральной Азии, и изучение опыта ее политики в этом регионе является весьма востребованным.

Исследования политики Российской империи в Центральной Азии имеют давнюю историю: они стали появляться еще в первой половине XIX в., и со временем интерес к этой тематике только возрастал. При этом в некоторых трудах, появившихся в тот период, находили отражение и вопросы государственного устройства и правового развития среднеазиатских ханств — в частности, в исследованиях Н.В. Ханыкова, С. Руссова и ряда других. Однако большинство исследовательских работ по данной тематике появляется уже в процессе и после установления российского протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Первые работы о Бухаре эпохи протектората Российской империи появились уже в 1870-е годы. Среди их авторов были российские чиновники Н. Стремоухов, А.П. Хорошхин, Г.А. Арендаренко (Арандаренко), А. Губаревич-Радобыльский, лично побывавшие в эмирате. Фундаментальное исследование, содержащее подробный анализ всех сторон жизни Бухарского эмирата (в том числе политической, правовой, экономической и проч.), было проведено российским чиновником и исследователем Д.Н. Логофетом в начале XX в. — в связи с тем, что в это время вновь был поднят вопрос об окончательном присоединении Бухарского эмирата к Российской империи [Логофет, 1911а; 1911б]. О Хиве под российским протекторатом писали Н.И. Веселовский, А.Л. Кун, Ф.И. Лобысевич, К. Гиршфельд. Кратковременный период нахождения Кокандского ханства под российским протекторатом (1868–1876) нашел отражение в работах того же А.Л. Куна, В.П. Наливкина и др. Общий обзор российских контактов со среднеазиатскими ханствами в XVI–XIX вв. осуществил С.В. Жуковский [Жуковский, 1915].

В советский период исследованием истории Бухары, Хивы и Коканда занимались Д.Ю. Арапов, Т.К. Бейсембиев, С.З. Зиманов, Б.И. Искандаров, А.И. Ишанов, Л.Г. Левтеева, Р.Н. Набиев, Х. Пирумшоев, В.М. Плоских, И.В. Погорельский, А.С. Садыков, А.А. Семенов, О.А. Сухарева, Т.Г. Тухтаметов, А.П. Фомченко, Н.А. Халфин, М.Ю. Юлдашев.

В постсоветский период проблемы истории отношений России со среднеазиатскими ханствами исследовали С.Н. Брежнева, Б.М. Бабджанов, Т.К. Бейсембиев, А.Д. Васильев (взаимоотношения среднеазиатских ханств с Османской империей и позиция России в связи с ними), Т.В. Котюкова, М. Ниязматов, О.А. Соловьева, А.С. Эрки-

нов, а также авторский коллектив (С.Н. Абашин, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов и др.), подготовивший фундаментальное исследование о взаимоотношениях России со Средней Азией в конце XVIII — начале XXI в. [Россия, 2011а; 2011б]¹. К авторам, которые изучают Бухарский эмират и Хивинское ханство в период XIX — начала XX в., относятся, в частности, А.И. Пылев и отчасти В.Л. Генис, причем последний, сосредоточивается на событиях, предшествующих падению Бухары и Хивы как самостоятельных ханств, т.е. преимущественно 1917–1920 гг. Кроме того, ряд авторов рассмотрели взаимоотношения Российской империи и ханств Средней Азии (затронув и их правовой аспект) в рамках анализа политико-правового развития Туркестанского края — можно назвать, в частности, работы Ф.Т. Тухатметова, Е.А. Глущенко, Е.Ю. Сергеева, Д.В. Васильева.

Можно также отметить, что в последние годы в России и постсоветских государствах Средней Азии (Узбекистане и Таджикистане) защищено значительное количество диссертаций по истории нахождения Бухары, Хивы и Коканда под российским протекторатом (см., например: [Бороздин, 2012; Давронов, 1990; Егоренко, 2008; Еров, 2005; Каюмов, 2005; Маткаримова, 2010; Топилдиев, 2009]). Однако большинство из них также посвящено вопросам политической истории или экономическому развитию, правовые же аспекты затрагиваются чаще всего косвенно, и даже юридические памятники в таких исследованиях используются преимущественно как исторические источники.

Западная историография по рассматриваемой проблематике начала складываться в основном во второй половине XIX в. в связи с «Большой игрой» — соперничеством Российской и Британской империй за контроль над Центральной Азией в середине XIX — начале XX в. К числу наиболее известных относятся труды У.Э. Бакстера, Дж.У. Букуолтера, У.Э. Кертиса, Дж.Н. Керзона, Дж. Добсона, Г. Ланселла, Г. Норманна, О. Олуфсена, Ю. Скайлера и др. Отметим, что многие из этих авторов лично побывали в Средней Азии (Русском Туркестане, Бухаре и Хиве) и, следовательно, их работы могут также считаться и свидетельствами очевидцев, т.е. источниками. Принимая во внимание факт многолетнего противостояния России со странами Запада

¹ Также к данной тематике относятся и отдельные работы членов авторского коллектива данной книги (например: [Бабаджанов, 2004; Germanov, 2007]).

в Центрально-Азиатском регионе (особенно — с Англией), не приходится удивляться преимущественно негативным оценкам российской политики в этом регионе со стороны европейских и американских авторов, обвинению российских властей в «колонизаторстве», навязыванию своих политических и правовых институтов среднеазиатским государствам, подавлению местных традиций и проч.

В XX — начале XXI в. западные авторы в большей степени сосредоточиваются на изучении «Русской Средней Азии», т.е. Туркестанского края в период Российской империи или же среднеазиатской политике Российской империи в целом². Лишь отдельные исследователи (в частности, С. Беккер, А. Франк и Э. Каррер д'Анкосс) посвящали специальные труды российским протекторатам — Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству.

В 1990-е годы в западной науке начинает развиваться новое направление изучения «имперской истории» России. Его представители предпочли отказаться от «колониационной» парадигмы (в западном понимании этого термина) и характеристики Российской империи как «тюрьмы народов», начав изучение ее как «полиэтнической империи», в развитии которой учитывалось национальное своеобразие отдельных народов и национальных окраин. В рамках этого направления наибольший интерес представляют работы А. Каппелера, Д. Бёрбанк, С. Беккера, Э. Каррер д'Анкосс, А. Эткинда. Этот подход позаимствовали также и отечественные авторы, которые в его рамках стараются подчеркнуть несхожесть политики европейских колониальных империй (в первую очередь Британской) и России и, приходя к выводу, что Российская империя не проводила колонизаторской политики в отношении своих национальных окраин. Этот подход нашел отражение, в частности, в трудах С.В. Лурье, В.В. Трепавлова, Н.Е. Бекмахановой, С.И. Каспэ и др. Исследуя особенности формирования и функционирования России как «многонациональной империи» в целом, эти авторы рассматривают наравне с другими национальными регионами также Казахстан и Среднюю Азию, находя в российской политике по отношению к этим регионам как черты, характерные для имперской национальной политики, так и особенности, объясняемые их спецификой. При этом одни исследователи в

² Наиболее ярким примером такого подхода является исследование британского специалиста А. Моррисона [Morrison, 2008].

большей степени сосредоточиваются на анализе функционирования в указанных регионах имперских властных институтов (А. Каппелер, Н.Е. Бекмаханова), другие — на особенностях развития права и суда (Д. Бёрбанк), третьи — на проблемах понимания подданства (С. Беккер, В.В. Трепавлов).

Большинство исследовательских работ посвящено вопросам политического и экономического взаимодействия России со странами и регионами Центральной Азии. Также рассматриваются проблемы взаимодействия в социальной, культурной и религиозной сфере. Вопросы правового развития государств и народов Центральной Азии затрагиваются в незначительной степени и, опять же, в контексте их общеполитического и социально-экономического развития. Вместе с тем следует отметить, что вопросы правового развития Бухары и Хивы в период российского протектората не получили широкого освещения в исследовательской литературе. Безусловно, они затрагивались, однако преимущественно в отчетах российских чиновников, либо же в общих трудах по истории всего региона или отдельных его стран. К числу таких исследований можно отнести работы российских чиновников дореволюционного периода Л.Ф. Костенко, Е.Л. Маркова, А.А. Семенова, советских историков-востоковедов П.П. Иванова, А.Л. Троицкой, современных исследователей Д.Ю. Арапова, Б.М. Бабджанова, Э.Э. Каримова, М. Ниязматова и др. Ценность их работ повышается еще и за счет того, что они в рамках своих исследований вводят в оборот правовые документы Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, осуществляя и их русский перевод.

Что касается специальных работ по истории государства и права ханств Средней Азии (в том числе и в период протектората), то единственное известное нам фундаментальное исследование (а также ряд научных статей) по этой тематике принадлежит Ю.Ф. Луневу [Лунев, 2004; 2009а; 2009б]. Однако он в большей степени рассматривает право Бухары, Хивы и Коканда в общем контексте мусульманского права, не учитывая ни тюрко-монгольских традиций, ни чингизидского (монгольского имперского) правового влияния.

Влияние же Российской империи на правовое развитие Центрально-Азиатского региона, насколько нам известно, предметом специальных исследований не являлось вообще. Данная монография представляет собой попытку хотя бы отчасти восполнить этот пробел. В рамках проведенного исследования были изучены различные аспек-

ты правового взаимодействия Российской империи с государствами Центральной Азии — в первую очередь с Бухарским ханством (эмиратом) и Хивинским ханством. Три первые главы посвящены трем основным этапам развития этого взаимодействия и включают изучение их различных аспектов, позволяя оценить развитие правовой политики Российской империи в Центрально-Азиатском регионе.

В первой главе дана характеристика международно-правовых связей России с ханствами Средней Азии и их отдельными представителями с начала XVIII до середины XIX в. Этот период можно охарактеризовать как «эпоху накопления знаний» России о Центрально-Азиатском регионе. К началу XVIII в. российские власти имели весьма туманные представления о среднеазиатских государствах и народах, их государственном устройстве, правовой системе, обычаях и традициях. Незнание и непонимание специфики политико-правового развития ханств Средней Азии, а также великодержавные амбиции ранней Российской империи привели к ряду трагических ошибок при выстраивании отношений с Бухарой и Хивой — наиболее значительной из них стало уничтожение экспедиции князя А. Бековича-Черкасского в 1717 г., оказавшее значительное влияние на выстраивание международно-правовых отношений России со среднеазиатскими ханствами в дальнейшем. Не сумев установить власть над среднеазиатскими ханствами, Российская империя в большей степени стала уделять внимание развитию торговли со Средней Азией, но и на данном направлении довольно долго не было четкой правовой политики, поскольку в течение почти всего XVIII в. Средне-Азиатский регион рассматривался всего лишь как «перевалочный пункт» для торговли со «сказочной» Индией. Лишь ближе к середине века российские власти осознали перспективность самой Средней Азии для российской торговли и закрепили особый правовой статус среднеазиатских торговцев (в русской правовой традиции — «бухарцев») на территории России в надежде на то, что монархи Средней Азии в ответ предоставят аналогичные льготы и привилегии русским купцам в своих владениях. Однако этого не произошло, и враждебные действия среднеазиатских ханов против русских торговцев и даже дипломатов заставили имперскую администрацию прибегать к экономическим санкциям против ханств Средней Азии. Однако, как будет показано ниже, и в данном случае российские власти не вполне учли специфику политико-правового устройства среднеазиатских государств, так что эти

меры — весьма эффективные в европейской правовой практике — имели куда меньший эффект, чем ожидалось при их реализации.

Вторая глава посвящена следующему этапу российской правовой политики в Средней Азии во второй половине XIX в. — процессу установления и развития системы протекторатов, в число которых попали три крупнейших государства региона: Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. К этому времени в России, благодаря многочисленным поездкам дипломатов, торговцев и ученых, был накоплен значительный объем знаний о Средне-Азиатском регионе, его странах и народах, государственности и праве, экономическом состоянии и социальном устройстве. Это отразилось и на отношениях Российской империи с ханствами Средней Азии, при выстраивании которых имперские власти уже начали отходить от «европейских» принципов международно-правовых отношений и использовать в отношении с монархами региона те же принципы и нормы, которыми руководствовались сами местные правители. Попытки решения проблем чисто дипломатическими и экономическими методами стали чередоваться с военными действиями. В результате значительная часть территории среднеазиатских ханств вошла непосредственно в состав Российской империи (они составили Туркестанский край), а сами эти государства попали под имперский протекторат. Правовыми последствиями этих действий стали: интеграция восточных монархов (фактически вассалов России) в имперскую сановную элиту, возрастание роли российских дипломатических представителей в самих ханствах. Вместе с тем среднеазиатские протектораты получили возможность опираться на военную поддержку покровительствующей им империи: российские войска неоднократно использовались в ханствах для решения их внутренних проблем.

Третья глава посвящена анализу правовой политики имперских властей в своих среднеазиатских владениях, а также в отношении российских подданных и российских поселений в среднеазиатских ханствах — в той мере, в какой эта политика могла служить примером для протекторатов. Население Бухары и Хивы, проживавшее по соседству со своими соплеменниками в Русском Туркестане, русскими «анклавами» в Бухаре или русскими торговцами в Бухаре и Хиве, имело возможность в повседневных условиях оценить преимущества российского управления и права и целесообразность заимствования их принципов и норм самими ханствами — как, например, происхо-

дило в налоговой сфере. Кроме того, в ряде случаев правовые нормы, действовавшие в русских владениях (в том числе и в «анклавах») со временем стали распространяться и на территорию самих ханств — под предлогом защиты интересов русских подданных в отношениях с местными жителями. В рамках исследования эта тенденция рассмотрена на примере изменения статуса женского населения в Средней Азии, а также регулирования производства и распространения алкогольной продукции.

В четвертой главе анализируются инструменты российского влияния на правовое развитие среднеазиатских государств. Специфический статус ханств (формально продолжавших сохранять независимость) не позволял России открыто распространить на них принципы имперского управления и правового регулирования. Соответственно, приходилось использовать средства и методы «косвенного влияния». Специфика хозяйственной деятельности ханств позволила российским властям укрепить свое влияние и добиться упрочения контроля над Бухарой и Хивой путем регулирования такой, казалось бы, специфической сферы, как водопользование. Не менее специфическим (но от этого не менее эффективным) средством влияния России в ханствах стала реорганизация их вооруженных сил. По мере расширения российского политического и экономического присутствия в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве власти империи стали предпринимать все более решительные меры по интеграции протекторатов в российское политико-правовое и экономическое пространство. Это привело сначала к включению Бухары и Хивы в таможенную черту Российской империи в конце XIX в., а затем — и к попыткам «валютного объединения» на рубеже XIX–XX вв. Все эти действия, характерные и для современных процессов экономической интеграции, подчеркивают ценность изучения исторического опыта подобных объединений на евразийском пространстве в прошлом.

В последней главе анализируются ситуации, когда средства и методы, разработанные и эффективно применявшиеся имперской администрацией для влияния на политико-правовое развитие ханств Средней Азии, оказывались неактуальными. Причиной тому мог быть особый статус того или иного региона, что рассмотрено на примере Западного Памира, который в 1895 г. формально вошел в состав Бухарского эмирата, но фактически находился под контролем российских военных властей.

Другой причиной необходимости изменить средства и методы правового влияния в среднеазиатских протекторатах являлись чрезвычайные обстоятельства, в которых требовалось принимать более решительные меры для сохранения контроля российской администрации в Бухаре и Хиве. Наиболее сложная ситуация сложилась в 1916 г., когда практически всю территорию «русской Средней Азии» охватило мощное восстание. Имперской пограничной администрации пришлось временно прекратить сохранять видимость невмешательства в дела Бухары и Хивы и фактически ввести в них российское военное правление, чтобы не допустить участия в восстании и местного населения. Меры оказались эффективными, но уже в следующем году в России произошла революция, к власти пришло Временное правительство, которое, в свою очередь, постаралось сохранить контроль над Бухарой и Хивой, вместе с тем провозгласив курс на проведение в них радикальных политических и правовых реформ.

В качестве заключения автор приводит анализ оценок российского протектората представителями бухарской элиты конца XIX — начала XX в., которые, как представляется, позволяют увидеть, насколько имперское влияние на правовое развитие Бухарского эмирата нашло отражение не только в формировании правовых институтов, регулировании правоотношений, но и в политико-правовом сознании представителей местного населения.

Таким образом, целью настоящей книги является анализ средств и методов правовой политики Российской империи в Центральной Азии и выявление степени ее влияния на правовое развитие государств этого региона, нашедшее отражение как на международно-правовом уровне (прежде всего, в отношениях с той же Россией), так и во внутренней политике местных правителей, в повседневных правозначимых отношениях жителей среднеазиатских государств.

Исследование «русского фактора» в правовом развитии ханств Средней Азии до и после установления имперского протектората является важным и актуальным направлением, тем более что имеется достаточно широкий круг источников, позволяющих всесторонне и объективно исследовать и оценить этот процесс и большое количество исследовательских работ, положения которых можно критически анализировать или развивать в соответствии с выбранной тематикой.

В связи с этим нельзя не отметить, что в процессе проведения исследования автор не ограничивался только источниками и литера-

турой, посвященной политике Российской империи в Центральной Азии. Понять причины тех или иных юридически значимых действий, принятия нормативных актов, равно как и степень их актуальности в конкретный период невозможно без знания политических и правовых процессов в самой России в это время. Именно поэтому привлекался широкий круг исследований, относящихся к истории различных отраслей права и правовых институтов в Российской империи на том или ином этапе ее существования.

Автор при проведении исследования опирался на теорию фронтальной модернизации, в соответствии с которой Российская империя в рамках своей политики стремилась повышать уровень развития окраин до уровня наиболее развитых регионов империи с целью эффективной интеграции окраин в имперское политическое, правовое, экономическое, культурное пространство. Эта теория получила развитие в начале XXI в. в рамках уральской исторической школы, которая в течение ряда лет применяет некоторые положения теории фронта, созданной Ф.Дж. Тёрнером на рубеже XIX–XX вв., взявшим за основу опыт американской экспансии на Дальний Запад [Тёрнер, 2009]. Несмотря на то что уже вскоре после появления теория подверглась серьезной критике, она нашла немало последователей, в том числе и российских, применяющих наработки Тёрнера в изучении продвижения России в Поволжье, на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке и т.д. — порой даже проводя прямые параллели между освоением восточных территорий Россией и западных — Америкой (см., например: [Агеев, 2005; Резун и др., 2001]).

Соответственно, теория фронтальной модернизации, по сути, представляющая собой своеобразное «ответвление» теории фронта в сочетании с теорией модернизации, в настоящее время привлекает внимание исследователей, в том числе и Центрально-Азиатского региона. Она была сформулирована екатеринбургским историком И.В. Побережниковым, построившим на ее основе свое диссертационное исследование [Побережников, 2011б, с. 13], и нашла поддержку со стороны не только историков, но и ряда представителей историко-правовой науки. По тематике настоящей монографии можно отметить (помимо трудов И.В. Побережникова), в частности, работы А.Ю. Быкова, А.Г. Вишневого, Е.В. Дорджиевой, Т.В. Котюковой, В.И. Султановой [Быков, 2003; Вишневский, 1996; Дорджиева, 2008; Котюкова, 2015; Султанова, 2012].

Однако, как уже отмечалось, необходимо рассматривать процессы фронтальной модернизации, обеспечиваемые Россией в Центральной Азии, в контексте модернизации самой Российской империи, в особенности в ее правовой сфере. Поэтому в процессе исследования автор в значительной степени опирался на труды исследователей государства и права России, изучающих процессы политической и правовой модернизации Российской империи как раз в тот период, которому посвящена настоящая монография. Наиболее востребованными в рамках такого подхода являются труды А.А. Дорской, Г.А. Жолобовой, С.В. Лонской, М.В. Немытиной, А.С. Тумановой. Также большой интерес представляют собой исследования, посвященные истории отдельных имперских административных и правовых институтов, которые активно внедрялись и в Центрально-Азиатских регионах, подконтрольных России, — к ним можно отнести труды С.Н. Жарова, Н.С. Нижник и др.

Цель настоящей монографии — показать, что Российская империя стремилась проводить в подконтрольных ей регионах Центральной Азии (в том числе и в среднеазиатских протекторатах) политику фронтальной модернизации, постепенно повышая их экономический, правовой и культурный уровень с целью постепенной интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Таким образом, говорить о «колонизаторской» политике России в Центральной Азии с позиций XIX–XX вв. представляется неактуальным, поскольку современный уровень науки дает возможность исследовать российскую имперскую политику в этом регионе не в узких рамках колониационного или классового подходов, а с учетом различных критериев, позволяющих провести всесторонний анализ имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы³.

Юридическими источниками о правоотношениях Бухары и Хивы с Россией являются в первую очередь, конечно же, договоры и соглашения Российской империи с этими государствами. Главное место среди них, безусловно, занимают мирные договоры Российской им-

³ Развитие некоторых идей автора настоящей монографии, а также выявление ряда новых направлений исследования модернизационных процессов, осуществлявшихся Российской империей в среднеазиатских ханствах с привлечением в том числе и архивных материалов нашло отражение в недавней публикации [Лысенко, Гончаров, 2017].

перии с Бухарским эмиратом 1868 г. и Хивинским ханством 1873 г., а также договор о дружбе между Россией и Бухарой 1873 г.: именно эти документы, Несмотря на то что формально регламентировали преимущественно торговые отношения между сторонами, фактически явились правовой основой отношений «сюзерен — вассал» между Россией и среднеазиатскими ханствами. Эти акты многократно публиковались в сборниках международных договоров, а также в качестве приложений к исследовательским работам (см., например: [Национальная политика, 1999; Ремез, 1922; Сборник, 1902; 1952]). Известен также ряд документов по отдельным вопросам взаимодействия Российской империи с ханствами Средней Азии — в частности, проанализированная в настоящем исследовании серия правовых актов о регулировании производства и продажи алкогольной продукции в Бухарском эмирате, о включении эмирата в русские таможенные границы, о фиксации курса местной валюты — таньги [Жуковский, 1915, с. 191–196] и т.п.

В меньшей степени исследователями задействованы рапорты и отчеты российских чиновников, отвечавших за контакты с властями Бухарского эмирата и Хивинского ханства, решения органов центральной власти относительно дальнейших преобразований в Бухаре и Хиве. Большое число таких документов (отчетов о командировках, аналитических записок и проч.) вошло в многотомное собрание «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшееся Главным штабом под грифом «Секретно» (всего за 1883–1914 гг. было издано 87 выпусков и 9 дополнений). Некоторые документы подобного рода были опубликованы также и в последнее время (см., например: [Арапов, 2002; Арапов, Котюкова, 2006; Бухерт, 2002а; 2002б; 2003а; 2003б; 2011; Туркестан, 2016]). Определенное количество таких источников вошло в тематические сборники, на первый взгляд, не относящиеся к истории отношений Российской империи с ханствами Средней Азии. Так, например, отдельные документы переписки российской администрации Туркестана с чиновниками в Бухаре и Хиве вошли в сборники, посвященные восстанию 1916 г. в Казахстане и Средней Азии [Восстание, 1960; 2016].

Большой интерес представляет также переписка между российскими имперскими властями (центральными и туркестанскими) и высшими органами власти Бухарского эмирата и Хивинского хан-

ства. Формально не имея права воздействовать на правовую политику среднеазиатских монархов, представители российских властей направляли им специальные послания, содержащие «рекомендации» по внесению изменений в законодательство, систему управления, регулирование экономических отношений. Бухарский же эмир и хивинский хан исполняли эти «рекомендации», издавая собственные указы (ярлыки) и распоряжения — в результате создавая впечатление, что инициатива преобразований исходила от них самих. Такие документы периодически публикуются (см., например: [Искандаров, 1958, с. 127–131; Халфин, 1975б, с. 77–126; Столыпин, 2003]) или цитируются в соответствующих исследованиях. Однако гораздо большее число их до сих пор не опубликовано и хранится в Центральной государственном архиве Республики Узбекистан (фонды «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора», «Канцелярия Русского политического агентства (Бухара)», «Канцелярия хивинского хана»)⁴.

Взгляд на отношения Российской империи с ее протекторатами «с другой стороны» представлен в исторических сочинениях бухарских, хивинских и кокандских авторов, которые высказывают свои оценки относительно действий русских властей и войск в Средней Азии, оценивают проводимые преобразования. Среди таких авторов можно назвать, в частности, Абдал-Азима Сами, Ахмада Дониша, Садриддина Айни, Нияз-Мухаммада Хоканди, Мирзу Салимбека и др.

Ценными источниками неюридического характера являются свидетельства современников — российских чиновников, осуществлявших деятельность в Средней Азии, иностранных дипломатов и путешественников. Первые две категории этих источников, на наш взгляд, следует использовать с определенной степенью критичности: представители бухарской или хивинской элиты, конечно же, считали, что Россия чрезмерно вмешивалась во внутренние дела их государств, тогда как русские чиновники, озвучивая в своих работах официаль-

⁴ Большая работа по введению документов из архива ЦГА РУз была проведена группой узбекистанских, английских и немецких ученых, осуществляющих оцифровку и публикацию в Интернете электронных версий документов, а также статей из дореволюционных периодических изданий по истории Средней Азии и Кавказа в имперский период в рамках проекта «Зеркала» (Zerrspiegel). <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>.

ную позицию властей, напротив, склонны были утверждать, что такое вмешательство было минимальным⁵.

В связи с этим свидетельства иностранных современников наиболее объективно отражают российское влияние на государственность и право Бухары. Во-первых, европейцы или американцы, лично побывавшие в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, неоднократно были вынуждены сталкиваться с проблемами правового характера и отмечали примеры российского влияния в конкретной ситуации. Во-вторых, многие путешественники являлись иностранными разведчиками, поэтому фиксировали именно реальное положение дел — в отличие от официальной российской или среднеазиатской документации. Исследователи истории Бухары и Хивы в период российского протектората уже давно высоко оценили свидетельства западных современников, однако как источник сведений о правовом развитии этих ханств под русским влиянием, они до сих пор не использовались. В начале XX в. были опубликованы записки, в частности, С. Грэхэма, У.Э. Кертиса, Г. Нормана, О. Олуфсена, У.Р. Рикмерса — все они содержат важные, хотя и лапидарные сведения о правовом развитии Бухары и Хивы под российским влиянием.

Еще одна группа источников — дневники и мемуары российских чиновников, имевших прямое отношение к формированию и правовому регулированию отношений Российской империи с протекторатами. Ценность их, по сравнению с официальной документацией, заключается в том, что при написании этих сочинений авторы уже не были связаны официальной позицией властей и, соответственно, могли излагать информацию и суждения более объективно. В качестве примера можно привести дневники и воспоминания военного министра Д.А. Милютина, записки первого русского политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова, дневник последнего туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, воспоминания туркестан-

⁵ Впрочем, нельзя однозначно обвинять российских авторов, отражающих ситуацию в современных им Бухаре или Хиве, в полной необъективности. Напротив, в то время их сведения оценивались весьма высоко. Так, например, книга вышеупомянутого Д.Н. Логофета «Страна бесправия» (в общем-то, имевшая научно-публицистический характер) привлекалась в качестве источника руководством российской имперской администрации в Туркестане для выработки плана дальнейших преобразований в Бухарском эмирате [ЦГА РУз, Ф. И-2, оп. 31, д. 251, л. 29 и след.].

ского чиновника С.В. Чиркина, также одно время исполнявшего обязанности политического агента в Бухаре, и др.⁶

Наконец, небезынтересны и публикации в российской прессе второй половины XIX — начала XX в., отражающие как официальную, так и оппозиционную точку зрения относительно российских завоеваний в Средней Азии и дальнейшего выстраивания отношений с Бухарой и Хивой (см. подробнее: [Брежнева, 2011; Почекаев, 2014]). Огромная работа по сбору этой информации была проделана составителями «Туркестанского сборника» — уникальной подборки материалов о Туркестанском крае и соседних странах и регионах, публиковавшейся в прессе и в виде отдельных изданий. Он насчитывает 594 тома, изданных в 1867–1916 гг. (три последних были изданы в 1939 г.) и содержащих более 5 тыс. названий (книг, газетных и журнальных статей, иллюстраций, карт)⁷. В рамках настоящего исследования наибольшую ценность представляет именно подборка публикаций о политике Российской империи в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в., печатавшихся в самых различных газетах и журналах — начиная от правительственных «Военного сборника» и «Русского инвалида» до либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русского вестника» и консервативного «Русского мира».

Таким образом, в нашем распоряжении имеется значительная база источников, анализ которых позволяет проследить различные направления российского влияния на правовое развитие стран и регионов Центральной Азии, равно как и обширная историография, критический анализ которой также представляется целесообразным для решения задач, определенных в рамках настоящего исследования. Привлечение результатов ранее проведенных исследований и современных концепций развития отношений России с азиатскими народами и государствами позволили существенно повысить эффективность исследования.

⁶ Записки российских и западных современников, побывавших в Бухаре и Хиве в эпоху протектората, подробно проанализированы нами в рамках специального исследования [Почекаев, 2019, с. 232–269].

⁷ Единственный оригинальный экземпляр «Туркестанского сборника» хранится в собрании Государственной библиотеки Узбекистана им. А. Навои (Ташкент), однако в настоящее время он оцифрован и присутствует (полностью или частично) на ряде сайтов сети Интернет.

Автор выражает искреннюю благодарность российским и иностранным ученым, без советов, консультаций которых, предоставления ими возможности ознакомления с источниками и литературой не появилась бы эта книга: Д.Ю. Арапову, А.Д. Васильеву, Д.В. Васильеву, А.Ш. Кадырбаеву, Т.В. Котюковой (Москва), С.В. Любичанковскому (Оренбург), О.А. Махмудову (Ташкент, Узбекистан), А. Моррисону (Оксфорд, Великобритания), Г.Х. Самигулову (Челябинск), К.З. Ускенбаю (Алматы, Казахстан), О.А. Чернову (Самара), А. Шиойя (Цукуба, Япония), А.С. Эркинову (Ташкент, Узбекистан).

Глава I

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК

Имея продолжительный и в общем-то позитивный опыт взаимодействия с восточными кочевыми народами (начиная от государств — наследников Золотой Орды и заканчивая казахами, калмыками, монголами), Россия не смогла успешно использовать его при выстраивании отношений с государствами Средней Азии, поскольку помимо сходств с тюрко-монгольскими кочевыми государствами в сфере управления и правоотношений, они имели и существенные отличия. В связи с этим власти Российской империи, уже с начала XVIII в. стремившиеся упрочить ее позиции и влияние в Центрально-Азиатском регионе, совершили ряд серьезных ошибок при установлении контактов со среднеазиатскими ханствами, что стало причиной многолетних напряженных отношений с ними.

В результате правовую политику Российской империи в отношении государств и народов Центральной Азии в XVIII — первой половине XIX в. можно охарактеризовать как «метод проб и ошибок». К числу наиболее значительных ошибок в первую очередь следует отнести изначальное отношение России к Центрально-Азиатскому региону как к всего лишь транзитному пути при выстраивании экономических отношений с Индией и Китаем. Опрометчивой была и попытка использования международно-правовых инструментов и методов, которые применялись в отношениях с европейскими государствами, а также установка на мирное решение любых спорных вопросов и конфликтов, что среднеазиатские правители воспринимали как слабость и занимали еще более жесткую политику в отношении России.

§ 1. Экспедиция А. Бековича-Черкасского и память о ней в отношениях России с государствами и народами Средней Азии

В 1717 г. военно-дипломатическая миссия под руководством князя А. Бековича-Черкасского, направленного царем Петром I в Хивинское ханство, была разгромлена и истреблена войсками хана Ширгази. Гибель экспедиции, несомненно, произвела глубокое впечатление на царя Петра I и российские власти в целом. В самом деле, первая же попытка сделать Россию влиятельным игроком на центрально-азиатской политической арене завершилась катастрофой: многочисленный отряд был частично уничтожен, частично пленен; построенные А. Бековичем крепости вскоре были оставлены и разрушены — безопасность границы России с государствами и народами Центральной Азии существенно ослабла, да и вообще, активность российских центральных и пограничных властей в регионе была, по сути, свернута [Андреев, 2013, с. 271–272; Дело, 1871, стб. 326–400; Ниязматов, 2010, с. 47].

Неудивительно, что судьбе экспедиции А. Бековича-Черкасского посвящено немало работ, учитывая, насколько важные и разнообразные цели она преследовала — дипломатические, военно-политические, экономические и даже научно-исследовательские.

Также большой интерес исследователей вызывают противоречивые сведения о причинах гибели отряда А. Бековича-Черкасского, которые до сих пор так точно и не установлены. Нас же интересует, как судьба экспедиции повлияла на дальнейшее развитие взаимоотношений Российской империи с Хивинским ханством в частности и на российскую имперскую политику в Центральной Азии в целом.

Первыми, кто испытал на себе последствия катастрофы 1717 г., стали российские дипломаты, отправлявшиеся с миссиями в Центральную Азию. Первый же посланник Петра I в Среднюю Азию, уроженец Дубровника Флорио Беневени, побывавший в регионе в 1718–1725 гг., в своих реляциях царю неоднократно выказывал опасения, что может повторить судьбу А. Бековича, из-за чего наотрез отказывался ехать в конечный пункт своей миссии, Бухару, через Хиву: «Из-за учинившегося известного несчастья князя Черкасского ехать чрез Хиву до Бухары никоим образом невозможно» [Беневени, 1986, с. 18].

Капитан Н.Н. Муравьев (впоследствии — один из крупнейших военачальников Крымской войны, вошедший в историю как Муравьев-Карский), который совершил поездку в Хивинское ханство с дипломатическими целями в 1819–1820 гг., т.е. столетие спустя после А. Бековича, также опасался разделить его судьбу. Как он писал в рапорте своему начальнику, майору М.И. Пономареву, находясь под стражей в крепости Ильгельды и не имея сведений о намерениях хивинских властей, он даже намеревался бежать оттуда, усмотрев в упоминаниях Бековича самими хивинцами намерение расправиться с ним так же, как некогда с последним [Муравьев, 1875, с. 709; Халфин, 1974, с. 113].

Невеселые воспоминания о судьбе А. Бековича присутствуют и в записках еще одного руководителя дипломатической миссии в Хиву — Г.И. Данилевского, побывавшего в ханстве в 1842 г. В своем отчете о поездке, составленной по возвращении, он, в частности, пишет: «Порсу — в 108 верстах на с.з. от Хивы... Это место возбуждает горестное воспоминание о предательском убийстве князя Бековича-Черкасского, который, после заключенного с хивинцами мирного договора, был приглашен сюда с небольшою свитою на пир и, по окончании трапезы, убит вместе с прочими русскими, бывшими при нем» [Данилевский, 1851, с. 110]. Вряд ли подобное соображение было бы включено в описание поездки, если бы автор, находясь там, не испытал тех же опасений повторить судьбу Бековича, какие возникали и у его предшественников.

Еще один важный вопрос, внимание к которому многократно возросло в российских властных и дипломатических кругах после уничтожения отряда А. Бековича — это судьба русских пленных в Хиве и вообще в среднеазиатских ханствах. Эта проблема являлась актуальной для отношений России с ханствами Средней Азии уже с XVI в., т.е. со времени отправления первых московских посольств в Бухару и Хиву. Однако она оставалась нерешенной еще и на протяжении всего XVII в., поскольку попытки русских дипломатов договориться со среднеазиатскими монархами об освобождении пленных чаще всего заканчивались ничем.

Теперь, в связи с тем, что после разгрома отряда А. Бековича в Хиве появилось довольно значительное число русских пленников из его отряда, эта проблема вновь стала актуальной для российских властей, которые озаботились судьбой русских рабов в Средней Азии.

Справедливости ради следует отметить, что пленные солдаты из отряда Бековича составляли отнюдь не большинство русских пленников в Хиве: практика захвата русских и продажи их в рабство в среднеазиатские государства началась еще в древности, и в начале XVIII в. ее осуществляли калмыки, каракалпаки, казахи [Веселовский, 1881, с. 2]. Просто уничтожение отряда А. Бековича стало, наверное, самым резонансным событием в русско-среднеазиатских отношениях, а в результате количество русских пленных в Хиве существенно возросло [Витевский, 1879, с. 207]. Таким образом, это событие послужило отправной точкой для возобновления переговоров с монархами Средней Азии о судьбе русских невольников. Неудивительно, что судьба солдат из отряда Бековича, попавших в плен, отслеживалась и неоднократно всплывала как в дипломатических документах, так и в других источниках — даже десятилетия спустя после разгрома экспедиции. Так, например, поручик Д. Гладышев и геодезист И. Муравин, побывавшие в Хивинском ханстве в 1740–1741 гг., отмечали в отчете по итогам поездки, что в самой Хиве находится около 3 тыс. пленных из отряда Бековича — «как русских, так калмык и иноземцов», а также около 500 человек в Аральском владении [Гладышев, Муравин, 1851, с. 18].

Весьма интересным представляется сообщение о судьбе участников экспедиции А. Бековича, попавших в Хивинский плен, содержащееся в работе выдающегося историка Г.Ф. Миллера «Известие о песошном золоте в Бухарии...». Согласно его сведениям, в 1728 г. русские пленные приняли участие в восстании против хана Ширгази (который и приказал умертвить А. Бековича и его отряд). И хотя восстание было подавлено, сам хан во время этих беспорядков был убит [Миллер, 2005, с. 479–480]. Некоторое число пленников из отряда А. Бековича вскоре покинули Хиву. Согласно запискам сержанта Ф.С. Ефремова, попавшего пленником в Бухару в 1774 г. и вернувшегося в Россию через восемь лет, 100 пленных были спасены от казни «хивинским хожой» (т.е. влиятельным представителем духовенства) и отправлены в Бухару, где местный хан сформировал из них отряд собственных телохранителей, причем «без них он никуда не выезжал». Сам Ефремов еще застал в Бухаре пятерых из них, достигших уже столетнего возраста [Ефремов, 1811, с. 89, 94–95].

Несомненно, военная составляющая целей и задач экспедиции А. Бековича-Черкасского, являлась наиболее значительной, поэтому

неоднократно осмыслялась и современниками, и последующими государственными деятелями (дипломатами и военачальниками), равно как и военными историками. Так, уже Ф. Беневени, совершивший поездку в Среднюю Азию буквально «по горячим следам», т.е. сразу после гибели экспедиции Бековича, заявлял по итогам своей поездки: «Мочно б легко сперва Хивою завладети, употребляя искусства и способы не таковы, какие употреблял бывший там князь Черкасской» [Беневени, 1986, с. 131]. Н.Н. Муравьев, поддерживая его точку зрения, также утверждал: «Неудачная даже экспедиция Князя Бековича, еще более нас удостоверяет в возможности покорить Хиву; ибо он с весьма небольшими средствами достиг до оной, и не простительная лишь оплошность его была причиною что его изменнически захватили, умертвили и истребили отряд. Не обсуживая дел столь мало известных нам, казалось, что хотя он и был обманом взят, но отряд его не был бы истреблен, если бы Князь Бекович имел более духа и не согласился на расположение его на отдаленные квартиры» [Муравьев, 18226, с. 112].

Наиболее актуальными воспоминания о гибели экспедиции оказались во время подготовки и реализации так называемого зимнего похода, который в 1839—1840 гг. осуществил против Хивы оренбургский военный губернатор В.А. Перовский. Уже в конце 1830-х годов, когда он только задумывал поход, представители центральных властей напоминали ему о судьбе экспедиции А. Бековича [Юдин, 1896, с. 422—423]. Позднее, во время похода, когда его участники столкнулись с трудностями, которых не ожидали, как писал военный историк генерал М.И. Иванин, «им начала представляться... тень Бековича, измученного в Хиве» [Иванин, 1874, с. 125].

Любопытно, что трагический опыт экспедиции А. Бековича-Черкасского вспоминался не только военными и не только в связи с военными действиями непосредственно против Хивы. Так, в 1870 г. во время восстания казахов Мангышлака (выступавших против очередной реформы управления в Казахстане, проводившейся в конце 1860-х годов) мангышлакский пристав подполковник Рукин совершил ту же ошибку, что и Бекович: вступив в переговоры с восставшими, он решил сдаться, после чего его отряд был истреблен. Параллель с действиями Бековича была настолько очевидной, что даже его подчиненные, по свидетельствам участников событий, якобы говорили во время этих переговоров: «Сложите оружие; должно быть, нам на роду написано

погибнуть, “как с Бекачем”» [Потто, 1900, с. 126]. Аналогичным образом провел параллель между Бековичем и Рукиным военный историк М.А. Терентьев, писавший вскоре после происшедших событий: «Рукин повторил в миниатюре все ошибки Бековича-Черкасского» [Терентьев, 1875, с. 103]. Характерно, что М.Д. Скобелев, возглавляя военную экспедицию против ахалтекинских туркмен в 1880–1881 гг., советовал подчиненным при вступлении в контакт с местным населением: «При всем том, как бы небосклон не представлялся безнадежно радостным, тем крепче держите камень за пазухой. Помните князя Бековича-Черкасского, подполковника Рукина...» [Арцишевский, Чанский, 1883, с. 413].

Впрочем, со временем, по мере продвижения России в Среднюю Азию, т.е. фактической ликвидации негативных последствий гибели экспедиции А. Бековича, отрицательные оценки результатов его экспедиции стали дополняться и положительными. В какой-то мере начало этой тенденции положил Н.Н. Муравьев в вышеприведенном суждении о том, что именно его экспедиция показала: захватить Хиву можно. Еще одним примером апологии Бековича является, пожалуй, высказывание генерал-лейтенанта Н.А. Веревкина, наказного атамана Уральского казачьего войска, который на торжественном обеде в честь его возвращения из хивинского похода 20 июля 1873 г. заявил: «Поистине надобно удивляться, как удалось Бековичу достигнуть Хивы и привести туда несколько человек живыми...» [Витевский, 1879, с. 387].

Наряду с осмыслением ошибок А. Бековича, военные — иногда официально, а иногда и как бы «подсознательно» — в течение более чем полутора веков культивировали идею «мести» за него хивинцам, т.е. своеобразного реванша в противостоянии с Хивой. Наверное, первым его отражением стало вышеупомянутое сообщение Г.Ф. Миллера о восстании русских пленных против Ширгази в 1728 г., которое начинается словами: «По прошествии десяти лет лукавому хану хивинскому отмщено было за такое бесчеловечие теми же россиянами, которых он полонил при оном и при других случаях» [Миллер, 1760, с. 26]. Такой мотив присутствует и в действиях отряда В.А. Перовского во время вышеупомянутого «зимнего похода» 1839–1840 гг. [Morrison, 2014, p. 282]. Позднее, уже в 1870 г., туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в письме директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоухову отмечал: «Осно-

вываясь на исторических фактах 1717 и 1839 гг. [имеются в виду экспедиции А. Бековича-Черкасского и В.А. Перовского. — *Р. II.*] и считывая на неудобопроходимые степи, отделяющие ее от грозного соседа и дважды спасавшие от гибели, Хива считает себя неуязвимой в отношении к нам...» (цит. по: [Халфин, 1965, с. 303–304]). Тем самым он давал понять центральным властям Российской империи, что «реванш» за два предыдущих поражения совершенно необходим.

И уж конечно, весьма актуальным оказались воспоминания о судьбе Бековича и его солдат во время похода войск под предводительством того же Кауфмана на Хиву в 1873 г. — в особенности, когда победа русского оружия стала уже очевидной. О намерении русских солдат «отомстить варварам за их вероломный поступок», т.е. истребление отряда князя Бековича-Черкасского, сообщает участник похода Е. Саранчов [Хивинская экспедиция, 1874, с. 1–2]. Американский корреспондент Д.А. Мак-Гахан, участвовавший в походе, упоминает об интересе российских солдат, вошедших в Хиву, к гробнице хана Ширгази — именно как виновника гибели А. Бековича и его отряда [Мак-Гахан, 1875, с. 217–218]. Характерным отражением этого мотива «реванша» можно считать пассаж из «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева: «Русский отряд у ворот Хивы можно рассматривать как гвардию, приставленную к хану по завещанию Петра I. Пусть вспомнит читатель, что отряд Бековича-Черкасского, по указу Петра Великого, должен был у б е д и т ь хивинского хана и бухарского эмира принять для охраны русскую гвардию. Бекович не убедил. Убедил Кауфман» [Терентьев, 1906б, с. 297]. Наконец, уже в 1874 г. в письме туркестанскому генерал-губернатору Кауфману начальник Амударьинского отдела Н.А. Иванов (впоследствии и сам генерал-губернатор Туркестанского края), докладывая о карательной экспедиции против туркмен, как бы мимоходом сообщает о вступлении отряда в «Старое Порсу, в котором, по преданию, изменнически умерщвлен и похоронен отряд Бековича-Черкасского» [Присоединение, 1960, с. 132], снова подразумевая, что русским войскам, наконец-то, удалось отомстить за давнее поражение. Это лишний раз показывает, что память об экспедиции А. Бековича в течение долгого времени сохранялась и, по-видимому, даже культивировалась в войсках, служивших в русской Средней Азии, коль скоро даже в официальном рапорте русский военачальник упоминает о ней.

Вместе с тем нельзя сказать, что в памяти современников и потомков судьба отряда А. Бековича-Черкасского осталась лишь из-за его сокрушительного разгрома. Как упоминалось выше, цели и задачи экспедиции были весьма многочисленны и разнообразны, и за два года пребывания в регионе, предшествовавшие гибели Бековича, ему удалось многие из них небезуспешно решить, включая изучение сухопутных и речных маршрутов, исследование местной географии и топографии, строительство крепостей и поселений. Неудивительно, что русские дипломаты, путешественники, военные и вскоре после роковой экспедиции, и многие десятилетия спустя обращались к опыту Бековича в рамках реализации различных направлений политики Российской империи в Средней Азии.

Например, посол Петра I Флорио Беневени ссылался на действия А. Бековича не только в дипломатическом, военном, но и в чисто организационном контексте: например, когда возникла необходимость выделения средств курьеру, он обратился к опыту Бековича, выяснив, что тот выделял курьерам по 10 руб., что, по мнению дипломата, было слишком мало [Беневени, 1986, с. 34]. Самарский купец Данила Рукавкин, во главе торгового каравана побывавший в Хиве в 1753 г., в своих записках по итогам поездки отметил, что двигался фактически по пути, проложенному и описанному Бековичем [Рукавкин, 1776, с. 212]. Также и участники хивинского похода 1873 г. двигались по пути Бековича-Черкасского [Хивинская экспедиция, 1874, с. 9].

Любопытно, что на опыт Бековича ссылались не только дипломаты, военные и путешественники, но и экономисты. Так, например, генерал С.А. Хрулев, как и Н.Н. Муравьев-Карский, который был героем Крымской войны, но в дальнейшем занявшийся предпринимательской деятельностью, с конца 1850-х годов разрабатывал (и в 1863 г. опубликовал) проект по созданию Товарищества для развития торговли со Средней Азией. Указывая места для потенциальных торговых факторий, он ссылался на опыт А. Бековича, который еще в 1716 г. построил укрепление в Балханском заливе, на восточном берегу Каспийского моря [Хрулев, 1863, с. 36].

Остатки укреплений А. Бековича, оставленных русскими и уничтоженных вскоре после гибели его отряда, тем не менее сохранились, и информация о них периодически оказывалась востребованной в контексте развития военной инфраструктуры Российской империи на восточном берегу Каспийского моря. Так, еще в 1836 г. И.Ф. Бла-

рамберг, проводя топографические исследования в этом регионе, упомянул об этих остатках укреплений в Красноводском заливе [Бларамберг, 1850, с. 75]. Как известно, впоследствии именно здесь был основано в 1869 г. Красноводское укрепление, ставшее одним из плацдармов для будущего вторжения российских войск в Хивинское ханство.

Любопытно отметить, что созидательная деятельность А. Бековича-Черкасского, т.е. возведение им крепостей и строительство населенных пунктов, произвела весьма глубокое впечатление на местное население — в частности, казахов и туркмен, в том числе и признававших сюзеренитет Хивинского ханства. Причем со временем факты обрастали все новыми деталями, превращаясь уже в своего рода степные предания.

Так, Н.Н. Муравьев упоминает, что в устье Амударьи сохранились остатки русской избы, построенной, вероятно, во время экспедиции Бековича: «О построении коей даже и старики не имеют никакого предания; окрестные же жители по сию пору не смеют ломать оной, имея к ней таинственной страх и почтение» [Муравьев, 1822а, с. 76]. Е.Б. Килевейн, участник посольства Н.П. Игнатьева в Бухару и Хиву в 1858 г., сообщает о некоей «четырёхугольной, пирамидальной башне» у Айбугирского озера: «Эта башня, по словам туземцев, построена князем Бековичем, который, как известно, отправился в 1717 г. по поручению Петра Великого в Хиву, где и погиб со всеми спутниками. (Он был умерщвлен в г. Порсу, в 100 верстах на с.-з. от Хивы.) Говорят, что подобных башен много в Ханстве и все они приписываются князю Бековичу. Но этому трудно верить, ибо он едва ли имел возможность заниматься подобными постройками во время своего похода» [Килевейн, 1861, с. 95–96]. Сходное сообщение приводит и участник хивинского похода 1873 г. Е. Саранчов: «На террасе, непосредственно возвышающейся над укреплением, находится сплошная постройка, сложенная из необтесанных кусков камня; она представляется в виде усеченной четырехгранной пирамиды, сторона основания которой, также как и высота, около 3 саж. Что касается до ее назначения, то она, вероятно, играла роль сторожевой башни. Опрошенные мною киргизы отзывались об этом укреплении как о постройке русских (кн. Бековича-Черкасского), хотя едва-ли это верно, так как отряд Бековича прошел значительно южнее» [Хивинская экспедиция, 1874, с. 81].

Как видим, не только для русских, но и для жителей Средней Азии поход А. Бековича-Черкасского был заметным событием, которое надолго осталось в их памяти и даже (что, впрочем, характерно для степных традиций) стало со временем трансформироваться в нечто вроде предания.

Соответственно, теперь следует обратиться к тому, как судьба экспедиции А. Бековича-Черкасского отразилась на позиции «контр-агента» России по дипломатическим отношениям — Хивинского ханства. Сразу стоит отметить, что эта позиция в течение долгого времени оставалась весьма противоречивой.

С одной стороны, хивинские правители опасались мести русских за расправу с отрядом А. Бековича — и, как мы отметили выше, не без оснований. Поэтому вскоре после трагической гибели отряда вместе с его предводителем хивинский хан Ширгази попытался восстановить мирные отношения с Россией, направив Петру I ярлык, в котором излагал свою версию событий, фактически выражал сожаление о происшедшем и намерение установить мирные и дружеские отношения [АВ ИВР РАН, разр. № II, оп. 6, ед. хр. 55]. С той же целью он неоднократно отсылал приглашения Флорио Беневени, посланнику Петра I, ехать в Бухару через его владения и даже обещал обеспечить охрану на обратном пути вплоть до Астрахани, «дабы через такую услугу желаемый мир получить» [Беневени, 1986, с. 88].

Опасения, что русские придут и отомстят за убийство А. Бековича, надолго пережили виновника его убийства — хана Ширгази [Попов, 1853, с. 56–58, 64–82]. Прошло 100 лет, и когда в Хиву в 1819 г. направился с дипломатической миссией капитан Н.Н. Муравьев, хан Мухаммад-Рахим (из совершенно другой династии Кунгратов, не связанной с той, к которой принадлежал Ширгази), вообразил, «что Русские пришли в Хиву для отмщения за кровь Бековича» [Муравьев, 1822а, с. 93]. Такое же опасение высказывали приближенные хана Алла-Кули, сына и преемника Мухаммад-Рахима: общаясь с попавшим в хивинский плен во время «зимнего похода» В.А. Перовского корнетом М.-Ш. Аитовым они говорили: «Как ты смело разговариваешь, что русское правительство не требует удовлетворения... за Девлет-Гирея [А. Бекович-Черкасский в Хиве упоминался под его прежним именем, которое он носил до крещения. — Р. П.]... Не может быть, чтобы это осталось без взыскания» [Цыпляев, 1911, с. 241].

Когда же российские войска в 1873 г. вторглись в Хиву, не только они сами «мстили, за Бековича», но и хивинские подданные рассматривали их действия именно так. Например, когда в мае 1873 г. отряд вышеупомянутого генерала А.Н. Веревкина взял и разорил город Мангит, местное население расценило его действия именно как «возмездие за истребление отряда Бековича-Черкасского в 1717 г.» [Костенко, 1887, с. 145].

Но с другой стороны, хивинские ханы, стремясь загладить вину за убийство А. Бековича и восстановить мир с Россией, периодически начинали обвинять в трагедии самих русских вообще и Бековича в частности. Так, например, тот же Ширгази, который всячески старался склонить к восстановлению мирных отношений Петра I — и в личной переписке, и через посредство его посла Ф. Беневени, в то же время вдруг неожиданно начинал укорять Бековича в намерении захватить Хиву, а впоследствии договорился до того, что вообще приписал ему намерение занять хивинский трон [Беневени, 1986, с. 67, 115–116]!

Когда в Хиве в 1858 г. оказался российский посол полковник Н.П. Игнатьев, он и члены его миссии столкнулись с крайне враждебным отношением со стороны местного населения: «Всякий, проходящий мимо русских на улице или перед помещением нашим, хивинец считал себя в праве и обязанным ругать нас и рассыпать угрозы, по нашему адресу, напоминая нам об участии отряда Бековича-Черкасского» [Миссия, 1897, с. 149]. Несомненно, в глазах подавляющей массы хивинцев вероломная расправа с русским отрядом являлась героическим поступком. Об этом можно судить, в частности, на основании сообщения хивинского историка Муниса (ум. 1829): «В год курицы Даулат-Гирей [А. Бекович-Черкасский. — *Р. П.*] и Андрей Губернатор с тридцатью тысячами русских с намерением овладеть Хорезмом [прибыли] к горам Шейх-Джалил-таги, в которых находятся золотые и серебряные рудники, и с этими помыслами остановились на границах Арала. Для защиты хан назначил с бесчисленным войском конграта Кул-Мухаммад-аталыка и наймана Эмир-Аваз-инака. Они заключили с Даулат-Гиреем перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней» [Shir Muhammad Mirab Munis, 1999, p. 57–58]. Характерно, что историк вдесятеро преувеличил численность отряда Бековича — вероятно, чтобы победа хивинцев над ним выглядела более впечатляющей!

Таким образом, с одной стороны, хивинцы в течение длительного времени опасались мести русских за убийство Бековича и его солдат, однако, с другой — сами же использовали память о нем, как средство дипломатического давления на российских дипломатов.

Не только хивинцы, но и другие тюрко-монгольские государства Средней Азии и прилегающих регионов нашли возможность задействовать память об экспедиции А. Бековича в своей политике в отношении друг друга и России. В частности, попытались использовать память о расправе с Бековичем в своих интересах правители так называемого Аральского владения — особого региона Хивинского ханства, которое в течение нескольких столетий находилось в конфронтации с ханами, правившими в Хиве [Почекаев, 2015a]. Так, во время миссии Ф. Беневени с ним связались эмиссары Шах-Тимура, правителя Аральского владения и претендента на хивинский трон, которые уверяли его, что если им удастся свергнуть хана Ширгази, то они выдадут его русским: «Ежели живого в руки получим, пошлем к белому царю, дабы над ним то же учинил, что и оной над князем Бековичем, а не так, голову его пошлем» [Беневени, 1986, с. 69].

Не осталось в стороне и Бухарское ханство — главный соперник Хивы в борьбе за гегемонию над Средней Азией. Во время пребывания там Ф. Беневени бухарские сановники неоднократно внушали ему, что хивинский хан и его казнит также как и Бековича, поэтому ехать в Хиву и тем более подписывать с ней мир не следует [Там же, с. 85, 94–97, 100]. А Петру I в 1724 г. через того же Беневени была передана грамота бухарского хана Абулфайза, который заявлял, что поддерживает аральского правителя Шах-Тимура и вообще намерен воевать с ханом Ширгази едва ли не в отмщение за убийство А. Бековича [Сборник, 1879, с. 559]!

Наконец, еще одним игроком на среднеазиатской арене, связанным с судьбой экспедиции А. Бековича-Черкасского и получившим определенные выгоды от нее, стало Калмыцкое ханство. Знаменитый хан Аюка, по утверждению и современников, и историков, незадолго до роковой экспедиции просил А. Бековича помочь ему в отражении набегов кубанских татар, на что тот отвечал, что не может это сделать без распоряжения царя. Хан якобы затаил злобу и предупредил хивинского хана об экспедиции, что позволило тому подготовиться к отпору. Тем самым Аюка стал одним из виновников гибели Бековича и его отряда [Бичурин, 1834, с. 184–185]. А бухарский посол при

царском дворе даже сообщил, будто он сам видел послание Аюки хивинскому хану, о чем уведомил и самого А. Бековича [Сборник, 1879, с. 465—466]. Участие Аюки в событиях 1717 г. косвенно подтверждается тем фактом, что первые контакты с российскими властями после гибели отряда Бековича хивинский хан осуществлял именно через калмыков — посланцев Аюки при его дворе [Беневени, 1986, с. 67]. Впрочем, как показали дальнейшие отношения Петра I с калмыцким ханом, его вина (даже если она и имелась) никак не повлияла на русско-калмыцкие взаимоотношения.

Итак, можно отметить, что воспоминания об экспедиции А. Бековича-Черкасского в течение длительного времени не просто сохранялись в памяти потомков. Приобретенный опыт активно использовался для решения различных задач, в том числе и международно-правовых, тремя способами. Первый, который можно условно охарактеризовать как «научный», — это рассмотрение экспедиции как политиками, так и учеными-исследователями в общем контексте истории продвижения России в Среднюю Азию. В таком виде память об экспедиции Бековича могла использоваться для выработки общей концепции среднеазиатской политики России или идеологического обоснования конкретных шагов. Второй, который мы характеризуем как «практический», — это осмысление опыта Бековича, использование результатов его действий политиками и дипломатами, военными, экономистами и торговцами. Наконец третий способ, который можно обозначить как «дипломатический», — это упоминания о судьбе экспедиции А. Бековича как русскими дипломатами в отношениях с Хивой, так и самими хивинцами и даже представителями других среднеазиатских государств, для которых судьба экспедиции также порой являлась предлогом для принятия тех или иных международно-правовых решений.

§ 2. Место Средней Азии в проектах по торговле России с Индией (XVIII — первая половина XIX в.)

Торговые отношения с Индией уже в XVI в. рассматривались русскими властями как одно из важнейших направлений в азиатской политике Московского царства. Однако до начала XVIII в. интерес к Индии реализовывался на уровне разовых посольских контактов, обменов посланиями между московскими и индийскими государями.

Неудивительно, что русско-индийские торговые контакты, официально начавшиеся в первой четверти XVII в., нашли отражение лишь в единичных (иногда порядка двух десятков) торговых операциях [Овчинников, 1958, с. 218–219]. Более того, в течение долгого времени (вплоть до конца XVIII в.) российские власти в качестве основного пути в Индию рассматривали Кавказ [Каррер д'Анкосс, 2010, с. 62–64].

Впрочем, уже Петр I стал предполагать возможность развития торговых отношений с Индией через центрально-азиатский регион, где, в соответствии с его планами, должна была закрепиться Россия (см., например: [Байкова, 1964; Гольдберг, 1949; РИО, 1958; Levi, 1999]). И если в самом начале XVIII в. он рассматривал вопросы «мирного» вхождения ханств Средней Азии в российское подданство, то вскоре перешел к применению силовых методов, направив в Хиву отряд А. Бековича-Черкасского. По-видимому, такая политика объяснялась доходившими до российских властей сведениями о нестабильной политической ситуации в самих ханствах, в результате которых связи Бухары и Хивы с Индией в начале XVIII в. были сведены к минимуму — формальному обмену посольствами [Низамутдинов, 1969, с. 105–108]. Вероятно, будущий первый российский император намеревался, установив контроль над среднеазиатскими ханствами, восстановить в них стабильность и уже затем налаживать торговые связи с Индией.

Неслучайно отправленный Петром I в Индию с дипломатической миссией поручик А. Кожин первоначально следовал вместе с экспедицией А. Бековича-Черкасского, которому царь своим именным указом поручил установить российский сюзеренитет над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством ([ПСЗРИ, 1830, т. V, № 2993, с. 198–199]; см. также: [Безгин, 1891]). Эта экспедиция, представлявшая собой, по сути, политическую авантюру, окончилась, как известно, провалом и гибелью большего числа ее участников во главе с начальником, а для России — ослаблением позиций в Центральной Азии. Поэтому в дальнейшем российские власти пришли к выводу, что для реализации планов Петра I по развитию торговли с Индией необходимо сначала укрепить положение империи в регионе.

Так, уже Верховный тайный совет при Петре II в марте 1727 г. издал указ о восстановлении торговых отношений с Бухарой и Хивой, столь серьезно пострадавших из-за экспедиции князя Черкасского

[ПСЗРИ, 1830, т. V, № 5045, с. 862–863]. В еще большей степени такая возможность представилась уже в правление императрицы Анны Иоанновны, в 1731 г., когда ряд казахских родоплеменных подразделений во главе с ханом Абулхаиром принял российское подданство — правда, как уже неоднократно отмечалось исследователями, имперские власти и казахские правители понимали это подданство по-разному (см., например: [Ерофеева, 2013, с. 91–98; Почекаев, 2017а, с. 31–32]).

В 1734 г. для упорядочения отношений с новыми подданными была создана Оренбургская экспедиция, первым начальником которой стал выдающийся государственный деятель и ученый И.К. Кирилов. Его инициатива по созданию Оренбургской экспедиции была поддержана императрицей Анной Иоанновной, во многом и потому, что в своем «Изъяснении о киргис-кайсацкой и каракалпакской ордах» он весьма много внимания уделил перспективам развития торговли России через Казахстан со среднеазиатскими государствами (Бухарой, Ташкентом, Хивой) и Индией [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6571, с. 309–317]. Казахстан им рассматривался как своего рода «перевалочный пункт» в этой торговле, а сами казахи, по его представлениям, должны были обеспечивать безопасность торговых караванов. Проект Кирилова был активно поддержан высшими сановниками империи — Э.И. Бироном, А.И. Остерманом, А.М. Черкасским, А.П. Бестужевым-Рюминым, которых в дальнейшем В.Н. Татищев (сменивший Кирилова во главе Оренбуржья) не без оснований обвинил в личной заинтересованности, которая превалировала над государственной пользой [Быков, 2003, с. 22]. Как бы то ни было, Кирилов с увлечением принялся за развитие своего проекта, в том числе взаимодействуя и с индийскими торговцами, посещавшими в то время российские владения [РИО, 1965, № 72, с. 135]. Результатом его деятельности стала разработка новых предложений по организации торговли с Индией [Там же, № 74, с. 137–140], которые также были благосклонно приняты императрицей Анной Иоанновной, издавшей особый указ для их реализации [Там же, № 75, с. 140–141].

Уязвимым местом в проектах И.К. Кирилова было то, что он, вдохновленный собственными планами, совершенно не уделял внимания развитию отношений с казахами, чей статус в составе империи так и не был четко определен. Целиком полагаясь на слово хана Абулхаира, начальник экспедиции был уверен в лояльности новых подданных России и доверчиво воспринимал заверения хана, что вскоре в

состав России войдут также каракалпаки, Хива, Старший жуз и Ташкент. Как следствие, Кирилов не считал нужным вмешиваться в дела казахских правителей, в результате чего казахи не только не способствовали развитию российской торговли со Средней Азией и Индией, но и сами грабили российские караваны, а в 1735–1739 гг. даже участвовали в антироссийском движении в Башкирии (см. подробнее: [Почекаев, 2017а, с. 35–46]).

И.К. Кирилов скоропостижно скончался в 1737 г., и после него управление Оренбургским краем осуществляли В.Н. Татищев, В.А. Урусов, Л.Я. Соймонов, причем каждый находился на должности около года. Неудивительно, что они не смогли изменить ситуацию и как-то упорядочить правоотношения России с казахами¹. Существенные изменения произошли лишь в период правления в Оренбуржье И.И. Неплюева, ставшего первым генерал-губернатором края (1742–1758). Именно он стал активно вмешиваться в казахские дела. Как полагают исследователи, не без его участия в 1748 г. был убит хан Абулхайр, проводивший достаточно противоречивую политику в отношении России (см., например: [Ерофеева, 2007, с. 396–397]), а его сын и наследник хан Нурали был возведен на трон уже в новом порядке: императрица не просто признала факт его воцарения, но и официально утвердила его в ханском достоинстве [МИПСК, 1960, № 19, с. 39]. Несмотря на то что Неплюев, подобно своим предшественникам, не сумел (или не ставил своей задачей) разработать последовательную имперскую правовую политику в Казахстане, именно при нем начинается активное вмешательство российских властей в дела казахских правителей — правда, пока еще на уровне оперативного реагирования на их отдельные «вызовы».

И хотя И.И. Неплюев гораздо больше внимания, чем И.К. Кирилов, уделял казахским делам, планы по налаживанию торговли с Индией не были им забыты — напротив, в этом направлении он выступил продолжателем дела своего предшественника и видел Орен-

¹ Ярким примером беспомощности оренбургских начальников в организации торговли со Средней Азией через Казахстан является «экстракт» Л.Я. Соймонова, в котором он соотнес повеления центральных властей оренбургской администрации с тем, что было сделано, констатируя, что из-за противодействия «кайсаков» (казахов) практически никакие меры по организации этой торговли так и не были реализованы [Смирнов, 2013].

бургский край главным центром торговли со Средней Азией и Индией [Неплюев, 1892, с. 134, 141]. Нет сомнения, что в данном случае практический Неплюев выполнял предписания центральных властей, не желавших отказываться от блестящих проектов Кирилова (в частности, этому вопросу был посвящен специальный сенатский указ 1751 г. [РИО, 1965, № 139, с. 283–284]). Соответственно, не желая ухудшать отношения с Петербургом, генерал-губернатор отчитывался о своих действиях во исполнение этих проектов и даже направлял в столицу собственные предложения о привлечении русских купцов к торговле с Индией [Там же, № 149, с. 294–295]², однако сам в большей степени сосредоточивался на текущих проблемах в подведомственных ему Поволжье, Уральском регионе и Казахстане. Фактически торговля с Индией и после И.И. Неплюева продолжала оставаться на уровне привлекательных проектов — так, в 1763 г. (т.е. уже в правление Екатерины II) видный оренбургский администратор и первый историк края П.И. Рычков с огорчением отмечал, что даже создание специальной комиссии о коммерции не привело к изменению этой ситуации [Витевский, 1895, с. 834–835].

Ярким выразителем представлений о роли Центральной Азии в развитии русско-индийской торговли стал Д.В. Волков — бывший личный секретарь Петра III, фактически «сосланный» в Оренбургский край в качестве очередного губернатора. В своей записке, адресованной Екатерине II (1763), он выказывает весьма туманное представление о значении для России и ее экономики среднеазиатских ханств («Хивы и Бухарии»), при этом ссылаясь на проекты Петра I и И.К. Кирилова по развитию отношений с Индией. Казахи же («киргизы») в его интерпретации выступают не более чем досадной помехой для русских миссий и караванов на далекий южный субконтинент [Ламанский, 1859, с. 50, 52, 53–54].

На рубеже XVIII–XIX вв. очередной проект по развитию торговли с Индией был представлен в Правительствующий сенат еще одним оренбургским военным губернатором Н.Я. Бахметевым, который указывал на то, что российские купцы вынуждены торговать с индий-

² Впрочем, впоследствии в своих мемуарах И.И. Неплюев упоминал, что он в 1751 г. обсуждал свой проект при дворе в Петербурге, «не возымев, к огорчению моему, успеха о начатии предпринятого мною в пользу России торгова с Индиєю» [Неплюев, 1892, с. 142].

цами в бухарских владениях, что уменьшает их выгоду и не приносит доходов императорской казне [РИО, 1965, № 214, с. 406–409]. На основе его предложений генерал-прокурор Сената П.Х. Оболянинов предложил Коммерц-коллегии разработать устав для новой компании для торговли с Индией и новые тарифы для российских таможен, в том числе и оренбургской [Там же, № 216, с. 414–419]. Характерно, что в отношении Казахстана к этому времени до сих пор не было выработано единой политики: все губернаторы следовали либо жесткой политике И.И. Неплюева, либо более мягкому варианту «косвенного управления» О.А. Игельстрома, стремившегося контролировать казахов через их собственных правителей, которые интегрировались в имперскую административную систему [Васильев, 2014, с. 278–283]. Как бы то ни было, ни один из подходов не мог в полной мере обеспечить безопасность торговых путей через Казахстан и содействие казахов развитию торговли с Индией.

К концу XVIII в. в Индии происходят серьезные политические изменения: если ранее английские владения на полуострове управлялись частной Ост-Индской компанией, то с 1770–1780-х годов власть над ними постепенно переходит к британской королевской администрации, которая все больше и больше укрепляет контроль и над клонившейся к закату империей Великих Моголов, и над отдельными индийскими княжествами, свергая и назначая их правителей, вводя институт резидентов, создавая собственные судебные структуры и проч. (см.: [Рувинский, 2011, с. 115–116; Фурсов, 2006, с. 193]). В результате Индия стала восприниматься как британское владение, и российские власти уже не видели возможности установления прямых контактов с индийскими торговцами, не исключая, впрочем, «обходных путей». Так, например, в начале XIX в. представители Сибирского генерал-губернаторства изучали вариант организации торговли с индийцами через «нейтральный» Восточный Туркестан (китайский Синьцзян), в частности — через Кульджу [Путинцев, 2012, с. 114–115].

Однако в целом конец XVIII и три четверти XIX в. характеризуются тем, что явно выраженный прежде интерес российских властей к торговле с Индией существенно снижается [Халфин, 1974, с. 45–46] и заменяется совершенно другой идеей — «индийским походом». Первый такой проект замыслился еще при Павле I в сотрудничестве с французским первым консулом Н. Бонапартом, который после смерти императора попытался заинтересовать этой идеей и его пре-

емника — Александра I (см. подробнее: [Баторский, 1886]). Продолжателями этой идеи выступили в 1855 г. генерал-лейтенант Е. Егоров [Егоров, 1886], в начале 1860-х годов — генерал С.А. Хрулев (герой недавно закончившейся Крымской войны) и, наконец, уже в конце 1870-х годов — туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман после установления российского протектората над Хивинским ханством и попыток заключения союзного договора с Афганистаном ([РИО, 1997, № 2—15, с. 27—37; № 44, с. 128—136; Большая игра, 2014]; см. также: [Кубанов, 2007; Edwards, 1885]).

Нельзя не отметить, что авторы проектов «индийского похода» никогда не ставили его целью захват Индии: речь шла лишь о вытеснении оттуда англичан и ликвидации угрозы с их стороны азиатским владениям России. Соответственно, в случае успеха предполагалось установить и развивать дипломатические, союзные и торговые отношения (в том числе и используя среднеазиатские владения для транзитной торговли европейских стран) с освободившимися государствами Индостана [Материалы, 1869, с. 47]. Кроме того, даже в связи с идеей «индийского похода» мотивы развития торговли с Индией продолжали звучать и в XIX в., причем российские региональные власти старались обратить их себе на пользу и расширить полномочия, а также и территории, которые находились бы в их ведении. Так, в рамках проектов отмечалась необходимость «подчинения своему влиянию» Хивинского ханства, которое со времен Петра I рассматривалось как один из важнейших пунктов торгового маршрута в Индию (см., например: [Винский, 1878, с. 403]).

Под предлогом исследования торговых путей губернаторы Оренбуржья и наместники Кавказа в 1850—1860-е годы организовывали экспедиции на восточный берег Каспийского моря, населенный казахами, каракалпаками, туркменами, стараясь добиться признания ими российского подданства. Во вновь присоединяемых областях возводились укрепления, которые, по замыслу руководителей пограничных администраций, могли также служить и перевалочными пунктами и даже центрами торговли в регионе, в том числе и с индийскими купцами. При этом нельзя не отметить своеобразную, но порой и весьма жесткую, конкуренцию властей Оренбургского края и Кавказа за управление новыми приобретениями империи (см., например: [РТО, 1963, № 333, с. 458—461; № 343, с. 469—470]). В целом же следует констатировать, что пограничные власти продолжали придерживать-

ся политике И.И. Неплюева: прежде чем налаживать торговлю с Индией, они старались укрепить влияние России в Центрально-Азиатском регионе. Установление протектората над Бухарой в 1868 и Хивой в 1873 г. было логичным продолжением этой политики.

В результате в начале XX в. российский интерес к Индии из экономической плоскости переходит уже в чисто политическую и даже геополитическую. В работах военных исследователей того времени продвижению в находившиеся под британским контролем Северную Индию, Персию, Афганистан отводится решающая роль в укреплении позиции России в Средней Азии — Несмотря на то что в 1907 г. было подписано русско-английское соглашение юридически зафиксировавшее окончание «Большой игры». При этом владения Российской империи в Центральной Азии воспринимаются уже не более чем плацдарм для организации этого продвижения: тем самым авторы констатируют, что необходимые политические, экономические и правовые преобразования в этом регионе уже были проведены и, соответственно, можно использовать его именно для той цели, которую преследовала Россия, укрепляясь здесь ([Грулев, 1909; Снесарев, 1906]; см. также: [Басханов, 2015, с. 154–171; Чуллийев, 1994]).

Таким образом, можно выделить три основных этапа российской политики в Средней Азии в связи с «индийским фактором». Первый датируется XVIII в. и характеризуется тем, что торговля с Индией являлась приоритетным направлением российской политики в Азии, тогда как укрепление имперских позиций в регионе рассматривалось лишь как инструмент для ее развития. Второй этап длился с начала XIX в. до 1870-х годов, когда российские власти старались всячески укреплять свою базу в Средней Азии, параллельно рассматривая возможность «индийского похода» с целью вытеснения британцев из Индии и, соответственно, развития политических и экономических отношений с индийскими государствами после их освобождения. Наконец, третий этап — это 1880–1890-е годы, когда Российская империя, установив протекторат над ханствами Средней Азии, утратила интерес к торговле с Индией и, напротив, старалась закрыть среднеазиатский рынок для англо-индийской торговли³. Та-

³ Впрочем, это отнюдь не означает, что экономические связи с Индией были вообще прекращены: и в начале XX в. существовал русско-индийский экспорт-импорт, однако весьма незначительный: оборот с Россией уступал не толь-

ким образом, интерес российских властей к торговле с Индией сыграл значительную роль в развитии российской правовой политики в Центральной Азии — начиная с казахских жузов в первой половине XVIII в. и до российских протекторатов в Средней Азии уже в конце XIX в.

§ 3. Бухарцы перед российским законом и судом

Как одно из средств по укреплению своего влияния в Средней Азии российские власти рассматривали взаимодействие с выходцами из этого региона, приезжавшими или постоянно пребывавшими в Российской империи, надеясь сделать их посредниками в отношениях со среднеазиатскими ханствами, а со временем — и агентами своего влияния.

Выходцы из Средней Азии (традиционно именовавшиеся в российской правовой традиции «бухарцами») обосновались в Сибири и Приуралье еще в эпоху Сибирского ханства в XVI в. Но после вхождения этого государства в состав России они не были вытеснены из этих регионов. Поскольку они выступали посредниками в отношениях России с государствами Средней Азии, Восточным Туркестаном (Кашгарией) и даже Китаем, власти Московского царства поначалу всячески им покровительствовали. Любопытно, что особое положение их сохранялось даже в имперский период, хотя к этому времени монополия бухарцев на торговлю России со странами Центральной и Восточной Азии постепенно стала ослабевать.

Целесообразно отметить, что понятие «бухарцы» в XVII–XVIII вв. было не столько этнонимом, сколько политонимом: так назывались выходцы не только из Бухарского ханства (эмирата)⁴, но и из «Малой Бухарии», т.е. Восточного Туркестана. В связи с этим периодически возникали проблемы международно-правового характера в отношениях с некоторыми государствами Центральной Азии, которые строго блюли свой сюзеренитет и в отношении подданных, проживавших на территории России. Так, в 1736, а затем и в 1739 г. Галдан-Цэрен, хун-

ко Великобритании (по вполне понятным причинам), но также Германии, США, Китаю, Японии, Франции, Италии, Египту, Турции и даже Южной Америке и Австралии [Записка, 1914, с. 58].

⁴ В официальной российской документации Бухарский эмират нередко именовался ханством [Арапов, 1981, с. 7].

тайджи Джунгарского ханства, обращался к российской администрации в Сибири с требованием выдать ему «бухарцев», проживавших на территории России, поскольку они были его подданными. Имперские власти провели расследование и выяснили, что несколько семейств бухарцев (общим числом более 150 человек) действительно являлись выходцами из Восточного Туркестана, в это время находившегося под контролем Джунгарии. Эти лица были переданы представителям ойратского монарха [Зияев, 1968, с. 20–21]. Кстати, энергичная завоевательная деятельность ойратов и калмыков стала еще одной причиной появления в России постоянно проживающих бухарцев: на территории Московского государства (а затем и Российской империи) селились выходцы из Бухары, выкупавшие своих земляков из калмыцкого плена и отправлявшие их на родину [Там же, с. 19].

В результате бухарцы на протяжении долгого времени являлись, по сути, особым привилегированным сословием. В Сибири появились даже семейства, которые формировали легенды в пользу своей «элитарности», легитимируя собственное особое правовое положение (см., например: [Бустанов, Корусенко, 2014]).

Так, в конце XVII–XVIII вв. за бухарцами сохранялись льготы, дарованные им еще в предыдущем столетии: они были освобождены от большинства налогов, которое уплачивало русское население, не несли таких повинностей, как воинская, ямская, поставка дров для войск и т.п. Также они имели право свободного въезда во все города России, в том числе и в такие отдаленные от мест их проживания как Архангельск, Соликамск, Колмогоры ([ПСЗРИ, 1830, т. II, № 1209, с. 816–817; т. VII, № 4486, с. 272–273]; см. также: [Зияев, 1968, с. 28, 31; Burton, 1998, p. 50]). Новым поселенцам из числа бухарцев предоставлялись льготы и средства на благоустройство, что, конечно, способствовало увеличению числа выходцев из Средней Азии, желающих обосноваться в России [Зияев, 1968, с. 28]. Стремясь увеличить число подданных из числа бухарцев, российские власти даровали им и дополнительные привилегии по сравнению с их земляками, лишь приезжающими торговать. Так, именным указом Петра I 1697 г. астраханским властям предписывалось у купцов из Средней Азии принимать товары на таможене, а дальнейшую их реализацию в России поручать российским купцам. Однако если с такими товарами прибывали русско-подданные бухарцы, им позволялось самим торговать в российских регионах [ПСЗРИ, 1830, т. III, № 1585, п. 21, с. 316].

В конце XVIII в. бухарцы даже получили право на формирование собственных органов самоуправления и суда по своим законам и обычаям в местах компактного проживания. В 1787 г. Екатерина II издала именной указ, в котором специально подчеркивалось, что преобразование Сибирской губернии в наместничество не умаляет прав и привилегий местных бухарцев. Им по-прежнему позволялось взаимодействовать по торговым вопросам с городскими магистратами и разрешать имущественные споры в «словесных судах» на родном языке. А самое главное, что впервые предусматривалась возможность в случае увеличения числа выходцев из Средней Азии в Сибири создания для них собственной «ратуши», т.е. органа местного самоуправления [Там же, т. XXII, № 16593, с. 952]. В результате в регионе появились целые бухарские волости, по сути являвшиеся своеобразными «анклавами» Бухарского ханства в России [Зияев, 1968, с. 38–43].

С самоуправлением бухарцев напрямую был связан и вопрос об их подсудности. И в этом отношении российские власти в течение длительного времени шли навстречу своим подданным, в содействии которых так нуждались для укрепления отношений со Средней Азией. Еще в соответствии с грамотой Ивана V, Петра I и царевны Софьи 1686 г. бухарцы не были подсудны русским судам — «опричь заемных кабал и татиных и разбойных дел с поличным» [ПСЗРИ, 1830, т. II, № 1209, с. 816]. Существование собственных словесных судов для бухарцев (равно как для армян и татар) было подтверждено докладом Сената, утвержденным Павлом I в 1800 г. Споры между собой они должны были решать в собственных судах и управах, но если одной из сторон являлся русский, дело рассматривалось в российской судебной инстанции; правда, если одной из сторон являлся бухарец, а другой — иной «инородец», дело рассматривал именно бухарский словесный суд [Там же, т. XXVI, № 19656, с. 393–395]. Право бухарцев и ташкентцев на собственные органы самоуправления (ратуши и волости) было подтверждено и знаменитым Уставом об управлении сибирских инородцев 1822 г. [Там же, т. XXVIII, № 29126, § 81–90, с. 399].

Покровительство российских властей выходцам из Средней Азии повышало заинтересованность последних в переезде в Россию. Еще в конце XVIII в. их число настолько увеличилось, что в 1789 г. генерал-прокурор А.А. Вяземский направил запрос Екатерине II относительно возможности принятия их в российское подданство. Им-

ператрица именным указом ответила, что не видит никаких препятствий для выдачи разрешения бухарцам и ташкентцам на переезд в Россию. Более того, она также указала, что они имеют такое же право на свободный выезд на родину при соблюдении, впрочем, условий, на которых допускался переезд русских горожан из города в город (этот порядок предусматривался ст. 129 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. (более известной как «Жалованная грамота городам») и предписывал всем переезжающим выплатить все имеющиеся у них долги и установленную городом подать за три года) ([ПСЗРИ, 1830, т. XXIII, № 16814, с. 93; т. XXII, № 16187, с. 380]).

Несмотря на то что «приезжие» бухарцы имели меньше прав и привилегий, чем их земляки, принявшие российское подданство, им также предоставлялись преимущества с целью стимулирования активизации их коммерческой деятельности в России. В частности, именным указом Александра I 1803 г. предписывалось предоставлять бесплатно бухарским караванам пастбища на пути их следования из Бухары в российские пределы [Там же, т. XXVII, № 20623, с. 465]. Любопытно, что пастбища им должны были представляться «в лугах на азиатской стороне», т.е., по всей видимости, речь идет о казахских степях, которые российские власти в то время еще не объявили государственной собственностью (это случилось лишь в 1840-е годы). В связи с этим становятся объяснимыми участвовавшие казахские нападения на караваны среднеазиатских купцов, поскольку казахи считали себя незаслуженно обиженными подобным указом.

В 1824 г. Комитет азиатских дел по поручению министра финансов разработал и представил Сенату журнал (впоследствии утвержденный тем же Александром I) о предоставлении вооруженной охраны караванам, следовавшим из Оренбурга в Бухару, — правда, за эту охрану торговцы должны были платить по 25 коп. с каждого рубля стоимости своих товаров [Там же, т. XXIX, № 30150, с. 650]. Из текста журнала не вполне ясно, касалось ли это только русских караванов или распространялось и на бухарские (как полагает, в частности, Х.З. Зияев [Зияев, 1983, с. 101]).

Определенные привилегии имелись у приезжих бухарцев также и в семейной сфере, установленные мнением Госсовета 1827 г. Если такой бухарец женился в России и заводил детей, то в случае возвращения на родину ему (в отличие от подданных других среднеазиатских

государств) разрешалось брать с собой и семейство — при условии согласия на то отца и матери жены. Однако если бухарец (или другой выходец из Средней Азии) уезжал на родину без семьи, он должен был дать «сказку» (т.е. своеобразную подписку) российским властям о том, что намерен вернуться в течение двух лет. Если он не возвращался, то брак его с русско-поданной считался расторгнутым на том основании, что он в течение длительного времени не заботился о своей семье и не поддерживал ее материально. Отметим, что российские власти, не желая вызывать недовольства мусульман подобными предписаниями, решили обязать имамов, заключающих такие брачные договоры, включать это условие в них. Правда, жениться они могли только на русских мусульманках: православная, католическая и лютеранская церкви подобные браки запрещали; только евангелическая церковь допускала такие браки — при условии, что супруг-мусульманин не будет заставлять жену менять вероисповедание [ПСЗРИ, 1830а, № 828, п. 1–4, с. 37–38].

Естественно, столь привилегированное положение бухарцев постоянно вызывало недовольство самых разных российских кругов — начиная с властных структур и заканчивая торговцами. Представители региональных властей (в первую очередь сибирской администрации), а в некоторых случаях даже и Правительствующий сенат негодовали по поводу того, что бухарцы живут и торгуют в России, богатеют, но при этом не платят налогов, тем самым не внося своей лепты в улучшение государственного благосостояния [Зияев, 1968, с. 29]. Представители же российских торговых кругов не менее обоснованно указывали на то, что, если раньше, когда Россия не имела развитых связей со Средней Азией, бухарские купцы действительно были важны и имели право на привилегии, теперь же, по прошествии целого столетия, ситуация коренным образом изменилась. Сохранение привилегий бухарцев в новых условиях уже не столько способствовало расширению торговли России с Бухарой и другими ханствами Средней Азии, сколько ограничивала ее, поскольку русские купцы изначально находились в невыгодном положении по сравнению с выходцами из Бухары [Там же, с. 35].

Однако бухарцы, пользовавшиеся покровительством российских монархов еще с эпохи царя Михаила Федоровича и его ближайших преемников [Зияев, 1983, с. 30–31], апеллировали к их грамотам и отчаянно боролись за сохранение прежних льгот и привилегий. Так,

Петр I, нуждаясь в средствах на ведение войн и реализацию своих реформ, в 1698–1701 гг. издал целый ряд указов об обложении налогами («оброком») бухарцев, занимавшихся сельским хозяйством. Именным указом 1698 г. он предписывал сибирским (тобольским) властям уточнить время прибытия бухарцев в Россию, основания, на которых они владели земельными угодьями, и обложить ежегодным оброком в 2–5 руб. и более в год — в зависимости от размеров землевладения, приравнивая бухарцев к российским земледельцам, а с бухарских торговцев взимать те же пошлины, что и с русских «посадских людей» [ПСЗРИ, 1830, т. III, № 1626, с. 446]. Любопытно, что в указе специально подчеркивалось, что купцы-бухарцы, таким образом, никак не ущемляются в правах из-за «веры их бусурманской», тогда как в «бусурманских странах» православные русские торговцы притесняются. По-видимому, это был своеобразный сигнал властям Средней Азии для изменения их политики в отношении купцов-иноверцев; как известно еще и во второй половине XIX в. этот вопрос был актуален для среднеазиатской политики Российской империи, власти которой многократно предлагали среднеазиатским монархам установить для отечественных торговцев ту же небольшую торговую пошлину, какую сами взимали с купцов из Средней Азии в России.

В 1700 г. Петр I издал указ, уточняющий предыдущий: отныне с принадлежащей бухарцам земли предписывалось взимать вместо натурального оброка денежный: с «ржаной» десятины — 6 алтын 4 деньги, с «яровых» — 3 алтына 2 деньги, с сена — по 2 деньги с копны. Однако бухарцы проявили настойчивость, неоднократно подавали челобитные, ссылаясь на ранее полученные льготы и иммунитеты и добились-таки сокращения ставки налога: годом позже новым указом было установлено, что со ржи будет взиматься 5 алтын с десятины, с яровых — 10 денег [Там же, т. IV, № 1857, с. 169–170]. Примечательно, что царь в том же указе предписал сибирским властям растолковать бухарцам, что «даром землями никто не владеет», т.е. признавал необходимость обоснования отмены их налогового иммунитета. Как видим, российские власти все же демонстрировали особое отношение к бухарцам, поскольку те и на рубеже XVII–XVIII вв. продолжали выступать посредниками в отношениях России с государствами Средней Азии.

Итак, права, обязанности и льготы бухарцев в отношении налогов и повинностей, казалось бы, были четко определены. Однако

в 1764 г., когда в Сибирь прибыла сенатская комиссия для проведения расследования дела о взятках региональной администрации, попутно выяснилось, что законно установленные налоги и сборы с бухарцев фактически не взимаются: в докладе Сената от 12 февраля 1764 г. отмечалось, что 800 бухарцев, обложенных оброком, платят всего 78 руб. 46¾ коп. в год, а торговые сборы не платят вообще, ссылаясь на прежние указы о льготах. Сибирским властям предписывалось исправить ситуацию, но, как и в указах Петра I 1698 и 1701 гг., рекомендовалось действовать «с употреблением увещеваний», т.е., опять же, достаточно мягко, чтобы не отпугнуть других бухарцев, желающих принять российское подданство [Там же, т. XVI, № 12041, с. 532–533].

За время своего правления Екатерина II неоднократно особыми именными указами подтверждала в целом все права и привилегии бухарцев и ташкентцев, дарованные им при Петре I. Более того, она жестко пресекала любые попытки региональных властей как-то ограничить или отменить привилегии бухарцев. Главным ее доводом в пользу сохранения status quo являлся тот же, которым изначально руководствовались цари XVI–XVII вв.: бухарские торговцы являются посредниками в торговле России со Средней Азией, и без них она просто заглухнет ([Там же, т. XVIII, № 13336–13337, с. 970–971; т. XXII, № 16593, с. 951–952]; см. также: [Зияев, 1968, с. 29, 31–33]).

Положение бухарцев начало существенно меняться лишь в первой четверти XIX в., когда центральные власти стали постепенно пересматривать их особый статус по итогам постоянных обращений к ним представителей местной сибирской администрации (см. подробнее: [Корусенко, 2014]). Уже в 1806 г. впервые для бухарцев были введены налоги [Зияев, 1968, с. 31]. В целом по своим правам и обязанностям, а также в отношении вопросов местного самоуправления и суда они оказались приравнены к другим «оседлым инородцам» в 1822 г. [ПСЗРИ, 1830, т. XXXVIII, № 29126, § 2, с. 394]. В 1825 г. постоянно проживавшим в России бухарцам, в соответствии с положением Азиатского комитета МИДа, было разрешено торговать только в том городе, в котором они проживали, кроме того, их обязали вступать в купеческие гильдии ([Там же, 1835, № 6802, с. 123]; см. также: [Зияев, 1968, с. 33]). В 1835 г. вновь был поднят вопрос об уравнивании бухарских торговцев в правах с их русскими коллегами, но Госсовет принял компромиссное решение: за бухарцами было сохранено право

беспошлинной торговли — но только среднеазиатскими товарами в России и русскими за рубежом, тогда как остальные категории товаров облагались теми же налогами, что и у русских купцов [ПСЗРИ, 1836, № 8034, с. 299]. В середине XIX в. русско-подданные бухарского происхождения были также обложены и подымной податью — 10 руб. ассигнациями с дыма, — как и русские ([Там же, 1852, № 25398, ст. 56, п. 1, с. 501; 1855, № 28262, с. 511]; см. также: [Зияев, 1968, с. 37]).

Постепенное уравнивание бухарцев в правах с русскими нашло отражение не только в официальных нормативных правовых актах, но и в правоприменительной деятельности, в частности — в судебной практике. Если в конце XVIII в. бухарцы имели право решать свои споры и выносить судебные решения по собственным законам и правовым обычаям (преимущественно на основе норм и традиций шариата), то ситуация коренным образом изменилась уже в первой трети XIX в.

В архивах (в частности, в Объединенном государственном архиве Челябинской области) содержатся материалы о судебных разбирательствах, представителями одной из сторон в которых являлись бухарцы — как проживавшие постоянно в России, так и приезжавшие по торговым делам, но связанные с русско-подданными мусульманами деловыми или даже родственными узами.

Некоторые из рассмотренных дел имеют частноправовой характер, поскольку регулируют имущественные и семейные отношения. Так, в одном из них торговец из Бухары в течение почти четверти века (с 1801 по 1825 г.) пытался установить опеку над своей сестрой и ее дочерьми, оставшимися владелицами имущества своего супруга и отца — бухарца, проживавшего на территории России [ОГАЧО, ф. И-14, оп. 1, д. 45]. В другом случае бухарский торговец старался взыскать убытки за испорченный товар с того, кто принял его на хранение, на что ему понадобилось два года (1828–1830) [Там же, д. 177]. Наконец, в третьем случае брат бухарца, женившегося в России на русско-подданной, на протяжении восьми лет (1831–1838) добивался выезда вдовы и детей брата в Бухарский эмират [Там же, д. 208]. Другие дела относятся к уголовно-правовой сфере. Первое было связано с убийством бухарца российскими подданными, разбирательство по нему велось в течение девяти лет (1825–1834) [ф. И-15, оп. 1, д. 2234]. Другое дело оказалось гораздо короче (разбирательство осуществлялось с июля по октябрь 1827 г.) и завершилось вынесением решения

об административном наказании русско-подданного бухарца, пытавшегося незаконно бежать за границу — в ту же Бухару [Там же, д. 2383].

Все эти дела объединяет одно: их участниками являлись бухарцы — как русско-подданные, так и приехавшие из-за границы. Соответственно, опираясь на свои прежние многовековые привилегии, они старались апеллировать к ним в отстаивании своей позиции в суде, используя в том числе и отсылки к нормам шариата или мусульманским обычаям. Однако российские власти, принимая во внимание доводы участников процесса и учитывая все обстоятельства дела, в итоге выносили решение исключительно на основе норм российского имперского законодательства. Таким образом, охарактеризованные судебные дела являются яркой иллюстрацией применения на практике вышеупомянутых нормативных актов и, соответственно, объективно отражают существенное изменение правовой политики российских властей по отношению к выходцам из Средней Азии на территории России.

Эти акты представляются весьма важными документами в рамках исследуемой тематики по двум причинам. Во-первых, они позволяют выяснить, насколько скрупулезно на практике применялись вышеупомянутые нормативные правовые акты (т.е. соотношение между «писанным» и «живым» правом). Во-вторых, они помогают проследить изменение отношения российских властей различного уровня к восприятию иных, помимо имперских, правовых ценностей, принципов и норм — в том числе и при выстраивании правоотношений с представителями иных народов, государств, конфессий.

Завершая рассмотрение вопроса о статусе бухарцев в России, считаем целесообразным сказать несколько слов о религиозной политике в отношении их. Принадлежность бухарцев к исламу в течение долгого времени никоим образом не противоречила их привилегированному положению в Российской империи. Единственным нюансом являлось указание строить мечети для бухарцев на достаточном расстоянии от русских православных храмов. Кроме того, приговор Сената 1703 г. устанавливал «опалу и казнь» (т.е. наказание) для тех бухарцев, кто каким-либо образом мешал проведению православных богослужений — «учнут кричать и смехотворение и безчинство и русским людям какую препону и обиду чинить» [ПСЗРИ, 1830, т. IV, № 1946, с. 227].

В 1742 г. очередным сенатским указом была установлена защита для принявших христианство от преследований со стороны их прежних единоверцев [ПСЗРИ, 1830, т. XII, № 8919, с. 89–96]. Непосредственно в отношении бухарцев при этом никаких дополнительных нормативных положений не устанавливалось, однако тенденцию обращения их в православие этот правовой акт стимулировал. Тем не менее власти (особенно региональные, лучше понимавшие специфику управляемых ими регионов) подходили к этому вопросу весьма осторожно. Так, в 1767 г. сибирский губернатор Чичерин направил в Петербург реляцию, в которой описывал непрофессиональную деятельность православных миссионеров, которые под предлогом обращения в православие местных иноверцев нередко притесняли их. В ответ на это Екатерина II издала именной указ, в котором запретила подобную практику и подтвердила установленный со времен Петра I принцип о непритеснении бухарцев из-за их принадлежности к исламской религии [Там же, т. XVIII, № 13336, с. 970–971].

Однако время от времени возникали вопросы, связанные и непосредственно с переходом представителей бухарской «диаспоры» в христианство. Так, в 1863 г. один сибирский бухарец, перешедший в христианство (получив имя Василий Шишкин), обратился к властям Западной Сибири с прошением о предоставлении ему средств для переезда на другое место жительства. На основании этого прошения было разработано мнение Сибирского комитета, которым на переходивших в христианство бухарцев распространялись правила, ранее применявшиеся в отношении калмыков: если переходивший в христианство имел семейство, ему выделялось на переезд 15 руб., одиноким — 8 руб. (именно такую сумму и запросил вышеупомянутый Шишкин) ([Там же, 1866, № 39654, с. 493]; см. также: [ПСЗРИ, 1863, № 37709, п. 6, с. 591–592]).

Стоит заметить также, что применение российского законодательства к бухарцам непосредственно в пределах Российской империи имело не только очевидную цель — ограничить прежние льготы и привилегии выходцев из Средней Азии на территории империи. По нашему мнению, российские власти, уже в первой четверти XIX в. начавшие проявлять интерес к расширению и политического влияния в Средней Азии, через бухарцев, находившихся на территории России, старались постепенно внедрять определенные имперские правовые категории, принципы и нормы и в отношения со среднеазиатскими

ханствами. Уже в ближайшие десятилетия это проявилось в российских проектах международных договоров с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Соответственно, упомянутые судебные дела стали своего рода «пробным шаром» в этих отношениях на уровне отдельных представителей России и среднеазиатских ханств.

§ 4. Экономические санкции как инструмент международно-правовых отношений России и Хивы

Тема экономических санкций, столь актуальная в последнее время, включает ряд аспектов, среди которых и такие, как их правовое оформление, а главное — степень эффективности. Сами санкции весьма давнее изобретение, известное еще в древности и Средневековье, и уже тогда их использование создавало проблемы для взаимоотношения властей и представителей экономического сообщества, а эффективность оценивалась весьма противоречиво. Тем не менее и в дальнейшем этот инструмент разрешения международных споров использовался разными государствами в разных обстоятельствах.

Подобные меры были вполне в духе взаимоотношений тюрко-монгольских правителей еще в эпоху Средневековья: ради решения политических проблем потомки Чингис-хана нередко задерживали или даже грабили иностранных купцов. Русские власти вполне могли знать о подобных эпизодах, поскольку многие из них были связаны с Золотой Ордой и русско-ордынскими отношениями. Можно вспомнить, например, как страдали золотоордынские купцы в Иране и, соответственно, персидские купцы в Улусе Джучи во время войны Берке, хана Золотой Орды, и его двоюродного брата Хулагу, ильхана Ирана, в сер. XIII в. [СМИЗО, 1884, с. 239]; как золотоордынский же хан Джанибек в результате конфликта 1340-х годов с итальянскими торговыми колониями Причерноморья арестовал венецианских купцов в Орде, а затем на несколько лет запретил итальянцам приезжать в его владения для торговли (см., например: [Почекаев 2015б, с. 230–244]); как золотоордынские ханы Арабшах и Токтамыш в 1370–1380-е годы арестовывали русских купцов перед своими походами на русские земли [Татищев, 1784, с. 244, 294] и т.д.

В России опыт использования экономических рычагов воздействия как на собственных кочевых подданных, так и на иностранные

государства в первой половине XVIII в. был неоднократно опробован (см., например: [Торопицын, 2011]). Поэтому неудивительно, что экономические санкции применялись и в качестве инструмента правовой политики Российской империи в отношении Хивинского ханства. Мы намерены проанализировать три известных примера таких санкций, имевших место в 1754, 1836 и 1858 гг. Считая целесообразным дать общую характеристику причин введения санкций, мы намерены в большей степени сосредоточиться на правовых аспектах их введения и действия, а также на проблеме оценки эффективности таких мер для разрешения проблем, которые, собственно, и являлись причинами введения санкций.

Первый из рассматриваемых нами примеров датирован 1754 г., когда санкции против Хивинского ханства были впервые использованы как инструмент международно-правовых отношений. К этому времени русско-хивинские отношения складывались весьма противоречиво. С одной стороны, в воспоминаниях хивинцев (как, впрочем, и десятилетия спустя) еще была жива память об экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, отряд которого в 1717 г. вступил в пределы Хивинского ханства по приказанию Петра I и был полностью уничтожен хивинцами, посчитавшими его действия попыткой присоединения Хивы к России. Несмотря на предпринятые впоследствии взаимные попытки российских и хивинских властей восстановить отношения, их уровень оставался весьма неудовлетворительным для обеих сторон, которые неоднократно предъявляли претензии друг другу [Ниязматов, 2010, с. 47].

Так, российские власти обвиняли хивинцев в постоянном вмешательстве в дела казахов Младшего жуза, принявших российское подданство еще в 1731 г. В 1749 г. российские власти утвердили в качестве хана Младшего жуза Нурали, сына хана Абулхаира, первым принявшего российское подданство, но ряд казахских родов не признал его прав на трон и поддержал «альтернативного» хана — Батыра, женатого на дочери Абулхаира. А поскольку правивший в то время в Хиве хан Каип являлся сыном Батыра⁵, неудивительно, что он оказывал отцу

⁵ Казахские ханы и султаны из династии Туга-Тимуридов стали приглашаться на трон Хивинского ханства с конца 1720-х годов, как дальние родственники (а нередко и зятья или внуки по женской линии) местных ханов из династии Шибанидов, старшая ветвь которой в Хиве пресеклась в конце XVII в., что

всяческую поддержку в борьбе с русским ставленником на трон (см., например: [Васильев, 2014, с. 90, 102]). Естественно, Нурали весьма враждебно относился к сыну своего конкурента и всячески препятствовал его попыткам установления дипломатических и торговых отношений с Россией, порой весьма резко выражая свое недовольство тем, что русские без его ведома ведут переговоры с Хивой [ЭНКПЭ, 2014, № 395, с. 30]. Враждебные отношения казахов с хивинцами, нередко перераставшие в открытые военные нападения друг на друга, негативно отражались на торговле России со Средней Азией: как сообщал в Коллегию иностранных дел оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев в 1750 г., купцы отказывались ездить из Оренбурга в Хиву и обратно, не будучи уверенными в своей безопасности [КРО, 1961, № 196, с. 509].

В свою очередь, хивинский хан, ссылаясь на давние, еще со времен Петра I, дипломатические связи, писал российским властям в июне 1751 г., что стремится наладить торговые отношения с Россией и готов обеспечить русским торговцам наиболее благоприятные условия для ведения дел [ЭНКПЭ, 2014, № 641, с. 322–323]. Однако напряженные отношения Хивы с ханом Нурали не позволили пограничным властям отнестись с доверием к обещаниям хана Каипа, и в результате в сентябре того же года он писал уже непосредственно императрице Елизавете Петровне, жалуясь, что его послов и торговцев задерживают в Оренбурге и не дают возможности ехать по России дальше [ЭНКПЭ, 2014, № 642, с. 323–324].

Казалось, в 1752 г. отношения между Хивой и Младшим жузом стали постепенно нормализовываться: хан Нурали в своих посланиях А.И. Тевкелеву, помощнику Неплюева, сообщал, что помирился с Каипом, даже готов породниться с ним (женить своего сына на его дочери) и, соответственно, гарантировал безопасность торговых путей [КРО, 1961, № 203, с. 530–531; ЭНКПЭ, 2014, № 418, с. 53]. Власти Оренбургского края решили воспользоваться этим моментом и закрепить русско-хивинские торговые отношения. В 1753 г. И.И. Неплюев отправил в Хиву миссию, в которую вошли переводчик Я. Гуляев и канцелярист П. Чучалов, однако, поскольку официального дипломатического статуса они не имели (в силу политических обстоятельств

и привело к борьбе за трон и частым сменам ханов на протяжении почти всего XVIII в.

будучи направленными от оренбургской администрации, а не центральными имперскими властями), миссию решено было представить в Хиве как торговый караван, который возглавил самарский купец Д. Рукавкин (впоследствии — бургомистр Самары). Членам миссии было поручено договориться с ханом о развитии русско-хивинской торговли, взаимных гарантиях безопасности дорог и нормализации отношений с казахским Младшим жузом⁶.

Однако, как оказалось, посланцы И.И. Неплюева прибыли в Хиву в самый неподходящий момент. Дело в том, что с самого начала своего правления Каип являлся ханом лишь номинально, а фактическая власть в ханстве принадлежала представителям узбекской элиты, которую возглавлял Кураз-бек из племени мангыт. Как раз во время пребывания в Хиве русской миссии, в декабре 1753 г., Каип-хан обвинил Кураз-бека в подготовке покушения на его жизнь и приказал казнить, а затем при поддержке казахов, присланных к нему его отцом Батыром, перебил до 80 родственников и сторонников казенного временщика [Firdaws al-iqbal, 1999, p. 68–69; Иванов, 1958, с. 100]. В результате против хана выступили многочисленные противники — узбеки-мангыты, привлечшие на свою сторону приаральские кочевые племена (издавна находившиеся в оппозиции к Хиве), и туркмены, которых, впрочем, хану удалось переманить на свою сторону богатыми дарами [Атдаев, 2010, с. 78].

Проблема для русских дипломатов, оказавшихся в Хивинском ханстве в разгар гражданской войны, состояла в том, что И.И. Неплюев, направляя их в Хиву, снабдил посланиями как к самому хану Каипу, так и к всесильному на момент отправки миссии временщику Кураз-беку. В результате хан обвинил русских посланцев в том, что они состояли в заговоре с Кураз-беком против него и фактически посадил их под стражу. Кроме того, отчаянно нуждаясь в деньгах для подкупа туркменских вождей, он конфисковал русских товаров на сумму около 6 тыс. руб., не выплатив никакой компенсации [Гуляев, Чучалов, 1910, с. 88].

Узнав об этом, И.И. Неплюев и принял меры, впервые введя экономические санкции против Хивинского ханства. Вот как описывает

⁶ Неслучайно в состав миссии был включен Я. Гуляев, который еще с 1750 г. неоднократно направлялся с поручениями к хану Нурали и, следовательно, хорошо знал о его отношениях с Хивинским ханством [КРО, 1961, № 197, с. 514–519].

их непосредственный участник событий — номинальный глава миссии купец Данила Рукавкин: «Впущены были в Храм Сарай, то есть в Гостиный двор, где по приказанию ханскому под присмотром были десять месяцев и не допуская нас до свободного торгу, все товары наши забраны на ханский двор безденежно. Хотя же за оные напоследок платеж от ханского двора и получен, потому, как господин губернатор об оном сведал, то приказал в Оренбурге хивинцев задержать, но не настоящую цену, а такую, какая хану рассудилась, и потом караван наш хивинским ханом отпущен в Оренбург» [Рукавкин, 1776, с. 204].

Итак, как можно понять из сообщения Д. Рукавкина, оренбургский генерал-губернатор принял меры, называемые в современном международном праве реторсиями, т.е. ответными ограничениями. На опыт Неплюева впоследствии сослался В.А. Перовский, инициатор вторичного введения санкций против Хивы; упоминают о нем и исследователи ([Перовский, 2010, с. 80]; см. также: [Веселовский, 1877, с. 225; Жуковский, 1915, с. 85; Михалева, 1982, с. 30]). Однако каким же образом был создан столь важный прецедент в русско-хивинских отношениях?

При попытке проанализировать правовое оформление действий И.И. Неплюева, описанных Рукавкиным, мы с удивлением пришли к выводу, что, по-видимому, фактически никаких юридических действий генерал-губернатором предпринято не было! Так, нам неизвестны официальные письма, доклады, отчеты Неплюева в Петербург, содержащие сведения о предпринятых им действиях по задержанию хивинских купцов в Оренбурге. Не пишет об этом и сам Неплюев в своих записках, хотя и довольно подробно описывает свои действия на посту оренбургского генерал-губернатора. Ничего не упоминает о санкциях против Хивы даже В.Н. Витевский, автор многотомной биографии И.И. Неплюева, который хотя и довольно подробно описывает саму миссию Д. Рукавкина, Я. Гуляева и П. Чучалова, ограничивается лишь словами о том, что «такое положение русских купцов и задержание там наших послов, без сомнения, было крайне неприятно Неплюеву» [Витевский, 1895, с. 814].

Итак, где же, помимо частных записок купца Д. Рукавкина, содержится информация о санкциях, введенных Неплюевым? Лишь косвенные упоминания в документах, касающихся миссии Гуляева и Чучалова, позволяют судить о действиях или, скорее, намерени-

ях оренбургского генерал-губернатора. Так, в указе⁷, направленном этим дипломатам 3 мая 1754 г. он предписывает чиновникам передать хану, что «Российскому же государству из того, ежели вам какой вред и каравану растощение причинят, великого ущерба сделать не могут, но сами свой интерес потеряют» [Гуляев, Чучалов, 1910, с. 83]. Кроме того, Неплюев в том же указе отмечает, что «приезжие сюда хивинские купцы далее Оренбурга не ездят» [Там же, с. 84], что, вроде бы, дает основание сделать вывод об их задержании, но такая практика существовала и ранее, как показывает вышеупомянутое послание хивинского хана Каипа императрице Елизавете Петровне. В своем же официальном донесении Коллегии иностранных дел о результатах миссии Гуляева и Чучалова генерал-губернатор ни слова не упоминает о своих действиях в отношении хивинских купцов.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что И.И. Неплюев, по-видимому, решил просто пригрозить хивинскому хану негативными последствиями его действий для его собственных хивинских купцов, тогда как самих санкционных мер он на самом деле не предпринял. Это в полной мере объясняет отсутствие каких-либо документальных подтверждений введения им санкций против Хивы — раз фактически они не водились, то не было необходимости согласовывать их с Коллегией иностранных дел или императрицей.

Тем не менее, по-видимому, в глазах самих хивинцев угроза Неплюева выглядела вполне реальной, и хан, к этому времени сумевший восстановить против себя значительное число своих подданных, не мог себе позволить недовольства еще и со стороны хивинского купечества. Неудивительно, что он, если верить сведениям Д. Рукавкина, поспешил освободить купцов и чиновников и выплатить компенсацию за захваченные товары. В результате миссия завершилась довольно успешно, и ее участникам удалось достичь с ханом согласия по большинству проблем, для решения которых они были отправлены⁸.

Попытку применить аналогичные санкционные меры касательно Хивы предпринял оренбургский военный губернатор П.К. Эссен,

⁷ Этот акт официально называется «Указ оренбургской канцелярии», издан именем императрицы и подписан самим И.И. Неплюевым и его помощником А.И. Тевкелевым.

⁸ Впрочем, Каип-хану так и не удалось надолго сохранить власть: в 1757 г. он был вынужден бежать из Хивы и, соответственно, все договоренности российских дипломатов с ним были проигнорированы его преемниками.

считавший, что пришла пора отказаться от политики мирной дипломатии и перейти к решительным мерам в отношении среднеазиатских ханств. В 1818 г. он направил в Петербург предложения наложить арест на хивинские товары, которые, как он считал, принадлежали большей частью самому хану и влиятельным купцам, а самих торговцев задержать, чтобы заставить власти Хивы прекратить поощрение нападений на русские торговые караваны [Ниязматов, 2013, с. 502]. Как видим, в данном случае ранее испробованный способ предлагался не для решения конкретной проблемы (освобождения пленных и т.п.), а как инструмент воздействия на Хивинское ханство с целью добиться изменения ее политики в отношении России. Вероятно, именно поэтому министр финансов Д.А. Гурьев, которому были переданы предложения Эссена, счел, что такие действия скажутся на торговле не только с Хивой, но и с Бухарой, и отклонил их, заявив, что убытки от нападений хивинцев на караваны гораздо меньше, чем возможные потери в случае отказа Бухары от торговли с Россией [Там же, с. 503].

Введение санкций против Хивы в 1836 г. имело, по сути, те же самые причины, но производилось совершенно иначе. Инициатором этих действий стал оренбургский военный губернатор В.А. Перовский. Уже вскоре после вступления в должность, в 1833—1834 гг., он убедился, что многие роды Младшего жуза продолжают признавать подданство хивинских ханов, совершают нападения на русскую пограничную линию, захватывают пленников, которых затем продают в Хиву. Кроме того, Несмотря на то что в соответствии с реформой 1824 г. в Младшем жузе был упразднен институт ханской власти, ряд влиятельных султанов-Чингизидов продолжали претендовать на ханский титул, что в глазах представителей российских властей являлось мятежом, тогда как хивинские ханы из новой, узбекской династии Кунгратов признавали их претензии [Юдин, 1896, с. 416—417].

В.А. Перовский с самого начала своего управления Оренбургским краем попытался положить конец этой практике. Поначалу он намеревался действовать дипломатическими методами и вскоре после прибытия в Оренбург направил ряд посланий среднеазиатским монархам, предлагая строить отношения на основе дружбы и торгового партнерства, вернуть всех пленников, прекратить претендовать на власть над казахами Младшего жуза и грабить русские караваны (см., например: [Прокламация, 1873]). Стоит отметить, что первые его

посланцы отправлялись от губернатора лично — так в случае оскорбительного к ним отношения со стороны правителей Средней Азии менее страдал бы престиж Российской империи, чем если бы это было в отношении официальных имперских послов ([Перовский, 2010, с. 79–80]; см. также: [Избасарова, 2013, с. 340]). Однако Перовский, вероятно, не принял во внимание трепетное отношение восточных монархов к этикету и протоколу: присылку к ним посланцев какого-то регионального администратора они и сами могли истолковать как оскорбление. Поэтому неудивительно, что правивший тогда в Хиве хан Алла-Кули проигнорировал его послания и продолжил враждебные действия против русских властей в Казахстане, что заставило губернатора перейти к более суровым мерам.

В 1836 г. В.А. Перовский предложил Азиатскому комитету Министерства иностранных дел план экономических санкций против Хивы, каковой и был принят, а в июне 1836 г. одобрен указом императора Николая I [Терентьев, 1906а, с. 110–111]. В результате 572 хивинских купца были арестованы в Оренбуржье, Сибири и Астрахани, а их имущество стоимостью около 1,4 млн руб. конфисковано: Перовский намеревался удерживать торговцев и их товары под арестом, пока хан Алла-Кули не выполнит его вышеупомянутые требования. По уверениям самого Перовского, русская торговля от этих ограничений не пострадала ([Перовский, 2010, с. 22, 80]; см. также: [Халфин, 1974, с. 250–254]). Как видим, в отличие от И.И. Неплюева, Перовский все же решился на фактическое применение санкций, что требовало официального одобрения со стороны центральных властей, каковое и было получено оренбургским губернатором.

Интересно отметить, что многим хивинским торговцам удалось избежать ареста и конфискации товаров путем различных ухищрений: одни заявляли, что товары принадлежат не им, а купцам из Бухары, другие просто-напросто повязали чалмы на бухарский манер и спокойно выехали из города, третьи заявляли, что давно имели намерение принять российское подданство [Терентьев, 1906а, с. 111]. Кроме того, не поддерживали эти санкции и руководители других пограничных регионов Российской империи, в которых хивинцы вели торговлю⁹.

⁹ Российский разведчик И.В. Виткевич, хорошо знавший ситуацию в ханствах Средней Азии, писал своему другу В.И. Далю в одном из писем: «*Вы спра-*

Тем не менее санкции вступили в законную силу, и В.А. Перовский рассчитывал, что теперь хивинский хан убедится в серьезности его намерений, жесткости и решительности. Казалось, это ему удалось: хан попытался начать переговоры с оренбургскими властями. Однако Перовский распорядился не принимать и не признавать хивинских послов, пока его требования не будут выполнены — в первую очередь возвратив русских пленных [Залесов, 1862, с. 45; Терентьев, 1906а, с. 111]. Хан действительно в 1837 г. распорядился отправить в Оренбург несколько пленников, тем самым, казалось, пойдя на исполнение условий Перовского. Однако на самом деле его действия являлись плохо скрытой издевкой: русским властям было передано всего около 40 русских рабов (тогда как в Хиве их было несколько сотен), причем все они были весьма преклонного возраста и, соответственно, уже не представляли ценности для своих владельцев как работники [Терентьев, 1906а, с. 112].

Согласно сводкам российского МИДа, цены на русские товары в Хиве выросли от 15 до 90%, стоимость же хивинских товаров (в первую очередь, хлопчатой бумаги) упала вдвое [Перовский, 2010, с. 8; Халфин, 1974, с. 313]. Но и эти потери не могли поколебать позицию хана, которого хивинские торговцы в течение всего времени действия санкций склоняли к принятию русских условий. Единственное, что он предложил своим подданным — это продажа товаров в Россию через бухарских торговцев, на которых санкции Перовского не распространялись, но такое решение оказалось невыгодным для хивинцев [Перовский, 2010, с. 80–81]. Не добившись поддержки от хана, хивинские торговцы сами попытались наладить отношения с губернатором: за собственные деньги они выкупили несколько пленников и в знак своей доброй воли отправили в Оренбург [Терентьев, 1906а, с. 113].

Однако В.А. Перовский добивался отнюдь не такого результата, поэтому санкции сняты не были. Лишь в 1838 г. хивинский хан стал отправлять значительные партии русских пленных в Россию, что по-

шиваете, что я думаю о захвате хивинцев? Кажется, что нет сомнения в успешном окончании этого славного дела, ежели только астраханцы справятся так же молодцами, как мы» [Матвиевская, Зубова, 2005, с. 305]. Сведений о том, что администрация Астраханской губернии поддержала инициативу В.А. Перовского, не имеется.

зволило в обмен отпускать и задержанных в Оренбуржье хивинских торговцев. Всего за 1837–1838 гг. было освобождено более 100 русских пленников [Перовский, 2010, с. 22]. Однако вскоре Перовский с негодованием выяснил, что как раз в то время как хан Алла-Кули отправил ему послание, в котором обещал передать последних пленников в Хиве специально назначенным русским чиновникам и впредь не захватывать русских подданных, хивинцы захватили в плен от 150 до 200 русских рыбаков; в дополнение выяснилось, что те же хивинские посланцы, которые возвращали рабов в Оренбуржье, на обратном пути сами приобретали новых пленников ([Залесов, 1862, с. 45; Терентьев, 1906а, с. 114; Юдин, 1896, с. 421]; см. также: [Валиханов, 1985, с. 188])! Слишком поздно оренбургский губернатор осознал, что его экономические меры воздействия, которые могли бы иметь положительный результат в отношениях с каким-либо европейским буржуазным государством, оказались совершенно неэффективны в отношении феодальной Хивы: для хивинского хана судьба нескольких сотен его подданных значила куда меньше, чем его собственный международный престиж и политические амбиции. Поняв свою ошибку, В.А. Перовский принял решение решать конфликты со среднеазиатскими ханствами уже другими методами — военными (см., например: [Почекаев, 2017а, с. 210–228]).

Однако уже преемник В.А. Перовского на посту оренбургского и самарского генерал-губернатора А.А. Катенин вновь применил санкции в 1858 г. Правда, этот пример в большей степени напоминает действия И.И. Неплюева вековой давности, нежели Перовского, имевшие действие всего два десятилетия назад.

В 1858 г. в Хивинское ханство и Бухарский эмират была направлена официальная российская дипломатическая миссия во главе с полковником Н.П. Игнатьевым. Несмотря на то что сам хивинский хан (на этот раз — Сейид-Мухаммад, брат Алла-Кули) стремился к миру, он и его сановники весьма негативно отнеслись к посольству Игнатьева, неоднократно угрожали главе и членам миссии смертью и всячески старались задержать их в Хиве, чтобы те не добрались до Бухары и не заключили более выгодный мир с эмиром, нежели с хивинским ханом [Игнатьев, 1897, с. 46]. Игнатьев сообщал о своих затруднениях в Оренбург, и Катенин отреагировал так же, как Неплюев, когда узнал о бедственном положении миссии Рукавкина, Гуляева и Чучалова. Как сообщает Н.Г. Залесов, участник миссии Игнатьева, «усматривая

из первых писем из Хивы о затруднительном положении миссии, генерал-адъютант Катенин сделал распоряжение о задержании, впредь до выхода из ханства миссии, хивинских караванов в Оренбург». Он удерживал хивинцев, пока не получил от Н.П. Игнатьева письмо о том, что посольство благополучно покинуло Хиву и движется к Бухаре, после чего тут же приказал освободить караваны [Залесов, 1871, с. 50; Халфин, 1956, с. 55]. Более того, из сообщения участника событий не вытекает, что хивинский хан своевременно узнал о действиях генерал-губернатора и позволил российскому посольству ехать в Бухару именно из-за санкций в отношении его подданных.

Несмотря на то что, в отличие от Неплюева, Катенин реализовал санкции против хивинских купцов, у нас нет сведений, что он каким-то образом согласовывал свои действия с центральными властями. По-видимому, действия обоих его предшественников стали достаточными прецедентами для совершения подобных действий. Кроме того, в отличие от В.А. Перовского, являвшегося в 1836 г. всего лишь оренбургским военным губернатором¹⁰, Катенин занимал должность генерал-губернатора и, следовательно, имел больше полномочий, в которые входило, вероятно, и право принятие подобных решений.

Таким образом, можно сделать вывод, что экономические санкции, применявшиеся Российской империей против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв. имели разную степень эффективности. Во многом степень их эффективности зависела от ситуации в самом ханстве и от длительности санкций. Так, если действия И.И. Неплюева оказали надлежащее воздействие на хана Каипа, то во многом потому, что он слишком ненадежно чувствовал себя на троне и не желал портить отношения с хивинскими купцами. Санкции же, введенные В.А. Перовским, несмотря на их жесткость и длительность (1836—1838), не подействовали на решительного и прочно удерживавшего власть хана Алла-Кули, для которого политический престиж ханства оказался выше, чем интересы хивинских торговцев. Наконец, что касается ограничительных мер А.А. Катенина, как мы уже отметили, нет сведений, что хан своими действиями в отношении российского посольства отреагировал именно на них.

¹⁰ Должность оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовский занимал в 1851—1857 гг., возглавляя Оренбургский край во второй раз.

Четыре года спустя А.П. Безак, сменивший Катенина на посту оренбургского и самарского генерал-губернатора, в свою очередь применил силовые меры против бухарских торговцев — уже, можно сказать, «по отработанной схеме». Единственное отличие состояло в причине использования этого средства давления на Бухару: на этот раз оренбургская администрация защищала не российские интересы, а... итальянские. В 1862 г. три итальянца, Меац, Гавацци и граф Литта (так они фигурируют в воспоминаниях современника описываемых событий, оренбуржца П.П. Жакмона) через Оренбург проследовали в Бухару, где поначалу были благосклонно приняты эмиром Музаффаром и занялись шелководством, однако вскоре он заподозрил в них русских шпионов и приказал бросить в тюрьму. Русский купец С.Я. Ключарев привез известие об их задержании в Оренбург, и А.П. Безак тут же прибегнул к проверенному средству: приказал арестовать более тысячи бухарских подданных, их имущество, включая дома, которыми они владели в городе [Жакмон, 1906, с. 77–79]. Как и А.А. Катенин, Безак не согласовывал своих действий с центральными властями — вероятно, право на введение таких мер уже закрепилось в компетенции оренбургских генерал-губернаторов если и не официально, то по крайней мере фактически.

Как мы отмечали выше, судьба торговцев не сильно волновала среднеазиатских властителей, для которых гораздо важнее был их собственный престиж на международной арене, ради которого они готовы были пожертвовать несколькими подданными. Вероятно, осознавали это и сами бухарские торговцы, задержанные Безаком в Оренбурге, а потому, находясь под арестом, они составили коллективное прошение на имя эмира, в котором умоляли монарха отпустить иностранцев, иначе тысяча его подданных лишится не только имущества, но и жизни (что, конечно же, никогда не практиковалось Российскими властями!); это прошение через посредство оренбургского ахуна (главы мусульманского духовенства региона) было отправлено с гонцом в Бухару. Вероятно, масштабность мер, предпринятых Безаком, впечатлила эмира Музаффара, и месяц спустя итальянцы уже прибыли в Оренбург, где были немедленно освобождены, как и принадлежавшее им имущество [Жакмон, 1906, с. 79–80]. Таким образом, и в данном случае, как видим, эмир формально отреагировал не на «давление» со стороны России, а снизошел к просьбам своих подданных; можем предположить, что, если бы требование освободить

итальянцев выразил сам А.П. Безак, положительное решение об их судьбе вряд ли было бы принято столь оперативно¹¹.

Итак, Несмотря на то что цели экономических санкций достигались, нельзя не отметить, что эти меры, эффективные на европейской политической арене, не смогли стать таким же действенным инструментом российской правовой политики в Центральной Азии. Именно поэтому в дальнейшем российские власти (особенно пограничные администрации) стали делать ставку на военное решение конфликтов, что и привело к установлению контроля Российской империи над ханствами Средней Азии в 1870-е годы.

§ 5. Средняя Азия в русских торговых проектах середины XIX в. (правовые аспекты)

При изучении среднеазиатской политики России в период так называемой Большой игры основное внимание, как правило, уделяется двум основным позициям в российских властных кругах — решительным мерам в отношении среднеазиатских государств, предлагаемым Военным министерством и пограничной администрацией, и более «миролюбивой» политике российского МИДа, опасавшегося конфликта с западными державами, особенно с Англией. При этом в гораздо меньшей степени учитывается позиция «третьей силы» — российских деловых кругов, традиционно испытывавших большой интерес к развитию торговли с государствами Средней Азии и имевших возможность активного взаимодействия с властями различного уровня (см., например: [Игнатьев, 1897, с. 27]). В 1860-е годы появляется довольно большое число проектов развития этой торговли; авторы проектов не только рекомендуют шаги, которые, по их мнению, должны предпринять имперские власти в этом направлении, но и достаточно четко определяют, какое место в их планах должны занять сами среднеазиатские ханства — Бухарское, Хивинское, Кокандское.

¹¹ По-видимому, для самих итальянцев этот эпизод стал не более чем забавным приключением, поскольку в последующие годы практика поездок жителей этой страны в Среднюю Азию за шелковичными коконами лишь увеличилась. В результате в 1868 г. итальянское правительство было вынуждено опубликовать официальное заявление, что ни итальянские, ни русские власти больше не будут нести ответственность за таких путешественников, и им самим отныне следует принимать меры безопасности [ТС, 1869, с. 43].

При этом следует отметить, что все эти проекты разрабатывались до того, как Россия начала активные военные действия против этих государств, приведшие к установлению над ними российского протектората, т.е. авторы, по сути, и «делили шкуру неубитого медведя», заранее и заочно определяя статус среднеазиатских ханств и их позицию в отношении российской торговой политики в регионе.

Ниже предпринимается попытка выяснить, какое именно место отводили авторы проектов среднеазиатским ханствам в торговой политике России в регионе, и насколько эти планы ей соответствовали или не соответствовали. Эта тематика уже привлекала внимание исследователей, обращавшихся к отдельным проектам (см., например: [Кушпаева, 2016]), мы же намерены проанализировать основные тенденции во взглядах российских деловых кругов на торговые взаимоотношения с ханствами Средней Азии и то, как авторы проектов видели правовой статус ханств в этих отношениях — на примере проектов, разработанных, в частности, Ю.А. Гагемейстером (1862), С.А. Хрулевым (1863), А.И. Глуховским и М. Михайловым (оба — 1867), соотнося их с представлениями о возможностях среднеазиатской торговли представителей пограничной (в частности, оренбургской) администрации.

Сразу же стоит оговорить, что авторы проектов представляли различные социальные группы — так, Ю.А. Гагемейстер был экономистом, С.А. Хрулев и А.И. Глуховский — военными, занявшимися предпринимательством¹², однако далеко не всегда принадлежность к тому или иному роду занятий находила прямое отражение в их предложениях. Так, предложения С.А. Хрулева (героя Крымской войны 1853–1856 гг.) в отношении среднеазиатских ханств представлялись менее воинственными, чем предложения «штатского» Ю.А. Гагемейстера.

В своей оценке роли среднеазиатских ханств в российской торговле в регионе большинство авторов проектов сходятся на том, что она весьма значительна — особенно Бухарского ханства (эмирата) [Гагемейстер, 1862, с. 713–714; Глуховский, 1867, с. 16–17; Хрулев, 1863, с. 17]. Однако, рассматривая различные аспекты торгового со-

¹² Это, в общем-то, было явлением распространенным: в свое время даже такой боевой и амбициозный военачальник как М.Г. Черняев временно «ушел в бизнес».

трудничества с ханствами, они нередко допускают серьезные ошибки, во многом объясняющиеся тем, что мало кто из разработчиков торговых проектов лично бывал в Средней Азии и имел возможность ознакомиться с политическими и экономическими реалиями региона.

Нельзя не обратить внимание на весьма серьезную идеализацию авторами проектов отношений среднеазиатских ханств к торговле с Россией. Большинство их исходит из того, что для Бухары, Хивы и Коканда империя является основным торговым партнером и рынком сбыта. Соответственно, как полагает, в частности, Ю.А. Гагемейстер, Россия всегда сможет «покорить их своей воле, угрожая им прекращением торговых с ними сношений». Правда, при этом пострадают и интересы российских производителей и торговцев, но далеко не в той степени, в какой — их среднеазиатских партнеров [Гагемейстер, 1862, с. 714—715]. С.А. Хрулев заявляет, что среднеазиатские ханства пребывают «в младенческом возрасте», и «у них нет и тени фабрик в европейском значении», так что производимые в России товары для них жизненно необходимы ([Хрулев, 1863, с. 17]; см. также: [Львов, 1868, с. 156]). Соответственно, любые предложения России по повышению эффективности торговых связей, по мнению авторов проектов, будут с готовностью приняты властями ханств.

Между тем, подобные радужные картины во многом опровергаются данными из российских пограничных регионов. Так, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П. Безак, в свою очередь представивший в 1861 г. проект для развития российской торговли в Средней Азии, отмечал, что в Бухаре имеется переизбыток русских товаров из-за того, что ранее их значительная часть шла далее, в Восточный Туркестан, а из-за восстаний ходжей 1820—1850-х годов этот регион утратил стабильность и был razoren. В результате Бухара не столь нуждается в русских товарах, как считают центральные власти и столичные деловые круги [Туркестан, 2016, с. 43—44]. А.И. Глуховский, в 1865 г. лично проводивший несколько месяцев в Бухарском ханстве в составе российского посольства к эмиру, также отмечает, что зависимость Бухары от России в торговом отношении не столь велика, и если империя не усилит торговую активность на этом направлении, среднеазиатские ханства найдут другие торговые рынки — в частности, через Британскую Индию [Глуховский, 1867, с. 17—18].

Какие же меры предлагают разработчики проектов для упрочения российского положения в ханствах? Прежде всего, речь идет

о безопасности торговых путей в Бухару, Хиву и Коканд, поскольку опасность нападений кочевников (казахов и туркмен) на караваны понимают и отмечают практически все авторы проектов [Гагемейстер, 1862, с. 722–724; Глуховский, 1867, с. 34; Михайлов, 1869, с. 9; Хрулев, 1863, с. 12]. Затем следует изменить торговый баланс в пользу России, обеспечив переход контроля над торговлей из рук бухарцев в руки русских (поскольку основные торговые операции с ханствами, и в самом деле, осуществляли преимущественно бухарские и хивинские торговцы (см., например: [Рожкова, 1963, с. 141–142]), увеличив производство в ханствах Средней Азии товаров, необходимых России, а также заставив местное население потреблять больше товаров российского производства [Гагемейстер, 1862, с. 722; Глуховский, 1867, с. 25]. Далее, следует в ханствах создавать российские торговые фактории, для чего необходимо получить от местных правителей гарантии безопасности жизни торговцев и их имущества [Гагемейстер, 1862, с. 727; Михайлов, 1869, с. 7; Хрулев, 1863, с. 12].

Однако, несмотря на отмеченное выше идеализированное представление о заинтересованности ханств в торговле с Россией, авторы проектов прекрасно отдают себе отчет в том, что монархи Бухары, Хивы и Коканда вряд ли добровольно пойдут на такие меры. Что же предлагается в качестве средств для достижения этих целей?

Как ни странно, но авторы без каких-либо колебаний допускают силовые средства для решения экономических задач. Так, экономист и финансист Ю.А. Гагемейстер прямо предлагает занять присырдарьинские территории и установить контроль над кочевниками, подвластными Хивинскому ханству, чтобы лишить его возможности захватывать рабов (являющихся основными производителями всех товаров в ханстве) и тем самым обеспечить зависимость от торговли с Россией [Гагемейстер, 1862, с. 727–728]. А.И. Глуховский предлагает также продемонстрировать силу, захватив у Бухары важный город Джизак [Глуховский, 1867, с. 34] (правда, этого автора можно понять, учитывая, что в 1865 г. он провел несколько месяцев в Бухаре практически на положении пленника!). Подобные предложения весьма сходны с теми, которые разрабатывали представители военного ведомства России. В частности, Н.П. Игнатьев, глава российской миссии в Хиву и Бухару 1858 г., считал, что ханствам следует навязать запрет вывоза русской монеты из империи, снизить торговые пошлины для русских купцов и проч. — и все это под угрозой завоевания Бухары и Хивы и

присоединения их к России [Игнатъев, 1897, с. 265, 270]. Аналогичным образом, второй военный губернатор Туркестанской области Д.И. Романовский полагал, что залогом «доброй воли» Бухарского ханства в развитии торговли с Россией станут недавние успехи Российской империи в вооруженном противостоянии с ханством [Романовский, 1868, с. 108, 118–119].

Любопытно отметить при этом, что, предлагая силовые методы достижения торговых целей, авторы проектов вовсе не считают ханства Средней Азии враждебными России. Например, С.А. Хрулев сообщает, что казахи полностью лояльны России, а туркмены (фактически находящиеся под властью ханов Хивы) только и ждут возможности принять российское подданство [Хрулев, 1863, с. 9, 12]. М. Михайлов в 1867 г. пишет, что если с Бухарой недавно и возникали конфликты, то Хива «давно уже держится с нами в мире» [Михайлов, 1869, с. 6] (отметим, что автор пишет это за шесть лет до похода Кауфмана, вызванного постоянной враждебностью хивинцев!). Совершенно пренебрежительное отношение выказывают авторы проектов к Кокандскому ханству, еще сравнительно недавно игравшему ведущую роль в политике Средне-Азиатского региона, но в 1850–1860-е годы утратившему значительную часть территории в противостоянии с Россией. Ю.А. Гагемейстер отмечает постоянные смуты, поставившие ханство на грани раскола, рекомендуя имперским властям вмешаться в его дела и «утвердить цивилизующее влияние России» [Гагемейстер, 1862, с. 727]. М. Михайлов упоминает «жалкие остатки независимого еще Кокана», которые, «вероятно, вскоре же будут присоединены к России, а потому о Кокане и говорить нечего» [Михайлов, 1869, с. 6]. А.И. Глуховский в своей «Записке» также пишет уже о «бывшем Коканском ханстве», считая вопрос его присоединения к России решенным [Глуховский, 1867, с. 6–7], хотя, как известно, Коканд окончательно вошел в состав империи лишь в 1876 г. и то после продолжительной кровопролитной войны.

При этом разработчики проектов отнюдь не считают свои рекомендации проявлением агрессии по отношению к государствам, которые сами же и обвиняют во враждебности к России. Напротив, все действия по расширению российской торговли должны способствовать развитию «цивилизации» в Средней Азии [Гагемейстер, 1862, с. 727; Хрулев, 1863, с. 15]. Подобный подход, с одной стороны, сходен с воззрениями идеологов западноевропейского колониализ-

ма, считавших прямой обязанностью «белого человека» нести «цивилизацию» отсталым народам Востока. Но с другой стороны, авторы проектов предлагают не просто знакомить население среднеазиатских ханств с благами российской (европейской) цивилизации, но и использовать ее достижения для повышения уровня экономического развития самих этих государств — в их же собственных интересах. Ярким примером в этом отношении служит рекомендация Ю.А. Гагемейстера укреплять позиции на среднеазиатских рынках не только с помощью военных мер или навязыванием местному населению российских товаров, но и неуклонным повышением качества последних [Гагемейстер, 1862, с. 719], т.е. экономист фактически поднимает вопрос о повышении уровня жизни как элемента приобщения к цивилизации.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что авторы проектов развития торговли России в Средней Азии всячески старались подчеркнуть значение среднеазиатских ханств в этой сфере деятельности. При этом оценка роли этих государств в проектах представляется довольно противоречивой. С одной стороны, авторы, в большинстве своем незнакомые непосредственно с политическими и экономическими реалиями в регионе, в значительной степени идеализировали ситуацию: приписывали Бухаре, Хиве и Коканду большую заинтересованность в торговых связях с Россией, чем она была на самом деле; преувеличивали их готовность согласиться на российские предложения по укреплению позиций русских торговых кругов в ханствах. С другой стороны, ряд авторов проектов напрямую связывали укрепление позиций российских торговых кругов в Средней Азии с активным (в том числе и военным) продвижением Российской империи в регионе, захватом стратегически важных территорий, чтобы можно было взаимодействовать с ханствами уже с позиции силы.

Подобное видение ситуации в значительной степени сближало предпринимательские круги с руководством Военного министерства и пограничными властями Российской империи (в частности — Оренбургского края и Западной Сибири), хотя цели купечества и военных в продвижении России в регионе и были различны: первые преследовали коммерческие интересы, вторые старались обеспечить безопасность границ российских владений от посягательств самих ханств Средней Азии и британских властей в Индии. Тем не менее

используемые средства (вооруженное противостояние с ханствами, захват стратегически важных городов и т.п.) способствовали достижению и тех и других целей. В 1867 г. было создано «Общество для содействия русской промышленности и торговле», в состав которого вошли и авторы проанализированных выше проектов (в частности, А.И. Глуховский и С.А. Хрулев). В последующие несколько лет общество активно взаимодействовало и с центральными властями Российской империи, и с администрацией Туркестанского края по вопросу развития экономических связей с ханствами Средней Азии, по сути, продолжая развивать прежние проекты, но уже с учетом новых политических реалий — в условиях активизации российского продвижения в регионе [Халфин, 1975а, с. 52–58]. Поэтому вряд ли является простым совпадением, что в договорах 1868 и 1873 гг., закрепивших российский протекторат над Кокандом, Бухарой и Хивой, большинство положений имело именно экономический характер: налоговые льготы для русских торговцев, гарантии безопасности их жизни и имущества на территории ханств и проч. — т.е. как раз то, что предлагали авторы проектов 1860-х годов.

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКИХ ПРОТЕКТОРАТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

На рубеже 1860–1870-х годов три ханства Средней Азии (Кокандское ханство, Бухарский эмират, Хивинское ханство) в результате продвижения Российской империи в Центральной Азии были вынуждены принять ее протекторат. Кокандское ханство после ряда антироссийских восстаний было официально упразднено в 1876 г., аннексировано Российской империей и преобразовано в Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Что касается Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то они формально сохраняли независимость, но в течение последней четверти XIX — начала XX в. испытывали все большее влияние России во всех сферах своей государственной, хозяйственной и экономической жизни. В настоящей главе рассматриваются юридические аспекты установления протектората и последовавшие за ним изменения в политико-правовом статусе ханств.

§ 1. Договоры 1868 и 1873 гг. в оформлении нового статуса среднеазиатских ханств

Сразу следует отметить, что, в отличие от Казахстана, который уже с момента первых контактов в конце XVI в. рассматривался Российским государством (тогда еще Московским царством) как сфера его интересов и объект для интеграции в российское политико-правовое пространство, ханства Средней Азии изначально с середины XVI в. интересовали российские власти не столько как потенциальные вассальные территории, сколько как торговые партнеры (см., например: [Каппелер, 2000, с. 143; Каррер д'Анкокс, 2010, с. 74–76])¹. Как мы уже

¹ Правда, в начале 1620-х годов московские дипломаты вели переговоры с одним из хивинских султанов, Агван-Мухамадом, который, в обмен на поддерж-

имели возможность убедиться, в течение длительного времени Россия именно в таком ключе старалась строить отношения с Бухарой, Хивой и Кокандом, которые лишь изредка сменялись серьезными военными конфликтами — начиная с экспедиции князя А. Бековича-Черкасского и заканчивая неудачным походом на Хиву оренбургского губернатора В.А. Перовского зимой 1839/1840 гг.

Последующая активизация военных действий Российской империи в Средней Азии, завершившихся в конце концов признанием зависимости от России сначала Коканда и Бухары (1868), а затем и Хивы (1873), по-разному объяснялась исследователями, которые обращались и продолжают обращаться к данной теме. В качестве причин приводилось и желание Российской империи «компенсировать» территориальные, а главное — моральные потери после Крымской войны 1853—1856 гг., еще более популярным объяснением стало противостояние России и Англии в Центральной Азии, известное под названием «Большая игра» (см., например: [Российская дипломатия, 1992, с. 221—238]). Однако, на наш взгляд, нельзя сбрасывать со счетов и традиционные экономические интересы России в этом регионе. Как мы увидим в следующей главе, именно на укрепление позиций российских торговцев и промышленников была в значительной степени направлена политика империи в Бухаре и Хиве в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют и договоры России с этими ханствами, о которых речь пойдет ниже. Тем не менее экономическими аспектами влияние Российской империи в этих ханствах, безусловно, не ограничивалось: оно затронуло все основные сферы их государственной, правовой, общественной и культурной жизни, хотя и не без учета местной специфики [Каппелер, 2000, с. 146].

При этом весьма важно иметь в виду, что никакой нормативной базы, закреплявшей статус среднеазиатских протекторатов Российской империи, их права и обязанности, фактически не существовало. По итогам победы над Бухарским эмиратом в 1868 г. был заключен мирный договор, однако мирные условия вошли в дополнения к нему, тогда как основное содержание договора регулировало пре-

ку в занятии трона, обещал признать себя вассалом царя Михаила Федоровича. Однако дальше переговоров дело не пошло, а вскоре Агван-Мухаммад, спасаясь от собственных братьев, бежал из Хивы и нашел убежище в российских пределах [Веселовский, 1877, с. 132].

имущественно торговые отношения между двумя государствами. Аналогичный договор был заключен несколько ранее и с Кокандским ханством [Халфин, 1965, с. 232–233], однако учитывая кратковременный характер пребывания этого государства в вассальных отношениях с Россией (из-за последовавшего вскоре окончательного включения его в состав империи), положения данного договора не успели оказать значительного влияния на правовое развитие этого государства.

В 1873 г. армии Туркестанского и Закавказского военных округов оккупировали Хивинское ханство, и 12 августа с его правителем Мухаммад-Рахим-ханом II был заключен так называемый Гандемианский договор, в котором также большинство статей было посвящено урегулированию торговых отношений между Россией и Хивой, тогда как условия мира и положения, закреплявшие фактическую зависимость ханства от Российской империи были изложены, по сути, в двух-трех пунктах.

Заключив договор с Хивинским ханством, российские власти сочли целесообразным использовать часть его условий для уточнения взаимоотношений и с Бухарским эмиратом, который к этому времени все более попадал в зависимость от России — военную, политическую и экономическую. В результате 28 сентября того же 1873 г. был заключен Шаарский договор о дружбе между Российской империей и Бухарским эмиратом.

Собственно, два договора 1873 г. и являлись основными документами, определявшими взаимоотношения Российской империи с двумя среднеазиатскими ханствами. Формально протекторат России над ними не был никак оформлен, лишь отдельные статьи договоров косвенно указывали на подчиненное положение Бухары и Хивы по отношению к империи. В частности, п. 12 Гандемианского договора гласил: «Русским подданным предоставляется право иметь в ханстве недвижимое имущество. Оно облагается поземельной податью по соглашению с высшей русской властью в Средней Азии» [Сборник, 1952, № 19, с. 132]. Аналогичным образом, в Шаарском договоре присутствовали следующие положения:

«Статья 4. В тех местах на бухарских берегах Аму-Дарьи, где окажется необходимым и удобным, русские имеют право устраивать свои пристани и склады для товаров. Наблюдение за безопасностью и сохранностью этих пристаней и складов берет на себя бухарское пра-

вительство. Утверждение выбранных мест для пристаней зависит от высшей русской власти в Средней Азии.

Статья 5. Все города и селения Бухарского ханства открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность русских караванов внутри бухарских пределов отвечает бухарское правительство» [Там же, № 20, с. 136].

Как видим, фактическая зависимость среднеазиатских монархов от «высшей русской власти в Средней Азии» (т.е. туркестанского генерал-губернатора) отражена в документах довольно осторожно и то — применительно к статусу русских подданных в ханстве, занимающихся торговлей². Надо полагать, такой подход объяснялся нежеланием российских властей давать иностранным «партнерам» Российской империи (и в первую очередь Великобритании, главному сопернику России в борьбе за контроль над Центральной Азией в рамках «Большой игры») поводы для обвинения в захватнической политике. В результате хотя и сами российские власти не скрывали, что контролируют Бухару и Хиву, и иностранцы, побывавшие в этих государствах, также имели возможность убедиться в их вассальном положении, на формально-юридическом уровне Россия не могла быть обвинена в захвате независимых среднеазиатских ханств ([Покровский, 1927, с. 47]; см. также: [Каспэ, 2001, с. 167; Лурье, 2012, с. 142–143]).

Кроме того, надо сказать, что среди представителей властных структур Российской империи (как центральных, так и региональных) не было единства относительно судьбы Бухары и Хивы. Ряд государственных деятелей (в первую очередь военные) склонялись к целесообразности прямого включения ханств в состав России — с упразднением в них института ханской власти, местной структуры управления, системы права, административного деления, как это было в 1876 г. проделано с Кокандским ханством. Их противники

² Проект договора с Бухарой, предложенный К.П. фон Кауфманом в 1867 г., содержал куда более жесткие формулировки — вплоть до запрета эмиру сноситься по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики не только с иностранными государями, но и с российскими центральными властями и обязанностью обсуждать их только с туркестанским генерал-губернатором (см. подробнее: [Покровский, 1927, с. 50]).

(прежде всего, представители внешнеполитических и финансовых ведомств) возражали против этого, указывая как на возможные международные осложнения, так и на затратность процесса административных преобразований. Их точка зрения возобладала примерно на четверть века — пока уже в первом десятилетии XX в. вновь не был поднят вопрос о прямом включении Бухары и Хивы в состав России (см. подробнее: [Тухтаметов, 1966, с. 68 и след.; 1969, с. 54 и след.]). Таким образом, оставляя в качестве правовой основы регламентации отношений с Бухарой и Хивой «торговые договоры», Россия, по сути, была готова к любому развитию событий в отношении этих государств — как к сохранению их формального суверенитета, так и дальнейшей интеграции в состав империи (см., например: [Лурье, 2012, с. 183]). Сохранение системы «косвенного управления», впрочем, в большой степени устраивало российские власти, и причину этого весьма четко отразил британский современник Г. Норман, писавший, что формат протектората позволял России контролировать политику и экономику эмирата, не принимая при этом на себя никаких обязательств [Norman, 1902, p. 287]. Несколько позже аналогичное суждение было высказано и шведским путешественником О. Олуфсеном, который отметил, что русские даже не пытались реформировать систему управления Бухарским эмиратом, поскольку существующая была экономичнее и позволяла эффективно проводить преобразования в различных сферах, не встречая противодействия со стороны эмира и его «министров» [Olufsen, 1911, p. 575].

Интересно отметить, что сохранение системы управления и даже традиционного местного самоуправления в среднеазиатских ханствах обосновывалось даже в контексте «Великих реформ» в самой России. Так, например, российские чиновники и даже иностранные путешественники проводили параллели между среднеазиатскими аксакалами городов и селений и мировыми институтами, возникшими в России в 1860–1870-е годы (см., например: [Curtis, 1911, p. 124]), хотя внутри страны имперская администрация в этот период активно вмешивалась в деятельность и местного самоуправления, и мировой юстиции (см. подробнее: [Лонская, 2000, с. 115–117; 2003]).

Однако скудность нормативной базы и система «косвенного управления» отнюдь не соответствовали масштабам вмешательства России в политико-правовое развитие Бухары и Хивы. При этом далеко не последнюю роль играл и личностный фактор: достаточно

вспомнить ряд выдающихся деятелей российской администрации в Центральной Азии — первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, первого главу Российского политического агентства Н.В. Чарыкова и других, кто лично или через доверенных представителей нередко влиял на правовую политику как российских властей (в том числе и центральных) по отношению к среднеазиатским ханствам, так и самих монархов Бухары и Хивы. Достаточно широкую свободу действий им давало отсутствие четкой правовой регламентации отношений России с ее вновь появившимися среднеазиатскими протекторатами. Лишь в исключительных случаях взаимоотношения между Россией и Бухарой или Хивой, регламентировались дополнительными соглашениями международного уровня. Чаще всего они решались в текущем порядке, обычно — путем формального издания актов бухарских и хивинских правителей, которые принимались ими по собственной инициативе, однако в большинстве случаев их издание было результатом «лоббирования» со стороны представителей российских властей.

Таковыми представителями в Бухарском эмирате поначалу являлись доверенные лица туркестанского генерал-губернатора с довольно расплывчатыми, хотя *de facto* и весьма серьезными полномочиями (см., например: [Арендаренко, 1974]). А в 1886 г. в Бухаре начало работу Российское политическое агентство, также юридически подконтрольное туркестанскому генерал-губернатору, но вместе с тем напрямую взаимодействовавшее и с Министерством иностранных дел Российской империи [Матвеева, 1994]. Иностранные дипломаты и путешественники, посещавшие Бухарский эмират, писали о настоящем всеилии российского политического агента, одно упоминание имени которого открывало любые ворота в Бухаре. Оно заставляло с вниманием относиться ко всем просьбам и пожеланиям тех, кто пользовался покровительством российского дипломатического представителя, обращение к которому «по многим вопросам было бы более эффективным, чем к эмиру» [Добсон, 2013, с. 138]. Сходная ситуация складывалась и в Хивинском ханстве, где роль, аналогичную роли Политического агентства в Бухаре, играл так называемый Амударьинский округ (позднее — отдел). Формально его полномочия сводились лишь к осуществлению контактов с Хивинским ханством от имени империи, фактически же руководство округа играло важную роль в политике Хивы [Ниязматов, 2010, с. 204–206].

Впрочем, следует отметить, что российские дипломатические представители в среднеазиатских ханствах нередко, и в самом деле, старались стимулировать преобразования, которые позволили бы поднять уровень жизни в Бухаре и Хиве, приблизить их систему управления и правоотношений к российским и европейским нормам. Самым главным событием в социальной сфере стала отмена рабства, предусмотренная п. 17 Договора с Хивой и ст. 17 Договора с Бухарой 1873 г., хотя на практике этот процесс затянулся на долгие годы. Иностранные путешественники свидетельствуют, что формально работорговля была под запретом, но фактически она оставалась по-прежнему распространена во всем эмирате, причем и эмир за ее счет пополнял свой гарем. Достаточно сказать, что хотя уже в середине 1870-х годов он «отчитывался» перед туркестанскими властями о полном уничтожении рабства в эмирате [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 20, д. 8223], официальный указ эмира о запрете работорговли был издан лишь в 1886 г.! Соответственно, представителям русских властей приходилось «собственным примером» подталкивать бухарские власти к выполнению этого обязательства: известно, что они выкупали пленников и освобождали их (см., например: [Чернов, 2010, с. 64–66]). Аналогичным образом, и хивинский хан в середине 1870-х годов рапортовал о реализации им соответствующего пункта Гандемианского договора, удостоиваясь похвал туркестанского руководства [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 10, л. 23], однако еще и в 1880-е годы имперской пограничной администрации приходилось принимать меры по освобождению из хивинской неволи русских подданных [Там же, д. 27, л. 57].

Еще одной сферой правоотношений в среднеазиатских ханствах, в которой представителям Российской империи удалось добиться значительных успехов, была уголовно-правовая. Не имея формальных полномочий вмешиваться в эти отношения, русские власти тем не менее использовали официальные и неофициальные методы воздействия на местные правящие круги, чтобы улучшить существующую уголовную систему. Поначалу российские представители могли лишь выражать свое неодобрение. Так, когда в Бухаре был убит крупный эмирский сановник диван-беги, его убийца, в соответствии с древним обычаем, был передан родственникам и слугам убитого, которые подвергли его длительным мучениям, а затем жестоко казнили. Российские представители пытались отговорить бухарские власти от

столь варварского способа казни, но, не преуспев в этом, удалились на время казни из столицы [Dobson, 1890, p. 272–273]. Однако со временем представителям имперских властей удалось убедить эмира отказаться от подземных тюрем-зинданов и отменить ряд мучительных пыток. Начиная с 1888 г. в Бухаре не применялось сбрасывание с «Башни смерти» [Чернов, 2010, с. 66; Olufsen, 1911, p. 337, 548]. Однако даже в начале XX в. приходилось констатировать, что в Бухаре, несмотря на усилия русских властей, сохранялись такие наказания как привязывание к шесту, при котором наказываемому не давали уснуть до самой смерти, жестокие изощренные пытки с целью добиться признания и т.д., что продолжало вызывать жалобы Российского политического агентства. Действия русских в этом направлении не остались незамеченными населением Бухары. В структуре Политического агентства имелся свой суд для разрешения гражданских и уголовных дел, в которых пострадавшей стороной являлись русские подданные или другие иностранцы, причем решение суда считалось окончательным и не могло быть обжаловано даже в суде эмира. Этот суд пользовался большой популярностью бухарцев, которые пытались решать в нем даже свои внутренние споры, на что сами представители Российской империи были вынуждены отвечать отказом, скрупулезно соблюдая политику невмешательства во внутренние дела эмирата.

Русские компании арендовали в ханствах Средней Азии недвижимость под торговые конторы, склады, производство тканей и табака, брали в разработку золотые копи. Они также стимулировали развитие виноделия и виноторговли в Бухаре, а торговля шкурами и мехами (в том числе и ввозившимися на территорию ханств) осуществлялась через российских дилеров. Все эти действия никоим образом не регламентировались международно-правовыми актами, а оформлялись на уровне частноправовых договоров, правда — в присущем Востоку порядке: путем издания среднеазиатскими монархами соответствующих указов-ярлыков.

Развивая торговлю и производство, представители российских властей и предпринимательских кругов много внимания уделяли и развитию коммуникаций: в 1880–1890-е годы начинается активное строительство в Средней Азии дорог и мостов. Несомненно, важнейшим событием стало построение на территории Бухарского эмирата железной дороги, связавшей Бухару с Ташкентом, Оренбургом и ев-

ропейской частью России. В связи с этим нельзя не сказать несколько слов о появлении в Бухарском эмирате «русских колоний» с особым статусом. Уже вскоре после подчинения Бухары в ней появляются российские укрепленные поселения с гарнизонами: укрепление Св. Георгия в бухарском селении Хала-Ата, в Чарджуе и Керки. Как и предоставление торговцам земли и строений, такие вопросы тоже решались путем издания личных указов («позволений») эмира представителям русских властей.

Что касается сферы налоговых правоотношений, то российские власти не вмешивались в систему налогообложения, однако ловкие бухарские беки умели пользоваться изменением статуса эмирата в собственных интересах. Они увеличивали налоги с подвластного им населения под предлогом, что должны делать подарки русским чиновникам и офицерам — а если таких подарков не будет, то придут русские войска [Благовещенский, 2006, с. 268–269]. Между тем в Туркестанском генерал-губернаторстве в конце XIX — начале XX в. проводилась политика запрета одаривания бухарскими властями русских чиновников и офицеров [Дмитриев, 2008, с. 119–120], так что бухарские правители всего лишь вводили в заблуждение подчиненное им местное население.

Однако в середине 1890-х годов и Бухарский эмират, и Хивинское ханство вошли в имперскую таможенную систему, при этом характерно, что официально это было также оформлено не посредством международных договоров, а как «инициатива» среднеазиатских монархов, издавших в связи с учреждением в их владениях российских таможен специальные ярлыки-указы.

Все эти аспекты направления правового развития Бухары и Хивы под российским протекторатом будут предметно проанализированы в следующих главах. Завершая же данный параграф, можно констатировать, что в течение второй половины XIX в. власти Бухары и Хивы под влиянием представителей Российской империи провели существенные преобразования в экономической, социальной и даже в какой-то мере уголовно-правовой сфере. Хотя прямых попыток реформ системы государственного управления и правового регулирования в ханствах российские власти на данном этапе не предпринимали, значительная трансформация правоотношений в них привела к необходимости изменений и в этой сфере, что и нашло отражение в политической и правовой жизни среднеазиатских ханств уже в начале XX в.

§ 2. Инкорпорация правителей среднеазиатских ханств в состав русской правящей элиты

Взаимоотношения российских властей (как центральных, так и пограничных) со среднеазиатскими монархами, чьи владения попали под протекторат Российской империи, прошли довольно длительную эволюцию. Пожалуй, наиболее кратко и при этом выразительно описал ее небезызвестный впоследствии враг советской власти лорд Дж.Н. Керзон, охарактеризовав бухарского эмира Музаффаровича последовательно как врага, затем союзника и, наконец, марионетку России [Curzon, 1889, p. 163–164]. Однако необходимо понять, каким же образом происходила эта трансформация и, самое главное, как она закреплялась официально.

В процессе установления протектората над среднеазиатскими ханствами (конец 1860-х — середина 1870-х годов) российские власти занимали достаточно жесткую политику в отношении среднеазиатских монархов. Первый туркестанский генерал-губернатор, которого в современной исследовательской литературе по статусу и полномочиям сравнивают с британскими вице-королями Индии [Сергеев, 2012, с. 107], в этот период и вел себя как вице-король — активно вмешивался в междоусобную борьбу в Бухаре, Хиве и Коканде, фактически решая, кто из претендентов на трон в большей степени заслуживает доверия в качестве вассала России.

Так, когда вышеупомянутый бухарский эмир Музаффарович в 1868 г. подписал с Кауфманом мирный договор, признав протекторат России, многим политическим силам в эмирате это не понравилось. Бухарская оппозиция выступила против эмира, выдвинув в качестве альтернативного претендента на трон его старшего сына Абд ал-Малика (в источниках также фигурирует как Катта-тура) [Халфин, 1965, с. 236–237]. Несмотря на то что именно Музаффарович подписал договор с Россией, Кауфман в течение некоторого времени колебался, кого из соперников поддержать, приказав своим подчиненным выяснить, будет ли и Абд ал-Малик соблюдать договор, если займет трон [Дмитриев, 1969, с. 81]. И только убедившись, что за сыном эмира стоят не только внутренние противники Музаффаровича, но и британские власти Индии, отправил туркестанские войска на помощь Музаффаровичу, в результате чего восстание было быстро подавлено, а претендент на трон

бежал в британские владения ([Дмитриев, 1969, с. 81–82]; см. также: [Милютин, 2006, с. 86–87]).

Летом 1873 г., когда войска К.П. фон Кауфмана вступили в Хиву, хан Мухаммад-Рахим II, легкомысленно решившийся на противостояние с Россией, бежал из столицы, опасаясь за свою жизнь. На освободившийся трон тут же был выдвинут его брат Атаджан-тура. Однако в переговорах с ним Кауфману стало совершенно ясно, что претендент не обладает даже тенью реальной власти, а потому никакие соглашения с ним не смогут быть реализованы на практике. Поэтому, как и в Бухарском эмирате, он предпочел поддержать легитимного монарха, который, получив гарантии безопасности от русских, вернулся в Хиву и подписал Гандемианский договор [Терентьев, 1906б, с. 262–263; Тухтаметов, 1969, с. 26–27]. Атаджан-тура, не без оснований опасаясь мести со стороны брата, предпочел найти убежище в российских владениях, и впоследствии в течение некоторого времени туркестанские власти использовали его в качестве гарантии лояльности его брата, намекая Мухаммад-Рахиму II, что Атаджан пользуется их покровительством и т.п. (см., например: [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 24, л. 158]).

Совершенно иная ситуация сложилась в Кокандском ханстве. Как уже упоминалось в предыдущей главе, хан Худояр стал первым из среднеазиатских монархов, подписавших с Россией договор, по которому признавал ее протекторат (1868). Однако он имел куда больше проблем со своими подданными, чем монархи Бухары и Хивы — ко времени подписания договора его уже трижды свергали с трона, поэтому неудивительно, что он надеялся на поддержку русских штыков. Убедившись в его неэффективности, К.П. фон Кауфман строго-настрого приказал пограничной администрации Туркестанского края не вмешиваться во внутренние дела Кокандского ханства, предоставив Худояра его собственной судьбе. В 1874 г. хану удалось каким-то чудом подавить очередное восстание, но годом позже оно возобновилось в куда более крупных масштабах, и на этот раз против него (как ставленника «неверных», т.е. русских) выступило сразу два претендента на трон — собственный сын Насреддин и самозванец Пулад-хан, выдававший себя за одного из членов ханского рода [Бабаджанов, 2010, с. 548]. Естественно, с самозванцем российские власти в контакты не вступали, а вот с султаном Насреддином К.П. фон Кауфман попытался начать переговоры, обещая поддержать его при условии

подтверждения договора, подписанного его отцом (который к этому времени уже бежал в Русский Туркестан). Однако претендент, которого поддерживали консервативные силы, провозгласившие газават против русских, уклонился от переговоров, тем самым дав повод ввести в ханство войска из Туркестана с целью защиты русских границ и российских подданных на территории самого ханства [Халфин, 1965, с. 319–320]. Потерпев ряд поражений летом 1875 г., Насреддин уже был готов пойти на условия Кауфмана, но туркестанский генерал-губернатор, убедившись, что и новый хан не справляется с ситуацией, решил упразднить Кокандское ханство и включить его в состав края в качестве Ферганской области [Милютин, 2009, с. 41].

Таким образом, уже во второй половине 1870-х годов у России осталось два протектората в Средней Азии, правители которых имели довольно противоречивый статус в отношении государства-сюзерена. Формально являясь самостоятельными правителями (всего лишь с рядом ограничений во внешнеполитической деятельности), фактически они все больше и больше интегрировались в состав правящей элиты Российской империи³.

Как ни парадоксально, по мере укрепления контактов с российскими властями, эти правители не только не утрачивали, но и, напротив, повышали свой статус и свои позиции внутри собственных государств. И если английский журналист Дж. Добсон, побывавший в Бухаре в 1888 г., писал, что «теперешний эмир вряд ли является чем-то большим, чем русский чиновник, и не может помочь даже сам себе» [Добсон, 2013, с. 138], то Д.Н. Логофет, российский офицер и ученый, длительное время прослуживший в Туркестане, в начале XX в. описывал его статус совершенно иначе. По его словам, недопустимая мягкость туркестанских властей и российских дипломатических представителей в самом эмирате привели к тому, что эмир, на словах провозглашавший себя верным вассалом России, фактически неоднократно игнорировал требования имперской администрации (не-

³ Этот процесс отмечает и А. Эткинд, специально оговаривая отличие российской политики по отношению к населению и элитам Центральной Азии от политики Британской империи в ее колониях [Эткинд, 2013, с. 29]. Впрочем, он склонен объяснять это отличие не столько принципиально разными подходами в «колонизации» двух империй, сколько тем, что британские колонии были отделены от нее морями и океанами, а российские находились на том же континенте, что и метрополия.

редко вступая в длительную переписки, ничем не заканчивавшуюся) и даже без уважения относился к высокопоставленным ее представителям, которые либо приезжали в Бухару, либо принимали эмира у себя. Внутри же государства он вообще вел себя как абсолютный монарх, никоим образом не учитывая интересов России в целом, и русских подданных, пребывавших в самом эмирате в частности [Логофет, 1911б, с. 176–190]. Есть основания полагать, что Логофет несколько сгушал краски, поскольку целью его фундаментального исследования о Бухарском эмирате было убеждение российских правящих кругов в необходимости его окончательного включения в состав России. Тем не менее некоторые показатели изменения статуса среднеазиатских монархов в значительной степени подтверждают его выводы.

Наружно повышение статуса эмира Бухары и хана Хивы в отношениях с Россией нашло отражение в изменении их титулатуры, использовавшейся российскими властями в переписке со среднеазиатскими вассалами и во внутренней официальной документации. В 1870-е годы хивинского хана именовали «его высокостепенством», в 1880-е — «его светлостью», а с 1890-х — «его сиятельством». Бухарский же эмир титуловался сначала «высокостепенством», затем «светлостью», а с 1910 г. — «высочеством»⁴.

Бухарский эмир Музаффар (прав. 1860–1885) был награжден орденом св. Анны I степени. Его сын и наследник Абдул-Ахад (прав. 1885–1910) имел придворное звание генерал-адъютанта, воинское звание генерала от кавалерии, являлся наказным атаманом Терского казачьего войска, был кавалером целого ряда российских орденов — св. Станислава II степени, св. Анны I степени, св. Александра Невского, св. Владимира I степени, Андрея Первозванного, Белого Орла. Наконец, его сын, последний бухарский эмир Алим-хан (прав. 1910–1920), подобно отцу, был генерал-адъютантом, генерал-лейтенантом по Терскому казачьему войску. Был награжден орденами св. Станислава I степени, св. Анны I степени, св. Александра Невского, св. Владимира II степени, Белого Орла. Высокими званиями и титулами обладали и хивинские ханы. Так, Мухаммад-Рахим II (прав. 1864–1910) был произведен в генералы от кавалерии, имел ордена св. Анны

⁴ Интересно, что кокандский хан Худояр после подписания договора 1868 г. изначально титуловался «светлостью», и этот же титул сулил его сыну Насреддину в случае подтверждения им условий договора [Бартольд, 1963, с. 395].

I степени, св. Александра Невского, св. Владимира I степени, Белого Орла. Его сын и наследник Исфендиар II (прав. 1910—1918) был войсковым старшиной Оренбургского казачьего войска, носил звание генерал-майора, был зачислен в свиту императора, являлся кавалером орденов св. Станислава I степени, св. Анны I степени, Белого Орла [Россия, 2017, № 12, с. 80—82]⁵.

Повышение статуса среднеазиатских правителей нашло отражение не только в титулатуре, но и в протоколе: по словам Д.Н. Логофета, изучавшего состояние Бухарского эмирата в начале XX в., «еще сравнительно недавно, 10—15 лет тому назад, при проездах туркестанского генерал-губернатора эмир бухарский спешил встречать его как высшего представителя русской власти в крае, далеко от своей резиденции, оказывая при этом особенно много знаков внимания по восточному обычаю, но в настоящее время порядок таких встреч давно изменился, и генерал-губернатора встречают лишь одни чиновники эмира, ожидающего у себя приезда к нему с визитом» [Логофет, 1911a, с. 14].

Покровительство со стороны российских властей служило своеобразным «фактором легитимации» претензий на трон конкретных представителей правящих династий среднеазиатских ханств. В 1910 г. на престол в Бухаре вступил Сейид-Алим-хан, четыре года обучавшийся в Императорском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге и пользовавшийся покровительством императорского двора: его горячо поддерживали сторонники реформ в Бухарском эмирате, связывая грядущие преобразования со среднеазиатской политикой российских властей, проводником которой они видели нового монарха [Пылев, 2005, с. 65]. Аналогичным образом не вызвало никаких беспорядков и воцарение в Хиве в том же 1910 г. хана Исфендиара, который также имел тесные связи с имперскими правительственными кругами и пользовался поддержкой хивинских реформаторов [Погорельский, 1968, с. 69—70]. Как правитель государства, находившегося под протекторатом Российской империи (да еще и номинально нося титул генерал-лейтенанта русской армии), Исфендиар имел возможность привлекать в случае необходимости русские войска. По некоторым

⁵ Обратим внимание, что ордена, названные именами православных святых носили бухарские правители, являвшиеся, согласно своей титулатуре, «амир ал-муминин», т.е. «повелителями правоверных»!

сведениям, его восшествие на престол оказалось мирным еще и потому, что порядок во время коронации обеспечивали казаки генерала Глушановского [Ниязматов, 2010, с. 319]. В 1917 г. для подавления мощного крестьянского восстания в ханстве Исфендиар получил войска уже от Временного правительства; характерно, что власть хивинского хана пала как раз после того, как в результате Октябрьской революции он утратил возможность опираться на русские вооруженные силы и пал жертвой узурпатора Джунаид-хана [Фиолетов, 1941, с. 77].

Впрочем, во многом эти изменения в статусе носили формальный характер. Нельзя сказать, что российские власти предоставили своим среднеазиатским вассалам полную свободу действий. Напротив, контроль за их деятельностью со стороны соответствующих имперских административных структур усиливался. В Бухаре это было с 1886 г. Императорское Русское политическое агентство, а в Хивинском ханстве сходные функции выполняли начальники Амударьинского отдела. Их роль в обеспечении контроля российских властей за протекторатами в Средней Азии мы более подробно рассмотрим в следующем параграфе.

Однако все большее влияние российской имперской политики на правовое развитие Бухарского эмирата и Хивинского ханства отнюдь не сводилось к установлению и закреплению зависимости местных правителей от российских властей в Туркестане. Правящие имперские круги не собирались довольствоваться простым признанием зависимости среднеазиатских монархов от Российской империи и предоставлением российским чиновникам и предпринимателям определенных привилегий в экономической сфере. В начале XX в., в связи с событиями, происходящими в самой России, все чаще стал подниматься вопрос о проведении политических преобразований в самих Бухаре и Хиве. Предложения реформ разрабатывались администрацией Туркестанского края и доводились до сведения бухарских и хивинских властей [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 723, л. 60–63].

Впрочем, нельзя сказать, что проведение преобразований, своеобразная демократизация Бухарского эмирата и Хивинского ханства являлись односторонней инициативой российских имперских властей. В самих ханствах (в немалой степени под влиянием небезызвестных «младотурков» — сторонников демократизации и конституционализации Османской империи) формировались политические силы, придерживавшиеся аналогичной политической ориентации.

Представители различных слоев общества (в первую очередь зарождавшейся национальной буржуазии и интеллигенции обоих среднеазиатских государств, а также и некоторые сановники и даже представители духовенства) все чаще поднимали вопрос об изменении формы правления, реформе органов государственной власти, фактически не изменявшихся с эпохи Средневековья. Интересно отметить, что и в этом отношении различные политические круги так или иначе связывали грядущие преобразования с Россией (см. подробнее: [Пылев, 2005, с. 48–82]). Формально курс на демократизацию политического устройства Хивинского ханства и Бухарского эмирата был взят, и сами же монархи официально его провозгласили — правда, в традиционной для тюрко-монгольских монархий форме, издав соответствующие указы — ярлыки или фирманы ([ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 2, д. 715, л. 49]; см. также: [Погорельский, 1968, с. 72–73; Тухтаметов, 1966, с. 99–100]).

В связи с активизацией политической жизни среднеазиатских ханств в элите Бухары и Хивы довольно четко наметились два противоборствующих лагеря: консервативное крыло, полностью поддерживавшее интеграцию с Россией (вплоть до свержения монарха и переход под власть империи — подобно Кокандскому ханству), и либеральное (в начале XX в. создавшее в обоих ханства движения, соответственно, младобухарцев и младохивинцев), выступавшее за независимость своих государств, но по образцу европейских конституционных монархий. При этом население как Бухары, так и Хивы, по свидетельствам иностранных путешественников в этих государствах, в большей степени находилось на стороне первых, поскольку видело в присоединении к России больше выгод, имея перед глазами примеры в виде Ферганской области (бывшего Кокандского ханства) и Самаркандской области (части эмирата, присоединенной к Российской империи в 1868 г.), в которых такое же местное мусульманское население проживало в неизмеримо лучших условиях, нежели под правлением своих же мусульманских монархов [Norman, 1902, p. 291]. Естественно, в таких условиях имперские власти под предлогом дальнейших преобразований старались укрепить позиции консервативных правительств Бухарского эмирата и Хивинского ханства [Curtis, 1911, p. 141, 143–144].

Подобные настроения привели к тому, что в начале 1910-х годов представители имперских властных кругов вновь стали поднимать

вопрос о более радикальной политике России в отношении среднеазиатских ханств. По их мнению, дальнейшая модернизация в Средней Азии была возможна лишь при условии окончательного присоединения Бухары и Хивы к России, упразднения в них ханской власти, традиционных политических и правовых институтов и организации административно-территориальной системы по образу и подобию Туркестанского или Степного края [Тухтаметов, 1966, с. 68–71; Центральная Азия, 2008, с. 309–310]. Одно из главных препятствий подобным действиям вскоре после установления протектората — вооруженное противостояние с Великобританией — было устранено в результате подписания соглашения об «афганском разграничении» в 1907 г., так что серьезных внешнеполитических проблем подобные действия Российской империи не вызвали бы (см. подробнее: [Сергеев, 2012, с. 239 и след.]). Сторонники и противники присоединения Бухары и Хивы к России несколько лет вели бурные дискуссии по этому вопросу, которые были перечеркнуты событиями восстания в Центральной Азии 1916 г. и Февральской революции 1917 г.

§ 3. Правовые основания использования российских войск в протекторатах

Установление российского протектората над среднеазиатскими ханствами (Бухарский эмират и Хивинское ханство) предусматривало оказание российскими властями поддержки местным монархам в борьбе с внешними врагами и внутренними беспорядками — включая и военную помощь. Тем не менее формальная независимость Бухары и Хивы (поскольку протекторат не был юридически закреплен какими-либо международно-правовыми актами) вызывала определенные правовые проблемы, связанные с обоснованием ввода русских войск на территорию того или иного ханства. В связи с этим представляется целесообразным проследить как обосновывали пограничные власти Российской империи (прежде всего — генерал-губернаторы Туркестанского края) причины введения русских войск в Бухарский эмират и Хивинское ханство и участие их в боевых действиях на территории этих государств.

Первым прецедентом использования российских войск в протекторатах стало участие их в подавлении восстания Абд ал-Малика Катта-туры, старшего сына эмира Музаффары, причем, как уже отме-

чалось, туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман сделал это не сразу, а лишь убедившись, что мятежный царевич является крестурой враждебных Бухаре беков и властей Британской Индии. После этого было довольно просто договориться с Музаффаром и оказать ему помощь — как другу и союзнику России, который, к тому же, сам направил письмо начальнику Туркестанского края [Логофет, 1911а, с. 28–29; Сами, 1962, с. 98].

Как уже говорилось выше, договор с Бухарой 1868 г. (как и последующие договоры с Хивой и Бухарой 1868 г.) не содержал никаких положений о формальном установлении протектората Российской империи над эмиратом. Более того, юридически это было соглашение о торговле и предоставлении российским подданным льгот именно в этой сфере на территории эмирата [Ремез, 1922, прил., с. 32]. Естественно, ни о какой регламентации применения русских войск в юридически независимом государстве речи не шло. Тем не менее действия российских военных отрядов против мятежного Катта-туры стали именно тем прецедентом, на который и в дальнейшем опирались власти Русского Туркестана в чрезвычайных обстоятельствах. И одним из официальных оснований для введения российских войск в протектораты становилось их официальное «приглашение» со стороны местных правителей — верных друзей России.

Уже на основе событий 1868–1869 гг. русские войска вновь были использованы в интересах бухарского эмира Музаффара год спустя — для борьбы с шахрисябзскими правителями Баба-беком и Джура-беком, которые сначала поддерживали Катта-туру в борьбе с отцом, а затем открыто отказались признавать власть бухарского монарха [Айни, 1975, с. 288–289; Сами, 1962, с. 100–104; Терентьев, 1906а, с. 500–501].

Надо сказать, что введению российских войск в эмират и их использованию против гиссарских беков предшествовала значительная аналитическая работа: имперские чиновники провели достаточно серьезное исследование, чтобы понять, насколько обоснованы претензии бухарского эмира на Шахрисябз. Очень кстати оказались сведения российских дипломатов и путешественников, побывавших в Бухарском эмирате еще до установления протектората и отмечавших, что в прежние времена этот обширный регион являлся частью эмирата (см. подробнее: [Маликов, 2015]). Тем не менее поначалу, как и в случае с Катта-турой, К.П. фон Кауфман предпочел тактику нейтралитета и даже заключил с Шахрисябзом (в лице Джура-бека) от-

дельный мирный договор — точно так же, как с Бухарой [Гедин, 1899, с. 57–58]. И лишь после его нарушения местными правителями, когда стало очевидным, что продолжение пребывания у власти агрессивных Баба-бека и Джура-бека грозит нестабильностью не только эмирату, но и граничившим с ними областям самой Российской империи, в 1870 г. крупный российский отряд под командованием генерала А.К. Абрамова вторгся в шахрисябзские владения, разгромил небольшие и наспех собранные войска беков и обеспечил присоединение этого региона к Бухаре. Мятежные беки бежали в пределы Кокандского ханства, но хан Худояр, также признавший протекторат России, выдал их России, где они, впрочем, сумели сделать неплохую военную карьеру [Логофет, 1911а, с. 30–32; Сами, 1962, с. 114–115; Россия — Средняя Азия, 2011а, с. 309–314; Терентьев, 1906а, с. 501–510].

Практически аналогичным образом русские войска были использованы в Хивинском ханстве против туркмен-йомудов в ходе Хивинского похода 1873 г. Правда, в отличие от Бухары, к моменту проведения боевых действий с этим среднеазиатским государством не было заключено никакого договора — даже торгового, как с Бухарой в 1868 г., — и, следовательно, все формальные вопросы о возможности оказания помощи хивинскому хану решались на основе исключительно устных договоренностей с ним и его представителями.

Вскоре после того, как войска под командованием К.П. фон Кауфмана взяли Хиву, в ханстве был создан своеобразный «переходный» орган власти — ханский совет, или Диван, в который вошли представители как Хивинского ханства, так и Российской империи. В задачи этого органа включались вопросы стабилизации ханской власти в ханстве, отмена рабства и освобождение рабов, выплата контрибуции России, содержание российских войск, временно пребывавших в ханстве [Гродеков, 1883, с. 272–274]. Многочисленное племя йомудов, и ранее зачастую лишь номинально признававшее власть Хивы, отказалось участвовать в освобождении рабов и выплате контрибуции, и Кауфман — от своего собственного имени, а не имени ханского совета! — издал прокламацию, в которой в ультимативном порядке потребовал от туркмен выплаты контрибуции и штрафа за неподчинение прежним решениям совета. В ответ туркмены прислали своих послов, которых, опять же, принял сам генерал-губернатор Туркестана и убедившись, что они не собираются выполнять его требований, направил против них отряд генерала Н.Н. Головачева, которому

приказал принимать любые меры для обеспечения выполнения своих требований — вплоть до уничтожения йомудов [Лобысевич, 1898, с. 251; Терентьев, 1906б, с. 267; Becker, 2004, р. 58].

Это решение Кауфмана впоследствии осуждалось как мировой общественностью, так и более поздними историками (в особенности советскими), которые приводили его в качестве примера жестокости туркестанского генерал-губернатора в отношении местного населения (см. подробнее: [Глушенко, 2010, с. 201–208; Терентьев, 1906б, с. 268–270; Sela, 2006])⁶. Генерал-губернатору пришлось оправдываться, однако эти оправдания он высказывал в частной переписке [Бухерт, 2016], тогда как в формально-юридическом отношении постарался максимально легитимировать свои действия, «задним числом» обосновав их в Гандемианском договоре с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II — в преамбулу был включен следующий пассаж:

«Новому положению дел немедленно подчинились все подданные Сеид-Мухамед-Рахим-Богадур-Хана, за исключением большинства родов из туркмен, которые, хотя и изъявили покорность присылкой своих старшин и депутатов к Командующему русскими войсками, но на деле не признавали власти Хана и не исполняли требований Командующего русскими войсками. Они наказаны и усмирены силой русского оружия. Лишение значительной части имущества, большая потеря в людях и в особенности нравственное поражение, ими ныне испытанное, упрочивают власть хана над ними и обеспечивают спокойствие всей страны на будущее время» [Сборник, 1952, № 19, с. 130].

Процесс стабилизации политической обстановки в Хивинском ханстве оказался довольно длительным, поэтому, выводя войска с территории ханства, генерал-губернатор поручил надзор за ситуацией в Хиве полковнику Н.А. Иванову, назначенному первым начальником Амударьинского военного отдела — административно-территориальной единицы Туркестанского края, созданного на землях, отторгнутых у Хивы по Гандемианскому договору. В частности, в адресованном ему циркуляре от 12 сентября 1873 г. К.П. фон Кауфман прямо

⁶ Кстати, столь частое обращение историков, негативно характеризовавших Кауфмана, именно к этому примеру достаточно красноречиво свидетельствует о том, что никаких других доказательств его жестокостей к местному населению установлено не было.

писал: «Внутренние дела Хивинского ханства, о которых, само собой разумеется, следует стараться иметь самые ближайшие сведения, должны вызывать наше участие настолько, насколько они будут касаться интересов и спокойствия вновь подчиненной нам страны и ее населения» (цит. по: [Терентьев, 1906б, с. 300]; см. также: [Ниязматов, 2010, с. 204–205]). В результате, как отмечали современники, уже в 1874 г. «начальник аму-дарьинского округа уже успел сходить два раза “на ту сторону Аму-дарьи”, и конечно это будет повторяться хронически» [Терентьев, 1875, с. 116]. Однако, как выяснилось, этих рейдов оказалось достаточно, чтобы на какое-то время обеспечить спокойствие туркмен и хотя бы внешнее проявление ими лояльности к хану Хивы.

Вышеприведенные примеры показывают, что использование российских войск в среднеазиатских протекторатах туркестанскими властями было не столь уж частым, как это пытались представить в советской историографии (см., например: [Гафуров, 1955, с. 431–432]). Напротив, администрация Туркестана до последнего старалась не прибегать к военному вмешательству, что нашло отражение, в частности, в 1869 г. — Кауфман отказался задействовать войска в конфликте Бухары и Коканда по поводу контроля над восточно-бухарской областью Каратегин: оба государства находились под протекторатом Российской империи, и использование русских войск на стороне одного вассального ханства против другого было совершенно нецелесообразным. В результате Кауфман сыграл роль внешнего арбитра и добился принятия компромиссного решения по поводу контроля над областью, сделав ее вассальным владением Бухары [Кисляков, 1941, с. 117, 120; Терентьев, 1875, с. 71–72].

Аналогичным образом тот же К.П. фон Кауфман в течение нескольких лет не давал согласия на введение российских войск в Кокандское ханство, которое с 1873 г. сотрясало мощное восстание против крайне непопулярного хана Худояра. Напротив (как поначалу в ситуации с Катта-турой в Бухаре) туркестанский генерал-губернатор вступил в переговоры с претендентом на трон Насреддином, сыном Худояра, надеясь, что его вступление на престол стабилизирует ситуацию в ханстве. И лишь в 1875 г., когда кокандские эмиссары начали антироссийскую агитацию в подконтрольных России областях в верховьях Зеравшана, войска под командованием М.Д. Скобелева были введены на территорию ханства — для защиты интересов русских под-

данных⁷. И лишь убедившись в том, что ситуацию в ханстве не сможет стабилизировать ни один из претендентов на трон, К.П. фон Кауфман принял решение о его ликвидации и включении в состав Туркестанского края — что также было сделано при прямом участии российских войск.

Столь оперативные и решительные действия российской администрации в конце 1860-х — середине 1870-х годов произвели сильное впечатление на политические круги в ханствах Средней Азии, следствием чего стало отсутствие необходимости применения российских войск во внутренних конфликтах Бухары и Хивы в течение весьма длительного времени. Так в 1885 г., после смерти эмира Музаффара, вышеупомянутый Катта-тура попытался силой захватить трон, однако вскоре отказался от своих намерений: специальный российский эмиссар капитан Карцев, направленный в Бухару, публично заявил, что российские власти готовы поддержать законного наследника Сейид Абдул-Ахада даже силой оружия, и этого оказалось достаточно, чтобы претендент бежал в британские владения [Тухтаметов, 1966, с. 50—51]. Убедительность обещаниям российского эмиссара придавало наличие серьезных военных соединений в Самарканде, откуда они могли быть в кратчайшие сроки переброшены в Бухару по железной дороге, а также наличие российских военных гарнизонов в ряде пограничных городов эмирата⁸.

В конце 1905 — начале 1906 г. в. российские войска вновь были введены в Бухару — однако для подавления выступлений в рамках Первой русской революции в городах Чарджоу и Новая Бухара [Тухтаметов, 1966, с. 80—81; Фомченко, 1958, с. 34—35]. Таким образом, это было не вмешательство в дела протектората, а решение «внутренних вопросов» в поселениях, считавшихся частью империи.

Однако вскоре вновь понадобилось военное вмешательство в дела эмирата: в январе 1910 г. в Бухаре начались столкновения на религиозной почве, вошедшие в историю как «суннитско-шиитская

⁷ В.А. Германов обращает внимание на то, что участие в военных действиях на стороне России ранее плененного шахрисябзского правителя Джура-бека способствовало предотвращению кровопролития с обеих сторон: он нашел возможность повлиять на своих родственников, поддержавших антироссийское выступление кокандцев [Россия — Средняя Азия, 2011а, с. 315].

⁸ О русских военных поселениях на территории Бухарского эмирата см. подробнее § 2 главы IV наст. изд.

резня». С обеих сторон в конфликте приняли участие не только широкие массы населения, но и высокопоставленные сановники, и, что было хуже всего, войска: офицеры и солдаты бухарского эмира (среди которых также были и сунниты, и шииты) вместо подавления беспорядков, сами стали на сторону своих единоверцев. Как и ранее российские власти до последнего старались решить проблему путем переговоров, попытавшись выступить посредниками между суннитами и шиитами Бухары, и лишь когда возникла непосредственная опасность жизни российских подданных на территории эмирата (а также узнав, что к разжиганию религиозной розни в эмирате причастны секретные службы Османской империи), прибегли к военному вмешательству.

При этом, в отличие от предыдущих случаев, имперским властям даже не пришлось задействовать значительные силы: сначала участников волнений разогнал небольшой отряд казаков, составлявших охрану Российского политического агентства в Новой Бухаре, а пару дней спустя из Самарканда и Катта-Кургана прибыли стрелковая рота и казачья рота, а также четыре пулеметных расчета, что заставило инициаторов резни отказаться от решительных действий и согласиться на переговоры с бухарскими властями через посредство российских представителей [Тухтаметов, 1977б, с. 35–41].

Как уже отмечалось выше, решительные действия сначала генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и генерала Головачева, а затем и начальника Амударьинского отдела полковника Н.А. Иванова против хивинских туркмен на долгие годы обеспечили спокойствие в Хивинском ханстве. Однако к началу XX в. ситуация в ханстве вновь стала беспокойной: чувствуя себя увереннее под покровительством России, хан Исфендиар решил вести более решительную политику в отношении своих туркменских подданных и увеличить взимаемые с них налоги. Однако туркмены отказались подчиниться требованиям хана, и их предводители начали подбивать население аулов на вооруженное сопротивление хану. Первоначально начальник Амударьинского отдела попытался решить проблему путем переговоров, выступив в качестве посредника между ханскими властями и туркменскими старшинами, и в январе 1913 г. даже сумел добиться заключения соглашения, представляющего собой компромисс между ханской налоговой и земельно-правовой политикой и позицией туркмен. Однако сам хан вскоре отказался выполнять его условия [Садыков, 1972,

с. 159–160]. В результате начались выступления туркмен против хивинских властей, вылившиеся к рубежу 1914–1915 гг. в массовое, едва ли не общетуркменское выступление против ханской власти. И только тогда российские власти сочли возможным отозваться на постоянные призывы хана Исфендиара и направить войска для подавления восстания: сначала были введены подразделения из Амударьинского военного отдела, а затем — и более крупные силы непосредственно из Туркестанского края [Погорельский, 1968, с. 90–92]. Однако как только войскам удалось преодолеть наиболее «горячую» фазу восстания, имперские власти вновь решили сменить военные методы на дипломатические: туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов направил в Хиву помощника военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майора Г.А. Геппенера с широкими полномочиями по расследованию причин восстания и поиску пути выхода из кризиса [Котюкова, 2009а, с. 3]. Таким образом, даже массовый характер восстания против хана — явного ставленника и протектора российских властей — не привел к вводу в Хиву многочисленного воинского контингента, подобно имевшемуся в ханстве в 1873 г.⁹

Таким образом, можно сделать вывод, что имперские власти в целом достаточно скрупулезно соблюдали формально независимый статус среднеазиатских протекторатов Российской империи и не использовали там войска как средство достижения своих политических или экономических интересов. Как показывают довольно немногочисленные примеры применения российской военной силы в ханствах, для принятия решения о военном вмешательстве, как правило использовалось одно из двух оснований: либо прямое обращение местных властей к российским покровителям (в лице туркестанского генерал-губернатора или имперских представителей на территории самих ханств), либо же наличие непосредственной опасности жизни, здоровью и имуществу российских подданных на территории ханств.

При этом еще раз стоит подчеркнуть, что никакой юридической регламентации по поводу использования русских войск в протектора-

⁹ Последний раз российские войска были введены в Хивинское ханство в 1916 г., но эти события будут рассмотрены нами в рамках анализа политики Российской империи по отношению к протекторатам во время восстания 1916 г. (§ 3 главы V наст. изд.).

тах не было (ни в договорах с Бухарой и Хивой, ни в дополнительных соглашениях со среднеазиатскими монархами), и правовое обоснование ввода войск в то или иное ханство делалось в каждом конкретном случае теми, кто принимал решение о нем. Вместе с тем сам факт использования российских войск в ханствах является несомненным показателем существования протектората над Бухарой и Хивой, так и не получившего формального юридического закрепления.

§ 4. Начальник Амударьинского военного отдела — русский «политический агент» в Хиве

Обеспечение российских интересов в среднеазиатских протекторатах контролировали специальные чиновники, особенности правового положения которых отражали специфику и самого статуса протектората Бухары и Хивы, который, как уже неоднократно подчеркивалось, не был закреплён официально в силу международной политической обстановки. Тем не менее российские представители в Бухаре и Хиве играли весьма значительную роль в политической жизни и правовом развитии среднеазиатских ханств, хотя формально они лишь защищали интересы русских подданных на бухарской и хивинской территории.

Политика Бухарского эмирата с 1886 г. контролировалась особым Российским императорским политическим агентством, причем политический агент, являясь формально дипломатическим представителем туркестанского генерал-губернатора в Бухаре, фактически по статусу не уступал высшим сановникам бухарского эмира, которые едва ли не ежедневно советовались с ним по различным проблемам, рассматривая его решение по спорным вопросам как окончательное. При этом, если поначалу туркестанские власти были вполне довольны деятельностью Политического агентства, то к началу XX в. их отношение несколько изменилось: агенты стали в большей степени взаимодействовать с российским МИДом и, соответственно, меньше координировать свои действия с администрацией Туркестанского края. Яркую характеристику трансформации Политического агентства дал в 1911 г. Д.Н. Логофет, который писал о том, что «политическое агентство превратилось в учреждение с колоссальным делопроизводством, при котором оно ныне ведаёт не только сношениями с бухарским правительством, но и наблюдает за торговыми условиями,

влияет на курс тенги, разрешает вопросы распределения воды, решает дела по столкновению русских подданных с бухарцами, творит суд, приговаривает даже к смертной казни, заведывает секретною агентурою и т.д., в силу чего, как перегруженное делами, разумеется, выполнить все эти сложные обязанности даже и в половину не в состоянии, почему и превратилось в огромную канцелярию, отставшую от современных жизненных требований и условий и потому невольно являющуюся тормозом в деле скорейшего разрешения бухарского вопроса в полном его объеме...» [Логофет, 1911б, с. 181]. По свидетельствам иностранцев, посетивших Бухарский эмират в начале XX в., российские политические агенты фактически контролировали всю внешнюю политику Бухары, отстранив от нее и местных сановников, и самого эмира (см., например: [Rickmers, 1913, p. 111]). В результате к политическому агентству со стороны туркестанских властей стали предъявляться претензии, что его руководство слишком уж активно и открыто вмешивается в жизнь эмирата, больше ведя себя как колониальная администрация, нежели дипломатическое представительство, должностное реализовать интересы властей пограничных регионов Российской империи.

Роль Русского политического агентства в Бухаре неоднократно исследовалась специалистами. Гораздо меньше освещалась аналогичная деятельность представителей Российской империи по отношению к Хивинскому ханству.

Надо сказать, что система российского контроля в Хивинском ханстве строилась по совершенно иному принципу, нежели в Бухарском эмирате, что объяснялось несколькими причинами. Во-первых, это было нежелание подчеркивать вассальную зависимость Хивы от России, что было связано с перманентным опасением российского Министерства иностранных дел вызвать неудовольствие Британской империи, соперничавшей с Россией за контроль над Центральной Азией (так называемая Большая игра) ([Мартенс, 1880, с. 59–60]; см. также: [Сергеев, 2012, с. 130–134]). Во-вторых, в самом ханстве в течение всего периода его пребывания в вассалитете Российской империи сохранялась напряженная политическая ситуация, сепаратистские тенденции продолжали проявляться вплоть до 1916–1917 гг. (в отличие от эмирата, где на рубеже 1860–1870-х годов при поддержке России была восстановлена власть эмира над всеми регионами государства) [Ниязматов, 2010, с. 417], и поэтому более целесообразным

представлялся контроль Хивы со стороны военного, а не дипломатического ведомства.

В связи с этим сначала решением К.П. фон Кауфмана был создан особый Диван под председательством хана, в который вошли высшие ханские сановники (диван-беги, инак и один из ханских приближенных), а также представители Российской империи — три офицера и один из почетных жителей Ташкента [История, 1947, с. 416; Тухтаметов, 1969, с. 27]. Однако вскоре Диван был упразднен, и функции, аналогичные функциям русских политических агентов в Бухаре, выполняли начальники ближайшего административно-территориального подразделения Туркестанского края — Амударьинского военного отдела.

Амударьинский округ с центром в г. Петро-Александровске (укрепление Петро-Александровское) был создан на территориях Хивинского ханства, отошедших к Российской империи по условиям Гандемианского мирного договора в том же 1873 г. и являлся особой административно-территориальной единицей Туркестанского края. Поскольку присоединение хивинских территорий к России было совершено по инициативе самого К.П. фон Кауфмана, их статус в течение довольно продолжительного времени оставался весьма неопределенным, равно как и полномочия самого начальника вновь созданного округа, вскоре переименованного в военный отдел. Вместе с тем в своем отчете по итогам управления Туркестанским краем Кауфман отмечал, что особый статус Амударьинского отдела объясняется его отдаленностью от основных территорий края и беспокойным поведением туркмен (номинально считавшихся подданными Хивинского ханства) — что и предполагало изначально «особые уполномочия командующего войсками отдела» [Кауфман, 1885, с. 76]¹⁰.

Статус новой административно-территориальной единицы определялся «Временным положением об управлении Амударьинским округом», утвержденным К.П. фон Кауфманом 26 августа 1873 г.¹¹ Исследователи не без оснований отмечают расплывчатость форму-

¹⁰ Впоследствии Амударьинский отдел номинально был включен в состав Сырдарьинской области, оставшись, впрочем, в прямом подчинении туркестанского генерал-губернатора [Тухтаметов, 1977а, с. 53–58].

¹¹ Несмотря на то что в 1874 г. Амударьинский округ был переименован в военный отдел, «Временное положение» 1873 г. продолжало действовать.

лировок «Временного положения», определявших статус и компетенцию начальника округа/отдела [Ниязматов, 2010, с. 204]. И если в отношении внутренней политики самого Амударьинского округа «Временное положение», в принципе, соответствовало основному на тот момент правовому акту, регламентировавшему статус Туркестанского края в целом («Проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» от 11 июля 1867 г.) (см. подробнее: [Тухтаматов, 1999, с. 32]), то полномочия его начальника в отношении Хивинского ханства куда более определенно регламентировались личными предписаниями ему самого генерал-губернатора. И если в первые месяцы существования отдела его начальнику, как отмечалось выше, приходилось пару раз прибегать к военной силе, в дальнейшем он довольствовался перепиской с ханом, что, собственно, и позволяет провести параллель между его действиями по отношению к Хиве и деятельностью русского политического агента в Бухаре.

Главным различием в статусе этих двух чиновников, впрочем, было то, что политический агент (который в планах К.П. фон Кауфмана должен был являться представителем интересов туркестанского генерал-губернатора в Бухаре) значился чиновником российского МИДа и в куда меньшей степени координировал свои действия с начальством Туркестанского края. Начальник же Амударьинского отдела был чиновником военного ведомства, прямо подведомственным туркестанскому генерал-губернатору — не только потому что руководил административно-территориальной единицей, входившей в состав края, но и потому, что генерал-губернатор состоял также командующим Туркестанским военным округом, которому начальник отдела должен был подчиняться и как офицер русской военной службы.

Надо полагать, именно поэтому в течение первых лет существования Амударьинского отдела его начальник, осуществляя дипломатические контакты с ханом Хивы, по сути, был не более чем «передаточным звеном» между администрацией Туркестанского края и Хивинским ханством. Так, первый начальник отдела полковник Н.А. Иванов в 1870-е годы ограничивался тем, что уведомлял хана о невыполнении его подданными условий Гандемианского договора и иных соглашений с российскими властями, а также о преступных деяниях хивинских подданных против русско-подданных жителей пограничных районов Туркестанского края и призывал устранить допущенные нарушения. Единственное, чем они могли подкрепить

свои требования на данном этапе взаимоотношений с Хивой — это намек на гнев грозного туркестанского генерал-губернатора, который и поручал начальнику Амударьинского отдела сообщить хану о том или ином нарушении. Поэтому в посланиях этого периода встречаются фразы типа: «Желая получить эти сведения для сообщения Его Высокопревосходительству Командующему войсками, я пишу Вашему Высокостепенству это письмо»; «за всякий подобный поступок я, в силу приказаний, данных мне Его Высокопревосходительством Генерал-губернатором, принужден буду строго и примерно наказать туркмен»; «Его Высокопревосходительство поручил передать Вам, что...»; «мое настоящее дружеское письмо к Вам как на предварительное, которое, вместе с отчетом Вашего Высокостепенства, будет представлено мною на обсуждение и на благоусмотрение г-ну. Туркестанскому Генерал-губернатору»; «прошу Ваше Высокостепенство уведомить о предполагаемых Вами мерах ... меня ... для доклада Его Высокопревосходительству... Туркестанскому Генерал-Губернатору» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 6, л. 4, 15; д. 12, л. 15 с об.; д. 19, л. 129; д. 24, л. 89].

Надо сказать, что и возможности для обеспечения реализации его предписаний начальник Амударьинского военного отдела имел достаточно небольшие. При образовании отдела в Петро-Александровске были расположены 9 рот солдат, 4 сотни казаков и 8 орудий, кроме того, в самом укреплении имелось 12 орудий [Терентьев, 1875, с. 115]. Несомненно, таких сил для подавления волнений на территории ханства было явно недостаточно. Более того, к началу XX в. ситуация еще более ухудшилась: по свидетельству туркестанского чиновника С.В. Чиркина (впоследствии последнего российского резидента в Бухарском эмирате), на территории Амударьинского отдела в 1910-е годы «были расположены какие-то дружины, части, состоявшие из совсем забывших военное дело пожилых людей» [Чиркин, 2006, с. 247]. Поэтому когда в ханстве в 1913, а затем и в 1916 г. вспыхнули восстания против ханской власти, туда пришлось перебрасывать войска непосредственно из Сырдарьинской области.

Тем не менее недостаточность войск Амударьинского отдела никоим образом не умалила статус его начальника в отношениях с хивинским ханом, напротив, его полномочия были существенно расширены туркестанскими генерал-губернаторами Н.О. фон Розенбахом и А.В. Вревским — хотя и на основе личных указаний, а не офици-

альных нормативных актов [Тухтаметов, 1977а, с. 59–62]. Подобное расширение полномочий начальника отдела представляется весьма знаковым, поскольку в связи с введением в действие «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г. его административный статус существенно снижался: ранее он считался равным по положению военным губернаторам областей, теперь же отдел вошел в состав Сырдарьинской области, и его начальник, соответственно, должен был подчиняться ее военному губернатору.

На основе анализа документов переписки с ханом в 1890–1900-е годы мы можем наблюдать, что требования начальника отдела носят все более решительный и безапелляционный характер, ширился и круг вопросов, по которым он направлял указания хивинским властям. Так, например, уже в 1893 г. полковник А.С. Галкин позволял себе весьма жестко упрекать хана в нарушении условий Гандемианского договора (который он сам же в послании хану и толкует) и прямо-таки предписывал ему и его чиновникам правила обращения с русскими подданными на территории Хивинского ханства, с негодованием отвергая попытки хана добиться такого же статуса для собственных подданных на территории Амударьинского военного отдела [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 53, № 7]. Когда в 1896 г. четверо русско-подданных рыбаков были убиты бухарскими (даже не хивинскими!) подданными, тот же полковник Галкин направил хану Мухаммад-Рахиму II практически настоящую инструкцию, какие следственные действия следует предпринять его чиновникам для расследования этого преступления [Там же, л. 80]. При этом оборот «я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство сделать соответствующие распоряжения» представляется в данном контексте едва ли не насмешкой над достоинством хана. Аналогичным образом он предписал хану, сделать распоряжение собственным чиновникам для оказания содействия русским офицерам, командированным в ханство для переписи русских подданных, находившихся в нем [Там же, л. 23].

В 1895 г. хивинский хан, идя навстречу пожеланиям местных деловых кругов, решил обложить зякетом¹² русско-подданных предпринимателей и торговцев, ведущих дела в ханстве; примечательно, что

¹² Один из основных мусульманских налогов, до некоторой степени сходный с современным налогом на прибыль, см. о нем подробнее в § 2 следующей главы.

он обосновал такое решение условиями Мирного договора 1873 г., согласно п. 9 которого от зякета освобождались не все русско-подданные, а именно *русские* купцы. Со своей стороны, российские пограничные власти, когда им было сообщено о решении хана, согласились на это при условии, что аналогичным налогом будут облагаться и хивинские купцы в российских владениях [Ниязматов, 2010, с. 231–233]. Однако уже в 1896 г. начальник Амударьинского отдела прямо заявил, что «согласно распоряжению Господина Туркестанского Генерал-губернатора, основанного на точном смысле Договора, с хивинских купцов за проданные товары русским подданным, зякет и другие сборы не должны взиматься!» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 15]. Тем самым он не только не соглашался с введением зякета для русских купцов, но и прямо указывал хану, с кого из его собственных подданных в собственном государстве тому не следует взимать этот налог! В своем послании еще один начальник Амударьинского отдела, барон Руфо, ссылаясь на желание туркмен-йомудов заменить взимаемые с них традиционные среднеазиатские налоги зякет и даяки на кибиточную подать (взимавшуюся с русско-подданных кочевников в Туркестане), казалось бы, всего лишь предлагает хану «обратить должное внимание на это заявление». Однако при этом он отмечает, что считает «это лучшим решением вопроса» [Там же, д. 149, л. 6 с об.]. Фактически, опять же, предписывая хану, как ему строить свою налоговую политику в отношении собственных подданных.

Наконец, уже в 1909 г. начальник Амударьинского отдела генерал-майор Глушановский неоднократно направлял хану Мухаммад-Рахиму послания в защиту русских подданных, чьи интересы ущемлялись их хивинскими партнерами. При этом он не просто делал представления о нарушении прав русско-подданных коммерсантов, но и прямо предписывая, как хану или его сановникам следует разрешить эти споры, используя прежний довод своих предшественников — что в случае неисполнения предписаний доложит об этом «главному начальнику края», т.е. туркестанскому генерал-губернатору ([Там же, д. 300, л. 39 с об.]; см. также: [д. 8, л. 15]). Также весьма показательна фраза: «О результатах настоящего письма прошу меня уведомить» [Там же, д. 243, л. 6 с об.] — таким образом можно было бы требовать отчета о выполнении поручения от собственного подчиненного, но никак не от правителя самостоятельного (юридически) государства!

Обращает на себя внимание не только содержание, но и форма посланий начальника Амударьинского отдела хивинскому хану, которая также менялась с течением времени. В 1870—1880-е годы начальники отдела писали хану сухим канцелярским языком, ограничиваясь обращением («Его высокостепенству, хану хивинскому» или просто «Ваше высокостепенство») и далее излагали суть дела, т.е., как уже отмечалось выше, выражали позицию вышестоящего начальства Туркестанского края. Однако уже с 1890-х годов формуляр посланий существенно меняется, и начальники отдела начинают их со следующего оборота: «После слова дружеского привета, содержание письма моего следующее». Тот факт, что подобный оборот в переписке с независимым ханом (ведь юридически Хива продолжала оставаться самостоятельным государством!) позволял себе использовать чиновник, управлявший сравнительно небольшой административно-территориальной единицей в составе Туркестанского края, свидетельствует о существенном возрастании его роли в русско-хивинских отношениях и фактически о позиционировании начальника Амударьинского отдела как самостоятельного субъекта дипломатических отношений¹³. На это же указывает и гораздо меньшее количество ссылок на предписания туркестанского генерал-губернатора в 1890—1910-е годы по сравнению с посланиями 1870—1880-х годов.

Несомненно, с одной стороны, эта эволюция статуса начальника отдела в отношениях с хивинским ханом могла объясняться все более активизирующимся процессом интеграции Хивы в российское имперское политико-правовое пространство, признанием со стороны хана и хивинской элиты вассалитета от России как данности. В этих условиях получение руководящих указаний от начальника Амударьинского отдела уже становилось по сути сложившейся практикой, традицией. С другой стороны, небезынтересным представляется во-

¹³ Чтобы лучше понять смысл этого изменения, следует иметь в виду, что подобный оборот — весьма давняя традиция в дипломатической переписке правителей тюрко-монгольских государств, начиная с эпохи Золотой Орды, и государств, возникших после ее распада в XV—XVI вв. Начинать послание подобным образом могли позволить себе только независимые и равные друг другу по статусу монархи; неслучайно правители Московского государства стали применять этот оборот в своих посланиях государям пост-ордынских ханств лишь после обретения независимости от Золотой Орды на рубеже XV—XVI вв. [Памятники, 1895, с. 35 и след.; Фаизов, 2003, с. 81, 87, 111].

прос, почему руководство Туркестанского края позволило себе делегировать столь широкие полномочия начальнику административно-территориальной единицы «третьего уровня», по сути полностью доверив ему реализацию имперской политики в отношении одного из двух вассальных среднеазиатских ханств.

Представляется, что причин могло быть несколько. Во-первых, конечно, первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман старался контролировать любые инициативы своих подчиненных, даже предоставляя им значительную свободу действий (как это было в случае с полковником Н.А. Ивановым), тогда как его преемники, в большей степени сосредоточенные уже не на «завоевании», а на «устроении» вверенного им края (в котором Хивинское ханство было важным, но далеко не единственным регионом, нуждавшимся в контроле), по всей видимости, делегировали все полномочия по осуществлению контактов с Хивой именно пограничному с ней административно-территориальному подразделению края. Во-вторых, нельзя не принимать во внимание, что начальники Амударьинского отдела (за редкими исключениями) являлись хорошими знатоками региона, хорошо ориентировались в политической ситуации в нем и, следовательно, имели все основания получать то доверие, которое оказывалось им руководством края. В-третьих, в начале XX в. вопрос о целесообразности прямого и окончательного включения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в состав Российской империи (с упразднением ханской и эмирской власти, местной системы управления и правового регулирования) поднимался все чаще и чаще [Центральная Азия, 2008, с. 309–310]; в этих условиях усиление контроля положения в ханстве начальником Амударьинского военного отдела выглядело вполне логичным отражением общей имперской политико-правовой линии на центральноазиатском направлении.

То, что начальник Амударьинского военного отдела пользовался репутацией знатока региона, большим доверием вышестоящего начальства и в силу этого играл важную роль в реализации правовой политики Российской империи в Центральной Азии (и в частности — в русско-хивинских отношениях) подтверждается тем фактом, что ряд начальников отдела впоследствии сделали неплохую военную карьеру. Так, первый начальник отдела, полковник Н.А. Иванов (до назначения на должность начальника отдела входивший в вышеупомянутый Диван при хивинском хане), под конец жизни сам стал туркестанским

генерал-губернатором, а один из его преемников, А.С. Галкин, — военным губернатором Сырдарьинской области.

Итак, как мы видим, начальники Амударьинского военного отдела в 1870—1910-е годы, формально не имея никаких прав вмешиваться в дела Хивинского ханства, фактически играли активную роль в законодательной, административной и судебной сфере этого государства, предписывая местным монархам и сановникам, как поступать в конкретных случаях или даже по ряду основных направлений внутренней политики этого среднеазиатского государства. В исключительных же случаях (как во время восстания 1916 г.) начальник отдела вообще приобретал полномочия для прямого военного вмешательства в дела ханства и даже, как мы имели возможность убедиться, фактически брал на себя управление его делами.

Думается, что подобный статус начальника пограничной административно-территориальной единицы Российской империи по отношению, повторимся, к формально независимому государству, фактически отражал своеобразный компромисс между сторонниками прямого включения Хивинского ханства (равно как и Бухарского эмирата) в состав Российской империи и тех кругов, которые стремились сохранять *status quo*, т.е. осуществлять фактическое управление двумя среднеазиатскими государствами без формального установления над ними имперского сюзеренитета.

Глава III

НА СОБСТВЕННОМ ПРИМЕРЕ: РОССИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ИХ ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ

Установление протектората над Бухарой и Хивой отнюдь не означало, что Россия сразу же начала активно вмешиваться в вопросы правового развития среднеазиатских ханств и форсировать процесс модернизации. Предполагая, что многие инициативы российских имперских властей по модернизации правоотношений в среднеазиатских ханствах могут вызвать негативную реакцию со стороны местных монархов и консервативной правящей элиты¹, российская администрация предпочла действовать опосредованно. В течение длительного времени одним из эффективных инструментов этого процесса стало продвижение имперских правовых ценностей на примере деятельности тех или иных правовых институтов и категорий в Русском Туркестане, где проживали представители тех же народов, что и в ханствах, а также на территории самих ханств. Кроме того, в соответствии с договорами 1873 г., активизировались дипломатические и торговые отношения с Бухарой и Хивой, где в течение нескольких десятилетий появилось весьма значительное число русских подданных и, соответственно, в местах их проживания действовали российские властные и правовые институты. Не желая напрямую «рекомендовать» бухарскому эмиру и хивинскому хану проведение реформ в различных сферах правоотношений, российские власти постарались обеспечить русско-подданным режим наибольшего благоприятствования, сделав их статус своего рода «эталон», к которому следовало стремиться и подданным среднеазиатских мо-

¹ Не стоит также забывать и о противоречивом отношении к процессу модернизации в самой Российской империи со стороны различных представителей властных элит (см., например: [Немытина, 2012, с. 8–9]).

нархов. Как мы увидим ниже, эта практика оказалась весьма эффективной.

§ 1. Налоговые реформы в Русском Туркестане и их последствия для среднеазиатских ханств

Присоединение к Российской империи обширных среднеазиатских владений, на основе которых в 1867 г. был образован Туркестанский край, повлекло необходимость их интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Для этого понадобилось создать соответствующую правовую базу, которая позволила бы постепенно повысить уровень развития этих территорий, обеспечить их сближение с другими регионами Российской империи. Однако вновь вошедший в состав России регион являлся преимущественно мусульманским, и жители Туркестана нередко с большим трудом отказывались от традиционных исламских институтов, имевших многовековые традиции. Российским властям приходилось находить точки соприкосновения с влиятельным мусульманским духовенством и с населением Туркестана в целом и идти на определенные компромиссы при осуществлении преобразований. Одним из проявлений подобного компромисса стала реформа системы налогообложения.

Ниже предпринимается попытка проследить эволюцию отношения к мусульманским налогам в Туркестане в период его пребывания под властью Российской империи, а также проанализировать позицию российских властей в отношении тех же налогов, взимавшихся в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, ставших в 1870-е годы российскими протекторатами.

Налоговая система в государствах и регионах Средней Азии накануне российского завоевания была весьма сложной и запутанной. Она включала в себя как традиционные для мусульманского мира налоги, предусмотренные шариатом (зьякет, харадж, ушр, садака) [Лунев, 2004, с. 92], так и устанавливаемые по воле монархов, которые формально шариату противоречили (танапный сбор, накд, аминана, салгут, даяк и проч.) (см. подробнее: [Иванов, 1940; Семенов, 1929])².

² Следует отметить, что налоговая система, в рамках которой сосуществовали мусульманские налоги и формально противоречившие им сборы, вводимые по

Практически все налоги, введенные ханскими властями, были сразу отменены после присоединения Туркестана к России. Однако, стремясь наладить положительные отношения с местным мусульманским населением, администрация Туркестана поначалу сочла целесообразным сохранить основные мусульманские налоги — зякет и харадж.

Зякет в мусульманской правовой доктрине представлял собой ежегодный сбор в пользу мусульманской общины, которым облагалось имущество сверх определенного количества ([Маргинани, 2008, с. 80–81; Керимов, 2007, с. 244–252]; см. также: [Сафина, 2014]). Платили его и с торговой прибыли, денег, драгоценных металлов, поэтому он в какой-то мере являлся и торговым налогом, составлявшим 1/40 часть от стоимости товаров. Именно в таком качестве зякет сохранился и на начальном этапе российского правления в Туркестане. Согласно § 296 «Проекта Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» (несмотря на статус «проекта», фактически действовавшего в Туркестане вплоть до принятия «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г.) [ПСЗРИ, 1888, № 3814, с. 320–346; МИПСК, 1960, № 117, с. 286–316], местные торговцы должны были уплачивать зякет «в прежнем размере, т.е. 2,5% в год с торгового капитала». Уплатившему зякет торговцу выдавалась квитанция, фактически заменявшая свидетельство на право торговли (§ 305 «Проекта»).

Думается, сохранение зякета российской администрацией в Туркестане объяснялось не только желанием получить поддержку со стороны местного населения, но и стремлением развивать торговые связи с мусульманскими странами. Согласно § 314 «Проекта», «иностранные купцы, привозящие товары, для торговли собственно в Сыр-Дарьинской области, обязаны, как и туземные торговцы означенной области, платить зякет, т.е. сороковую часть ценности привозимого ими товара». Это также автоматически заменяло получение ими торгового свидетельства, каковое они были обязаны оформлять в других азиатских регионах Российской империи (§ 318 «Проекта»). Кстати, согласно свидетельствам иностранцев, побывавших во второй половине XIX в. в Бухарском эмирате, аналогичный сбор с иностранных

воле правителей, была весьма характерна для тюрко-монгольских государств — от Османской империи и до Восточного Туркестана.

торговцев действовал и там: существовало несколько своеобразных таможенных постов, на которых бухарские чиновники взыскивали зякет со всех ввозимых в эмират товаров [Lansdell, 1875, p. 187; Le Mesurier, 1889, p. 178]. Эти сообщения подтверждают предположение о том, что российские власти стремились, по крайней мере на раннем этапе владычества в Туркестане, сохранять мусульманские традиции с целью укрепления и дальнейшего развития своего положения в регионе и торгово-экономических связей с соседними иностранными государствами.

В свою очередь, харадж в мусульманском праве представлял собой поземельный налог, первоначально взимавшийся лишь с покоренного немусульманского населения, но затем распространенный и на мусульман. Размер хараджа зависел от количества и качества земли, находившейся в собственности налогоплательщика [Куфи, 2001, с. 45–47; Керимов, 2007, с. 253–254]. Взимание этого налога также не противоречило, в принципе, налоговой системе Российской империи, тоже предусматривавшей поземельные сборы. В связи с этим, в соответствии с § 279–280 «Проекта», харадж взимался «с произведений земли, облагавшихся прежде этим сбором» «в размере 1/10 урожая». Фактически харадж стал аналогом соответствующего сбора, взимавшегося и в европейских регионах России.

Таким образом, для населения, сменившего бухарское или хивинское подданство на российское, условия уплаты зякета и хараджа практически не изменились: сохранилась и процентная ставка этих налогов, и облагаемая база, и даже тот факт, что собирали налоги специальные чиновники, назначаемые властями.

Однако уже некоторое время спустя первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман счел, что своими уступками в пользу мусульманских правовых традиций уже сумел обеспечить лояльность и поддержку местного населения (включая и мусульманское духовенство) российским властям. В связи с этим он приступил к следующему этапу интеграции Туркестана в имперское политико-правовое пространство, которое связывал с окончательным вытеснением мусульманских административных и правовых традиций российскими государственными и правовыми институтами в рамках политики, получившей название «игнорирование ислама». Она сводилась к тому, что мусульманские принципы, институты, правовые нормы, не подвергаясь официальному запрету, игнорировались российскими вла-

стями и не учитывались при выстраивании правоотношений [Россия, 2011а, с. 126]. Соответственно, Кауфман уже в 1875 г., по согласованию с Министерством финансов, ввел в Туркестане действующее в России общее положение о пошлинах, согласно которому вместо зякета с торговцев стали взиматься те же сборы, которые действовали на всей остальной территории Российской империи ([Кауфман, 1885, с. 409]; см. также: [Нива, 1874]). Примечательно, что свои действия генерал-губернатор обосновывал не стремлением привести туркестанское законодательство и налоговую систему в соответствие с общеимперским, а чисто прагматическими причинами. По его словам, для эффективного взимания зякета необходимо было создать в ряде населенных пунктов Туркестанского края соответствующие конторы, организовать склады, на которых производились бы осмотр и оценка товаров, и т.д. Таким образом, административные расходы перевешивали ту выгоду, которую давал России сбор зякета [Кауфман, 1885, с. 406–408]. Аналогичным образом Кауфман обосновывал и отмену хараджа, замену его общеимперским поземельным налогом. Характеризуя взимание этого налога как «теоретически верный прием», генерал-губернатор доказывал, что эффективность налога снижается за счет многочисленных злоупотреблений, сокрытия налогоплательщиками части урожая и т.д. Кроме того, он утверждал, что для местных жителей само название «харадж» ассоциировалось с многочисленными несправедливыми поборами со стороны бухарских или хивинских властей, в результате которых им приходилось расставаться не менее чем с половиной урожая. Соответственно, замена хараджа общеимперским поземельным налогом свидетельствовала об облегчении налогового бремени при российских властях [Там же, с. 399, 404].

Налоговая политика Кауфмана была продолжена его преемниками. Согласно п. 285 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г., был отменен харадж (равно как и танапный сбор), вместо него официально был введен государственный поземельный налог. А в соответствии с п. 322 того же «Положения» (со ссылкой на Устав о земских повинностях), предусматривалась обязательная выдача торговых свидетельств, патентов и билетов, что фактически означало отмену зякета, квитанция об уплате которого, как отмечалось выше, приравнивалась к этим документам.

Еще одним направлением налоговой реформы Кауфмана стала попытка изменить статус вакфов — земли и других объектов недвижи-

мости, доходы от которых должны были, в соответствии с мусульманским правом, идти на благотворительные цели (поддержание мечетей, медресе и иных богоугодных заведений). Опираясь на исследования специалистов-востоковедов из числа своих подчиненных, Кауфман убедился, что вакфы во многих случаях представляют собой юридическую фикцию и учреждаются с одной целью — освободить соответствующую недвижимость и доходы с нее от уплаты налогов. В связи с этим генерал-губернатор поначалу потребовал изучить документы на все вакфы и разделить их на «обеленные», т.е. освобожденные от уплаты всех налогов, и те, с которых какие-либо налоги все же взимались. Согласно § 295 «Проекта Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей», «обеленные» вакфы сохраняли налоговый иммунитет, тогда как вторая категория (равно как и все вновь учреждаемые вакфы) облагались налогами на общем основании [Загидуллин, 2006, с. 52–53].

Однако, по мере активизации «политики игнорирования», Кауфман стал все чаще склоняться к мысли, что вакфы следует вообще упразднить как институт, объявив их, как и другие земли в Туркестане, государственной собственностью и, соответственно, включить в налоговую базу [Россия, 2011а, с. 138–139]. Он неоднократно обращался с такой инициативой к центральным властям, а сам, дожидаясь официального ответа на свои предложения, постепенно реализовывал свои идеи на практике, лишая все больше и больше вакфов налоговых льгот. При этом среди «пострадавших» учредителей вакфов были не только русско-подданные мусульмане Туркестана, но даже и жители среднеазиатских ханств. Весьма показательна в этом плане переписка хивинского хана с начальником Амударьинского отдела, полковником Ивановым, во второй половине 1870-х годов. Хан выражал недовольство от имени своих подданных, чьи вакфы оказались на территориях, отторгнутых от Хивы в пользу Туркестанского края по условиям Гандемианского мирного договора 1873 г., что доходы от этих вакфов поступают в русскую казну. Причем если в 1875 г. Иванов отвечал, что собранные средства будут возвращены владельцам вакфов, если туркестанские власти по итогам проверки документов сочтут, что эти вакфы относятся к «обеленным» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 12, л. 15 с об.], то в 1879 г. он уже безапелляционно заявлял, что права владельцев вакфов из Хивинского ханства не распространяются на земельные владения, входящие в состав Туркестанского края [Там

же, оп. 1, д. 14, л. 8]. Любопытно отметить, что предложения К.П. фон Кауфмана разрабатывались в то время, когда в России стало активно расти недовольство богатством и Русской православной церкви, а государство стало предпринимать шаги по контролю над распоряжением ее средствами [Дорская, 2013, с. 7]. По-видимому, туркестанский генерал-губернатор полагал, что в этих условиях центральные власти положительно отнесутся и к его инициативам по ограничению мусульманских духовных имуществ.

Впрочем, до окончательной отмены вакфов в Туркестане и, соответственно их налоговых льгот, не дошло: центральные власти, принимая во внимание опыт других мусульманских регионов Российской империи, в частности Крыма (см. подробнее: [Конкин, 2009]), отказались от предложений Кауфмана, поскольку опасались волнений среди мусульманского населения [Россия, 2011а, с. 139]. Дальнейшие события в Туркестане показали, что такие опасения были оправданы. Несмотря на то что «Положением об управлении Туркестанского края» вакфы сохранялись, и даже позволялось создавать новые (п. 265–269)³, российские власти в конце XIX — начале XX в., сменившие «политику игнорирования» на более жесткое отношение к исламу, стали более строго контролировать документы на вакфы. Их все чаще либо облагали налогами, либо упраздняли и забирали их имущество в казну⁴. Во время ревизии Туркестанского края сенатором К.К. Паленом ему был адресован ряд прошений со стороны местного населения о возвращении конфискованного имущества и восстановлении вакфов, причем некоторые «просители» весьма прозрачно намекали на возможность бунта, если их просьбы не будут удовлетворены [РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 158, л. 15–16; д. 264, л. 272–272 об.]. Таким образом, несмотря на все более тесную интеграцию Туркестана в имперское политико-правовое пространство, местное население продолжало сохранять отдельные мусульманские правовые традиции, а российским властям приходилось учитывать это в своей правовой

³ Интересно отметить, что согласно п. 267 «Положения» 1886 г. сбор доходов с вакфов и их последующее распределение на благотворительные цели принадлежали областным правлениям, т.е. российской администрации — именно такой порядок предлагал К.П. фон Кауфман еще в своем проекте «Положения об управлении Туркестанским краем» в 1871 г. [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 11, д. 273].

⁴ Основанием для этого служило соответствующее Утвержденное мнение Государственного совета [ПСЗРИ, 1888, № 4017, с. 485].

политике в данном регионе, довольствуясь тем, что эти уступки касались незначительной части прежних правовых институтов Туркестана.

Преобразования в налоговой системе Туркестана также затронули Бухарский эмират и Хивинское ханство, о налоговой системе которых отрицательно отзывались как К.П. фон Кауфман, так и имперские администраторы начала XX в. [Кауфман, 1885, с. 399–400; Логофет, 1911б, с. 33–35]. Соответственно, российские власти в рамках разработки общих предложений по дальнейшей интеграции обоих ханств в состав Российской империи (вплоть до полного их присоединения) неоднократно поднимали вопрос о целесообразности налоговой реформы в Бухаре и Хиве. При обсуждении будущих преобразований в Бухаре наибольшую критику представителей имперских властей вызывал именно харадж как налог, допускающий «возможность по своему существу самых широких злоупотреблений и произвола со стороны сборщиков» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 723, л. 16; л. 60].

Однако, несмотря на фактический протекторат Российской империи, Бухара и Хива юридически оставались самостоятельными государствами. Поэтому, преследуя цель сближения Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей по уровню развития государственных институтов, правовых систем, экономических отношений имперским властям приходилось в большей степени опираться на дипломатические средства.

Например, в Хивинском ханстве российские власти начали с введения изъятий из обложения основными мусульманскими налогами. Сначала они отстаивали право российских торговцев не платить зякет при торговле в Хиве [Сборник, 1952, № 19, с. 132]. Затем освобождение от уплаты зякета было распространено и на тех хивинских торговцев, которые совершали сделки с русскими [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 15]. Таким образом, имперской администрации удалось убедить хивинские власти если не отменить один из основных мусульманских налогов, то, по крайней мере, предоставить налоговые льготы представителям определенных категорий населения — как российского, так и местного. Интересно отметить, что, демонстрируя скрупулезное следование достигнутым договоренностям, российские власти сами указывали хивинским властям, что претендовать на освобождение от зякета имеют право только те русские купцы, которые располагают

соответствующими торговыми документами — с не имевших таковых хивинские власти могли требовать уплаты этого налога в полном размере [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 159, л. 8].

Дипломатические действия, впрочем, не всегда приводили к отмене мусульманских налогов. Так, бухарские эмиры, несмотря на явные намеки (а порой и прямые распоряжения) властей Туркестана или политических агентов, не шли на отмену основных налогов, предусмотренных шариатом. Даже последний эмир Сейид Алим-хан, намеревавшийся провести в Бухаре реформы, в своем указе по поводу вступления на трон всего лишь пообещал «облегчить» харадж [Там же, ф. И-1, оп. 2, д. 715, л. 49], а в манифесте, изданном в марте 1917 г. (т.е. уже после Февральской революции в России), — «справедливо» взимать харадж, зякет и остальные налоги [Шестаков, 1927, с. 82]. Таким образом, российским властям не удалось победить мусульманские правовые традиции, поскольку сам бухарский эмир, несмотря на свое «западничество» не рисковал идти на конфликт с мусульманским духовенством и консервативными политическими кругами Бухары.

Что же касается Хивы, то в ней ситуация с налогообложением стала развиваться даже в еще менее выгодном для России направлении. В 1895 г. хан, идя навстречу пожеланиям местных деловых кругов, напротив, решил обложить зякетом и русско-подданных предпринимателей, и торговцев, ведущих дела в ханстве. Примечательно, что он обосновал такое решение условиями Мирного договора 1873 г., согласно п. 9 которого от зякета освобождались не все русско-подданные, а именно *русские* купцы [Ниязматов, 2010, с. 231–233]. Впрочем, в дальнейшем российские пограничные власти сумели добиться частичной отмены зякета для русско-подданных, в том числе и нерусского происхождения (например, если торговля осуществлялась товарами собственного производства и прямо с транспортных средств, а не со стационарных лавок, складов и проч.) [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 138, л. 2].

Как видим, если в Бухаре причиной сохранения мусульманских налогов был консерватизм властей и высокий уровень религиозности населения, то в Хиве налоговая политика диктовалась вполне прагматическими интересами местных производителей и торговцев (представителей «зарождающейся буржуазии», как характеризовали эту прослойку в свое время советские исследователи). Впрочем, даже этот

факт свидетельствует о том, что Хивинское ханство испытало влияние России в различных сферах общественных отношений и в большой степени оказалось интегрированным в систему имперских ценностей, принципов и норм.

Противоречивый статус Бухары и Хивы как юридически независимых государств, с одной стороны, и российских протекторатов — с другой, находил отражение и в налоговой сфере в тех случаях, когда Российская империя сотрудничала с этими государствами официально. Так, в 1895 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство вошли в российскую таможенную черту, в результате чего таможенные пошлины между Россией, Бухарой и Хивой были упразднены, а с иностранных товаров, ввозимых на территорию ханств, взимались пошлины в размере, установленном в Российской империи и имперскими же таможенниками. Тем не менее в Бухаре и Хиве в качестве основного торгового налога был сохранен именно зякет. По итогам совещания в Министерстве финансов это решение было обосновано следующим образом: «Сбор зякета мог бы быть оставлен в ханствах на прежних основаниях, ибо зякет, как торговая пошлина, заменяет там все виды обложений торговли в других государствах» (цит. по: [Садыков, 1965, с. 98]). Как видим, российские имперские власти вновь использовали компромисс, чтобы не вызвать чрезмерной обеспокоенности правящих кругов Бухары и Хивы слишком радикальными изменениями в сфере налогообложения и таможенного дела и отменой сразу всех традиционных правовых институтов, имеющих в этих государствах многовековые традиции.

Время от времени российским властям удавалось использовать в интересах модернизации правовой (и налоговой, в частности) системы среднеазиатских ханств тот факт, что жители Туркестана и среднеазиатских ханств были либо родственны друг другу, либо же сходны по образу жизни, социально-экономическому строю и т.п. Так, например, в 1903 г. туркменское племя йомуд, находившееся в подданстве Хивинского ханства (уже около трех десятилетий имевшего статус российского протектората), потребовало замены традиционных налогов зякета и даяка «общей кибиточной податью» — такой, которую выплачивали российско-подданные казахи, и российская пограничная администрация дала соответствующие «рекомендации» (а фактически — указания) хивинскому хану [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 149, л. 6 с об.].

§ 2. Правовое положение российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве

Экономическая деятельность российских предпринимателей и компаний в среднеазиатских ханствах эпохи российского протектората (1873–1917) представляла один из центральных аспектов в изучении истории этих государств как в советский, так и в постсоветский периоды. Не обошли тему деятельности русских предпринимательских кругов в среднеазиатских ханствах и иностранные исследователи. При этом правовой статус российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в период имперского протектората, насколько нам известно, до сих пор не стал предметом специального исследования. Вполне возможно, это связано с неразработанностью соответствующей правовой базы, многочисленностью и запутанностью источников права, в которых этот статус закреплялся.

Между тем отсутствие четкой регламентации прав, привилегий и обязанностей русско-подданных в Бухаре и Хиве (и в первую очередь именно предпринимателей) неоднократно приводило к нарушениям и злоупотреблениям как со стороны местного чиновничества или купечества, так и со стороны самих русских торговцев. Ниже мы попытаемся выявить основные источники права, регламентировавшие правовое положение российских торговцев, а также проблемы правового характера, возникавшие в связи с их деятельностью.

Прежде всего, попытаемся понять, какие же основные права и привилегии появились у российских торговцев на основании вышеупомянутых договоров 1873 г. Так, им предоставлялось право свободной, т.е. не требующей получения специальных разрешений, торговли в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате (соответственно п. 8 Гандемианского договора и ст. 5 Шаарского договора). Помимо этого, русские купцы в Хиве вообще освобождались от уплаты зяке-та — своеобразного налога на прибыль, установленного в ханствах Средней Азии на основе шариата (п. 9 Гандемианского договора), а в Бухаре облагались им по минимальной ставке 2,5%, действовавшей в отношении местного населения (ст. 6 Шаарского договора). Любопытно отметить, что в дальнейшем это положение получило расширительное толкование в текущем законодательстве. Так, в письме начальника Амударьинского отдела, направленного хивинскому хану в 1896 г., разъяснялось, что не должны уплачивать торговый налог

«зьякет» даже и хивинские купцы, продававшие товары русским торговцам [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 15 с об.]. Российские торговцы получили право иметь в ханствах своих официальных представителей — караван-башей, или торговых агентов, — которые наравне с местными властями имели бы право наблюдать за правильным ходом торговых дел и вступать по этим вопросам в официальные отношения с местными властями (п. 11 Гандемианского договора и ст. 9 Шаарского договора). Затем, русским торговцам позволялось иметь на территории Бухары и Хивы караван-сарай и прочее недвижимое имущество (п. 12 Гандемианского договора и ст. 8, 12 Шаарского договора). Наконец, жалобы и претензии русских подданных должны были быть безотлагательно рассмотрены органами государственной власти (п. 14 Гандемианского договора и ст. 10 Шаарского договора).

Итак, как видим, договоры отразили лишь некие базовые принципы правового регулирования статуса российских торговцев в Бухаре и Хиве, хотя иногда российские чиновники в переписке со среднеазиатскими правителями апеллировали к их положениям и при рассмотрении конкретных дел. Так, начальник Амударьинского отдела генерал-майор Глушановский в послании к хивинскому хану с требованием взыскать с местных торговцев долг в пользу русского подданного С. Голохвостова, отмечал: «На основании статьи № 14 Мирного договора [т.е. Гандемианского договора. — *Р. П.*], Голохвостов, как русский подданный, должен быть удовлетворен прежде других кредиторов хивинских подданных» [Там же, оп. 1, д. 300, л. 39 с об.]. Тем не менее в большинстве же случаев конкретные правоотношения должны были регулироваться текущим законодательством, в том числе и частноправовыми актами. Однако, как известно, частноправовые отношения в Средней Азии (как и на всем мусульманском Востоке) строились на основе шариата, нормы которого уже не отвечали новым типам правоотношений, в том числе и в гражданско-правовой, договорной сфере. Поэтому властям среднеазиатских государств приходилось восполнять обозначившиеся проблемы с помощью собственного нормотворчества, но делали они это, опять же, в соответствии с консервативными многовековыми традициями тюрко-монгольских государств.

В результате все правовые действия по созданию и деятельности на территории Бухары и Хивы отделений российских фирм и банков, фактически представлявшие собой заключение договоров от имени

властей с российскими предпринимателями, оформлялись в издревле присущем тюрко-монгольским государствам порядке: путем издания бухарским эмиром и хивинским ханом соответствующих указов-ярлыков. Так, например, именно посредством издания указа-ярлыка бухарский эмир стал «партнером» русского телеграфа в Бухаре, вложив в его создание 9 тыс. руб. и имея с каждого слова 10 коп. [Le Messurier, 1889, p. 164]. Аналогичным образом, в начале XX в. эмир личным распоряжением отвел резиденцию представительству компании «Кавказ-и-Меркурий» [Olufsen, 1911, p. 542]. В точно таком же порядке российские торговцы арендовали в Бухаре недвижимость под торговые конторы, склады, производство тканей и табак [Le Messurier, 1889, p. 176; Olufsen, 1911, p. 497], брали в разработку золотые копи, платя при этом эмиру роялти в размере 5% от добычи и ренту за пользование землей [Norman, 1902, p. 295]. С санкции местных правителей российские торговые фирмы стимулировали развитие виноделия и виноторговли в Бухаре [Ibid., p. 295–296; Skrine, Ross, 1899, p. 382]. Торговля шкурами и мехами (в том числе и ввозившимися в Бухару) осуществлялась через российских дилеров, что нашло отражение даже в манифесте нового бухарского эмира Сейида Алим-хана (1910–1920), запретившего местным «доброжелателям» заниматься этой деятельностью в ущерб российским монополистам [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 2, д. 715, л. 49]. Таким образом, можно говорить о еще одном (помимо международных договоров 1873 г.) уровне регламентации статуса российских торговцев в конкретных правоотношениях — указах местных правителей.

Формально сохранив независимость Бухарского эмирата и Хивинского ханства, российские власти загнали себя в своеобразный юридический тупик. Имея полную фактическую возможность реализовать на территории этих государств свою политику в различных сферах (в том числе и в экономической), юридически они были вынуждены вести переговоры с местными властями, чтобы те официально согласились на проведение тех или иных мероприятий в политической, социальной, экономической или правовой сфере и оформили их с помощью собственных правовых актов. Нет нужды говорить, что подобный процесс нередко затягивался на долгие месяцы, а то и годы. Тем не менее подобные властные решения стали еще одним специфическим источником права: введение в действие российских правовых норм посредством издания указов-ярлыков бухарского эмира и хи-

винского хана, фиксируя положения соответствующих российских нормативных актов. Отчасти чтобы продемонстрировать иностранным государствам (и в первую очередь Англии) независимость Бухары и Хивы, формально опровергая обвинения в их захвате и присоединении к России, отчасти чтобы поддержать престиж среднеазиатских монархов в глазах собственных подданных, российские власти соглашались на то, чтобы инициатива принятия подобных решений будто бы исходила от самих правителей Бухары и Хивы. Так, например, как уже отмечалось выше, в 1901 г. бухарский эмир «соизволил» санкционировать денежную реформу, включавшую равное хождение в эмирате бухарской тенги (тенге) и русского рубля и привязывание курса местной валюты к российской, что существенно укрепило позиции и российских предпринимателей в Бухаре. Аналогичным образом, когда российские власти решили построить в эмирате железную дорогу, соединяющую Бухару с Карши и Термезом, эмир издал соответствующий указ, в котором было «признано возможным разрешить» это строительство [Жуковский, 1915, с. 199].

Российские торговцы, получая многочисленные льготы и привилегии, со временем стали рассматривать свою деятельность в Бухаре и Хиве практически так же, как деятельность в пределах собственно Российской империи, в связи с чем порой весьма негативно реагировали на какие-либо ограничения своих возможностей дальнейшего развития дела. Например, русские торговцы, постоянно пребывавшие в Керки, жаловались как бухарским, так и российским властям на то, что предоставленная им на основании указа эмира территория для поселения слишком мала для дальнейшего развития, а бухарские власти не позволяют ее расширять, несмотря на то что российские торговцы имеют оборот более 1,2 млн руб. в год [Искандаров, 1963, с. 232]. Таким образом, официальные предписания местных властей, нередко издававшиеся по согласованию с российской региональной (туркестанской) администрацией, воспринимались русскими торговцами как фактическое нарушение их прав и привилегий!

Впрочем, нельзя сказать, что на протяжении всего пребывания среднеазиатских ханств под российским протекторатом положение российских предпринимателей исключительно улучшалось и укреплялось. Так, включив Бухарский эмират и Хивинское ханство в таможенную зону Российской империи в 1895 г. (и, соответственно, лишив

хана и эмира существенного источника дохода в виде таможенных сборов), имперские органы власти по инициативе администрации Туркестанского края признали возможным отменить некоторые положения мирных договоров 1873 г., в частности, позволив взимать налоги с российских торговцев так же, как и с их местных партнеров [Ниязматов, 2010, с. 232–238]. При этом не обошлось и без некоторых юридических курьезов. Так, например, наряду с другими налогами русские купцы в Бухарском эмирате должны были платить налог под названием «аминана» [Искандаров, 1963, с. 91], который в свое время был введен эмиром Музаффаром... как специальный сбор для войны с Россией [Семенов, 1929, с. 48]! Впрочем, отдельные русские торговцы могли быть индивидуально освобождены от уплаты налогов в случае получения от властей соответствующих документов — в частности, в одном из приказов начальника Амударьинского отдела, ответственного за связи Российской империи с Хивой, упоминалось о том, что русские подданные, торгующие в ханстве, могут быть освобождены от уплаты налогов (полностью или частично), если «предъявят ханским властям надлежащие торговые документы» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 159, л. 8].

Постоянно изменяющиеся нормы, регулировавшие экономическую деятельность в Бухаре и Хиве (как внутреннюю, так и с участием российского капитала), вызывали многочисленные нарушения и злоупотребления — причем как со стороны ханских и эмирских чиновников, так и со стороны российских предпринимателей. Чиновники стремились взять как можно больше налогов с российских торговцев, в случае неподчинения нередко даже конфисковали товар или выручку за него. При этом далеко не все обиженные получали возможность обжаловать действия чиновников, обратившись к ханскому или эмирскому суду, либо задействуя российские административные структуры. То же касалось и российских поселенцев в Бухарском эмирате, которые намеревались создавать сельскохозяйственные предприятия: из-за злоупотреблений представителей местной администрации и сборщиков налогов они разорялись и были вынуждены уезжать, продавая за бесценок новоприобретенные земли в Бухаре, а российские власти не реагировали на их жалобы, поскольку считали, что увеличение числа русских поселенцев нарушает интересы эмира, что на данном этапе русско-бухарских отношений не было выгодно Российской империи [Искандаров, 1963, с. 206].

Вместе с тем в случае нарушений правил торговли со стороны частных лиц — местных торговцев — российские власти проявляли большую активность по защите русско-подданных. В Бухаре подобные дела рассматривались Российским политическим агентством — на основе Положения «О круге ведомства мировых судей в Бухарском ханстве, Самаркандского Окружного Суда и российского политического агента в Бухаре по возникающим в пределах Бухарского ханства судебным делам», принятого в 1892 г. в качестве дополнения к «Положению об управлении Туркестанского края» 1886 г. [СЗРИ, 1912, с. 452–453]. В Хивинском же ханстве, где подобного российского представительства не существовало, его функции фактически выполнял Амударьинский отдел, функции начальника которого по отношению к хану Хивы во многом были аналогичны функциям политического агента по отношению к бухарскому эмиру.

В Центральном государственном архиве Республики Узбекистан хранится большое количество посланий руководства Амударьинского отдела хивинскому хану, содержащих не только требования (согласно протоколу представленные в виде просьб) рассмотреть такие споры, но и конкретные предписания, какое именно решение и на основе каких нормативных актов следует принять. Предписания зачастую были вполне однозначными, т.е. будущее решение ханского суда предопределялось ими. Например, в ответ на жалобу агента «Восточного общества» Егорова о захвате хивинскими подданными купленной обществом земли начальник Амударьинского отдела генерал-майор Глушановский в сентябре 1909 г. писал: «Сообщая об этом, прошу Вашу светлость приказать немедленно установить границы купленного “Восточным обществом” участка земли и по измерении передать... (7,5) танапов Обществу. О результатах настоящего письма прошу меня уведомить» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 243, л. 6 с об.]. В другом послании того же чиновника (о невыплате долга хивинским подданным русскому подданному) хивинскому хану предписывалось «дать немедленные распоряжения Вашей Светлости о разборе настоящего дела. И если жалоба Сапарьянца справедлива, удовлетворить его» [Там же, д. 300, л. 16 с. об.].

В ряде случаев российские чиновники даже намекали хивинским ханам на негативные последствия в случае отказа в удовлетворении исков российских торговцев. Например, в июне 1909 г. тот же генерал-майор Глушановский, требуя от хивинского хана и его судей ре-

шения о взыскании долга с хивинских торговцев в пользу русского подданного С. Голохвостова, писал: «Если же Ваша светлость сделать это не найдете возможным, то прошу сообщить мне подробно причины отказа, т.к. я должен по этому вопросу сделать представление главному начальнику края [т.е. туркестанскому генерал-губернатору. — *Р. П.*] и просить указания его высокопревосходительства, чтобы интересы русских подданных не страдали» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 300, л. 39 с об.]. Напомним, что как раз в этот период времени в российских властных кругах активизировались дискуссии относительно окончательной ликвидации независимости Бухарского эмирата и Хивинского ханства и присоединения их территорий к Российской империи (см., например: [Центральная Азия, 2008, с. 309–310]), так что возможное ухудшение взаимоотношений с туркестанским генерал-губернатором представляло существенную угрозу положению хивинского хана и, соответственно, подобные угрозы имели большой вес.

Это позволяет выделить еще одну группу источников права, которыми регламентировался статус российских торговцев в Бухаре и Хиве — конкретные предписания российских региональных властей (начальников Амударьинского отдела в Хивинском ханстве) или дипломатических представителей (российских политических агентов в Бухарском эмирате) в целях защиты интересов подданных Российской империи в среднеазиатских ханствах. Несмотря на то что сами эти акты напрямую не действовали в Бухаре и Хиве, они служили своеобразными руководствами для принимаемых бухарскими и хивинскими монархами или судьями решений.

Интересно отметить, что русские предприниматели порой выступали не только жертвами произвола местных чиновников, но и сами нарушали правовые нормы. Так, например, пользуясь неопытностью и неосведомленностью местного чиновничества в законах, регулирующих торговые отношения ханств и России, они пытались получать (и даже получали) льготы и преференции, предъявляя документы, вообще не являвшиеся юридическими. Так, например, в 1903 г. начальник Амударьинского отдела был вынужден издать специальный приказ, в котором отмечал, что «книжки “Права и обязанности”, выданные генералом Галкиным тем русским подданным, проживающим в Хивинском ханстве, торговым документом служить не могут» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 159, л. 8].

В заключение считаем небезынтересным отметить особенности статуса европейцев, посещавших во второй половине XIX — начале XX в. Бухарский эмират и Хивинское ханство. В соответствии с распоряжениями русских властей такие иностранцы приравнивались к российским подданным, получая те же права и привилегии, подпадая под юрисдикцию российских судебных органов и проч. Например, в специальном послании хивинскому хану в ноябре 1901 г. начальник Амударьинского отдела, сообщая о поездке двух германско-подданных в Бухару и Хиву «с коммерческими целями», писал: «Прошу относиться к гг-м Вольдемару Пруссу и Иоганну Прейссе как к русским подданным, со всеми вытекающими привилегиями» [Там же, д. 309, л. 5]. Согласно Положению «О круге ведомства мировых судей в Бухарском ханстве...», «пребывающие в пределах Бухарского ханства иностранцы, принадлежащие к христианским вероисповеданиям, состоят под непосредственным покровительством русского политического агентства, и во всем, что касается полицейского и судебного порядка, подчиняются тем правилам, кои установлены или впредь будут устанавливаемы для проживающих в ханстве русских подданных» [СЗРИ, 1912, с. 453]. В некоторых случаях российская администрация (а с ее подачи и ханские власти) использовали своеобразную «юридическую фикцию»: например, в Бухарском эмирате иностранцам (т.е. не местным и не русским предпринимателям) запрещалось заниматься разработкой золотых месторождений, однако некоторые европейские дельцы договаривались, что будут делать заявки на право разрабатывать золото «от имени лиц русской национальности, которые их в том уполномочивают» [Искандаров, 1963, с. 248].

На первый взгляд, такие нормы защищали интересы иностранцев-христиан (иностранцы-мусульмане судились местными судами), находящихся в Бухаре и Хиве, обеспечивая им защиту и судебное разбирательство по российским законам (более «цивилизованным», нежели местные). Однако, на самом деле, они отражали запрет бухарским и хивинским властям на прямое сношение с иностранцами, т.е. внешнюю политику, что вполне соответствовало понятию русского протектората над эмиратом и ханством, по сути являвшихся вассалами Российской империи.

Таким образом, несмотря на многочисленные проблемы как чисто правового (несовершенство нормативной базы), так и адми-

нистративного (злоупотребления властей среднеазиатских ханств) характера, российские торговцы при поддержке имперских властей и своих местных партнеров сумели сыграть довольно значительную роль в процессе модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства, в введении в них новых для Средней Азии экономических институтов, развитии соответствующих норм и источников права в рассматриваемый период.

§ 3. Особенности правового статуса русских поселений в ханствах Средней Азии

Одним из последствий установления протектората Российской империи над Бухарским эмиратом в 1868 г. и Хивинским ханством в 1873 г. стало приобретение на их территории разного рода объектов недвижимости российскими государственными и частными учреждениями, а также и отдельными физическими лицами — от покупки обширных земельных участков до аренды складов и торговых помещений [Сборник, 1952, № 19, с. 131, 132; № 20, с. 136, 137]. Своеобразным последствием реализации этих условий договоров стало создание обособленных поселений на территории Бухарского эмирата, что фактически вывело эти территории из юрисдикции местных властей и превратило их в своего рода «анклавы» Российской империи, на которые распространялись ее система управления и правового регулирования — пусть и с некоторыми особенностями.

Безусловно, исследователями неоднократно рассматривалось положение русских поселений в ханствах Средней Азии в контексте истории их взаимоотношений с Российской империей. Их характеризуют и современники, и последующие исследователи, имеются даже специальные исследования, посвященные созданию и развитию этих поселений в Бухарском эмирате [Федченко, 1958]. При этом большинство авторов уделяют основное внимание, безусловно, значению русских поселений в развитии экономических отношений Российской империи с ханствами Средней Азии, культурному влиянию, а исследователи советского периода — также роли жителей этих поселений в последующих революционных событиях в Бухаре и Хиве. Особенности правового положения русских поселений в среднеазиатских ханствах, насколько нам известно, не привлекали внимания специалистов.

Между тем представляет интерес правовой статус русских поселений в ханствах Средней Азии, правовые основы их создания и функционирования, правовая регламентация их взаимоотношений с властями Российской империи, Бухары и Хивы. Также немаловажен вопрос о влиянии поселений на правовое развитие ханств — ведь именно такая цель изначально преследовалась русскими властями при создании этих поселений [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 177]. Основными источниками для исследования послужили, во-первых, российские имперские правовые акты, определяющие правовой статус русских поселений; во-вторых — записки русских дипломатов и путешественников, лично побывавших (или проживавших) в этих поселениях. Также учтены результаты работы специалистов, ранее занимавшихся рассматриваемой темой.

Русские поселения на территории Бухарского эмирата можно разделить на две категории (что нашло отражение уже и в трудах современников) — поселения при станциях Закаспийской железной дороги и гарнизоны в пограничных регионах эмирата с соответствующей инфраструктурой [Лессар, 2002, с. 115; Скальковский, 1901, с. 472]. Объединяло их преобладающее большинство русско-подданных среди населения, имперская административная структура и действие российского законодательства на их территории.

Собственно, первые русские поселения представляли собой именно военные гарнизоны, расположенные в отдельных пограничных регионах Бухарского эмирата для противостояния возможной агрессии Британской империи, как раз в этот период активизировавшей захватническую политику в Северной Индии и установившей фактический протекторат над Афганистаном [Лессар, 2002, с. 112; Тухтаметов, 1966, с. 47–48]. Первые гарнизоны с декабря 1886 г. размещались в Чарджуе (совр. Чарджоу) и Керки (совр. Тюркменабад и Керкичи в Лебапском велаяте Туркмении), а в 1897 г. еще один был размещен в Термезе (совр. ст. Термез в Сурхандарьинской обл. Республики Узбекистан). Исследователи, говоря о русских поселениях на территории Бухарского эмирата, обычно не включают в их систему еще одно «военное поселение» — Памирский отряд, присутствовавший в Восточной Бухаре уже с первой половины 1890-х годов с 1903 г. имевший постоянную резиденцию в селении Хорог (совр. центр Горно-Бадахшанской автономной обл. Республики Таджикистан). Однако несмотря на его, и в самом деле, особое положение (отразившееся, в частности, и в том,

что полномочия начальника отряда определялись исключительно «Инструкцией начальнику Памирского отряда» 1897 г.), мы считаем возможным рассмотреть его вместе с другими русскими гарнизонами на территории эмирата, учитывая как цели и задачи этого отряда, так и его роль в правовом развитии соответствующего региона⁵.

Все эти военные гарнизоны располагались не непосредственно в бухарских населенных пунктах, а рядом с ними. При этом некоторая часть территории приобреталась у эмира и частных владельцев, а часть — безвозмездно уступалась русским бухарским правителем [Логофет, 1911б, с. 205–206]. Со временем наряду с военными служащими (общее число которых на территории эмирата по некоторым сведениям превышало 8 тыс. человек [Фомченко, 1958, с. 12]) в поселениях стали появляться также и другие русско-подданные — дипломаты, чиновники, торговцы и т.д. Соответственно, гарнизоны постепенно превращались в полноценные поселения с соответствующей инфраструктурой. В частности, в Чарджуе имелись гостиницы, магазины европейского типа, школа, церковь и т.д. [Гейер, 1901, с. 119; Фомченко, 1958, с. 16].

Несколько иной тип населенного пункта представляла собой Новая Бухара (совр. Каган в Бухарской обл. Республики Узбекистан), точную дату основания которой называют современники: 15 мая 1888 г., когда была открыта соответствующая станция Закаспийской железной дороги [Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 149]. В отличие от вышеперечисленных поселений в Чарджуе, Керки, Термезе и Хороге, Новая Бухара изначально не являлась местом размещения гарнизона: она находилась неподалеку от столицы и была основана как резиденция российского дипломатического представительства в Бухарском эмирате — Российского императорского политического агентства. Первоначально агентство располагалось непосредственно в столице ханства, в одном из дворцов, принадлежавших эмиру⁶, однако уже

⁵ В числе русских поселений рассматривал гарнизон на Памире и Д.Н. Логофет [Логофет, 1911б, с. 192]. Главным административным отличием Памирского отряда от других русских гарнизонов на территории Бухарского эмирата было то, что он подчинялся военному губернатору Ферганской области, а остальные — военному губернатору Самаркандской области.

⁶ Дж.Н. Керзон упоминает интересную подробность: чтобы предоставить резиденцию русскому политическому агенту, эмир конфисковал это здание у его прежнего владельца [Curzon, 1889, p. 168–169].

первый политический агент, Н.В. Чарыков, предложил идею его переноса за пределы столицы — чтобы продемонстрировать, что российское дипломатическое представительство не намерено осуществлять постоянное вмешательство во внутренние дела эмирата ([Чарыков, 2016, с. 138]; см. также: [Чиркин, 2006, с. 283]). Соответственно, под резиденцию агентства был отведен земельный участок, прежде не заселенный подданными эмира⁷. В какой-то мере строительство Новой Бухары началось и по просьбе самого эмира Абдул-Ахада (прав. 1885—1910): он опасался, что в случае проведения железной дороги через территорию его столицы местные жители будут бояться поездов, а также могут стать и жертвами несчастных случаев, поэтому станция и окружающее ее поселение были построены в семи милях от столицы ([Чарыков, 2016, с. 138]; см. также: [Чернов, 2010, с. 62]). Уже спустя несколько лет в городе появились вокзал, отделение Государственного банка, таможня, две гостиницы, аптека, несколько магазинов [Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 149—150].

Вскоре после основания вышеперечисленных поселений практически все они (за исключением Хорога) были соединены станциями Закаспийской железной дороги, для обслуживания которых в этих поселениях также проживали представители различных железнодорожных специальностей. Соображения безопасности заставили создать своеобразную «железнодорожную полосу отчуждения» [Перевезенцева, 1997, с. 69], посредством которой, как отмечали современники, Россия «проткнула насквозь» территорию Бухарского эмирата, усилив контроль над своим протекторатом [Скальковский, 1901, с. 472].

В результате, Несмотря на то что фактически русские поселения являлись своеобразными «анклавами», на самом деле они были соединены в единую систему, связанную к тому же и с ближайшей административно-территориальной единицей Российской империи — Самаркандской областью Туркестанского края, военный губернатор которой являлся вышестоящим начальником по отношению к рус-

⁷ Любопытно отметить, что, в отличие от земель, отведенных под русские гарнизоны, которые приобретались российским правительством у эмира, участок для резиденции Политического агентства был подарен русским бухарскими властями — в знак добрых отношений между Россией и эмиратом. Более того, и само политическое агентство материально обеспечивалось за счет эмира в качестве его «гостей», хотя еще Шаарским договором (п. 15) предусматривалось, что оно будет финансироваться из российской казны.

ским гарнизонам в эмирате. Существенное расширение экономического взаимодействия России и Бухары в конце XIX — начале XX в. способствовало росту русских поселений и, соответственно, числа их населения: если по переписи 1898 г. в эмирате проживало чуть более 12 тыс. русских подданных, то к 1917 г. их число превысило 50 тыс. человек, не считая военнослужащих [Фомченко, 1958, с. 12]⁸. Уровень развития этих поселений современники оценивали по-разному: одни характеризовали Новую Бухару как «город, а не какое-либо захолустное местечко» ([Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 150]; см. также: [Фомченко, 1958, с. 15]), другие же — напротив, пренебрежительно сравнивали ее с «захолустными городишками Закаспийской области» [Чиркин, 2006, с. 281–282].

Итак, каков же был статус этих поселений? Сразу стоит отметить, что никакого специального законодательства, определявшего их статус на протяжении всего существования русских поселений в Бухарском эмирате, так и не было разработано. Главным источником права, определявшим статус поселений оставался Шаарский мирный договор 1873 г., а также дополнивший его «Протокол дополнительных правил» от 23 июня 1888 г., подписанный как «дружественное соглашение» бухарским эмиром Абдул-Ахадом и туркестанским генерал-губернатором Н.О. Розенбахом и зафиксировавший факт строительства на территории Бухарского эмирата железнодорожных станций и образования вокруг них русских поселений на территориях, приобретаемых у бухарского правительства [Логофет, 1909, с. 218–221]. По сути, именно этот документ, обладавший довольно неопределенной юридической силой, и регламентировал статус всех русских поселений на территории эмирата! Важно отметить, что взаимоотношения этих поселений и их начальства с властями эмирата Протокол фактически не касался: в нем лишь кратко отмечалось, что бухарские власти будут оказывать «полное дружеское содействие» в поддержании порядка в поселениях (п. 7). Надо полагать, столь обтекаемая формулировка объяснялась тем, что Бухарский эмират продолжал считаться номинально суверенным государством, и имперские власти не хотели обострять отношения с европейскими державами, лишняя раз подчеркивая зависимое положение эмирата от России.

⁸ Т.Г. Тухтаметов говорит даже о 60 тыс. русских подданных разных национальностей [Тухтаметов, 1966, с. 49].

В качестве приложения к Протоколу были также разработаны «Правила об управлении, хозяйстве и благоустройстве поселений близ железнодорожных станций Чарджуй и Бухара» [Логофет, 1909, с. 221–224], которые предусматривали структуру управления русских поселений, полномочия местного начальства и финансовое обеспечение их существования. Так, п. 1–2 Правил возлагали всю полноту власти в Чарджуе на местного «воинского начальника», который приравнивался по статусу к уездным начальникам, а в Новой Бухаре — «временно» на российского политического агента. Заведование хозяйственным развитием русских поселений осуществлялось указанными чиновниками, при каждом из которых находились по одному «депутату», избираемому от русских поселенцев и одному представителю бухарского эмира (п. 4). Начальство поселений обеспечивало поддержание в надлежащем состоянии дорог, тротуаров, арыков, соблюдение санитарных и противопожарных требований, безопасности в ночное время и т.д. (п. 7). Правоохранительную функцию осуществляли полицейские, набираемые из «нижних чинов» гарнизона в Чарджуе и вольнонаемных из числа местных жителей в Новой Бухаре (п. 3)⁹. Местный бюджет формировался за счет сборов с населения, а именно: 1) единовременного сбора по 5 коп. с каждой квадратной сажени участков; 2) ежегодного налога с недвижимости в размере 1% ее стоимости или 10% от дохода, получаемого с нее; 3) с торговли и промыслов, а также с извозного промысла (п. 8).

Ряд норм содержал отсылки к общеимперскому законодательству, что свидетельствует об изначальном включении русских поселений в Бухарском эмирате в административную и правовую систему Российской империи. Так, возведение построек в поселениях регламентировалось Строительным уставом (п. 6), ставки налога с торговли и промыслов определялись на основании ст. 32 Устава о городском и сельском хозяйстве (по продолжению 1876 г.), а с извозного промысла — Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 9 июня 1887 г. (п. 8).

Интересно отметить одну особенность Правил: ведущее положение в системе русских поселений принадлежало «Чарджуйскому

⁹ После организации в Ташкенте Туркестанского районного охранного отделения на него были также возложены обязанности по надзору за «русскими поселками» на территории Бухарского эмирата [Литвинов, 2014а, с. 64].

воинскому начальнику», т.е. командиру гарнизона в Чарджуе, при котором русский политический агент формально имел что-то вроде совещательной функции. Полагаем, это положение отражало реальное соотношение влияния военного и дипломатического ведомств Российской империи в русской Средней Азии на момент разработки Протокола и Правил. Первоначально контроль над среднеазиатскими протекторатами находился в ведении властей Туркестанского края во главе с генерал-губернатором, которому подчинялся и «чарджуйский воинский начальник» — не только как главе краевой администрации, но и как командующему Туркестанским военным округом. Первые русские политические агенты, несмотря на официальную принадлежность к российскому МИДу, фактически также являлись представителями туркестанских властей¹⁰. В пользу этого свидетельствует, в частности, такой факт: когда в 1892 г. в Петербург отправлялось очередное бухарское посольство, туркестанский генерал-губернатор А.В. Вревский организовал его торжественную встречу не в Новой Бухаре, где была резиденция Политического агентства, а именно в Чарджуе, где находился военный гарнизон [Тураев, 1989, с. 54].

Но на рубеже XIX–XX вв., вероятно, в связи с довольно частой сменой туркестанских генерал-губернаторов, политические агенты назначаются уже напрямую руководством Министерства иностранных дел Российской империи и фактически приобретают большую власть в системе русских поселений, нежели начальники чарджуйского гарнизона¹¹. Неслучайно С.В. Чиркин (сам недолгое время являвшийся российским дипломатическим представителем в Бухарском эмирате в 1917 г.) характеризует политического агента в 1910-е годы как «губернатора» всех русских поселений [Чиркин, 2006, с. 273].

¹⁰ Так, первый русский политический агент Н.В. Чарыков (1886–1890) до назначения на эту должность служил чиновником для особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе, а сменивший его П.М. Лессар (1890–1895) в 1880-е годы был инженером в том же Туркестанском крае и занимался строительством Закаспийской железной дороги.

¹¹ Д.Н. Логофет, сам будучи туркестанским чиновником, крайне неодобрительно отзывался о существенном расширении полномочий русских политических агентов, деятельность которых, по его мнению, во многом способствовала ослаблению контроля России (а фактически — туркестанского генерал-губернатора) над Бухарским эмиратом [Логофет, 1911б, с. 181].

Помимо Протокола и Правил, время от времени российские власти издавали дополнительные правовые акты, которые регламентировали те или иные аспекты функционирования русских поселений в Бухарском эмирате. Причем если одни из них имели важное значение и уточняли статус или правовой режим поселений, то другие могли регулировать и частные случаи. Так, 28 сентября 1898 г. Военный совет принял Утвержденное положение об открытии в Термезе продовольственного магазина II класса [ПСЗРИ, 1901, № 15957, с. 922]. Думается, что издание такого специфического акта связано с тем, что поселение в Термезе являлось, прежде всего, военным гарнизоном на границе с Афганистаном, поэтому даже вопросы экономического развития Термеза относились к ведению военного ведомства Российской империи.

Отдельный блок правовых актов был посвящен организации судебной власти в русских поселениях: в течение 1887–1909 гг. был принят целый ряд нормативных документов, определявших судебную систему в русских поселениях, вводивший новые судебные должности (прежде всего — мировых судей) в отдельных населенных пунктах, подведомственность дел и т.п. При этом каждый новый акт все более расширял компетенцию русских судей в отношении местного бухарского населения: со временем к их ведению стали относиться дела не только с участием русских и бухарцев, но и с участием других иностранцев христианского вероисповедания. Высшей инстанцией по отношению к судам русских поселений (от мировых судей до самого политического агента включительно) являлся Самаркандский областной суд, что, в свою очередь, подтверждает полную интеграцию системы русских поселений в имперскую административно-территориальную и правовую системы. Расширение компетенции судебных органов русских поселений стало еще одним направлением для поэтапной интеграции эмирата в состав Российской империи и приобщения подданных эмира к российским правовым ценностям¹².

Наконец, для Памирского отряда с центром в Хороге в 1897 г., как уже отмечалось, была разработана туркестанским генерал-губернатором А.В. Вревским «Инструкция начальнику Памирского отряда». В первоначальном варианте Инструкции начальнику отряда было предписано осуществлять контроль за действиями бухарского намест-

¹² См. подробнее следующий параграф.

ника — бека Шугнана и Рушана и его чиновников (особенно в налоговой сфере), но при этом не вступать в прямые контакты с местным населением, а при поступлении жалоб от него — рекомендовать бухарским чиновникам изменить решения. Однако подобные ограничения довольно часто игнорировались и начальниками отряда, и их офицерами, как правило, более активно взаимодействовавшими с местным населением и занимавшими весьма жесткую позицию по отношению к бухарским чиновникам. В частности, нередко они брали под защиту местных жителей, которых бухарские беки подвергали несправедливым и жестоким наказаниям, не позволяли эмирским чиновникам совершать злоупотребления при сборе налогов и проч. Это вызвало необходимость издания нового варианта «Инструкции начальнику Памирского отряда» в сентябре 1902 г. В ответ на постоянные жалобы бухарских чиновников на самоуправство русских офицеров на Памире (а также и на аналогичные претензии русских политических агентов в Бухаре) в инструкции прямо предписывалось офицерам отряда не вмешиваться «в дела бекства», а передавать информацию, полученную от местного населения вышестоящему начальству — военному губернатору Ферганской области и генерал-губернатору Туркестанского края, которые уже дипломатическими методами должны были решать возникшие проблемы [Халфин, 1975б, с. 38–39, 56].

Революционные события начала XX в. и их отражение в имперском законодательстве лишь подтвердили, что российские власти всех уровней рассматривали русские поселения на территории Бухарского эмирата как неотъемлемую часть империи, полностью интегрированную в ее политико-правовое пространство. Во время волнений 1905–1907 гг. в русских поселениях, как и в Туркестанском крае, было введено чрезвычайное положение, переброшены дополнительные войска [Фомченко, 1958, с. 34–35]. В дальнейшем именным указом от 29 июля 1909 г. в ряде административно-территориальных единиц Туркестана чрезвычайное положение было заменено на «состояние усиленной охраны», причем Чарджуй фигурирует среди них наравне с Самаркандом и Ташкентом [ПСЗРИ, 1912, № 32437, с. 704]. Позднее именным указом от 28 августа 1912 г. это состояние было продлено «в городе Ташкенте, в Ташкентском, Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском уездах Сырдарьинской области, в Верненском и Пишпекском уездах, Семиреченской области, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях и во всех русских поселе-

ниях в пределах Бухарского ханства» [ПСЗРИ, 1915, № 38063, с. 1421] (курсив наш. — Р. П.).

Во время мощного восстания 1916 г. в Казахстане и Центральной Азии по распоряжению Штаба Туркестанского военного округа территории, прилегающие к Туркестанской железной дороге, для более эффективной их охраны были разбиты на 12 участков, и одним из них (12-м) стал участок «Бухара — Термез с веткой Карши-Китаб» [Восстание, 1960, с. 727]. В данном случае нельзя не отметить, что в условиях чрезвычайной ситуации на территорию формально независимого Бухарского эмирата в полной мере распространялись распоряжения туркестанской военной администрации.

Февральская революция 1917 г. также оказала влияние на ситуацию в русских поселениях, лишний раз продемонстрировав их близость к «внутренним» регионам Российской империи. В них, как и по всей России, после падения монархии стали создаваться новые органы власти — исполнительные комитеты Временного правительства [Фомченко, 1958, с. 43, 44]. 9 мая 1917 г. они провели съезд, на котором провозгласили создание Областного исполнительного комитета, который возглавил сотрудник Российского политического агентства (с 17 марта — российское резидентство [Архив, 2001, с. 124]) П.П. Введенский, сам некоторое время исполнявший обязанности русского дипломатического представителя в Бухаре. Одновременно с Областным исполкомом Временного правительства был создан и «альтернативный» орган власти (опять же — как и в большинстве регионов Российской империи) — Областной совет солдатских и рабочих депутатов [Генис, 2003, с. 107]. Интересно отметить, что хотя исполкомы русских поселений и контролировались руководством российского резидентства, последнее весьма четко разграничивало свои обязанности как начальства русских поселений и как дипломатического представительства в Бухарском эмирате. Это выразилось, в частности, в том, что А.Я. Миллер (последний агент и первый резидент России в Бухаре в октябре 1916 — апреле 1917 г.) всячески старался добиться от исполкома Новой Бухары невмешательства в его отношения с властями эмирата [Там же, с. 93].

Контроль представителями российских властей (в первую очередь русскими политическими агентами и начальниками Памирского отряда) внутренней политики Бухарского эмирата и его отдельных регионов объяснялся подчиненным положением этого государства

по отношению к России. А могли ли бухарские власти вмешиваться в дела русских поселений? В связи с тем, что значительную часть территории русских поселений эмир «уступил» русским безвозмездно, формально он не утрачивал права собственности на эти земли и, как следствие, мог направлять туда своих чиновников, взимать с русских жителей налоги и проч. Неслучайно еще и в первом десятилетии XX в. в российских властных кругах шли дискуссии: следует ли позволять эмиру реализовать свои номинальные полномочия или нужно официально изъять всю территорию русских поселений из бухарской юрисдикции [Логофет, 1911б, с. 206].

Фактических же возможностей участвовать в судьбе русских поселений у эмира и его чиновников, как показывает анализ вышеупомянутых правовых актов, не было, поскольку русские поселения, как видим, рассматривались российскими властями как часть Российской империи. Нейтральная фраза о «полном дружеском содействии» бухарских властей местным начальникам в управлении русскими поселениями, несомненно, никого не могла ввести в заблуждение. Поэтому у эмира оставались лишь отдельные экономические инструменты — если не для вмешательства в дела русских поселений, то по крайней мере для отслеживания ситуации в них. Впрочем, подданным бухарского эмира позволялось селиться на территории русских поселений лишь по обоюдному согласию правителя Бухары и русского политического агентства [Федченко, 1958, с. 14], так что у российских властей имелись средства «сдерживания» роста числа местных жителей в русских поселениях.

В частности, бухарские эмиры являлись «совладельцами» телеграфа, действовавшего в русских поселениях (вложив 9 тыс. руб. в его строительство и 3 тыс. — в зарплату сотрудникам) и, соответственно, получали доход — по 10 коп. с каждого слова [Le Messurier, 1889, р. 164]. Также русские путешественники упоминают, что в Новой Бухаре на средства эмира был построен гостининый двор, и все доходы с него также шли в пользу эмира, кроме того, позволяя ему обеспечивать присутствие в этом русском поселении своих подданных и, соответственно, в какой-то мере контролировать его [Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 148–149].

Резким контрастом с развитой системой русских поселений в Бухарском эмирате выглядит их практически полное отсутствие в Хивинском ханстве. Причинами тому, несомненно, стали и общая по-

литическая нестабильность в ханстве (в отличие от эмирата, где при помощи русских войск властям удалось уже в 1870-е годы добиться централизации государства), и нежелание российской дипломатии вызывать очередной виток недовольства со стороны Великобритании своими активными действиями в регионе, и отсутствие развитой системы транспортного сообщения с Туркестаном, позволившего бы в случае опасности оперативно перебросить войска для защиты русских подданных на территории ханства [Котюкова, 2009а, с. 6].

Как и в Бухаре, в Хиве, согласно Гандемианскому договору 1873 г., русским подданным разрешалось приобретать имущество, в том числе и недвижимое. Фактически в г. Новый Ургенч даже стало складываться своеобразное русское поселение, поскольку город стал центром деловой активности ханства, местом расположения представительств российских фирм, банков и проч. [Погорельский, 1968, с. 26; Тухтаметов, 1969, с. 110]. Более того, российским властям предлагались проекты создания русских поселений в ханстве с подробной характеристикой их будущего правового статуса — благо, что имелся положительный опыт их организации в бухарских владениях [Ниязматов, 2010, с. 311]. В силу различных обстоятельств реализация этих проектов все время откладывалась, и русско-подданные на территории Хивинского ханства находились под контролем начальства ближайшей административно-территориальной единицы — Амударьинского военного отдела. Со статусом русских подданных в Бухарском эмирате их сближало даже то, что круг судебных полномочий начальника отдела был практически идентичен кругу полномочий русского политического агента в Бухаре: согласно закону от 28 июня 1912 г., они распространялись не только на дела с участием русских подданных в ханстве и их споры с хивинцами, но и на иностранцев-христиан [ПСЗРИ, 1915, № 37565, с. 988–989].

Фактически первое русское поселение на территории Хивинского ханства появилось в 1916 г. при тех же обстоятельствах, что и первые поселения в Бухаре: это был русский гарнизон, размещенный в столице ханства после подавления очередного восстания туркмен против хана (см. подробнее: [Котюкова, 2009а, с. 12; Погорельский, 1968, с. 113]). Вскоре он (опять же — подобно русским поселениям в Бухарском эмирате) стал пополняться за счет штатских лиц, однако последовавшие революционные события не позволили ему приобрести статус, аналогичный русским поселениям в Бухаре. Фактическим главой поселения был начальник гарнизона: сначала эту должность

занимал сам начальник Амударьинского военного отдела, а затем руководство гарнизоном перешло к специально назначенному военному комиссару в Хиве¹³. Тем не менее есть основания полагать, что статус обособленного поселения гарнизон все же получил: так, когда летом 1917 г. реформаторы-младохивинцы подверглись репрессиям со стороны властей ханства, некоторые из них нашли убежище на территории гарнизона, где ханские чиновники не имели права их задерживать [Погорельский, 1968, с. 133]. Как и в русских поселениях в Бухарском эмирате, на территории гарнизона в революционную эпоху появились новые органы управления — исполнительный комитет Временного правительства и Совет рабочих и солдатских депутатов [Садыков, 1972, с. 182].

Можно лишь предполагать, как развивалась бы судьба русских поселений в среднеазиатских ханствах. Однако сначала события в центральной России отвлекли внимание Временного правительства от ее среднеазиатских владений, включая и «анклавы» в Бухаре и Хиве. А затем большевики, пришедшие к власти в октябре того же года, официально объявили оба ханства независимыми, отказавшись от системы протектората.

Итак, можно сделать вывод, что русские поселения на территории Бухарского ханства, равно как и «квазипоселение» в Хиве в 1916–1917 гг., по всем показателям в большей степени являлись административно-территориальными единицами Российской империи, чем того или иного среднеазиатского государства. Причиной тому в большей степени стали не соответствующие нормативные акты и международные соглашения, а фактическое состояние протектората России над Бухарой и Хивой. Специфика положения фактических глав этих владений (российского политического агента в Новой Бухаре и начальника гарнизона в Хиве) делала возможным их вмешательство во внутренние дела Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Это, опять же, было бы невозможным, если бы оба ханства не признавали зависимость от Российской империи.

¹³ Проект введения института военного комиссара был предложен на рассмотрение петербургским властям туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным еще в конце 1916 г., однако так и не был утвержден из-за последовавших вскоре революционных событий. Тем не менее с марта по октябрь 1917 г. в Хиве *de facto* действовали военные комиссары — генерал Х. Мирбадалов, полковники Б.П. Тризна и И.М. Зайцев [Погорельский, 1984, с. 63–73].

Наконец, можно отметить, что путем создания и функционирования русских поселений российские власти решали и еще одну задачу в рамках своей политики в среднеазиатских ханствах — речь идет о фронтальной модернизации, т.е. повышении уровня развития пограничных владений империи (или в данном случае — вассальных государств) до уровня наиболее развитых центральных областей. Таким образом, эти поселения, в соответствии с видением российской администрации, становились «образцами» для дальнейшего развития Бухарского эмирата — в экономическом, культурном и, что для нас особенно важно в рамках данного исследования, правовом отношении. Последнее проявилось, в частности, в признании преимуществ русского суда над традиционным бухарским, более упорядоченной системы налогообложения, взаимоотношений властей и населения и проч. Тем не менее относительно краткий период существования русских поселений в Бухарском эмирате (и всего лишь попытка их создания в Хивинском ханстве) не позволил российским имперским властям достичь поставленной цели в полной мере.

§ 4. Российский суд в Бухарском эмирате

«... Политическое агентство превратилось в учреждение с колоссальным делопроизводством, при котором оно ныне ведает не только сношениями с бухарским правительством, но и наблюдает за торговыми условиями, влияет на курс тенги, разрешает вопросы распределения воды, решает дела по столкновению русских подданных с бухарцами, творит суд, приговаривает даже к смертной казни, заведывает секретною агентурою и т.д., в силу чего, как перегруженное делами, разумеется, выполнить все эти сложные обязанности даже и в половину не в состоянии, почему и превратилось в огромную канцелярию, отставшую от современных жизненных требований и условий и потому невольно являющуюся тормозом в деле скорейшего разрешения бухарского вопроса в полном его объеме...» [Логофет, 1911б, с. 181].

Так Д.Н. Логофет — российский военный чиновник, эксперт по Бухарскому эмирату охарактеризовал статус Российского императорского политического агентства в этом государстве в начале XX в. Этот статус выглядит тем более впечатляющим, что Бухара формально сохраняла самостоятельное положение, поскольку по итогам победы

Российской империи над эмиратом в 1868 г. между этими государствами был заключен всего лишь торговый договор [Сборник, 1902, № 50, с. 420–421; Ремез, 1922, прил., с. 32], а затем, в 1873 г., — договор «о дружбе» [Сборник, 1952, № 20, с. 135–139]. Именно эти два документа и регламентировали правоотношения Российской империи и Бухарского эмирата, формально не включая никаких положений, которые отражали бы зависимое положение Бухары от России, тогда как фактически было «едва ли можно указать пример более совершенного протектората» [Лессар, 2002, с. 98].

Со времени установления российского протектората над Бухарой и вплоть до падения Российской империи в имперских правящих кругах неоднократно поднимался вопрос о формально-юридическом присоединении Бухарского эмирата к России — последний раз он имел место в начале 1910-х годов, и одним из его инициаторов был именно цитированный выше Д.Н. Логофет [Тухтаметов, 1966, с. 66–71; Центральная Азия, 2008, с. 309–310]. Однако каждый раз это предложение отклонялось, поскольку правительство империи признавало нецелесообразными затраты на изменение административной структуры на территории эмирата и считало более выгодным сохранять существовавшее политическое устройство, фактически осуществляя те или иные преобразования в соответствии с собственными представлениями о реформаторской деятельности.

Учитывая формально суверенный статус Бухарского эмирата, российские власти не имели права вводить эти преобразования «извне», поэтому нередко реформы в политической экономической и прочих сферах в Бухаре преподносились как инициатива самих местных монархов — эмиров, которые оформляли их путем издания ярлыков в соответствии с центральноазиатской традицией, существовавшей еще с эпохи Монгольской империи (XIII в.). Тем не менее ни у бухарцев, ни у русских, ни у иностранцев, бывавших в эмирате в конце XIX — начале XX в., не возникало иллюзий относительно того, кто реально иницирует и обеспечивает эти преобразования.

Развитие промышленности, упорядочение налоговой системы, смягчение ряда уголовных и административных наказаний, включение Бухары в российскую таможенную черту и проч. — все эти меры, имевшие место в Бухарском эмирате в рассматриваемый период, обоснованно связывались с деятельностью российских властей в Туркестанском крае и дипломатических представителей в самой

Бухаре. Эти изменения вызывали одобрение как самих бухарцев, перед глазами которых был пример таких же, как они, среднеазиатских жителей в Туркестанском крае, но живущих в намного лучших, чем в Бухаре, условиях, так и иностранцев, которые признавали, что русское управление обеспечило «безопасность для жизни и имущества» там, где прежде царили «жестокий деспотизм, безначалие и грабежи», что заслуживало, по мнению европейских современников (даже тех, кто враждебно относился к российской экспансии в Средней Азии), полного одобрения и оправдания установления российского протектората над Бухарой и вмешательства Российской империи в политико-правовое развитие эмирата ([Биддульф, 1892, с. 208]; см. также: [Baxter, 1893, p. 20–29]).

Естественно, российские власти проводили изменения в Бухарском эмирате не только потому, что желали принести свет европейской цивилизации в «отсталую» Среднюю Азию. Их намерения были более прагматичными: реформы должны были способствовать укреплению российского контроля над эмиратом и повышения прибылей от российской торговли и промышленности в нем. Однако для наиболее эффективного достижения этих целей было необходимо существенно повысить уровень политических, экономических, социальных и правовых отношений в Бухаре — хотя бы до уровня центральноазиатских владений самой Российской империи (см., например: [Побережников, 2011a]). Этот процесс, собственно и представляющий собой фронтирную модернизацию, реализовывался различными средствами, причем не последнее место среди них занимала правовая политика империи по отношению к эмирату, в том числе в такой специфической сфере, как судебная.

Далеко не сразу российские представители в Бухаре приобрели те широкие судебные полномочия, которые нашли отражения в цитате, открывающей этот параграф. Более того, поначалу, в 1870-е — первой половине 1880-х годов в эмирате даже не было постоянного российского дипломатического представительства: время от времени из Туркестанского края ко двору эмира направлялись чиновники, получавшие некоторые дипломатические полномочия. Их компетенция в судебной сфере сводилась лишь к тому, что они путем переговоров добивались от эмира и его сановников защиты прав и интересов российских торговцев, которые страдали от нарушений договоров со стороны бухарских партнеров. Однако даже эта не слишком активная

деятельность вызывала сильное недовольство со стороны консервативных кругов и мусульманского духовенства Бухары, опасавшихся, что русские вскоре установят свою власть над эмиратом [Арендаренко, 1974, с. 100, 125].

С января 1886 г. в Бухарском эмирате стало действовать Российское императорское политическое агентство, глава которого по статусу представлял некое промежуточное звено между послом и консулом. Однако поначалу и его появление не изменило коренным образом ситуации в судебной сфере: споры между российскими подданными разрешал агент — по аналогии с российскими консульскими учреждениями в Персии и Османской империи ([Мартенс, 1873, с. 321]; см. также: [Покровский, 1928, с. 54–55; Becker, 2004, р. 112]), — однако если русско-подданные совершали в Бухаре преступления или участниками гражданско-правовых споров являлись не только они, но и местные жители, такие дела разрешались бухарскими судами на основе норм шариатского права¹⁴. Первому российскому политическому агенту Н.В. Чарыкову, благодаря своему авторитету, удавалось лишь влиять на решение суда эмира и его сановников, но не принимать участие в вынесении решений ([Чарыков, 2016, с. 140]; см. также: [Чернов, 2008, с. 55; 2010, с. 64–65]). Следует отметить, впрочем, что и судебная деятельность российских консульских учреждений в других государствах мусульманского Востока в то время не была детально регламентирована, на что в свое время обращал внимание Ф.Ф. Мартенс, отмечая неопределенность существовавших правовых норм относительно юрисдикции консульских судов [Мартенс, 1873, с. 379].

Н.В. Чарыков, стремясь защитить интересы российских подданных в Бухаре, неоднократно обращался к имперским властям с требованием конкретизировать и нормативно закрепить судебные полномочия Политического агентства в уголовно-правовой сфере. В результате 27 мая 1887 г. через Министерство юстиции было объявлено высочайшее повеление «О подчинении преступлений и проступков, совершаемых русскими подданными в пределах Бухарского ханства, ведению местного Российского политического агента». Со-

¹⁴ Несмотря на последующие изменения в компетенции российских судов в Бухаре, ряд дел с участием русских подданных продолжал оставаться в ведении бухарских властей и годы спустя: иностранцы еще в начале XX в. упоминали, что в эмирских тюрьмах находились русско-подданные [Norman, 1902, р. 315].

гласно этому акту, на политического агента возлагались обязанности мирового судьи, который должен был разбирать дела и выносить приговоры на основе, руководствуясь соответствующими статьями «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г. ([ПСЗРИ, 1889, № 4498, с. 257]; см. также: [Матвеева, 1994, с. 19])¹⁵. Высшей судебной инстанцией по отношению к политическому агенту (как мировому судье) являлся Самаркандский областной суд, также в соответствующих случаях агент направлял дела самаркандскому областному прокурору. Так, сам Н.В. Чарыков вспоминает, что уже под конец исполнения своих полномочий политического агента в Бухаре, в 1889 г. он вел следствие по делу об убийстве в Чарджуе двумя беглыми кавказцами (русско-подданными) бухарского еврея-ювелира; поскольку за такое преступление предусматривалась смертная казнь, он передал дело на рассмотрение Самаркандского областного суда, который и вынес смертный приговор, приведенный в исполнение в том же Чарджуе [Чарыков, 2016, с. 153].

Год спустя, 11 мая 1888 г., вышло еще одно высочайшее повеление — «О подчинении гражданских дел, возникающих между проживающими в Бухарском ханстве русскими подданными, ведению местного Российского политического агента и Самаркандского областного суда», которыми политическому агенту, наряду с судебными функциями в гражданско-правовой сфере, также придавались полномочия по охране имущества русско-подданных, обеспечению опекуновства и вызову наследников ([ПСЗРИ, 1890, № 5194, с. 215]; см. также: [Becker, 2004, р. 112]). В результате политическое агентство получило возможность более эффективной защиты интересов российских подданных в Бухарском эмирате.

Однако формальное подтверждение судебных полномочий Российского политического агентства в уголовно-правовой сфере имело и «оборотную сторону медали»: к многочисленным полномочиям агента как имперского дипломата, информатора туркестанских властей о ситуации в Бухаре, консульского работника и проч. прибавились также и судебные обязанности, требовавшие значительно-

¹⁵ Интересно отметить, что подобный подход в полной мере соответствовал тенденциям развития судопроизводства в Российской империи в целом — например, передаче функций мировых судей, появившихся по итогам реформы 1864 г., судьям-чиновникам (см. подробнее: [Немытина, 1997, с. 56]).

го внимания и отнимавшие много времени. Более того, вскоре под юрисдикцию политического агента в Бухаре были переданы также и дела, возникающие с участием русских подданных в другом бухарском городе — Чарджуе. В результате Н.В. Чарыков стал прямо-таки бомбардировать туркестанского генерал-губернатора Н.О. фон Розенбаха (который в свое время способствовал его назначению в Бухару) письмами с просьбой откомандировать какого-либо сотрудника своего юридического департамента, чтобы переложить на него хотя бы часть судебных функций. Однако Розенбах отвечал, что этот департамент находится в ведении Министерства юстиции, и он, генерал-губернатор, не имеет полномочий выполнить просьбу Чарыкова. Настойчивый политический агент, заручившись поддержкой Розенбаха, обратился в центральные имперские органы власти и сумел добиться своего: 9 мая 1889 г. было издано высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении должности мирового судьи в городе Новом Чарджуе», согласно которому он исполнял в этом населенном пункте функции, аналогичные судебным функциям самого политического агента в Бухаре — однако, если по результатам следствия выяснялось, что преступником являлся не русско-подданный, дело передавалось уже самому политическому агенту, который по этому вопросу вступал в контакт с эмирскими властями ([ПСЗРИ, 1891, № 5994, с. 200–201]; см. также: [Becker, 2004, p. 113]).

Таким образом, уголовные дела, обвиняемыми по которым проходили бухарские подданные, по-прежнему разбирались судами Бухарского эмирата, даже если потерпевшей стороной являлись подданные Российской империи. Эта ситуация коренным образом изменилась 15 марта 1893 г. в связи с изданием высочайше утвержденного мнения Государственного совета «Об изменении круга ведомства по судебным делам мирового судьи в городе Новом Чарджуе и Российского политического агента в Бухаре». Теперь все гражданские дела с участием русских (между собой или вместе с бухарцами) передавались в ведение российских судей, при этом исполнение судебных решений, ответчиками по которым являлись бухарцы, возлагалось на власти Бухарского эмирата. Уголовные дела, потерпевшими по которым проходили русско-подданные, решались совместными судами, в состав которых входили представители как бухарских властей, так и Российского политического агентства; то же касалось и споров, участниками которых являлись русские подданные и иностранцы нехристианского вероис-

поведания [Покровский, 1928, с. 56]¹⁶. Политический агент, вынося судебное решение, выдавал исполнительные листы, имеющие силу на территории всей Российской империи. Наконец, этим же актом иностранцы-христиане в Бухаре приравнивались в судебном отношении к русским подданным и, соответственно, переходили под юрисдикцию российского суда [ПСЗРИ, 1897, № 9424, с. 126–127]. Тогда же были внесены соответствующие дополнения в «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г., которые подтвердили подведомственность судов Российского политического агентства и мировых судей в Бухарском эмирате Самаркандскому окружному суду [СЗРИ, 1912, с. 452–453]. Годом позже, 30 мая 1894 г., вышло дополнявшее предыдущие акты высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О подсудности возникающих в пределах Бухарского ханства гражданских дел между Государственным банком и частными лицами», согласно которому такие дела передавались мировому судье в Бухаре, а далее, в случае необходимости, — в Самаркандский областной суд [ПСЗРИ, 1898, № 10690, с. 332–333]. Таким образом, юрисдикция российского суда в Бухарском эмирате по компетенции окончательно приобрела статус судов, действовавших и в других протекторатах во всем мире, и его решения беспрекословно исполнялись бухарскими властями [Лессар, 2002, с. 114]. Любопытно отметить, впрочем, что эти полномочия Российского политического агентства, нашедшие отражение в специальных нормативных актах, лишь в 1904 г. были закреплены в «Правах и обязанностях» самого агентства указом Николая II [Матвеева, 1994, с. 18].

Однако практически в это же время, 29 ноября 1893 г., согласно очередному высочайше утвержденному мнению Государственного совета «О перемещении камеры мирового судьи из города Нового

¹⁶ Это положение впоследствии вызывало определенное затруднение в определении подсудности дел, в которых участники (как российские, так и бухарские подданные) являлись мусульманами. Согласно разъяснению Главным штабом соответствующих пунктов «Положения об управлении Туркестанского края», имперские власти не делали различия между мусульманским населением Русского Туркестана и находившимися там мусульманами из других государств в суде [Пален, 1909, с. 14]. Соответственно, возникал вопрос, как следовало применять этот принцип в Бухаре, российские суды которой считались подведомственными Самаркандскому областному суду, входившему в судебную систему Туркестанского края.

Чарджуя в город Бухару» единственное «региональное» представительство русского суда в Бухарском эмирате фактически было упразднено [ПСЗРИ, 1897, № 10100, с. 628–629]. Подобные действия, диктовавшиеся желанием властей уменьшить административные расходы на представителей в Бухарском ханстве, были совершенно неоправданы с точки зрения защиты интересов российских подданных империи в Бухаре. Помимо Чарджуя, русские колонии существовали также в Керки, Термезе и Пата-Хисаре, причем имели достаточно многочисленное население как постоянно проживавших в них, так и приезжающих в длительные командировки [Тухтаметов, 1966, с. 47–49]. И далеко не все из них имели возможность приезжать в Бухару для участия в суде, не говоря уж об их бухарских партнерах.

Естественно, столь существенное увеличение судебных обязанностей политических агентов вызывало их серьезное недовольство, однако только в 1907 г. имперские власти пошли навстречу их пожеланиям и организовали два участка мировых судей в самой Бухаре и один — в Чарджуе. Кроме того, в 1909 г., наконец, появился мировой судья и в городе Керки, который являлся едва ли не крупнейшим центром русского предпринимательства в Бухаре; юрисдикция мирового судьи Керки распространялась также и на Термез — другой город, в котором была крупная русская колония. Кроме того, Самаркандский областной суд в качестве апелляционной и кассационной инстанции должен был дважды в год организовывать выездные сессии в Бухаре и Чарджуе и по одному разу в год в Керки и Термезе — не менее трех недель каждая ([Логофет, 1911а, с. 336]; см. также: [Becker, 2004, р. 114])¹⁷.

Однако, как отмечает неоднократно упоминавшийся выше Д.Н. Логофет, прекрасно знавший ситуацию в Бухарском эмирате начала XX в., эти улучшения не смогли окончательно решить проблему с судебной защитой интересов российских подданных в Бухаре — прежде всего потому, что имперские власти старались поддерживать и развивать систему русских судов, эффективную в 1880-е годы, но уже не оправдывавшую себя почти три десятилетия спустя. Чиновник резко раскритиковал отсталость и компромиссный характер рос-

¹⁷ Проблемы несоответствия количества мировых участков и населения оставались актуальными на протяжении всего периода функционирования института мировых судей в разных регионах Российской империи, т.е. с 1860-х по 1900-е годы (см. подробнее: [Лонская, 2006]).

сийских судов в Бухаре, которые далеко не на все правоотношения распространяют нормы российского права и даже, более того, учитывают при разборе дел нормы шариата и адата; большим недостатком считал он также и территориальную отдаленность вышестоящего Самаркандского областного суда от бухарских судебных участков [Логофет, 1911а, с. 336—338]. Он разработал обширную программу рекомендаций по преобразованию системы российских судов в Бухаре. Начальным этапом программы должно было стать создание особого Бухарского окружного суда, отдельный участок которого следовало обязательно открыть в Термезе. Кроме того, он рекомендовал для регулирования гражданско-правовых отношений в Бухарском эмирате полностью распространить на его территорию принципы договорного права, вексельный устав, устав о гербовом сборе и проч. [Там же, с. 340].

Следующим этапом преобразований должно было стать разделение Бухарского эмирата на пять округов, в каждом из которых следовало открыть по четыре судебных участка. Возглавлять эту систему предписывалось окружным комиссарам, возглавлявшим окружные народные суды, а низовое звено судебной системы должны были составлять участковые народные суды во главе с комиссарами. Причем каждый суд (обоих уровней) включал как народных судей из числа русских подданных (по шесть в окружных и по три в участковых судах), так и бухарских казиев (по два в окружных и по одному в участковых судах) [Логофет, 1911б, с. 300—303].

Подавая эти предложения в рамках общей концепции преобразований системы управления Бухарским эмиратом (с окончательным присоединением его в конечном счете к Российской империи), Д.Н. Логофет однако высказал некоторые положения, позволяющие рассматривать реформу российского суда в Бухаре как элемент фронтальной модернизации. В первую очередь, это касается участия представителей местного, бухарского, населения в народных судах.

В какой-то мере первым шагом в этом направлении стало вышеупомянутое создание в 1893 г. совместных русско-бухарских судов по уголовным делам, потерпевшими по которым являлись российские подданные. Оно дало российским представителям не просто «влиять» на решения бухарских судей, а непосредственно распространять (пусть и отчасти) нормы и принципы российского права на те отношения, которые ранее регулировались исключительно местным пра-

вом — эмирским, шариатским и обычным. Несомненно, это сыграло большую роль в расширении представления о российском праве среди бухарского населения и позволило провести сравнение с местным правом — не в пользу последнего. Об этом свидетельствуют, в частности, сообщения иностранных путешественников, упоминавших, что бухарцы пытались обращаться в российские суды даже по делам, обеими сторонами в которых являлись подданные эмира [Skrine, Ross, 1899, p. 383]¹⁸. Как докладывал в Российское политическое агентство чиновник, командированный на Памир в 1904 г., местное население пыталось жаловаться на незаконные действия эмирских нукеров российским офицерам (из Памирского отряда, обеспечивающего контроль Бухары над этим регионом, спорным с Афганистаном), которые вообще не имели никаких полномочий в судебной сфере [Халфин, 19756, с. 114]¹⁹. Включение казиев во вновь создаваемые народные суды должно было еще в большей степени институционализировать расширение действия российского права в Бухаре и приведение местных правовых и судебных норм и принципов в соответствие с ним.

Еще одним показателем сближения российского и бухарского суда в эмирате должно было стать внедрение выборности казиев — по аналогии с выборностью российских мировых судей. В отличие от распространения в Бухаре норм российского права (изначально чуждых, пусть и доказавших со временем свое преимущество перед шариатом и адатом), выборность судей-казиев практиковалась и в мусульманском мире. Однако бухарские правители игнорировали эту практику и назначали казиев, а порой даже и продавали эту должность за деньги. Более того, установив власть над теми районами, где казии ранее являлись выборными, бухарские власти отменяли этот принцип, вводя вместо него назначение судей по указу эмира — так было, в частности, в таджикских районах Памира в 1880–1890-е годы [Там же, с. 115].

¹⁸ Правда, российские чиновники в таких случаях были вынуждены отвечать отказом, scrupulously соблюдая политику невмешательства во внутренние дела эмирата [Тухтаметов, 1966, с. 46–48].

¹⁹ Тем не менее русские офицеры в некоторых случаях осуществляли судебное разбирательство и даже выносили приговоры по малозначительным нарушениям, если при этом не вступали в прямое столкновение с бухарскими чиновниками, порой просто «поколачивая» нарушителей [Бухерт, 2011, с. 31; Халфин, 19756, с. 117–118].

В отличие от многих других предложений Д.Н. Логофета, идея о выборности казиев в Бухаре была поддержана туркестанским генерал-губернатором А.М. Самсоновым, который в своих предложениях по программе реформ в Бухарском ханстве предложил ввести для избираемых мусульманских судей те же требования, которые практиковались в отношении русских кандидатов в мировые судьи [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 723, л. 60]. Последующие события (Первая мировая война, восстание 1916 г. в Казахстане и Средней Азии, крушение Российской империи) не позволили реализовать задуманные мероприятия, тем не менее вопрос о выборности бухарских казиев вновь был поднят уже в марте 1917 г. дипломатическими представителями Временного правительства [Шестаков, 1927, с. 81].

Таким образом, существование российского суда в Бухаре и постоянно возрастающая его компетенция подтверждают статус Бухарского эмирата как протектората Российской империи, который так и не нашел отражения в официальных актах, закрепляющих отношения России и Бухары. Распространение юрисдикции российского суда не только на дела, сторонами в которых выступали русско-подданные, но и на дела с участием подданных эмира отражает фактическое подчинение эмирата России.

Помимо очевидной цели (защиты интересов российских подданных на территории эмирата) создание и функционирование российского суда в Бухарском эмирате имело целью ознакомление местных властей и населения с преимуществами российской имперской системы управления, права и суда. Думается, в связи с этим неслучайно постоянно подчеркивание в соответствующих нормативных актах, что российский суд в Бухаре подведомствен российскому суду в Самарканде, т.е. в Туркестанском крае. Учитывая, что бухарское население неоднократно имело возможность убедиться в более выгодном положении мусульманского населения Русского Туркестана в административном, экономическом, налоговом отношении, теперь оно получало возможность сравнить и собственный суд с судом в Туркестане — на примере его своеобразного «бухарского филиала». Свидетельства иностранцев о популярности суда Политического агентства среди бухарцев подтверждают, что эта цель была достигнута.

Эффективность деятельности российского суда, его объективность и короткие сроки рассмотрения дел (по сравнению с бухарскими судебными инстанциями) имели следствием постепенное вовле-

чение его представителей и в работу судов Бухары, а затем привели к необходимости реформирования судебной системы самого эмирата. Во многом это объясняется еще и тем, что российские политические агенты изначально не ограничивались собственной судебной деятельностью, но и старались сделать более гуманной систему наказаний в Бухаре. Так, первому российскому политическому агенту в Бухаре Н.В. Чарыкову удалось убедить эмира отказаться от подземных тюрем-зинданов и отменить ряд мучительных пыток. Начиная с 1888 г. в Бухаре также не применялось сбрасывание с «Башни смерти» (см.: [Чернов, 2010, с. 66; Olufsen, 1911, р. 337, 548]). Эти действия не остались незамеченными бухарцами и обеспечили российским властям определенную поддержку со стороны различных слоев населения эмирата в процессе модернизации.

Кроме того, нельзя не отметить, что некий аналог русскому суду в Бухарском эмирате имперские власти постарались создать и в Хивинском ханстве. Как мы знаем, постоянного русского представительства на территории Хивы на протяжении почти всего периода ее нахождения под российским протекторатом не существовало, и его функции выполнял Амударьинский военный отдел. Вот ему-то и были предоставлены практически те же полномочия в судебной сфере, что и русскому политическому агенту в Бухаре. Специальным законом «О русской юрисдикции в Хивинском ханстве» от 28 июня 1912 г. гражданские и уголовные дела русских подданных или иностранцев-христиан, пребывавших в Хивинском ханстве, должны были рассматриваться мировыми судьями Амударьинского отдела. Предварительное же следствие возлагалось на тех же мировых судей отдела, либо на судебных следователей уже Самаркандского окружного суда [ПСЗРИ, 1915, № 37565, с. 988–989]. То есть даже в случае спора или совершения преступления непосредственно на территории Хивинского ханства, если в деле так или иначе фигурировал русский подданный или европеец, такое дело изымалось из юрисдикции ханства и передавалось в русский суд.

Таким образом, следует рассматривать эволюцию российского суда в Бухаре (и попытки внедрения аналогичных процессуальных принципов в Хиве) в контексте всего комплекса преобразований, реализуемых Российской империей в своем протекторате в конце XIX — начале XX в.: в политической, экономической, налоговой и прочих сферах. Анализ развития российского суда в рамках этого комплек-

са реформ позволяет считать его эффективным средством фронтальной модернизации, эффект от использования которого имел место не только в процессуальной сфере, но и в более широкой, дополняя положительное впечатление населения Бухары от преобразований по российскому образцу в целом.

§ 5. «Женский вопрос» в Русском Туркестане и ханствах Средней Азии

Исследователи российской имперской политики в Средней Азии неоднократно утверждали, что население новых «национальных окраин», входя в состав Российской империи, приобретало все те права, которыми обладали и остальные подданные российских императоров, но при этом имело еще и некоторые льготы и привилегии по сравнению с ними. В полной мере это можно отнести и к женской части населения центральноазиатских областей: в то время, как в европейских регионах России «женский вопрос» еще даже не поднимался²⁰, имперские власти уже в первой половине XIX в. начали кампанию по «эмансипации» местных женщин. Добившись определенных успехов среди казахов, имперские власти предприняли попытки расширить принципы повышения статуса женщин и на владение и протектораты в Средней Азии.

Стоит отметить, впрочем, что в Казахстане деятельность по «эмансипации» женщин в какой-то мере облегчалась тем, что положение женщин в тюрко-монгольском кочевом обществе изначально было менее подчиненным, чем в остальном исламском мире²¹. Представительницы правящих семейств нередко фактически (или даже официально) стояли во главе государств (см., например: [Учок, 1982; Почекаев, Почекаева, 2017]), менее знатные женщины имели право распоряжаться своим имуществом и нередко пользовались значительным авторитетом при принятии решений, играли руководящую

²⁰ Например, в России даже в конце XIX в. женщины не имели возможности добиться расторжения брака с мужьями, в результате чего им приходилось идти на разного рода юридические фикции — вплоть до преступлений [Нижник, 2012, с. 32].

²¹ Это отмечали и российские современники (см., например: [Каразин, 1876]).

роль в проведении ритуалов, праздничных церемоний и проч. [Стаевич, 2011, с. 64–66]. В государствах же Средней Азии, включая и те территории, которые во второй половине 1860-х годов отошли к Российской империи и составили Русский Туркестан, положение женщин было принципиально иным, поскольку базировалось не на тюрко-монгольском обычном праве, а на принципах мусульманского права — шариате. Тем не менее российские власти, начиная уже с первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, предпринимали попытки «освободить» местных женщин от «нелепых обычаев», от положения «существа второго порядка, безличного, бесправного, эксплуатируемого мужчиной» (цит. по: [Юсупов, 1963, с. 49]).

Проблема положения среднеазиатских (туркестанских) женщин в течение последней четверти XIX — начала XX в. неоднократно поднималась в специализированных работах, равно как и в местной печати. При этом мнения авторов были порой совершенно противоположны. Так, например, П. Маев в 1875 г. или супруги В. и М. Наливкины в 1886 г. утверждали, что положение мусульманской женщины вовсе не столь тяжелое, каким представляется на первый взгляд, и что Коран защищает определенные права женщин, ее имущественное положение и возможности на защиту своих интересов. Однако чуть позже, в начале XX в., Н.П. Остроумов и представительница русского феминистского движения О.С. Лебедева стали высказывать прямо противоположные взгляды: шариат ограничивает права женщин, усложняет ее положение, лишает прав. Впрочем, даже современники, активно следившие за этой своеобразной дискуссией, отмечали, что обе стороны, в общем-то, представляли положение среднеазиатской женщины в европейских и христианских категориях, не слишком учитывая восточные реалии и мусульманские воззрения местного населения ([Меликов, 1912; Права]; см. также: [Мирмаматова, Мамададиев, 2014, с. 149–150; Шадманова, 2012, с. 85–86]). Тем не менее в начале XX в. идеи об «освобождении» среднеазиатских женщин, предоставлении им дополнительных прав и возможностей для самореализации стали все чаще и чаще пропагандироваться в средствах массовой информации, причем даже со стороны представителей местного населения. Так, в 1913 г. редактор узбекоязычной газеты «Туркистон вилоятининг газети» опубликовал рассказ о поездке ученицы ташкентской женской гимназии в Оренбург в европейской одежде — во-первых,

приводя ее в пример женщинам Туркестана; во-вторых, приветствуя ее роль в укреплении связей между российскими мусульманами из различных регионов. В 1915 г. один из основателей джадидского движения в Бухаре А. Фитрат написал работу «Семья или правила управления семьей», в которой также ратовал за пересмотр прежних ценностей в брачно-семейных отношениях с учетом западного опыта [Шадманова, 2009, с. 149–150; 2012, с. 88–89]²². Естественно, подобные публикации вызывали полное одобрение со стороны российских властей, равно как осуждение со стороны местных консервативных кругов.

Российские власти в Туркестане, впрочем, не ограничивались формированием общественного мнения в пользу улучшения положения местных женщин, но и использовали для решения этой проблемы «административный ресурс». Правда, порой подобные действия приводили к довольно неожиданным последствиям. Так, правитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора Г.П. Федоров вспоминал, что генерал-губернатор К.П. фон Кауфман был приглашен на торжество, устроенное в его честь «почетными жителями» одного из ташкентских уездов, на котором должны были присутствовать и женщины, снявшие по такому случаю свои чадры. Кауфман, нередко выступавший за «женскую эмансипацию» в Туркестане, с большим удовольствием посетил торжество, одобрительно отозвался о поведении женщин, а одной из них, которая была представлена ему как дочь казиза, даже подарил серебряный кубок с надписью «От туркестанского генерал-губернатора». На следующий день выяснилось, что Кауфман стал жертвой розыгрыша, и все «освобожденные женщины Востока» (включая и «дочь казиза») были на самом деле обитательницами одного из ташкентских публичных домов ([Федоров, 1913, с. 36–38]; см. также: [Глущенко, 2001, с. 136–137]). Таким образом, в весьма жестком виде генерал-губернатору было продемонстрировано, как местное население относится к идее «эмансипации» женщин. Тем не менее, по-видимому, российские власти продолжали приветствовать «освобождение» местных жительниц, их стремление к большей независи-

²² Следует отметить, что не последнюю роль в развитии подобных взглядов среди туркестанских общественных и политических деятелей сыграли аналогичные процессы, происходившие в это же время в Татарстане, богословы и правоведы которого оказывали существенное влияние на своих коллег из Русского Туркестана (см. подробнее: [Кадымова, 2013; Насридинова, 2009]).

мости, включая и внешний вид. Об этом свидетельствует прошение группы мусульманских жителей Самарканда сенатору графу К.К. Палену, осуществлявшему в 1908–1909 гг. ревизию Туркестанского края, содержащее, в частности, следующие пункты:

«6. Шариат воспрещает видеть женщин и быть в их обществе, почему они и обязаны ходить закрытыми...

8. В случае необходимости явки мусульманских женщин в русские учреждения в качестве свидетельниц или для выдачи доверенностей у нотариусов не требовать открывать их лица. Для удостоверения их личности ограничиться свидетельством двух лиц, знающих данную женщину» [РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 264, л. 267].

Впрочем, прямые указания российских властей по поводу расширения прав женщин в Туркестане были редкостью. В большинстве случаев, как и в Казахстане, руководители администрации обеспечивали женщинам право защиты своих интересов в российском суде (о чем свидетельствует и цитированное выше прошение самаркандцев) [Брусина, 2012, с. 162]. Яркие примеры реализации подобного права встречаются в период вышеупомянутой ревизии Туркестанского края сенатором Паленом. В Российском государственном историческом архиве хранится немало документов, представляющих собой судебные заявления жительниц Туркестанского края — представительниц как кочевого, так и оседлого населения. Например, таранчинка Гулчара Джалалова обращалась к сенатору с просьбой вернуть ей 30 руб., удержанных за аренду $\frac{1}{2}$ десятины земли, которую она не смогла засеять из-за болезни (засеяв только остальные $2\frac{1}{2}$) [РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 262, л. 253].

Ряд прошений касается семейных и наследственных отношений. Так, сартянка (т.е. представительница оседлого населения Туркестана) Айхан Ахметходжиева, обратилась к сенатору Палену с просьбой вернуть ей и ее детям имущество ее покойного супруга, которое захватил сын другой его жены (причем, по словам Ахметходжиевой, родившийся после ее развода с их общим мужем). Она обвинила городскую управу Намангана, в том, что та не предоставила соответствующие сведения судебным приставам, в результате чего человек, не имевший права на имущество ее покойного супруга, стал его хозяином [Там же, д. 256, л. 79–80 об.]. Аналогичным образом еще одна сартянка, жительница Маргеланского уезда Хальбиби Далибаева жаловалась на

то, что ее брат отказал ей в получении законной четверти наследства отца, поручив своему шуруину избить сестру, тогда как муфтии и кадий (а затем и губернатор) не стали разбирать ее жалобы [Там же, д. 262, л. 211].

В некоторых случаях туркестанские женщины предпочитали действовать более традиционно — поручая вести свои дела «поверенным» мужского пола. Так, еще одна сартянка Асальбувиева поручила представлять свои интересы в вопросе о наследстве сначала в народном суде (т.е. перед казием), а затем и перед графом Паленом Махмуджану Салиху Иназарбаеву [Там же, л. 64—64 об.]. Правда, такие действия не всегда оказывались в пользу доверительниц. Например, еще две сартянки, Файзия-биби Таирбаева и Гульсут-биби Юсуфбаева поручили вести дело о наследстве поверенному — двоюродному брату своего покойного мужа, «сами ровно ничего не понимая в делах», а он от их имени распродал значительную часть имущества; пришлось женщинам освоить азы законодательства, в результате чего они не только сумели соблюсти порядок подачи иска, но и четко обосновали в своем обращении к сенатору Палену, почему уголовное дело против бывшего поверенного более предпочтительно для наследниц имущества, чем гражданский иск к нему [Там же, л. 85—87].

Впрочем, в других случаях женщины, напротив, выступают как защитницы интересов членов своей семьи. Так, например, две киргизки Тургенской волости Пржевальского уезда просят сенатора Палена об освобождении своих мужей из тюрьмы (после того, как подобные их исковые заявления были проигнорированы начальником уезда и военным губернатором Семиреченской области) [Там же, д. 256, л. 118—118 об.]. Аналогичным образом киргизка Бульке Босумова просит Палена об освобождении ее сына из тюрьмы, где он оказался по необоснованному обвинению в убийстве — также, после того, как ее заявление было проигнорировано председателем Пишпекской судебной палаты [Там же, л. 347—347 об.].

Как можно увидеть, жительницы Туркестана в начале XX в. не только обращались в российский суд, но и прекрасно представляли процедуру подачи заявлений, прохождение необходимых инстанций и проч. Несомненно, в этом следует видеть заслугу российской администрации, поощрявшую женскую часть населения более активно защищать свои права и не колебаться при обращении в российские судебные инстанции.

Стоит отметить, впрочем, что действия российской администрации, поощряющие обращение женщин в суд для защиты своих прав и интересов, в общем-то, не противоречили принципам шариата, которыми, как известно, предусмотрено право женщин на защиту своих прав в суде ([Коран, 1991, сура 4.39, с. 57]; см. также: [Абдуллаева, 2008, с. 572–574; Торкаман, 2008; Юсупов, 1963, с. 48–49]). Новизна заключалась в том, что российский суд не был связан догмами мусульманского права и, соответственно, не выглядел в глазах тяжущихся столь «пристрастным» в отношении мужской части населения, каким являлся суд казиев. Соответственно, у женщин было больше шансов защитить свои права и интересы перед русскими судьями, а не перед судом казиев.

Более деликатно российским имперским властям приходилось действовать в отношении женской части населения среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского. Несмотря на их подчиненное положение по отношению к Российской империи (фактическими протекторатами которой они являлись), номинально оба ханства оставались самостоятельными, и российские власти не имели официальных полномочий по вмешательству в их внутреннюю политику, включая и регулирование частноправовых отношений, к каковым относились и отношения семейные. Поэтому российская пограничная администрация использовала две возможности для попыток изменения положения бухарских и хивинских женщин: «пример» собственной политики в отношении женщин Туркестанского края, где проживали представители того же населения, что и в обоих ханствах, и защиту прав русско-подданных мусульманок, по тем или иным причинам оказавшихся в среднеазиатских ханствах.

Собственно, последняя практика берет начало со времени задолго до установления протектората Российской империи над Бухарой и Хивой. Так, уже в 1827 г. Госсовет в специальном «Утвержденном мнении» предусмотрел право выходцев из Средней Азии, пребывавших в Российской империи, возвращаться на родину, но при этом оставлять в России своих русско-подданных жен и детей от этих браков (за исключением бухарцев) [ПСЗРИ, 1830а, № 828, с. 37–38]. При этом важно отметить, что, хотя подобные нормативные акты принимались, естественно, в первую очередь для повышения престижа Российской империи в контактах со среднеазиатскими ханствами, нельзя упускать из виду и реальную защиту интересов имперскими властями

своих подданных, в том числе и женщин мусульманок. Весьма показательным примером является, в частности, дело об опеке над детьми и недвижимым имуществом Троицкого мещанина Мустафы Ибрагимова, переселившегося из Бухары. На опеку над вдовой и детьми покойного (равно как и над унаследованным ими имуществом) претендовали его бухарские родственники, которые делали ставку на единство вероисповедания и нормы шариата в отношениях с законными наследниками. Однако Челябинский сиротский суд, а затем и Оренбургская палата гражданского суда, разбиравшие дело в течение семи лет (1831–1838), приняли решение о приоритете норм имперского законодательства. При этом наследники, несмотря на свое мусульманское вероисповедание, сами же апеллировали именно к имперским правовым нормам, обоснованно видя, что их применение более выгодно для них [ОГАЧО, ф. И-14, д. 1–208].

В переговорах российских дипломатов с властями среднеазиатских ханств также нередко поднимался вопрос о судьбе семейных пар, созданных русскими подданными и выходцами из Средней Азии, а также их потомства. Так, в «Обязательном акте», который представил на подписание хивинскому хану полковник Н.П. Игнатьев (глава русской дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858 г.), присутствовало положение: «5) В доказательством милостивого расположения государя императора к хивинскому хану разрешает подданным хивинским, женившимся в России на мусульманкам и прижившим от них детей, вывезти на родину жен и детей своих, буде сии жены и дети, ежели взрослые, на то согласятся» [Залесов, 1871, с. 46; Хевролина, 2009, с. 54]. Как видим, в условиях укрепления связей Российской империи со среднеазиатскими ханствами имперские власти пошли на некоторые «послабления» в отношении судьбы русско-подданных жен среднеазиатских выходцев и их потомства, предусмотрев, впрочем, их обязательное согласие на переезд в иностранное государство.

Когда же был установлен российский протекторат над ханствами Средней Азии, у имперских пограничных властей появились более эффективные средства воздействия на монархов и сановников Бухары и Хивы в целях защиты своих подданных на территории этих ханств, включая и женщин. Так, в 1879 г. начальник Амударьинского отдела по жалобе русского подданного Юсуфа Ширманова просил хивинского хана возвратить ему его дочь Назира-бики, которая вы-

шла замуж за жителя Кунграда (т.е. хивинского подданного), но потом была разведена с ним, однако казий не признал расторжение брака законным. Чиновник обосновывал свою просьбу тем, что решение казия впоследствии было признано неправильным, и он был смещен с должности, тем не менее никаких действий со стороны хивинских властей для защиты прав женщины предпринято не было [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 19, л. 189].

Как отмечалось выше, под воздействием российских властей казахские народные судьи на рубеже XIX–XX вв. повысили брачный возраст девушек. Аналогичные нормы имперская администрация в начале XX в. пыталась распространить и на своих среднеазиатских подданных. Так, 5 мая 1906 г., отвечая на послание хивинского хана с требованием вернуть некую Шадман-бика ее законному супругу — хивинскому подданному, начальник Амударьинского отдела указывает, что она не может считаться таковой, поскольку ей всего 12 лет, и ее возвращение к отцу является вполне законным [Там же, д. 151, л. 82].

В некоторых случаях российские власти, защищая права среднеазиатских женщин, впрочем, действовали не только в интересах своих подданных, но и в рамках реализации международных договоров. Так, в 1883 г. начальник Амударьинского отдела по просьбе бывшего раба М. Маманиязова обратился к хивинскому хану по поводу возврата из рабства его сестры Гульчи, все еще пребывавшей в рабстве в Бухаре, ссылаясь на мирный договор Российской империи и Хивинского ханства (Гандемианский договор 1873 г.) [Там же, д. 27, л. 57]. Согласно п. 17 этого договора, рабство в ханстве уничтожалось, и ханские власти должны всячески содействовать освобождению бывших рабов [Сборник, 1952, № 19, с. 132–133].

Помимо административных постановлений и судебных дел, российские власти предпринимали попытки улучшить положение женщин в ханствах Средней Азии и путем развития различных учреждений, услугами которых могли бы пользоваться на равных основаниях все местные жители — как мужчины, так и женщины. Так, в декабре 1912 г. начальник Амударьинского отдела, полковник Н.С. Лыкошин, рекомендует (а по сути, приказывает) хивинскому хану Исфендиару предусмотреть создание в строящейся Хивинской больнице женского отделения. К своему посланию он прилагает копию отношения окружного военно-санитарного инспектора Тур-

кестанского военного округа, в котором последний выражает надежду, «что настало время, чтобы и в Хивинском ханстве женщины и мужчины в деле пользования от своих недугов сделались бы равноправными подданными Его светлости хана хивинского» [ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 2, л. 17, 2, л. 18–19 с об., 13]. В конце 1913 г. рассматривалась возможность привлечения на работу в этом отделении женщины-врача, о чем сама претендентка, Гулсум Асфандиярова (хивинская уроженка), писала своему отцу, отмечая, в частности, что ей «крайне польстило высокое предложение занять должность при женской больнице в Хиве, где раньше едва ли даже бывали женщины-врачи» [Там же, л. 11, 12].

Представляется, что подобные действия российских пограничных властей также способствовали повышению статуса женщин в среднеазиатских ханствах и в какой-то мере согласовывались с вышеупомянутыми взглядами джадидов о «свободе женщин».

Возникает вполне закономерный вопрос: почему российские власти так активно и настойчиво старались изменить положение женщин в Средней Азии? Ведь положение российских женщин в этот период времени отнюдь не отличалось наличием значительных прав, привилегий, возможностей. Вполне логичным представляется, что имперской администрацией двигало отнюдь не бескорыстное желание защитить права «забитых» женщин Востока — тем более, как уже отмечалось, в самой России вопрос о правах женщин в рассматриваемый период на повестке дня не стоял. Российские власти стремились, во-первых, продемонстрировать верховенство имперского законодательства над религиозным и традиционным правом и Средней Азии, показать открытость и доступность российского суда для новых подданных (см. также: [Стасевич, 2011, с. 30–31]). Во-вторых, бросая вызов патриархальной структуре среднеазиатского общества (т.е. самому консервативному аспекту социальных отношений), имперская администрация юридически и в какой-то степени психологически создавала условия для преобразований в тех сферах, которые действительно представляли интерес для Российской империи в Центральной Азии — политической, административной, экономической. Таким образом, не следует рассматривать действия российских властей по «эмансипации» женщин Туркестана и среднеазиатских протекторатов империи как самостоятельное направление имперской правовой политики. Напротив, можно утверждать, что оно яв-

лялось «вспомогательным» и служило одним из инструментов существенных преобразований на восточных «национальных окраинах» Российской империи — в контексте так называемой фронтальной модернизации, т.е. сближения национальных пограничных регионов (в том числе и «национальных окраин») по уровню развития — политического, экономического, социального с наиболее развитыми регионами страны.

§ 6. Правила производства и продажи алкогольной продукции в Бухаре: механизм распространения правовых норм для русских владений на территорию протектората

Установив протекторат над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, Российская империя создала себе некоторые правовые барьеры для прямого вмешательства в дела этих среднеазиатских государств. В связи с этим имперским властям понадобились инструменты для осуществления «косвенного управления» в Бухаре и Хиве, которые позволили бы производить некоторые правовые изменения в ханствах, укреплять контроль России над ними — но при этом без формального вмешательства в их внутренние дела. Со временем власти Российской империи научились использовать в своих интересах даже те факторы, которые изначально, казалось бы, препятствовали достижению этой цели — в частности, сильные позиции ислама и мусульманского духовенства в Бухаре и Хиве.

Одним из ярких примеров использования этого фактора стала политика Российской империи по вопросу производства и распространения алкоголя в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Постараемся проанализировать правовое регулирование этой сферы и практическую реализацию нормативных предписаний в контексте общей имперской правовой политики в среднеазиатских протекторатах.

Первые шаги в правовом регулировании производства и распространения алкогольной продукции были предприняты имперскими властями в Хивинском ханстве. Уже в ноябре 1874 г. начальник Амударьинского военного отдела полковник Н.А. Иванов направил письмо хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II, в котором просил хана запретить изготовление водки в хивинских владениях [О возделывании,

1874]. И хотя сам представитель имперской администрации ссылался на то, что «употребление и возделывание водки магометанам воспрещено Богом», т.е. на запрет производства и потребления алкогольной продукции нормами шариата, в письме фигурировала и реальная причина этой просьбы: «До сведения моего дошло, что в Хиве выделяется водка и водка эта переводится контрабандно на русский правый берег».

Этот документ положил начало формированию российской политики в вопросе регулирования производства и распространения спиртных напитков в среднеазиатских протекторатах Российской империи, и его анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, поначалу имперские власти скрупулезно соблюдали номинальный статус протекторатов как юридически независимых государств и реализовали свою политику в рассматриваемой сфере путем переписки с местными правителями как суверенными государями — в виде «просьб» им (другое дело, что цитированное письмо было направлено всего лишь спустя год после Хивинского похода 1873 г. и, конечно же, «просьба» в глазах покоренного хивинского хана фактически носила характер приказа). Во-вторых, официальным предлогом для запрета и реализации алкоголя стала принадлежность среднеазиатских ханств к миру ислама, и этот запрет находился в полном соответствии с предписаниями шариата²³. Наконец, в-третьих, реальной причиной подобных «просьб» являлась не забота о соблюдении норм и принципов мусульманского права местным населением, а борьба с контрабандой алкоголя, поставляемого в русские владения в Средней Азии. В результате в Хиве производство и потребление алкогольной продукции местным населением было прекращено, и только в начале XX в. в ханство стали поступать спиртные напитки российского производства — для потребления жившими там русскими и выходцами из западных стран (правда, ввозились они в довольно незначительном количестве: например, за 1907–1909 гг. было ввезено 6 тыс. пудов) [Ниязматов, 2010, с. 259].

²³ При этом нельзя не отметить, что в Иране и Средней Азии даже в Средние века к запрету на потребление алкоголя мусульмане относились куда менее сурово, чем в странах Арабского Востока, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные произведения выдающихся поэтов (Омара Хайяма, Хафиза, Бабура и др.), воспевающие вино и винопитие.

Что касается Бухарского эмирата, отношения с которым в это время строились не с позиции силы (как с Хивинским ханством), то разработка правовой базы по регулированию в нем производства и распространения алкоголя относится уже к более позднему периоду — концу 1880-х годов. Полагаем, что это не случайно, поскольку именно в это время российские власти вплотную занялись проблемой регулирования производства, продажи спиртного и борьбой с пьянством и в собственных владениях. В качестве наиболее яркого примера приводится введение государственной питейной монополии конца XIX в. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте одновременно с попытками повысить «культуру питья» [Апарышев, 2012, с. 39]. В то же время стали приниматься и первые меры борьбы с производством некачественного алкоголя, подделками дешевых отечественных вин под дорогостоящие иностранные [Жолобова, 2014].

Впрочем, нельзя не отметить, что имперская политика в этой сфере носила довольно противоречивый характер — особенно на «национальных окраинах». Например, в Бурятии еще в конце XVIII в. был установлен запрет на потребление спиртного местным населением в возрасте до 40 лет, в середине XIX в. принимались положения о запрете продажи алкоголя в ряде бурятских селений. Однако к 1870–1880-м годам встал вопрос о том, что подобные запреты влекут значительные потери для государственной казны, поэтому в конце XIX — начале XX в. в Бурятии начали появляться питейные заведения — при сохранении, правда, ряда ранее введенных ограничений [Жалсанова, 2013, с. 169–171].

Однако буряты не были мусульманами, и законодательные ограничения потребления ими алкоголя не были связаны с религиозными запретами. Несколько иная ситуация складывалась в Русском Туркестане, где преобладающее количество населения исповедовало ислам. Руководствуясь теми же соображениями, что и в Бурятии — увеличением доходов казны — император Александр III 14 июля 1887 г. утвердил мнение Госсвета «Об установлении для Туркестанского края особых правил открытия питейных заведений», согласно которым такое открытие разрешалось в городах думами, а вне городов — уездными начальниками, чьи решения затем утверждались военными губернаторами областей; открытие же винокуренных заводов разрешалось на общих основаниях, т.е. в соответствии с Уставом о питейном сборе [ПСЗРИ, 1889, № 4519, с. 268–269]. То есть, с одной стороны, произ-

водство и особенно потребление алкоголя в Туркестане разрешалось, но именно местная администрация должна была принимать меры о том, чтобы это не обострило отношений с мусульманским духовенством и жителями, исповедовавшими ислам.

Полагаем, принятие утвержденного мнения Госсовета могло объясняться «лоббированием» со стороны туркестанских виноделов, среди которых были весьма состоятельные и влиятельные лица — например, самаркандский винодел Д.Л. Филатов, в конце 1880-х годов производивший в год до 16 тыс. ведер различных вин (из собственного винограда) и снискавший одобрение самого императора [Назарьян, 2013, с. 103–104]. Естественно, Филатову и его коллегам не нужны были конкуренты со стороны среднеазиатских ханств, в частности — Бухары. Вероятно, именно с этим связано, что 25 июня 1889 г. появилось сразу несколько нормативных актов о производстве и распространении алкогольной продукции в Бухаре: высочайше утвержденные «Правила о торговле крепкими напитками в Бухарском ханстве», утвержденные туркестанским генерал-губернатором «Правила о числе, роде и распределении мест торговли крепкими напитками и о порядке выдачи разрешений на открытие означенных мест торговли» и им же утвержденные «Правила о виноделии в Бухарском ханстве» ([Логофет, 1909, с. 225–234]; см. также: [Жуковский, 1915, с. 191–194]).

Согласно «Правилам о торговле», отныне торговля алкогольными напитками в Бухаре разрешалась только на территории русских поселений, а также при железнодорожных станциях и русских воинских частях на территории эмирата, причем осуществлять ее могли только русские подданные, тогда как местное население такого права лишалось (п. 2–4). Также не разрешалось создание бухарцами заводов по производству любых видов спиртного — вина, водки, меда и проч. (п. 5, 11). На торговцев алкогольной продукцией в Бухарском эмирате распространялись все налоги и сборы, предусмотренные Уставом о питейном сборе (п. 7).

«Правила о числе» подтверждали монопольное право русских подданных на открытие мест торговли алкоголем (п. 1), а также запрещали продавать его «на вынос» (п. 3, 5): тем самым ограничивались возможности приобретения спиртных напитков местными жителями мусульманского вероисповедания.

«Правила о виноделии» в очередной раз закрепляли право производства алкоголя за русскими подданными на специальных заводах,

созданных и зарегистрированных в предусмотренном законом порядке (п. 1–2). При этом разрешение на производство спиртной продукции выдавалось на определенный срок, и его следовало продлевать для продолжения производственной деятельности (п. 5). Если же винокуренный завод действовал не на территории русских поселений, а непосредственно во владениях бухарского эмира, его продукцию следовало доставлять на склад в одном из русских поселений и реализовывать ее оттуда (п. 7).

Анализ упомянутых Правил позволяет сделать вывод, что политика Российской империи по поводу производства и распространения алкоголя в Бухарском эмирате носила двойственный характер. С одной стороны (как и в случае с письмом начальника Амударьинского отдела хивинскому хану), власти демонстрировали признание суверенитета бухарского эмира и взаимодействие с ним как с субъектом международного права: в «Правилах о торговле» оговаривалось, что торговля алкоголем в Бухаре разрешается «либо по особому соглашению между русским и бухарским правительствами» (п. 1), за эмиром закреплялось право взимания с торговцев спиртными напитками торговой пошлины (зьякета) в размере 2,5% от стоимости (п. 8).

С другой стороны, нельзя не подчеркнуть, что вышеприведенные Правила являлись «внутренними» правовыми актами Российской империи и утверждались императором и туркестанским генерал-губернатором — каких-либо отдельных соглашений с эмиром для введения их в действие не требовалось²⁴. Таким образом, фактически речь идет о распространении имперского законодательства на территорию формально независимого государства — Бухарского эмирата. Также обращает на себя внимание, что взыскания, предусмотренные за нарушение указанных «Правил о торговле» (равно как и Устава о питейном сборе, на который они ссылаются), распространяется не только на русских подданных, но и на всех нарушителей на территории эмирата (п. 12–14). Таким образом, российские власти получили право

²⁴ Д.Н. Логофет, впрочем, отмечает, что требовалось «исходатайствовать у бухарских эмиров разрешение на производство винокурения в Бухарском ханстве без права продажи спирта мусульманам» [Логофет, 1911а, с. 278]. Однако никаких специальных соглашений по этому вопросу между Россией и Бухарой (как это было, например, при строительстве железной дороги в бухарских пределах, включении Бухары в таможенную черту Российской империи и проч.) не подписывалось.

привлекать к ответственности также и юридически не подвластное им бухарское население!

Согласно запискам Н.В. Чарыкова, первого русского политического агента в Бухарском эмирате (1886–1890), именно ему принадлежала инициатива разработки этих Правил: его целью было сделать Бухару «сухой» — запретить «изготовление и продажу всех видов хмельных напитков в Бухарском ханстве, а также... продажу таковых всем туземцам на железнодорожных станциях». При этом Чарыков отмечает, что когда министр финансов И.А. Вышнеградский получил его проект, он заявил, что «прежде в России никогда не издавался подобный закон», но его заместитель В.Н. Коковцов (однокашник Чарыкова) убедил министра, что «в таких исключительных случаях» можно позволить его издание [Чарыков, 2016, с. 153–154]. Естественно, речь шла не о строгой регламентации производства и продажи алкоголя: такие правовые акты неоднократно принимались в Российской империи в XVIII–XIX вв. [Долгих, 2015, с. 23–25], а именно о распространении внутренних правил на территорию формально независимой Бухары.

Надо отметить, впрочем, что цель, поставленная Н.В. Чарыковым, была в значительной степени достигнута. Иностранцы, посещавшие Бухару на рубеже XIX–XX вв., отмечали, что в ней нет пьяных — в отличие от Русского Туркестана, где правила производства и продажи алкоголя не были такими строгими (см., например: [Olufsen, 1911, p. 392]). Благие намерения политического агента, позволявшие бухарцам более тщательно соблюдать предписания шариата, однако, как мы уже отмечали выше, в значительной степени совпадали с интересами русских производителей и продавцов алкогольной продукции.

Всеми преимуществами давней и развитой виноградной и винодельческой традиции на территории Бухарского эмирата пользовались российские подданные, среди которых, впрочем, были не только русские, но и армяне, грузины, ногайцы и др. представители немусульманского вероисповедания. В Новой Бухаре действовал крупный винокуренный завод купца Бахтадзе и несколько мелких «кустарных» предприятий, в Каракуле — заводы генерала Анненкова и Джигадзе, в Якатуе — Вачилова и Артюнова и т.д. [Баллас, 1903, с. 52–54; Г.Б., 1899, с. 254].

Со временем право производить вино на территории русских поселений получили также француз Моро (приобретший завод Ан-

ненкова в Каракуле) и бухарские евреи. Однако первому позволялось торговать ими только на территории русских поселений (без права экспорта), вторые же вообще имели право изготавливать их для собственного потребления ([Логофет, 1911а, с. 280; Olufsen, 1911, р. 500]; ср.: [О правах, 1907]). Русские же производители вывозили свою продукцию как в среднеазиатские владения России, так и для внешней торговли (через Баку): если в 1892 г. было экспортировано 3,2 тыс. пудов, то в 1896 уже 14,5 тыс. пудов [Баллас, 1903, с. 55]. Однако по мере увеличения числа жителей русских поселений их потребности в потреблении алкогольной продукции стали существенно возрастать. И уже в 1911–1913 гг. не только перестал вывозиться алкоголь бухарского производства, но и ввозилось большое количество вина (26 тыс. пудов) и пива (157,9 тыс. пудов) из России [Ремез, 1922, с. 59]. Таким образом, основная цель введения вышеупомянутых Правил — защита интересов отечественных торговцев спиртным — к началу XX в. утратила актуальность, однако они продолжали действовать.

Соответственно, можно сделать вывод, что правовое регулирование даже в такой специфической сфере как производство и распространение алкоголя в Бухаре и Хиве органично вписывалось в правовую политику Российской империи в среднеазиатских протекторатах, усиливая российский контроль над местными властями и населением и постепенно приобщая бухарцев к имперским правовым принципам, что в конечном счете должно было способствовать со временем полной интеграции Бухары и Хивы в имперское политико-правовое и экономическое пространство.

Глава IV

ИНСТРУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКТОРАТА

Возможность постоянного взаимодействия подданных среднеазиатских монархов с русским населением Туркестанского края и российских поселений на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства, как мы убедились, позволила постепенно распространять имперские правовые ценности на Бухарский эмират и Хивинское ханство. Однако этот процесс осуществлялся не так быстро, как хотелось бы властям Российской империи, поэтому приходилось действовать решительнее, чтобы фронтирная модернизация осуществлялась активнее и в более значительном масштабе, а ханства скорее интегрировались в российское политико-правовое пространство. Предпринимались эти меры формальным соблюдением суверенитета Бухары и Хивы, в результате чего складывалась крайне интересная ситуация: российские власти проводили правовые преобразования в ханстве путем заключения с местными правителями международных соглашений, либо же подобные решения оформлялись как решения самих среднеазиатских монархов — по итогам «консультаций» с представителями имперских властей. Однако по мере укрепления российского влияния в среднеазиатских ханствах средства воздействия на правовое развитие Бухары и Хивы становились все более разнообразными и многочисленными.

§ 1. Регулирование водопользования как инструмент политики Российской империи в ханствах Средней Азии

Вода, всегда являвшаяся важнейшим природным ресурсом в Средней Азии, в течение нескольких веков использовалась как инструмент политической борьбы государств и народов региона. Неудивительно, что когда Российская империя утвердилась в Средней

Азии, установив свой протекторат над местными ханствами и прямо включив значительные части их территорий в состав собственных владений, она стала также активно использовать воду в качестве инструмента воздействия на своих среднеазиатских вассалов.

Вопрос об использовании водных ресурсов как средства российской имперской политики в Русском Туркестане и ханствах Средней Азии уже неоднократно рассматривался исследователями [Joffe, 1995; Morrison, 2008, p. 201–243; Peterson, 2011; Seitz, 2013; Shioya, 2013]. Мы же намерены проанализировать специфический аспект проблемы — использование «водного права» Русского Туркестана в выстраивании и регулировании отношений Российской империи со среднеазиатскими ханствами.

Сразу стоит отметить такую особенность «водного права» Русского Туркестана как отсутствие официального писаного законодательства: вплоть до 1917 г. никакого фундаментального нормативно-правового акта так и не было принято. В результате основным источником водного права в Туркестане продолжали оставаться нормы обычного права, действовавшего в этом регионе (равно как и в ханствах Средней Азии, находившихся под русским протекторатом), что было официально санкционировано в имперском законодательстве для Туркестана [ПСЗРИ, 1888, № 3814, ст. 256, с. 338]. При этом все разработчики проектов «Водного закона» постоянно подчеркивали, что не преследуют цель вытеснить обычное право, складывавшееся в регионе в течение веков, «искусственными» нормами писаного законодательства, а лишь намереваются систематизировать обычно-правовые нормы и принципы и сделать их общеобязательными для всего региона [Гинс, 1912, с. 29–30; Дингельштедт, 1893, с. 47; Флексор, 1910, с. 363–364]¹.

Попытки решить эту проблему предпринимались неоднократно: разрабатывались «временные правила» в сфере водопользования, предлагался целый ряд проектов «Водного закона»², причем каждый

¹ Впрочем, отдельные авторы обращали внимание, что некоторые аспекты водопользования (например, предоставление воды для промышленных предприятий) не регулируются обычным правом и по определению требуют государственного вмешательства (см., например: [Бенцелевич, 1914, с. 19]).

² При этом авторы проектов исходили из сходства ирригационной ситуации в Туркестане, Закавказье и Крыму (где уже действовали Водные положения),

из этапов развития «водного права» Туркестана оказал существенное влияние и на развитие отношений Российской империи с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Первое десятилетие существования Туркестанского края и взаимоотношений его администрации с правителями Бухары и Хивы (1867–1877) характеризуется полным отсутствием каких-либо писанных норм касательно водопользования [Черданцев, 1911, с. 22]. В Туркестане были сохранены (вернее, восстановлены) должности «водных чиновников» — арык-аксакалов и мирабов, — действовавших в среднеазиатских ханствах на основе обычного права ([Кауфман, 1885, с. 66]; см. также: [Тухтаметов, 1999, с. 34; Morrison, 2008, p. 212–213]). В отношениях же с властями Бухары и Хивы взаимодействие в водной сфере строилось исключительно на основе переговоров, во время которых представители российских властей неоднократно подчеркивали факт своего господства в регионе и зависимости от нее среднеазиатских правителей³. При этом даже отсутствие четкого правового регулирования в сфере водопользования российские власти обращали в свою пользу.

Наиболее проблематично складывались отношения с Бухарским эмиратом, поскольку в результате присоединения Самарканда к Туркестанскому краю в 1868 г. российские власти сосредоточили в своих руках контроль над р. Зеравшан и имели возможность полностью регулировать количество воды, которое могло быть предоставлено в ирригационных целях Бухаре. Отсутствие каких бы то ни было правовых норм регламентировавших этот вопрос (в том числе и в договоре 1868 г., согласно которому Бухара фактически признавала российский протекторат) заставляло эмира и правящие круги эмирата занимать позицию просителей в каждом случае нехватки воды для столицы и ее округа. Например, в 1870 г. эмир передал с посольством послание для туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, можно ска-

а также учитывали опыт Алжира, Египта и т.д. [Гинс, 1910, с. 50; 1912, с. 35; Флексор, 1910, с. 380].

³ Английский журналист Д. Добсон, посетивший Русский Туркестан и Бухарский эмират в 1888 г., писал, что в случае враждебных действий бухарцев русским не понадобится ни железная дорога, ни войска: они «легко смогли бы нанести беспощадный ответный удар», просто-напросто «перекрыв верхнее течение Зеравшана и прекратив подачу воды, и приятная страна эмира превратилась бы в голодную степь в течение нескольких недель» [Добсон, 2013, с. 132].

зять, жалостливое послание о проблеме с водоснабжением с просьбой о ее решении [Morrison, 2008, p. 206–207].

Опасения бухарской правящей элиты и населения относительно возможностей и намерений российских властей в отношении вод Зеравшана ярко выразил известный бухарский просветитель и государственный деятель Ахмад Дониш в своей «Истории мангитской династии». Автор весьма эмоционально описывает отчаяние бухарцев, понявших, что вода оказалась в руках русских, беспомощность эмира в поиске путей решения проблемы, длительные переговоры с представителями российских властей — от самаркандских до петербургских (куда он сам прибыл в качестве участника бухарского посольства 1869–1870 гг.) [Дониш, 1967, с. 87]. Весьма характерно он отразил позицию эмира Музаффара, который на предложение обеспечить водные потребности столицы за счет отвода воды из Амударьи, заявил, что ранее такого не практиковалось, и выказал опасение, что русские будут недовольны, что бухарцы получают воду не от них [Там же, с. 96–97]. Кроме того, он также боялся, что если некоторые районы получают достаточное количество воды, они не захотят подчиняться центральному бухарским властям⁴. Даже обещания русских властей со временем компенсировать Бухаре нехватку воды Зеравшана путем проведения канала из Сырдарьи Ахмад Дониш воспринимает критически: по его мнению, русские собирались приступить к этим работам лишь после окончательного захвата всего Бухарского эмирата [Там же, с. 97].

Можно было бы усомниться в объективности сведений Ахмада Дониша, поскольку он сам был свидетелем и участником событий, приведших к фактической утрате Бухарой самостоятельности и глубоко переживал по этому поводу, утрируя степень зависимости эмирата от туркестанских властей (в том числе и в сфере водоснабжения). Однако многие его сведения подтверждаются и записками русского современника — Л.Ф. Костенко, туркестанского военного чиновника, участника дипломатической миссии в Бухару в 1870 г.⁵ В частно-

⁴ Уже эмир Насрулла практиковал отвод воды для одних регионов эмирата в ущерб другим для обеспечения покорности населения [Астанова, 1979, с. 27; Бартольд, 1965, с. 161, 162].

⁵ Весьма характерно, что хотя формально посольство затевалось как ответное на миссию ханского сына Сейид-Абдул-Фаттаха в Россию, руководителю миссии полковнику С.А. Носовичу изначально были даны указания, как реагировать

сти, он отмечает, что в отношении воды Бухара находится в полной зависимости от Самарканда и вынуждена постоянно обращаться к российским властям с просьбами о временном закрытии арыков для жителей русских районов и давать воду Бухаре. Резюмирует он свои наблюдения следующим образом: «Снабжение Бухары хлебом зависит от доброй воли русского правительства» [Костенко, 1871, с. 43–44, 100–102; Носович, 1898, с. 274, 630]. Сам начальник миссии полковник С.А. Носович в своем журнале отметил слова эмира, который «рад приезду своих друзей-русских, и что вода пришла в Бухару вместе с нами» [Носович, 1898, с. 636]⁶.

Как бы то ни было, бухарским дипломатам по итогам миссии 1869–1870 гг. в Петербург удалось добиться, чтобы К.П. фон Кауфман дал распоряжение начальнику Зеравшанского военного округа генералу А.К. Абрамову решить вопрос с водоснабжением для Бухары. Зимой 1871/1872 гг. специальная комиссия в составе трех российских и трех бухарских представителей во главе с Абрамовым начала обсуждение вопроса о распределении воды Зеравшана между Самаркандом и Бухарой. Русским представителям было весьма сложно понять логику бухарцев, оперировавших понятиями «много воды», «мало воды» и т.д. — без каких-либо конкретных цифр [Morrison, 2008, р. 208]. Наконец, были согласованы некие предварительные условия: самаркандские власти согласились с 15 апреля по 15 мая запираť арыки наполовину и пропускать оставшуюся воду в Бухару, а с 15 августа по 15 сентября запираť арыки полностью ([Соболев, 1874, с. 268–269]; см. также: [Becker, р. 53; Morrison, 2008, р. 206–207]). Однако когда русская администрация подняла вопрос о необходимости назначить представителя эмира, который осуществлял бы надзор за распределением воды, такой представитель так и не был назначен, и распределение между Самаркандом и Бухарой продолжало осуществляться стихийно⁷. Ахмад Дониш заявил, что уже на следующий год эмиру

на вопрос о воде Зеравшана, который, несомненно, должен был поднять на переговорах эмир [Носович, 1898, с. 273].

⁶ А вот туркестанский чиновник и впоследствии известный востоковед Н.Ф. Петровский, побывавший в Бухаре в 1872 г., уже отмечал, что в эмирате были сильны антироссийские настроения из-за того, что власти Самарканда задерживали воду для Бухары [Петровский, 1873, с. 217].

⁷ Вышеупомянутый Д. Добсон замечает, что «высшие власти в Бухаре так беспокоятся за собственные водные запасы, что у них *имеется разрешение* [курсив

пришлось ввести чрезвычайный налог с населения и собранную сумму в 100 тыс. танга передать в качестве взятки российской администрации, чтобы получить воду [Дониш, 1967, с. 110]. По сообщениям бухарцев, зафиксированных российскими исследователями на рубеже XIX–XX вв., бывали периоды, когда вода вообще не предоставлялась бухарцам, и они массово погибали от засухи [Ситняковский, 1899, с. 127–128]. Неудивительно, что бухарцы с признательностью воспринимали действия отдельных российских администраторов, принимавших во внимание их проблемы — так, например, эмир Абдул-Ахад наградил высшим орденом Бухары военного губернатора Самаркандской области Н.Я. Ростовцова за активную помощь в снабжении населения водой в условиях жесточайшей засухи [Назарьян, 2010, с. 93–94].

Таким образом, отсутствие какого-либо нормативного регулирования водопользования в Туркестане позволило российской администрации при формальном соблюдении принципа равенства в переговорах диктовать свою волю бухарским властям. А учитывая, что переговоры с российской стороны возглавлял А.К. Абрамов, имевший значительный опыт ведения боевых действий против Бухарского эмирата и, следовательно, знавший о слабости его войск, не приходится удивляться, что условия, выработанные в ходе переговоров, оказались достаточно жесткими для Бухары — особенно в силу их неопределенности и отсутствия (как со стороны России, так и со стороны эмирата) органов или должностных лиц, которые контролировали бы исполнение соглашений.

Впоследствии и сам К.П. фон Кауфман писал в своем «Всеподданнейшем отчете», что жители среднеазиатских ханств в большом количестве переселялись в русские владения, видя, что в Туркестане собирается гораздо меньше налогов и создаются условия для эффективного ведения хозяйства [Кауфман, 1885, с. 133–134]. Сопоставив это сообщение со сведениями Ахмада Дониша (также писавшего о переселении бухарских земледельцев в русские пределы [Дониш, 1967, с. 87]) можно предположить, что не последнюю роль в этих действи-

наш. — Р. П.] генерал-губернатора Туркестана каждую весну посылать своих представителей присматривать за дамбами и плотинами реки Мургаб рядом с Самаркандом» [Добсон, 2013, с. 133]. Как видим, автор упоминает о факте разрешения, но не о направлении подобных чиновников в Туркестан!

ях сыграла и водная политика: переселенцы могли вести хозяйство и получать воду на основании тех же обычаев, что в Бухаре и Хиве, но при этом получали ее гарантированно за счет контроля российскими властями ее распределения⁸.

Довольно противоречивая ситуация складывалась в это же время и в отношении водоснабжения в Хивинском ханстве, с 1873 г. также признавшем протекторат Российской империи. Испытывая нехватку воды, его власти сами инициировали процесс привлечения российских специалистов к решению вопросов ирригационного характера. Дело в том, что хивинцы еще с XVII–XVIII вв. использовали плотины, отвод воды, осушение каналов и т.п. как средство борьбы с внешними врагами (прежде всего, Бухарой) и собственными составными туркменами [Аму, 1879, с. 20; Бартольд, 1965, с. 182–183]. Поначалу российские власти не выказывали интереса к решению ирригационных проблем в ханстве, рассматривая реки, протекающие по хивинской территории (прежде всего, Амударью) исключительно как транспортные артерии для своих судов. Соответственно, первые проекты по повороту русла Амударьи в Каспийское море (с отводом его от Аральского моря) преследовали цель налаживания судоходных коммуникаций по территории Хивы и Бухары [Аму, 1879, с. 35–36; Бенцелевич, 1914, с. 65; Глуховский, 1893; Черданцев, 1911, с. 12]. Вероятно, именно поэтому в Гандемианском и Шаарском договорах ничего не говорилось о водопользовании, но зато предусматривались возможности для русских строить пристани и склады на берегах Амударьи [Сборник, 1952, № 19, с. 131; № 20, с. 136]. Цель этих проектов — усиление контроля со стороны российской администрации за вассальными ханствами — даже и не скрывалась туркестанскими властями [Аму, 1879, с. 40–41].

Как и в случае с Бухарой в 1870–1880-е годы российская администрация формально придерживалась принципа номинальной независимости Хивинского ханства и все вопросы, связанные с судьбой рек, решала путем переговоров с ханом и его сановниками⁹. Однако при первых же попытках обсудить с ханскими властями проект из-

⁸ Практика переселений из Бухарского эмирата продолжалась и в начале XX в. [Голодная степь, 1981, с. 70].

⁹ Примечательно, что даже статус Амударьинской флотилии был согласован не в каком-либо международном соглашении, а фактически в порядке личной пе-

менения русла Амударьи (в 1873–1877 гг.) они столкнулись с весьма решительным сопротивлением хивинцев: хан Мухаммад-Рахим II опасался, что изменение русла обеспечит водой районы проживания туркмен-йомудов, которые к этому времени находились в полной зависимости от хана и проводимой им ирригационной политики; если же эта зависимость исчезнет, они вновь восстанут [Аму, 1879, с. 48, 50]. Впрочем, опасения хана (небезосновательные, стоит отметить!) были озвучены лишь частично: как известно, уже с 1830-х годов хивинцы практиковали отвод вод Амударьи и строили плотины также для того, чтобы преградить доступ в свои владения русским кораблям. Естественно, в изменившихся условиях актуальность этой политики оказалась утрачена, однако работы по возобновлению судоходства на Амударье и восстановление ранее разрушенных ирригационных сооружений представлялись хивинским властям слишком дорогостоящими, чтобы немедленно приступить к их реализации¹⁰. Российские же власти, со своей стороны, в то время еще не имели столь прочных позиций в Хиве, чтобы принудить хана и его сановников реализовывать российские проекты.

Все большее упрочение политических и экономических связей среднеазиатских ханств с Российской империей в 1890-е годы привело к повышению статуса местных правителей в глазах российских властей¹¹. Соответственно, даже по тем вопросам, по которым раньше они выступали униженными просителями, теперь они начали предъявлять требования — это касалось и проблемы водоснабжения.

К началу 1890-х годов в связи с возросшими потребностями Самаркандской области в воде ситуация с водоснабжением Бухары из Зеравшана стала критической [Голодная степь, 1981, с. 27]. 27 мая 1894 г. состоялись русско-бухарские переговоры, результатом которых стало соглашение о том, что ежегодно с 15 ноября по 10 марта вся вода, кроме необходимой Самарканду, будет спускаться в бухарские владения, а с 10 июня по 15 августа в Бухару будет спускаться не менее 40%

реписки императора Александра III, хана Мухаммад-Рахима II и туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева [Садыков, 1965, с. 84].

¹⁰ Впрочем, уже в 1873 г. хивинский сановник Муртузали говорил начальнику Закаспийского военного отдела генерал-майору Н.П. Ломакину, что мог бы провести воды Амударьи в русло высохшей реки Узбой и сделать его судоходным за два месяца с 8–10 тыс. рабочих [Аму, 1879, с. 49–50].

¹¹ О чем с негодованием писал в 1910 г. Д.Н. Логофет [Логофет, 1911а, с. 14].

вод Зеравшана. Однако, поскольку эмир по-прежнему не назначал никаких уполномоченных лиц для контроля¹² распределения воды, это соглашение на практике не соблюдалось: летом 1894 г. бухарским земледельцам вместо оговоренных 40% общего количества воды предоставили только 18%, а летом 1895 г. — всего 15–17% [Тухтаметов, 1966, с. 53–54].

В 1899 г. эмир Абдул-Ахад потребовал вернуться к вопросу о распределении воды из Зеравшана. Была создана специальная комиссия во главе с военным губернатором Самаркандской области генералом В.Ю. Мединским, в которую также вошли инженер Х.В. Гельман, представители Политического агентства в Бухаре и несколько бухарских чиновников. Комиссия пришла к выводу, что требования бухарцев оправданы — в первую очередь потому, что российские власти были заинтересованы в развитии хлопкового хозяйства в Бухаре, а для этого необходимо было обеспечить хлопкоробов достаточным количеством воды [Расулев, 1969, с. 51]. Впрочем, и на этот раз точные пропорции воды для Самарканда и Бухары определены не были. Только в 1902 г. еще одна комиссия под руководством того же В.Ю. Мединского (но сформированная уже по распоряжению нового туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова), наконец, приняла окончательное решение: 2/3 воды Зеравшана будут поступать в распоряжение Самаркандской области, а 1/3 — в пользу Бухары. Это соотношение сохранялось вплоть до ликвидации российского протектората над Бухарским эмиратом [Becker, 2004, p. 163]¹³.

Как видим, даже и десятилетия спустя после установления российского протектората над Бухарой и Хивой отношения между ними формально строились на основе соглашений, заключавшихся по итогам переговоров, хотя фактически Россия имела возможности диктовать ханствам свою волю. Примеры решения вопросов ирригационного характера в полной мере это подтверждают, и, как уже отмечалось выше, отсутствие систематизированного «водного права» в самом Русском Туркестане лишь помогало российской администрации

¹² Не было такого чиновника и в начале XX в. [Логофет, 1911б, с. 77–78].

¹³ При этом и современники, и последующие исследователи выражали недоумение подобным распределением, считая его искусственно выработанным и не учитывавшим реальное соотношение земельных площадей и потребностей в воде [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 177; Peterson, 2011, p. 100].

вырабатывать наиболее выгодные для себя решения по итогам таких переговоров.

Первым нормативно-правовым актом, регламентировавшим водопользование в Туркестане, стали «Временные правила об ирригации», введенные в действие К.П. фон Кауфманом 19 июня 1877 г. — правда, только для Ташкентского уезда: в них вся вода объявлялась государственной собственностью [Дингельштедт, 1893, с. 70; Флексор, 1910, с. 351]. Вполне вероятно, что «опробовав» их на одной административно-территориальной единице, генерал-губернатор планировал распространить их действие на весь край, однако в 1882 г. он умер, а сменивший его М.Г. Черняев (в силу личной неприязни старавшийся полностью пересмотреть всю политику Кауфмана), сразу же отменил эти правила ([Дингельштедт, 1893, с. 51, 70]; см. также: [Алимджанов, 2015, с. 17]). Вплоть до 1886 г. отношения в сфере водопользования как в Туркестане, так и в ханствах-протекторатах Российской империи по-прежнему регулировались нормами обычного права. Эта практика нашла закрепление в ст. 256 «Положения об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г., согласно которой вода предоставлялась населению в пользование «по обычаю».

2 августа 1888 г. была введена в действие «Инструкция о правах и обязанностях ирригационных чиновников, уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов», разработанная третьим туркестанским генерал-губернатором Н.О. фон Розенбахом — инженер Н. Петров охарактеризовал ее как «вариацию на тему, определяемую содержанием ст. 256» [Петров, 1894, с. 123]. Не решив по существу вопрос о правовых источниках «водного права» [Дингельштедт, 1893, с. 70], автор инструкции, тем не менее регламентировал структуру управления ирригационным процессом, определив компетенцию чиновников различного уровня. Вероятно, именно эта инструкция обусловила активизацию исследовательской деятельности российских инженеров-гидротехников в Бухаре и Хиве, проведение длительных экспедиций и изыскательских работ, связанных с решением проблем водоснабжения среднеазиатских ханств.

В Бухарском эмирате этот процесс оказался более формализованным. Как известно, с 1886 г. в Бухаре действовало Императорское русское политическое агентство. Вторым его руководителем в 1890 г. стал П.М. Лессар, который еще 1880-е годы осуществил ряд экспедиций в бухарские и хивинские владения, исследуя в том числе и проблемы

ирригации. Уже тогда он (подобно Ахмаду Донишу в конце 1860-х годов) выступил с проектом орошения Каршинского бекства водами Амударьи, однако ознакомившись со сметой, составившей 7 млн руб., бухарские власти восприняли проект «недружелюбно» ([Логофет, 1911б, с. 87–88]; см. также: [Воейков, 1915, с. 19]).

Тогда русские решили продемонстрировать бухарским властям своим собственным примером преимущества российских методов ирригации. С конца 1880-х годов в Бухаре стали появляться русские поселения (сначала на границе с Афганистаном, где они должны были не допустить проникновение в Бухару афганцев и англичан). В 1889 г. своими силами и за свой счет туркестанские власти провели орошение 10 тыс. десятин земли вокруг русского военного поселения под Термезом. Реализация проекта обошлась в 300 тыс. руб.¹⁴, и, по данным Д.Н. Логофета, исследовавшего Бухарский эмират около 1910 г., к этому времени термезский проект оставался единственным реализованным масштабным ирригационным проектом в эмирате [Логофет, 1911б, с. 88].

В своей «Записке», подготовленной в 1895 г. (в конце пребывания в Бухаре) Лессар подчеркивал несовершенство бухарской ирригационной системы и отсутствие достаточной компетентности у местных чиновников-мирабов, отмечал необходимость учреждения в эмирате специального чиновника-инженера, который способствовал бы развитию ирригации в Бухаре и надзирал бы за местными мирабами ([Лессар, 2002, с. 116]; см. также: [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 178]). Благодаря ему в 1893 г. этот пост занял талантливый инженер Х.В. Гельман, однако даже энергичности Лессара не хватило для того, чтобы вновь назначенный специалист сумел реализовать какие-либо проекты. Надо отметить, впрочем, что сам П.М. Лессар советовал инженеру не стараться сразу же, используя «административный ресурс», брать на себя контроль над ирригационным делом: официальных прав для этого в формально независимом Бухарском эмирате у него не было, а мирабы вполне могли настроить местное население против русского чиновника. Поэтому политический агент советовал поначалу решать технические вопросы и обеспечивать себе доверие

¹⁴ Правда, инженер Гельман, в 1898 г. анализировавший результаты этого проекта, пришел к выводу, что можно было бы ограничить его финансирование 130 тыс. руб.

со стороны бухарцев, после чего у него уже могла появиться возможность контролировать ирригационное дело в масштабе всего эмирата [Лессар, 2002, с. 116].

Но в 1895 г. Лессар был переведен в качестве дипломатического представителя в Лондон, а сменивший его В.И. Игнатьев в большей степени представлял интересы российского МИДа, нежели туркестанской администрации. В связи с этим статус Гельмана оказался весьма неопределенным. Прежде всего, камнем преткновения стал вопрос о материальном содержании для него: первоначально предполагалось, что коль скоро он будет действовать в интересах эмира, эмиру и следует финансировать его пребывание в Бухаре; однако туркестанские власти, надеясь видеть в нем проводника своих интересов в эмирате, предлагали включить его в свой штат и, соответственно, подчинить Военному министерству. Однако сами руководители министерства отказались вступать в конфликт с МИДом еще и по поводу инженера-гидротехника и обеспечили его статусом сравнительно мелкого чиновника, практически не имевшего никаких полномочий [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 179; Логофет, 1911б, с. 86].

В результате, несмотря на таланты и знания Х.В. Гельман (занимавший пост до 1900 г.), так и не сумел решить ни одну из проблем водоснабжения в эмирате. Например, в 1896 г. он разработал проект осушения городского арыка, в течение долгих лет являвшегося источником болезней для горожан¹⁵, составил смету (120 тыс. руб.) и передал ее на утверждение туркестанским властям. Строительный отдел администрации генерал-губернатора утвердил смету (отнеся расходы на счет эмира!), но процесс согласования затянулся на годы. В 1898 г. генерал-губернатора Вревского сменил С.М. Духовской, и эмир, воспользовавшись сменой туркестанского руководства, отказался от проекта под предлогом его дороговизны, заявив, что не будет привлекать русских специалистов, а лучше введет новую повинность и справится своими силами. Х.В. Гельман не имел полномочий, чтобы «надавить» на эмира, и Духовской принял решение предоставить эмиру возможность провести работы, когда тот сочтет нужным. По свидетельству А.Ф. Губаревича-Радобыльского, описавшего этот эпизод в 1905 г., к этому времени проблема с арыком так и не была решена ([Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 179–180]; см. также: [Логофет, 1911б, с. 87]).

¹⁵ Об этом писал еще в 1870 г. Л.Ф. Костенко [Костенко, 1871, с. 88–89].

В 1890-е годы контроль Российской империи над Хивинским ханством существенно укрепился, и туркестанские власти получили дополнительные возможности воздействия на хана и сановников с целью увеличения в Хиве хлопковых хозяйств, а также для поднятия вопроса о предоставлении земель русским поселенцам. С этой целью, как и в Бухарском эмирате, туркестанские власти стали направлять в Хивинское ханство своих чиновников-инженеров для проведения изысканий и настойчиво продвигать идею орошения районов, опустошенных в результате прежней ирригационной политики ханов. Наиболее решительно этот вопрос был поставлен в 1893 г., когда А.В. Вревский фактически предписал хану Мухаммад-Рахиму II восстановить канал Лаузан (закрытый еще в 1850-е годы [О слухах, 2016, № 261, с. 486]; см. также: [Shioya, 2011, p. 126]) и заняться орошением прилегающих к нему земель. При этом генерал-губернатор намекнул, что если хан не станет этим заниматься, то российские власти осуществят ирригационные работы своими силами и за счет имперской казны, однако тогда земли (в полном соответствии с обычным правом Хивинского ханства!) перейдут в собственность России, и на них будут расселены русские крестьяне. Хану пришлось уступить, и в апреле 1894 г. начались работы под предводительством диван-беги Мухаммад-Мурада — правда, канал был проведен в восьми верстах ниже прежнего: хан мотивировал это нежеланием разрушать уже имевшиеся ирригационные системы, хотя, на самом деле, по-прежнему старался не допустить улучшения водоснабжения для мятежных туркмен [Кошчанов, 1964, с. 57–59; Наврузов, 1992, с. 53]. В какой-то мере ему удалось этого добиться: Х.В. Гельман, командированный в 1899 г. оценить эффективность вновь проведенного канала, отмечал, что он слишком извилист и, следовательно, не обеспечивает необходимого напора воды, которая, таким образом, не доходила в полном объеме до туркменских районов [Гельман, 1900, с. 122–123, 131–132, 135].

Не следует забывать, что, устанавливая контроль над Средней Азией, Российская империя преследовала не только политические и военные, но и экономические цели: идея торговли со Средней Азией, возникшая еще в эпоху Ивана Грозного, оформилась уже при Петре Великом и в дальнейшем вся политика России в регионе в значительной степени определялась именно планами развития торговых связей с местными народами и государствами. Соответственно, в решении

проблемы водоснабжения ханств Средней Азии и, следовательно, увеличения производства сельскохозяйственных культур были заинтересованы не только власти Туркестанского края, но и частные предприниматели, связывавшие свои планы со среднеазиатскими рынками. Неудивительно, что еще до установления протектората над Бухарой и Хивой, в 1840–1860-е годы, представители деловых кругов разрабатывали проекты развития судоходства по Амударье и т.д. (П.А. Голубков, С.А. Хрулев и др.).

Однако в большинстве своем эти проекты были утопичны, поскольку их авторы не были в полной мере знакомы с географией региона, состоянием рек, ирригационными системами и проч. Лишь к концу XIX в. предприниматели стали разрабатывать собственные проекты, в том числе затрагивающие и вопросы водоснабжения с учетом знания местных особенностей. Один из первых таких проектов был предложен в 1896 г. самаркандским предпринимателем Я.А. Рехтзаммером, выступившим с инициативой создания «Общества Амударьинского канала», который должен был протянуться на 300 верст, вплоть до Келифа и Карши. Стоимость проекта автор определял в 5–6 млн руб.¹⁶, причем он не планировал обращаться ни к русской, ни к эмирской казне за дополнительным финансированием. Единственным его условием стала передача орошенных земель под управление «Общества», которое сдавало бы участки в аренду и к тому же бесплатно снабжало бы водой Старую и Новую Бухару. Проект был передан на рассмотрение политическому агенту В.И. Игнатьеву, который отклонил его под предлогом, что эмир якобы не пожелал отдавать орошение в частные руки [Расулев, 1969, с. 51]. Однако, по-видимому, инициаторами отказа выступили не бухарские, а российские власти, поскольку вопрос об участии частных лиц и организаций в ирригационной деятельности в Туркестане также не был на тот момент решен [Алимджанов, 2015, с. 17–18].

Только в 1908 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием (фактически министр сельского хозяйства) А.В. Кривошеин поручил разработать водный закон для Туркестана, предусматривавший возможность привлечения к ирригационной деятельности частных лиц. Однако, как и развитие «водного права» для Туркестана в

¹⁶ Инженер Н. Петров подсчитал, что на самом деле проект должен был обойтись не в 5–6, а не менее чем в 25 млн руб.

целом, этот вопрос оставался без движения вплоть до 1909 г., когда сенатор К.К. фон Пален в отчете по итогам своей ревизии Туркестанского края прямо озвучил целесообразность и необходимость привлечения частных предпринимателей к оросительной деятельности ([Пален, 1910, с. 424]; см. также: [Morrison, 2008, p. 235]). В результате 21 мая 1910 г. А.В. Кривошеин по согласованию с туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым издал «Правила о разрешении частным предпринимателям производства изысканий для орошения земель в Туркестане» [Черданцев, 1911, с. 29–30; Шкапский, 1909]. Они стали стимулом для создания специальных ирригационных предприятий (см., например: [Харитоновна, 2014]). Подобно тому, как прежде «водное право» Туркестана находило отражение и в отношениях туркестанской администрации с властями Бухары и Хивы, введение новых «Правил» также вызвало новый виток отношений с ханствами в ирригационной сфере — на этот раз с участием представителей деловых кругов. В течение 1910–1917 гг. имел место настоящий «бум» частных оросительных проектов, предлагавшихся предпринимателями властям Бухары и Хивы.

Так, в 1910 г. князь М.М. Андроников заключил с эмиром Абдул-Ахадом предварительный договор о концессии 25 тыс. десятин земли в Каршинской степи для орошения и культивирования. Однако этот проект был отклонен и.о. Военного министра А.А. Нератовым, который объяснил отказ тем, что передача бухарских земель русским собственникам противоречит суверенным правам эмира и может нарушать интересы бухарского населения. Тем не менее два года спустя благодаря поддержке Военного министра В.А. Сухомлинова Андроников добился одобрения проекта, а годом позже (1913) под давлением того же Сухомлинова новый эмир Алим-хан передал Андроникову в концессию еще 80 тыс. десятин земли ([Becker, 2004, p. 187–188]; см. также: [Расулев, 1969, с. 51–52; Стогов, 2017, с. 167]). В том же 1913 г. Андроников вместе с другим предпринимателем А.П. Путиловым приобрел за 680,5 тыс. руб. 19,4 тыс. десятин земли в Хивинском ханстве. Причем, чтобы облегчить процесс приобретения земли, он намеревался отказаться от привилегий русско-подданного и обещал платить все налоги в ханскую казну, которые платили хивинцы. Но на этот раз проект был отклонен начальником Амударьинского военного отдела Н.А. Лыкошиным, заявившим, что подобное соглашение нарушает положения Гандемианского договора 1873 г., при этом весь-

ма «расширительно» истолковав эти положения в том смысле, что хан не вправе жаловать земли по Амударье в «мульк» (ср.: [Лунев, 2004, с. 114–115]). Как видим, российские власти отказали в одобрении сделки русско-подданному в сущности под предлогом несоблюдения принципов мусульманского права, действовавшего в Хивинском ханстве! Фактически же властям стало известно, что Андроников рассчитывал приобрести те земли, включенные в план ирригационных работ, которые должны были осуществлять российские власти, и они заподозрили его в намерении спекулировать этими приобретениями [Погорельский, 1968, с. 88–89; Стогов, 2017, с. 167]¹⁷.

Пример с М.М. Андрониковым представляется одним из самых ярких в деятельности российских предпринимателей в Бухаре и Хиве в сфере ирригационных отношений, однако он был далеко не единственным. В том же 1912 г. военный инженер капитан Ананьев также взял в концессию крупный участок земли в Бухаре, причем на время оросительных работ (8,5 лет) он освобождался от арендной платы. В 1912–1913 гг. четверо предпринимателей (Львов, Сучков, Иванов и Стомба) обратились к туркестанским властям за одобрением их концессионных соглашений с эмиром, но только последний из них добился утверждения соглашения при личной поддержке генерал-губернатора Самсонова [Тухтаметов, 1966, с. 117–118].

Активные действия потенциальных концессионеров показали имперским властям, насколько неразвитыми оставались правоотношения в сфере водопользования, в том числе и при взаимодействии с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. В результате в 1914 г. тот же Кривошеин по итогам совещания с представителями центральных ведомств и туркестанской администрации разработал новые правила по поводу ирригационных работ в Бухаре и Хиве, которые были одобрены на заседании Совета министров 13 марта 1914 г. Отныне большие ирригационные проекты в ханствах должны были реализовываться с разрешения туркестанского генерал-губернатора; эмир Бухары и хан Хивы имели право предоставлять в концессию не более 5 тыс. десятин земли, а больше — только по решению Совета министров империи. Чтобы получить концессию, предпринимателю необходимо было внести залог и заключить «особый договор», обязывающий его передавать половину земли туркестанским властям для

¹⁷ Этому сюжету посвящено специальное исследование [Shioya, 2011].

последующего распределения между русскими переселенцами [Тухтаметов, 1966, с. 119; Shioya, 2011, p. 129–130]¹⁸.

Как можно увидеть, российские власти вновь воспользовались неопределенностью положений Гандемианского и Шаарского договоров 1873 г. (а ведь это были единственные нормативные акты, определявшие характер отношений ханств с Российской империей!) и неразработанностью отношений в ирригационной сфере и смогли навязать Бухаре и Хиве те условия, которые отражали фактическое их подчинение России, но не были подкреплены никакими дополнительными соглашениями. Показательно, что оформлены новые правила были решением Совета министров, а не по итогам хотя бы формальных переговоров со среднеазиатскими монархами.

Неудивительно, что власти Туркестана отказались официально передавать эти правила бухарскому эмиру и хивинскому хану, опасаясь, что те резко выступят против их положений. Тем не менее и.о. туркестанского генерал-губернатора Ф.В. фон Мартсон в ноябре 1914 г. ознакомил с правилами хивинского хана Исфендиара, а когда об этом узнал начальник Амударьинского отдела полковник Колосовский, он выказал опасения, что хан примет решение запретить продажу земель в ханстве русским.

Несмотря на то что вновь принятые правила в первую очередь защищали интересы именно властей, а права и интересы русских предпринимателей (и уж тем более среднеазиатских правителей) ограничивали, они не заставили представителей частного капитала отказаться от возможности приобретения концессии: последние концессионные соглашения датированы уже 1916–1917 г. [Расулев, 1969, с. 52; Тухтаметов, 1966, с. 120–121]. Одним из крупнейших таких соглашений стал заключенный в ноябре 1916 г. договор между торгово-промышленным товариществом «И. Стахеев и Ко» и бухарским эмиром, согласно которому стороны на паритетных началах вкладывали 5 млн руб. в строительство и «насаждение полезных отраслей промышленности», т.е. возведение фабрик, заводов, иных строительных объектов, приобретение недвижимости в эмирате и т.п. Несмотря на возражения Министерства иностранных дел, считавшего столь активное участие эмира в этом проекте политически рискованным,

¹⁸ Фактически эти принципы, как отмечал сам А.В. Кривошеин, действовали уже в 1912 г. [Кривошеин, 1913, с. 327].

в начале 1917 г. товарищество приступило к строительству оросительных каналов, планируя использовать земли, которые Бухара должна была предоставить ему по новым правилам, для расширения хлопковых посевов. В 1918 г. фирма планировала оросить 20 тыс. десятин земли [Очерки, 2007, с. 293–295].

Таким образом, можно сделать вывод, что «водное право» Русского Туркестана стало одним из инструментов воздействия на ханства Средней Азии, позволяющих реализовывать в них российскую имперскую политику в интересах властей и частного капитала в условиях отсутствия юридической зависимости Бухарского эмирата и Хивинского ханства от Российской империи. «Водное право» в Туркестане прошло ряд этапов в своем развитии, и каждый этап нашел отражение в отношениях имперской администрации с властями ханств Средней Азии — от реального переговорного процесса по вопросам водопользования и распределения водных ресурсов рубежа 1860–1870-х годов до фактического навязывания Бухаре и Хиве тех форм правоотношений с имперскими властями и частными предпринимательскими кругами в 1910-е годы, которые были наиболее выгодны России. Естественно, эти изменения отражали и общие тенденции в развитии отношений империи с ханствами.

Тот факт, что «водное право» в Туркестане так и не было в достаточной степени формализовано вплоть до падения Российской империи, несколько не препятствовал его активному использованию в качестве инструмента влияния. Напротив, российская администрация ссылалась на то, что все взаимоотношения между властями и населением ханств, с одной стороны, и российской администрацией и частными лицами — с другой, строятся на основе правовых обычаев в сфере водопользования и, соответственно, в полной мере учитывают интересы бухарских и хивинских землевладельцев. Формально российские власти сохраняли формат диалога с правящими кругами Бухары и Хивы, не давая повода упрекать их в явном вмешательстве во внутренние дела в ханствах. Фактически же империя последовательно реализовывала процесс фронтальной модернизации, активно интегрируя и власти, и население обоих среднеазиатских ханств в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи, внедряя в них новые правовые институты и формы экономических отношений.

§ 2. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи

Как уже отмечалось выше, спецификой договоров России с ханствами Средней Азии было то, что большинство их статей всего лишь предоставляло Российской империи и ее подданным определенные экономические льготы на территории обоих ханств¹⁹. Фактический же протекторат России над Бухарой и Хивой в силу специфики международной ситуации (в особенности из-за сложных отношений с Британской империей) не был закреплен никакими юридическими актами. В результате Россия не могла официально вмешиваться во внутреннюю политику Бухарского эмирата и Хивинского ханства — даже для защиты прав и интересов своих торговцев, которые были предоставлены им Гандемианским и Шаарским договорами.

Причины нарушения экономических прав и интересов России в среднеазиатском регионе возникли задолго до установления российского протектората над Бухарой и Хивой — в самом начале XIX в. Изучая внешнеэкономическую политику Российской империи, исследователи разделяют ее на два периода: первый, длившийся до середины 1870-х годов, они характеризуют как «фритредерский»; а второй, начиная с 1876 г. — уже как «протекционистский» [Соболев, 1911]. Соответственно, установление российского протектората и заключение вышеупомянутых договоров с Бухарой и Хивой приходится на период весьма либерального отношения к иностранным торговцам и производителям, стремившимся осваивать российский рынок (пусть даже и на его завершающем этапе). Более того, «фритредерская» политика российских властей, проявлявшаяся в ее отношении к внешнеторговым связям в целом, усугублялась также и особым отношением к развитию торговли со странами Центральной Азии. Реализация принципа «всемерного поощрения азиатской торговли всеми способами», озвученного российскими властями в начале XIX в., привела к тому, что азиатские торговцы нередко имели преимущества не только перед другими иностранцами, но и даже перед русскими. Так, например, после подписания в 1813 г. Гюлистанского мирного договора с Персией

¹⁹ Несмотря на то что правитель Бухары официально носил титул эмира, в российской историографии и даже в официальной документации Российской империи она нередко именовалась Бухарским ханством.

(после войны, кстати, завершившейся победой России) персидские товары стали облагаться 5%-ным налогом — тогда как в отношении товаров из Европы таможенные сборы доходили до 25% [Ремез, 1922, с. 30]!

Этот либерализм практиковался и в отношении торговцев из Центральной Азии, поскольку еще Петр I объявил установление и развитие торговых контактов с Бухарой, Хивой, Ташкентом, Восточным Туркестаном и Индией приоритетным направлением восточной политики России, и для торговцев из этих стран и регионов был установлен режим наибольшего благоприятствования. Это прямо отразилось на уровне развития таможенного дела на азиатских границах России: состояние таможен и таможенных застав на протяжении XVIII и практически всего XIX в. было таким, что товары из Азии попадали в Россию едва ли не полностью беспошлинно. Во многом это объяснялось тем, что таможенные посты располагались по южным границам Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, а южнее находились «внешние округа» казахов, которые, будучи русскими подданными еще с 1730-х годов, естественно, не облагались пошлинами при ввозе товаров в русские пределы — за исключением акциза на соль [Скальковский, 1901, с. 475]. Естественно, они широко пользовались своими льготами для ввоза в Россию товаров из Средней Азии и даже Британской Индии, на что даже и во второй половине XIX в. обращали внимание властей представители российских предпринимательских кругов (см., например: [Хрулев, 1863, с. 25]).

Любопытно, что, несмотря даже на такие либеральные таможенно-тарифные условия, в азиатских областях Российской империи процветала контрабанда, причинами которой служили высокие (зачастую — по мнению самих азиатских торговцев) пошлины, запрет ввоза в Россию определенного вида товаров и т.д. Неудивительно, что вопреки жестким мерам, применяемым к контрабандистам (изъятие и продажа незаконно ввозившихся товаров и наложение на хозяев штрафов в половину их стоимости), она продолжала процветать (см. подробнее: [Солонченко, 2007, с. 208–213]).

В 1867 г., после создания Туркестанского края, таможенная граница между русскими областями и казахскими округами была упразднена и передвинута на границы России с Бухарским эмиратом. Однако состояние таможенного дела при этом не улучшилось, и проблемы,

ранее имевшие место из-за незаконного ввоза в Россию иностранных товаров казахами, продолжали существовать — только теперь подобный ввоз осуществляли бухарцы и хивинцы. В начале 1870-х годов генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман сформировал специальную комиссию по вопросам организации таможи и сбора торговых налогов с ввозимых товаров, однако ее работа не дала результатов (см. подробнее: [Козинцев, Почекаев, 2018]).

Договоры 1873 г., заключенные с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством и обеспечившие привилегированное положение русских торговцев в этих государствах, поначалу вызвали крайне резкую реакцию со стороны иностранных держав и, в частности, Англии [Curzon, 1889, p. 189–190]. Но уже в конце 1880-х годов английские же современники констатировали, что переход Бухары и Хивы под российских протекторат и даже постройка Среднеазиатской железной дороги (тоже сыгравшей значительную роль в усилении российского контроля над двумя среднеазиатскими ханствами) вовсе не привели к полному вытеснению английских товаров из региона [Добсон, 2013, с. 200–201]. Напротив, они продолжали успешно конкурировать с русскими товарами — благодаря бухарцам и хивинцам, которые практически беспошлинно провозили их в русские области, выдавая за товары местного происхождения [Лессар, 2002, с. 113–114; Логофет, 1911a, с. 282–283]. При этом Россия не могла самостоятельно принять никаких мер по решению этой проблемы, поскольку, как уже отмечалось, Гандемианский и Шаарский договоры не предусматривали механизмов вмешательства во внутренние дела Хивы и Бухары, в том числе и в экономическом отношении.

Первые предложения об образовании «таможенного союза из России и среднеазиатских ханств» звучали уже во второй половине 1860-х годов [Глуховский, 1867, с. 36]. В 1880-е годы этот вопрос стали поднимать и представители имперских властных кругов, говоря о расширении «таможенной черты», т.е. выстраивании единой линии таможен, таможенных застав, постов и кордонов на протяжении всех азиатских границ России [Покровский, 1928, с. 48; Ремез, 1922, с. 30]. При этом для того, чтобы сделать эту черту более эффективной и менее протяженной, предлагалось включить в нее также Хивинское ханство и Бухарский эмират. Однако только в 1891 г. министр финансов И.А. Вышнеградский сумел довести эту инициативу до императора Александра III: предлагалось включить Бухару и Хиву в единую тамо-

женную линию на персидской и афганской границах, а затем постепенно сомкнуть эту линию с китайско-туркестанской [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 165–166]²⁰. Получив предварительное одобрение императора, министр лично отправился в командировку в Среднюю Азию для выяснения ситуации на месте, после чего, вернувшись в Петербург, созвал межведомственное совещание для выработки проекта создания единой таможенной черты — по сути, таможенного союза России, Бухары и Хивы. Участниками совещания стали представители руководства Министерства финансов, Министерства иностранных дел, Военного министерства, администрации Туркестанского края и русский политический агент в Бухаре П.М. Лессар. Неудивительно, что среди представителей столь разных ведомств, каждое из которых по-своему представляло себе цели российской политики в Средней Азии, долгое время шли дискуссии о том, в какой форме должно происходить это объединение, и какие преимущества должна получить от него Россия, а какие — ханства Средней Азии.

Так, например, П.М. Лессар, прекрасно знакомый с политической ситуацией в регионе и уровнем экономического развития среднеазиатских ханств, считал, что при включении Бухары в таможенную черту необходимо установить более жесткий контроль российских властей за сбором налогов чиновниками эмира. Соответственно, часть налоговых поступлений можно будет направлять на нужды бухарских подданных (строительство общественных зданий, поддержание дорог и проч.), что отчасти компенсирует повышение цен на ввозимые иностранные товары за счет введения новых таможенных тарифов [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 167–168]. Естественно, руководство МИДа не могло согласиться с таким предложением, поскольку усматривало в нем превышение условий Шаарского договора

²⁰ Интересно отметить, что в данном случае мы имеем дело с «экономической ипостасью» политики, проводившейся пограничной администрацией азиатских владений России в 1850–1860-е годы, когда аналогичным образом реализовывался проект объединения Оренбургской и Сибирской пограничных линий, т.е. создания единой системы укреплений на границе с азиатскими государствами. Для того чтобы сделать эту линию менее протяженной, было принято решение «включить» в нее ряд территорий, входивших в состав ханств Средней Азии, результатом чего стало завоевание в этот период времени ряда стратегически важных пограничных крепостей — Ак-Мечети, Пишпека и др. (см. подробнее: [Почекаев, 2017а, с. 233–245]).

и прямое вмешательство в дела Бухарского эмирата (напомним — суверенного государства по условиям упомянутого договора).

Со своей стороны, представители Военного министерства придерживались более решительной позиции и призывали отказаться от соблюдения номинальной независимости Бухары и Хивы. По их мнению, следовало принять закон о создании единой таможенной черты и просто-напросто поставить об этом в известность, соответственно, эмира и хана. Сами монархи при этом ничего не потеряют, поскольку за ними сохранится право взимания зякета (торгового налога) в прежнем размере 2,5% от стоимости товара. Что же касается компенсации бухарскому и хивинскому населению расходов, связанных с ростом цен на ввозимые товары из-за повышения таможенных пошлин на них, то военные чиновники не считали ее необходимой: недостаток или высокая цена на иностранные товары компенсируется увеличением числа российских товаров, которые будут беспошлинно ввозиться в ханства, чему существенно поможет введение в действие Среднеазиатской железной дороги [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 169].

Однако, поскольку общую координацию работы совещания осуществляло руководство Министерства финансов²¹, столь радикальная точка зрения не была принята. В результате 7 августа 1892 г. императору были представлены предварительные итоги работы совещания, которые он одобрил. В январе 1893 г. бухарский эмир Абдул-Ахад (прав. 1885—1910) был приглашен в Петербург для переговоров о предстоящем включении Бухары в таможенную черту Российской империи.

Однако переговоры шли весьма сложно. Во-первых, ко времени визита эмира окончательный проект формирования единой таможенной линии так и не был согласован, и представители каждого ведомства, участвовавшего в совещании, в разговорах с эмиром излагали собственную точку зрения. Во-вторых, по настоянию МИДа, переговоры со среднеазиатским монархом следовало проводить в наиболее «деликатной форме», принимая во внимание и его статус суверенного правителя, и положение «личного гостя императора» [Губаревич-Ра-

²¹ В 1892 г. министр финансов И.А. Вышнеградский был заменен С.Ю. Витте — фактически «отцом» российского протекционизма рубежа XIX–XX вв., который сопровождал своего предшественника в поездке в Среднюю Азию и, соответственно, не хуже его представлял себе местные политические и социально-экономические реалии [Витте, 1924, с. 179–187].

добыльский, 1905, с. 169]. В результате общения с чиновниками у эмира сложилось представление, что никакого проекта таможенного объединения пока не существует, и у него всего лишь спрашивают мнения и совета по этому поводу. Неудивительно, что он, будучи весьма консервативным по складу ума и воспитанию, занял резко негативную позицию в отношении предлагаемых преобразований [Лессар, 2002, с. 114].

Лишь в 1894 г. совещанию удалось прийти к единому мнению, проект устройства «таможенной части в Средней Азии» был представлен на рассмотрение Госсовета, мнение которого было утверждено императором Николаем II 6 июня 1894 г. Согласно п. II этого акта, наряду с таможнями в Туркестанском крае открывались таможни в Асхабаде (центр Закаспийской области) для контроля таможенного дела в Хивинском ханстве и непосредственно в Бухаре — соответственно, для контроля таможенного дела в эмирате (п. VI подчинял эту таможню начальнику Туркестанского таможенного оркуга) и в Келифе, а также ряд других таможенных застав и постов. Пункт III предоставлял министру финансов инициативу по открытию дополнительных таможенных пунктов вдоль пограничных рек — Пянджа и Амударьи [ПСЗРИ, 1898, № 10774, с. 434–435]. Фактически это был тот самый закон, на принятии которого настаивали на совещании представители Военного министерства. Однако просто объявить его бухарскому эмиру и хивинскому хану российские власти не могли, поскольку это стало бы открытым проявлением того, что Бухара и Хива рассматриваются не просто как вассалы, а как фактические части Российской империи, а это неизбежно вызвало бы обострение отношений с Великобританией, да и другими иностранными державами, имеющими интерес в Центральной Азии. Поэтому начался новый этап переговоров с эмиром Абдул-Ахадом, а также с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II (прав. 1864–1910)²². На этот раз результат оказался более эффективным чем во время приезда эмира в Петербург годом раньше.

Убедившись, что включение Бухары в таможенную черту — вопрос решенный, Абдул-Ахад отказался от прежней неуступчивой позиции и выразил намерение «всячески способствовать всеми силами

²² Впервые намерение включить Хиву в российскую таможенную черту было озвучено хану еще в 1891 г. [Тухтаметов, 1969, с. 47].

введению в ханстве таможенного объединения» [Жуковский, 1915, с. 195]. В результате между Российской империей и Бухарским эмиратом было заключено соглашение о включении Бухары в русскую таможенную черту. А после принятия Утвержденного мнения Госсовета, 24 июля 1894 г. (5 сафара 1312 г. х.) эмир издал приказ всем региональным правителям-бекам «об оказании всевозможного дружеского содействия русским таможенным властям повсюду, где в пределах бухарских владений будет устроена таможня», о чем сразу же уведомил русского политического агента П.М. Лессара [Там же, с. 195–196]. Аналогичным образом было заключено соглашение и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II, который тогда же, в июле 1894 г., издал соответствующий манифест для своих подданных, в котором сообщал о включении ханства в таможенную черту Российской империи.

Как видим, несмотря на фактический вассалитет Бухары и Хивы, российские власти весьма скрупулезно придерживались политической линии в отношении среднеазиатских ханств как независимых государств, и поэтому решение о включении их в таможенную систему России было не просто «навязано» местным правителям, а оформлено в виде соглашений с ними. А уже затем, для реализации проекта таможенного объединения, и эмир, и хан издали собственные нормативные акты, которыми вводили в действие на территории своих государств нормы Утвержденного положения Госсовета. Как мы увидим ниже, эти соглашения, и в самом деле, были результатом переговоров и взаимных уступок, а не просто проявлением со стороны России признания номинальной независимости Бухары и Хивы.

После того как нормативная база для таможенного объединения была создана, стороны приступили к его реализации. Несмотря на то что новые таможенные структуры (с одновременным упразднением внутренних таможен между Российской империей, с одной стороны, и Бухарским эмиратом и Хивинском ханством — с другой) официально начали действовать с 1 января 1895 г., работа по их созданию началась заблаговременно.

Еще в 1893–1894 гг. на основании решений вышеупомянутого совещания в Санкт-Петербурге генерал-губернатор Туркестанского края А.В. Вревский совместно с Министерством финансов организовал специальную экспедицию, которая осмотрела границы Бухарского эмирата и Хивинского ханства с целью выбора мест для будущих

таможенных пунктов [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 169; Ремез, 1922, с. 35–36].

Летом 1894 г. в российской прессе появились сообщения о переносе таможни из Самарканда в Новую Бухару и устройстве таможен в Асхабаде и Келифе [Нива, 1894]. Соответственно, мероприятия в рамках нового таможенного соглашения начались тогда же. В границах Бухарского эмирата были созданы вышеупомянутые Бухарская и Келифская, а также Керкинская, Патта-Гиссарская таможни и сеть таможенных застав — Бассаргинская, Чушка-Гузарская, Айваджская, Сарайская, Чубекская и Богоракская. Таможенный контроль в Хивинском ханстве обеспечивали Асхабадская и Узун-Адинская таможни, а также Амударьинский таможенный пост [Бенцелевич, 1914, с. 83; Логофет, 1911а, с. 287; Ремез, 1922, с. 36]. Ввозить товары отныне можно было только через таможенные посты с уплатой соответствующих сборов и простановкой клейма («тамги») на упаковке товара. Одновременно в обоих ханствах были упразднены многочисленные переправы через Амударью, которые прежде служили источником дохода для ханской казны, поскольку с каждого переправлявшегося взимался сбор [Грулев, 1900, с. 56; Логофет, 1911а, с. 292–293; Ремез, 1922, с. 36].

Пункт II вышеупомянутого Утвержденного мнения Госсовета определял штат каждой таможни: она состояла из управляющего, двух членов (один из которых являлся казначеем), бухгалтера и выкладчика пошлин (он же секретарь таможни), пакгаузного надзирателя и двух его помощников, также выполнявших функции переводчиков. Небольшой штат таможен компенсировался тем, что российская пограничная стража должна была оказывать содействие таможенникам — согласно п. IX Утвержденного мнения. Тут следует отметить, что для этого российским властям не понадобилось создавать дополнительной инфраструктуры: еще в конце 1880-х годов в пограничных регионах Бухарского эмирата стали организовываться русские поселения для размещения гарнизонов, обеспечивающих безопасность границ эмирата с Афганистаном и Британской Индией [Фомченко, 1958, с. 14–16]. Соответственно, военнотружущие этих гарнизонов в случае необходимости могли содействовать таможенникам в их деятельности. Со своей стороны, и таможенники в рамках своих прямых обязанностей выполняли ряд функций по охране границ в целом [Ремез, 1922, с. 38; Скалковский, 1901, с. 476]. В начале XX в. количество

таможенных войск было доведено до двух конных бригад, также рассматривалась возможность привлечения к этой службе местных вольнонаемных «джигитов» ([Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 172, 173]; см. также: [Фомченко, 1958, с. 16]).

Статус новых структур закреплялся в специальной инструкции таможенным начальникам, утвержденной императором Николаем II в том же 1894 г. В соответствии с ней, начальник таможни должен был контролировать ввоз товаров в пределы таможенной черты, изымать незаконно ввезенные товары, препятствовать контрабанде и торговле запрещенными товарами (такowymi признавались, в частности, спиртное, сигареты и проч.), отмечать на пропускных билетах пункты, через которые надлежало следовать торговым караванам, судам и т.д. К инструкции прилагался список товаров, запрещенных для ввоза из азиатских стран — и в первую очередь Афганистана — в Россию, Бухару и Хиву (опиум, наркотики и приборы для их курения, оружие и боеприпасы, водка, конфеты и сахарные сиропы, медная и серебряная российская и иностранная монета), а также запрещенных к вывозу (оружие и боеприпасы). Устанавливался запрет на ввоз через азиатские таможни европейских промышленных товаров, составляющих конкуренцию русским аналогам. Вместе с тем вводился довольно обширный перечень товаров, которые не просто можно было ввозить в пределы таможенной черты, но и ввозить беспошлинно: хлеб, зерно, мука, мясо и птица, свежее и кислое молоко, крупный рогатый скот, овцы, козы, лошади, верблюды, ослы, а также лес, дрова и древесный уголь. Считалось, что это — товары первой необходимости и предназначаются для личного потребления, а не для перепродажи ([Бенцелевич, 1914, с. 85–88; Ремез, 1922, с. 30–31]; см. также: [Тухтаметов, 1969, с. 48]).

Естественно, самым важным вопросом стало установление новых таможенных тарифов. Поскольку целью включения Бухары и Хивы в таможенную черту было противодействие проникновению на среднеазиатские рынки товаров, конкурирующих с русскими, наиболее высокие тарифы устанавливались на такие товары как чай, индиго, кисея, которые в большом количестве ввозились в Бухару и Хиву из Британской Индии. Наиболее последовательно протекционистская политика России в рамках таможенного объединения проводилась в отношении чая. Так, на самый ходовой в Средней Азии зеленый чай была установлена весьма высокая пошлина 14,4 руб. с

пуда²³. В результате в 1895 г. цена на зеленый чай поднялась с 40 до 50–55 руб. за пуд [Ниязматов, 2010, с. 229]. Однако со временем российские власти сочли возможным снизить эту ставку в 1901 г. до 12 руб., в результате чего цена на чай стабилизировалась до 42–46 руб. за пуд, да и само количество потребляемого чая возросло в полтора раза [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 172, 175].

Однако эффективность таможенной политики в новых условиях во многом снижалась из-за ряда проблем, связанных с ее реализацией. Одной из главных проблем стало то, что Утвержденное мнение Госсовета и соглашения с Бухарой и Хивой предусматривали создание на границах ханств русских таможен, но отнюдь не упразднение аналогичных институтов самих ханств [Садыков, 1965, с. 98–99]. Кроме того, эмир и хан весьма расширительно толковали право взимания торгового сбора «зьякет», сохранявшееся за ними по условиям соглашения. Дело в том, что этот прямо предусмотренный шариатом налог имел очень неопределенный объект налогообложения, что позволяло среднеазиатским правителям весьма злоупотреблять правом его сбора. Европейские путешественники, посетившие Бухарский эмират в 1880-е годы, сообщают, что еще в 1870–1880-е годы там существовал ряд, по сути, таможенных постов (на границе, по р. Амударья, в Таш-Кургане и в предместьях самой Бухары), на которых эмирские чиновники взимали зьякет с ввозимых в эмират товаров и иного имущества [Le Messurier, 1889, р. 178]. Естественно, после включения в таможенную черту хан и эмир не собирались отказываться от такого существенного источника дохода. В результате наряду с российскими таможенными постами там же функционировали и местные «зьякет-чи», из-за чего один и тот же товар фактически облагался таможенным сбором дважды²⁴. Более того, хивинский хан учредил должности аксакалов в городах Чарджуй, Мерв и Асхабад (т.е. в русских владениях!), которые взимали торговый сбор с хивинцев, приезжавших в эти города для торговли. Поскольку эти действия, во-первых, были

²³ Для сравнения: в европейской части России пошлина на чай составляла 31,5 руб. с пуда [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 171–172]. По всей видимости, размер сбора был согласован с российскими производителями чая, которые рекомендовали властям установить его в размере 14,21 руб. [Садыков, 1965, с. 99].

²⁴ Зьякет в размере 2,5% сохранялся вплоть до падения Бухарского эмирата в 1920 г. [САЭР, 1922, с. 111].

незаконными, во-вторых, существенно повышали цену на хивинские товары, туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский в феврале 1898 г. предписал начальнику Амударьинского военного отдела «немедленно» предложить хивинскому хану упразднить должности аксакалов в этих городах — причем на основе Гандемианского договора 1873 г., положения которого таких должностей не предусматривали [Туркестан, 2016, с. 72].

Эта проблема сохранялась и много лет спустя после таможенного объединения. Так, в 1910 г. туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко на особом совещании отметил существование, по сути, «внутренней таможни» в Бухаре, причем взимавшей сборы даже с российских товаров. Русский политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш (Лютич) в ответ на это заявил о несомненной целесообразности отмены подобной практики, но обратил внимание на то, что для этого «нужны изменения трактатов», т.е. и договоров 1873 г., и соглашений 1894 г. ([ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 31, д. 251, л. 29 и след.]; ср.: [Логофет, 1911а, с. 290–291]), тем самым еще раз подчеркнув проблему неразработанности правовой базы для регулирования отношений Российской империи с ее протекторатами.

Неудивительно, что среднеазиатские правители и их чиновники чувствовали себя неуязвимыми в правовом отношении и активно пользовались неопределенностью правовой природы зякета, проявляя порой неплохое владение юридической казуистикой. Так, уже в 1914 г. начальник Амударьинского отдела сделал запрос хивинскому хану Исфендиару (прав. 1910–1918) по поводу законности сборов его чиновниками с товаров в местности Таш-Сака, на переправе через Амударью, на что получил ответ, что они взимают не таможенный сбор, а законный торговый налог [Бенцелевич, 1914, с. 83–84]!

Другая проблема также имела прямую связь с тем, что далеко не все сферы отношений России со среднеазиатскими ханствами были урегулированы действовавшими документами. Так, когда Хивинское ханство вошло в таможенную черту, местная буржуазия заставила хана Мухамад-Рахима II поднять перед имперской администрацией вопрос о неправомерности подобных действий, не предусматриваемых Гандемианским договором 1873 г., и, следовательно, о пересмотре его решения. А раз по вине России выросли цены на многие ввозимые в ханство товары, то в виде компенсации следует обложить самих русских торговцев и производителей на территории ханства на-

логами и сборами, от которых они были освобождены по условиям этого устаревшего договора! Только жесткая позиция администрации Туркестанского края, пригрозившая ответными мерами в отношении хивинских торговцев в России, позволила сохранить российским предпринимателям в ханстве привилегированное положение [Нияз-матов, 2010, с. 229–233].

Оставалась актуальной и проблема контрабанды, что, как мы помним, послужило одной из причин включения ханств в российскую таможенную черту. Высокие пошлины на индийские товары, а также запрет на ввоз европейских товаров через Персию и Афганистан, привели к росту незаконного ввоза этих товаров в пределы ханств и даже России. Была создана целая контрабандная сеть, которая поставляла через р. Атрек товары из Персии, имея склады в Хиве, Кунграде и Куня-Ургенче, откуда потом эти товары распространялись по всей Средней Азии [Садыков, 1965, с. 99–100]. Как отмечал туркестанский чиновник и исследователь Д.Н. Логофет в 1911 г., даже к этому времени власти Туркестана не сумели организовать на границах Бухарского ханства полноценный таможенный кордон между постами Меручак и Тепели (300 верст) и между Шаугоном и Хорогом (еще 300 верст) [Логофет, 1911а, с. 294]. Неудивительно, что контрабандисты пересекали границы не только поодиночке, но и крупными караванами, даже сопровождавшимися вооруженной охраной! В результате уже 28 июля 1895 г. было принято Высочайшее повеление «Об употреблении оружия чинами пограничной стражи на среднеазиатских границах и об утверждении Временных на сей предмет правил», которыми на российские владения в Средней Азии распространялись правила, ранее принятые для Закавказья и разрешавшие пограничникам не только применять оружие в отношении контрабандистов, но и преследовать их, переходя пограничную черту ([ПСЗРИ, 1899, № 11981, с. 527]; см. также: [Жаров, 2013, с. 7; Жаров, Парсуков, 2014, с. 19–20]).

Во многом рост контрабанды был связан и с еще одной проблемой — враждебным отношением к российским таможенным учреждениям со стороны бухарской и хивинской местной администрации и населения. Если в 1895 г. П.М. Лессар, сразу после таможенного объединения, был полон радужных ожиданий, ссылаясь на позицию эмира и его указания подданным о содействии русским таможенникам, то уже его преемник на посту политического агента в Бухаре, В.И. Иг-

натьев, прямо писал в своих отчетах, что немногочисленные русские таможенники не могут рассчитывать на содействие бухарцев, которые видят в таможах «стеснение для себя». В 1899 г. министр финансов С.Ю. Витте, один из ревностных поборников таможенного объединения, весьма резко отреагировал на эти отчеты, назвав утверждения Игнатьева голословными [Лессар, 2002, с. 124–125]. Однако примерно в тот же период времени аналогичную информацию предоставил и туркестанский военный чиновник, полковник Н.Н. Юденич [Ремез, 1922, с. 54]. Неудивительно, что осенью 1917 г., когда Российская империя пала, а новые власти Туркестана стали проводить враждебную политику в отношении Бухары и Хивы, все таможенные здания и сооружения в ханствах были разрушены местным населением [Там же, с. 36].

Остается рассмотреть вопрос, насколько выгодным оказалось включение среднеазиатских протекторатов Российской империи в ее таможенную черту. Несомненно, для самой России таможенное объединение оказалось выгодным, несмотря на вышеперечисленные проблемы. Во-первых, был подтвержден привилегированный статус российских предпринимателей в Бухаре и Хиве, что позволило им существенно активизировать свою деятельность в ханствах [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 175–176]. Высокие пошлины на одни иностранные товары и запрет на ввоз других позволили насытить среднеазиатские рынки российскими аналогами — чаем (преимущественно черным²⁵, тогда как зеленый продолжали поставлять торговцы из Индии и Китая), текстилем и проч. По некоторым сведениям, российские промышленные товары в начале XX в. стали составлять более 95% от общего количества на среднеазиатских рынках [Перевезенцева, 1997, с. 71]. Таможенные сборы от товаров, ввозившихся в пределы империи через одни только бухарские таможи, составляли в начале XX в. от 1 до 1,2 млн руб. в год [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 173].

Последствия для среднеазиатских ханств по-разному оценивались исследователями. Так, в первые годы после распада СССР, когда основной тенденцией в исторической науке стали обвинения России

²⁵ Именно поэтому на иностранный черный чай была установлена таможенная пошлина, во много превышавшая пошлину на зеленый, — 25 руб. [Тухтаметов, 1969, с. 48].

во всех бедах остальных бывших республик, отдельные узбекистанские исследователи вообще трактовали включение Бухары и Хивы в таможенную черту как полный запрет местным торговцам вести самостоятельные отношения с иностранными партнерами [Перевезенцева, 1997, с. 71]. Однако когда антироссийские настроения в науке несколько спали, подобные утверждения стали опровергать сами же узбекистанские историки: напротив, появились сведения, что бухарские торговцы на рубеже XIX–XX вв. имели весьма широкие связи с партнерами, причем не только в Центральной Азии, но и в Европе (вплоть до Франции и Италии) и даже в США! Включение Бухары в таможенную черту не только не ухудшило их положение, но и позволило в дополнение к основной функции торговцев освоить роль посредников в отношениях между российскими предпринимателями и их партнерами из государств Центральной Азии [Еров, 2005, с. 19–22].

Позиции Великобритании и Британской Индии, в частности, на рынках среднеазиатских ханств, несомненно, оказались подорванными [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 105–106; Graham, 1916, p. 32], однако говорить о полном вытеснении их товаров с рынков Туркестана, Бухары и Хивы не приходится. Во-первых, даже несмотря на высокие пошлины, торговля английскими чаем, индиго и кисеей в регионе оставалась выгодной. Во-вторых, после открытия Среднеазиатской железной дороги англо-индийские торговцы получили возможность доставлять товары в Среднюю Азию морским путем из Батума и затем — железнодорожным транспортом в Бухару. Такой путь занимал всего 40–45 дней, а не 6–8 месяцев, как сухопутный через Афганистан или Персию [Дмитриев, 2007, с. 283].

Афганистан поначалу отреагировал на расширение российской таможенной черты весьма жестко: эмир Абдуррахман немедленно ввел «ответные» высокие пошлины на российские товары. Но уже в начале XX в., убедившись, что русские даже после введения нового таможенного тарифа (1901) сохранили для центральноазиатских государств уровень таможенных пошлин в десять и более раз ниже, чем для европейских, афганские правители сами проявили инициативу в восстановлении торговых отношений. Во многом им удалось добиться этого за счет посредничества бухарских торговцев [Логофет, 1911a, с. 288–289; Ремез, 1922, с. 31].

В заключение следует заметить, что целью включения Бухары и Хивы в таможенную черту Российской империи являлась не только защита интересов российских торговцев и производителей на среднеазиатском рынке, хотя она и стала основным поводом для разработки проекта таможенного объединения трех государств. Уже современники отмечали, что данное включение представляет собой часть комплекса мер по интеграции среднеазиатских государств в имперское политико-правовое пространство, модернизацию политической и экономической сферы Бухары и Хивы. Так, например, П.М. Лессар, русский политический агент в Бухаре, еще во время совещания 1891–1893 гг. рассматривал создание единой таможенной черты как часть общей российской политики в Средней Азии. Туркестанский чиновник А.Ф. Губаревич-Радобыльский подчеркивал, что с помощью таможенной черты российским властям удалось уточнить «рыхлые границы» Русского Туркестана [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 166–167, 172]. Таможенное объединение рассматривали как первый шаг на пути дальнейшего включения Бухары и Хивы в состав России — в частности, введения на их территории российской валюты, вхождения вооруженных сил эмирата и ханства в состав российской армии и т.д. [Скальковский, 1901, с. 476].

Несомненно, включение Бухары и Хивы в российскую таможенную черту стало новым этапом в развитии отношений империи со среднеазиатскими ханствами, обеспечив большее влияние России на их внутреннее развитие — при сохранении, отметим, юридической независимости обоих ханств и учете их интересов. Именно эта черта, на наш взгляд, позволяет рассматривать таможенное объединение в конце XIX в. как результат межгосударственного соглашения, а не просто навязывания Россией своей воли собственным вассалам и, как своего рода, прообраз современного Таможенного союза.

§ 3. Фиксация курса таньги как инструмент финансово-правовой политики России в Бухаре и Хиве на рубеже XIX–XX вв.

Одним из эффективных инструментов формирования единого экономического пространства является введение общей валюты для стран — участников такого объединения. Однако процесс создания единой денежной зоны нередко затягивается на долгие годы по раз-

личным причинам. Так произошло и при попытке «монетного объединения» Российской империи с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством в конце XIX — начале XX в.

Как уже отмечалось, установление российского протектората над Бухарой и Хивой не повлекло фактического вхождения этих государств в состав России, распространения на их территорию имперской системы управления, действия российского законодательства и проч. Бухара и Хива также сохранили собственную денежную систему, которая отличалась сложностью и неорганизованностью. В эмирате и ханстве находились в обращении золотые монеты (тиля), серебряные (таньга) и медные (пул), кроме того, имели хождение персидские краны и афганские рупии, а в 1880-х годах в Бухаре и Хиве стали появляться также российские золотые, серебряные и медные монеты и банковские билеты [Логофет, 1911б, с. 68; Ю.О.Я., 1908, с. 122]. Однако основной денежной единицей оставалась именно серебряная монета — таньга, курс которой к российской валюте составлял в начале 1890-х годов в Бухаре 14,5 коп. за 1 таньгу, в Хиве — 17,28 коп. за 1 таньгу²⁶.

При этом в Бухарском эмирате с его огромными торговыми оборотами чеканилось примерно по 1 млн таньги в год [Тухтаметов, 1966, с. 58]. В Хивинском же ханстве, масштабы экономической деятельности которого многократно уступали Бухарскому эмирату, количество серебряной монеты поначалу было невелико. Однако к середине 1880-х годов по мере укрепления сотрудничества российских предпринимателей с хивинскими производителями и продавцами хлопка возникла потребность в большом количестве наличной монеты. В результате сами же русские торговцы стали ввозить в Хиву серебро, чтобы из него чеканить таньгу на ханском дворе. Поскольку в пользу ханской казны взимался специальный сбор с чеканенной монеты, хан Мухаммад-Рахим II (1864–1910) с 1887 г. начал активно чеканить таньгу, вскоре насытив и даже перенасытив рынок. Соответственно, стоимость монеты сильно упала, и российским торговцам стало невыгодно вести в ней расчеты, поскольку при обмене таньги на рубли они несли большие убытки из-за разницы в официальном и реальном курсах. Впрочем, поскольку довольно значительное количество наче-

²⁶ Стоимость определялась содержанием серебра в монете: серебро бухарской таньги имело 959,5 пробу, хивинской — 993 пробу [Садыков, 1965, с. 124]

каненных монет стало уходить в Персию в качестве платы за контрабандный чай, вскоре количество монет на рынке уменьшилось, и курс выровнялся [Ю.О.Я., 1908, с. 126]²⁷.

В результате вплоть до 1892 г. курс и бухарской, и хивинской таньги был достаточно стабильным и в целом устраивал и российские власти, и предпринимательские круги. Единственная проблема состояла в том, что бухарские и хивинские деньги продолжали находиться в обращении на территориях, которые по договорам 1868 и 1873 гг. были отторгнуты от среднеазиатских ханств Российской империей и вошли в состав Туркестанского края. В результате местные жители, даже внося подати и налоги, нередко расплачивались бухарскими, хивинскими и даже кокандскими монетами. Причиной тому была достаточно широкая финансовая автономия Туркестанского края, руководство которого подчинялось Военному министерству и в течение 1860–1880-х годов стойко противилось попыткам других центральных властных структур распространить свой контроль на регион, ссылаясь при этом на букву закона. Например, согласно проекту «Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» от 11 июля 1867 г., на упомянутые области распространялись принципы централизованной финансовой политики Российской империи. Однако в течение 1868–1876 гг. в составе Туркестанского края дополнительно появились Зеравшанский военный отдел (вскоре преобразованный в Самаркандскую область), Амударьинский военный отдел, Кульджинский район, Ферганская область, которые формально не упоминались в данном проекте. Исходя из этого, первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман стал полностью распоряжаться всеми доходами указанных административно-территориальных единиц, заявляя, что полномочия Министерства финансов на них по закону не распространяются [Правилова, 2006, с. 127–129].

В 1886 г. было принято «Положение об управлении Туркестанского края», в котором уже четко и однозначно определялись полномочия финансового ведомства в отношении всех областей, отделов и районов края. Тем не менее Министерство финансов неоднократно обращало внимание на «ненормальные отношения» в финансово-правовой сфере в Туркестанском крае, одним из проявлений которых и

²⁷ Кстати, аналогичные возможности чеканки таньги из своего серебра были у русских купцов и в Бухаре [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 155].

было широкое распространение «туземной» монеты, отличающейся «разнообразием содержания чистого серебра, веса и формы». Чтобы исправить эту ситуацию, 30 ноября 1890 г. был издан именной указ «О постепенном изъятии из обращения обращающейся в Туркестанском крае туземной серебряной монеты», в соответствии с которым предписывалось постепенно изъять таньги и коканы по фиксированному курсу: до 1 мая 1892 г. по 20 коп. за монету, до 1 мая 1893 г. по 15 коп., до 1 мая 1894 г. по 12 коп. и до 1 мая 1895 г. по 10 коп., после чего окончательно прекратить прием коканов и таньги во всех кассах Министерства финансов [ПСЗРИ, 1893, № 7237, с. 755].

Более того, в рамках денежной реформы, разрабатываемой министром финансов С.Ю. Витте, уже 16 апреля 1893 г. высочайшим повелением был запрещен ввоз в пределы Российской империи иностранной серебряной монеты. Однако было сделано исключение для некоторых государств, в том числе и для Бухарского эмирата [Материалы, 1922, с. 18]. Эта оговорка представляется очень важной в рамках настоящего исследования: поскольку для эмира было сделано исключение в данном случае, он решил, что и в дальнейшем в финансово-правовых отношениях с Россией ему будут делаться различные исключения и послабления, и потому неоднократно старался добиться их, существенно снижая эффективность финансовых преобразований, реализуемых в Бухаре имперскими властями.

Как бы то ни было, при расчетах российских предпринимателей с бухарскими и хивинскими партнерами до 1892–1893 гг. сохранялась высокая степень стабильности, и даже необходимость постоянного обмена таньги на рубли не причиняла больших неудобств. Ситуация коренным образом изменилась в 1893 г., когда существенно упали мировые цены на серебро: лондонская стандарт-унция понизилась в цене с 28 до 22 пенсов. Как это нередко бывает, среднеазиатский рынок отреагировал на эти новости весьма драматично, в результате чего курс таньги изменился в гораздо большей степени, чем цены на серебро в мире: бухарская таньга потеряла почти треть стоимости — ее курс понизился до 10 коп., хивинская таньга снизилась с 17–18 до 14 коп. [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 155; Садыков, 1965, с. 128; Becker, 2004, p. 125].

В результате сложилась весьма тяжелая ситуация для деловых кругов в ханствах Средней Азии. Власти и торговцы Бухары и Хивы не желали отказываться от прежнего высокого курса таньги, русские же

предприниматели не собирались переплачивать при обмене, исходя из новой реальной рыночной стоимости серебряной монеты. Усугубляло проблему также и сезонное изменение курса таньги: летом, во время внесения податей и уплаты налогов, ее курс падал, а осенью, когда активизировалась торговля (в том числе оптовая) хлопком, шерстью и другим сырьем, таньга требовалась не только местному населению, но и русским торговцам, что, естественно, способствовало повышению курса. Этим пользовались бухарские и хивинские менялы «сарафы», которые зачастую устанавливали совершенно произвольный курс при обмене таньги на русские деньги; иногда из-за их действий курс мог меняться несколько раз даже в течение одного дня! Также была распространена практика выдачи займов в таньге при условии возвращения их в рублях, что также давало ростовщикам дополнительную прибыль на разнице курса [Логофет, 1911б, с. 70; Садыков, 1965, с. 128; Тухтаметов, 1966, с. 58]²⁸.

Предпринимательские круги и администрация Туркестанского края уже в том же 1893 г. обратились к центральным властям с просьбой решения этой проблемы, так что именно с этого года начинается разработка политики «монетного объединения» России с Бухарой и Хивой. При этом поначалу финансовое ведомство России, которому было поручено разработать соответствующие меры, действовало в соответствии со сложившейся практикой, т.е. через пограничную администрацию и дипломатические структуры, которые имели право официальных сношений с Бухарой и Хивой.

В результате в 1893 г. начальник Амударьинского отдела довел до хивинского хана запрет дальнейшей чеканки таньги [Садыков, 1965, с. 127; Ю.О.Я., 1908, с. 126]. В отношении же бухарского эмира, являвшегося куда более могущественным правителем и к тому же имевшего связи среди российской правящей элиты, приходилось действовать более «деликатно». В том же 1893 г. российский политический агент в Бухаре П.М. Лессар «рекомендовал» эмиру Абдул-Ахаду (1885–1910) отказаться от чеканки таньги из серебра частных

²⁸ При этом любопытно отметить, что современники в целом очень положительно оценивали деятельность среднеазиатских менял (а этой деятельностью традиционно занимались бухарские евреи), считая, что они оказывали содействие во внедрении российской монеты в Бухаре и Хиве, повышая доверие к ней населения [Ю.О.Я., 1908, с. 122].

лиц, которое те передавали на эмирский монетный двор, платя монарху процент от количества монет за саму чеканку; характерно, что лишить эмира права чеканки таньги (в отличие от хивинского хана) имперские власти не решились, предписав ему лишь согласовывать чеканку новых партий с туркестанским генерал-губернатором [Логофет, 1911б, с. 70–71; Ю.О.Я., 1908, с. 125]. В феврале-марте 1894 г. комиссия Минфина под руководством директора Общей канцелярии министерства Д.Ф. Кобеко разработала комплекс решений в продолжение мероприятий 1893 г. Она подтвердила запрет хивинскому хану чеканить таньгу, рекомендовав российским властям сделать то же и в отношении бухарского эмира [Becker, 2004, p. 126]. Однако если хивинского хана заставили принять это решение, то в отношении бухарского эмира оно было сочтено преждевременным. В результате было лишь принято решение о запрете ввоза бухарской и хивинской серебряной монеты в российские владения, в первую очередь в Туркестанский край, что полностью соответствовало вышеупомянутому именному указу об изъятии из обращения туземной монеты в этом регионе.

Годом позже, в 1895 г., Министерство финансов принимает уже совершенно самостоятельное решение, предписав казначействам, а также отделениям и кассам Госбанка на территории Самарканда, Бухарского эмирата и Амударьинского отдела принимать местную таньгу по фиксированному курсу — по 12 коп. за 1 бухарскую или хивинскую таньгу [Логофет, 1911б, с. 71; Садыков, 1965, с. 124]. Так было положено начало фактически самостоятельному участию Министерства финансов Российской империи в отношениях со среднеазиатскими протекторатами: до сих пор их осуществляли только Военное министерство (через туркестанского генерал-губернатора и начальника Амударьинского отдела) и Министерство иностранных дел (через Императорское русское политическое агентство в Бухаре). С формально-юридической точки зрения Минфин действовал строго в пределах своих полномочий, так как указанное решение распространялось на деятельность подведомственных ему учреждений — казначейств и подразделений Госбанка. Однако, поскольку эти учреждения взаимодействовали и с русскими торговцами в Туркестане и протекторатах, и с их туземными партнерами, получалось, что в конечном счете эти предписания изменяли фактические отношения в финансово-правовой сфере, императивным образом устанавливая

обменный курс рубля и таньги без согласования с военным и дипломатическим ведомствами империи! Не приходится удивляться, что из попыток реализовать это распоряжение на практике ничего не вышло: никто (в том числе и российские подданные) не желали сдавать серебро, теряя на каждой монете по 3—5 коп.

С.Ю. Витте попытался исправить ситуацию два года спустя: 24 марта 1897 г. он предложил управляющему Госбанком России Э.Д. Плеске разработать правила определения курса таньги для приема российскими банковскими структурами. Однако руководство Госбанка не сумело предложить ничего эффективного, поскольку курс таньги продолжал сильно колебаться, а сам банк, стремясь не упустить свою прибыль, по-прежнему склонялся к занижению курса по сравнению с рыночным [Ю.О.Я., 1908, с. 124].

Отметим, что не только Минфин с 1895 г. стал вмешиваться в сферу деятельности других министерств в отношениях с Бухарой и Хивой: иногда имела место и обратная ситуация. Например, в 1897 г. начальник Амударьинского военного отдела полковник А.С. Галкин предлагал комплекс мероприятий по «монетному объединению» Хивы с Россией, рекомендуя установить постоянный курс таньги от 14,3 до 14,8 коп., учредить новые кассовые отделения в Чимбае и самой Хиве, а также обеспечить учреждения Госбанка в ханстве и Амударьинском отделе необходимым количеством русской серебряной монеты для обмена [Там же, с. 127]. А в 1898 г. туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской предложил свой вариант решения проблемы с курсом бухарской таньги: заменить ее билонном — особой монетой, на одной стороне которой будет чеканка на бухарском (персидском) языке, на другой — на русском с указанием достоинства монеты — 20 коп.; эти монеты должны были приниматься во всех российских кассовых учреждениях как и русские двугривенные. Однако Минфин встретил эти предложения негативно, особенно последнее: во-первых, оно не решало проблему с огромным количеством таньги в ханствах и все еще некоторым на территории Туркестана; во-вторых, чеканка подобной монеты могла подорвать престиж Российской империи в Бухаре — ведь чеканка на одной монете и русских, и бухарских государственных символов означала бы равенство этих государств в глазах пользующихся монетами, тогда как Россия фактически являлась сюзереном Бухары ([Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 155—156]; см. также: [Покровский 1928, с. 38—39; Becker, 2004, p. 125—126])!

Тем не менее появление подобных предложений убедило Минфин, что далее оттягивать с решением в отношении таньги невозможно. 21 апреля 1898 г. в Санкт-Петербурге состоялось особое совещание представителей Министерства финансов, Государственного банка, Министерства иностранных дел и Военного министерства, принявшее решение в отношении хивинской таньги. В соответствии с ним банковским структурам Амударьинского отдела было предписано принимать таньгу по 14 коп., а хану предложить объявить своим подданным о том, что таньга будет стоить 14 коп., и русские монеты будут обращаться в ханстве столь же свободно, что и хивинские [Садыков, 1965, с. 128]. Как видим, в данном случае Министерство финансов действовало более опосредованно: с одной стороны, принимало решение с учетом мнения других ведомств, традиционно взаимодействовавших с Хивинским ханством; с другой — намеревалось повысить эффективность предлагаемых мер за счет того, что в Хиве их озвучить (и, следовательно, контролировать исполнение) будет сам хан. Годом позже, с апреля 1899 г., хану вновь было официально запрещено чеканить таньгу, правда — при сохранении за ним права чеканки медных пулов без ограничения. Таким образом, потеряв доход от чеканки серебряных монет (составлявший 14–15 тыс. руб. в год), он все же выиграл: на чеканке монет из каждого пуда меди он получал в качестве сбора сумму равную стоимости этих монет [Там же, с. 131].

В 1899 г. произошло довольно необычное событие: бухарское отделение Госбанка самостоятельно решило принимать таньгу по цене 15 коп. за один «кружок» [Логофет, 1911б, с. 71; Ю.О.Я., 1908, с. 124]²⁹. И самое удивительное, что Госбанк и Минфин вскоре согласились с этим решением и, более того, на его основе разработали, наконец, проект по фиксации курса бухарской таньги.

3 апреля в Санкт-Петербурге состоялось еще одно особое совещание, на котором было принято решение: чеканку таньги в Бухаре, наконец, прекратить, а всю наличную монету выкупить по цене 15 коп. за 1 таньгу. 16 апреля 1900 г. это решение было утверждено императором Николаем II [Тухтаметов, 1966, с. 59]. Оставалось самое сложное: убедить эмира принять и реализовать это решение.

²⁹ Слово «кружок» являлось своеобразным синонимом таньги в обиходе и даже в исследовательских трудах.

В начале апреля 1901 г. высокопоставленный чиновник Министерства финансов А.И. Вышнеградский³⁰ прибыл в Кермине (постоянную резиденцию эмира Абдул-Ахада, не любившего бывать в собственной столице Бухаре) и вручил ему проект соглашения об установлении постоянного курса таньги. Поскольку проект предусматривал прекращение чеканки монеты, во время официального приема эмир ответил Вышнеградскому, что чеканка монеты от собственного имени, как и упоминание имени эмира в пятничной молитве — это неотъемлемый символ его власти, и если он лишится этого права, он перестанет быть правителем в глазах собственных подданных. Однако после официального приема эмир приватно встретился с императорским политическим агентом в Бухаре, В.И. Игнатьевым, и именно во время этой встречи был достигнут компромисс, позволивший выполнить условия российского Минфина и сохранить лицо эмиру в глазах его подданных [Покровский, 1928, с. 40—41; Becker, 2004, р. 127].

23 апреля 1901 г. был дан официальный ответ политическому агенту Игнатьеву и камер-юнкеру Вышнеградскому на озвученные ими предложения министерства финансов. Эмир принимал следующие условия «ради блага бухарских купцов и интересов русско-бухарской торговли»:

1. Передать имеющуюся в казне таньгу в количестве 20 млн монет Госбанку по цене 15 коп. за «кружок». Кроме того, он обязывался передавать по той же цене через посредство Императорского русского политического агентства в Госбанк также и еще 25 млн монет, которые с разрешения российских властей ему позволено будет отчеканить в ближайшее время. По-видимому, это и был тот самый компромисс, который позволял соблюсти условия Минфина, но остаться в глазах бухарцев монархом со всеми прерогативами, в том числе и правом чеканки монеты.

³⁰ В соответствующих документах фигурирует лишь «камер-юнкер Вышнеградский», без указания его инициалов и должности. С. Беккер считает, что для переговоров с эмиром прибыл И.А. Вышнеградский, министр финансов в 1887—1892 гг., и даже специально подчеркивает, что он оставался «все еще влиятельной фигурой в Министерстве финансов» [Becker, 2004, р. 126]. Однако этот деятель умер в 1895 г. и, естественно, не мог оказаться в Бухаре в 1901 г. Соответственно, вероятнее всего, это был его сын А.И. Вышнеградский, ко времени поездки занимавший в Министерстве финансов пост вице-директора особенной канцелярии по кредитной части [Покровский, 1928, с. 39].

2. Передавать в Госбанк всю таньгу, которая в дальнейшем поступит в казну в качестве доходов монарха, по той же цене — 15 коп. за «кружок».

3. Принимать уплату податей, налогов и сборов не только таньгой, но и русскими деньгами по установленному фиксированному курсу.

4. Производить уплату жалования войскам наравне с таньгой и русскими деньгами по тому же курсу, «но не прибегая при этом к принуждению».

Также эмир подтверждал запрет чеканки таньги в эмирате частными лицами. Наконец, в случае нехватки таньги он обязывался чеканить ее на своем монетном дворе из российского серебра, при этом ему должны быть возмещены расходы на саму чеканку ([Жуковский, 1915, с. 197–198; Туркестан, 2016, с. 75]; см. также: [Маджи, 1962, с. 47]).

Примечательно, что подписано послание было главным зякетчи (т.е. фактически министром финансов Бухарского эмирата) Астанакуюлом-кушбеги, который от имени своего повелителя выражал согласие на предложенные условия. Тем самым были соблюдены формальности международно-правового характера: поскольку к эмиру обращался не российский император и не туркестанский генерал-губернатор, а министр финансов, ответ также был дан от равнозначного ему бухарского чиновника.

Таким образом, и в Хиве, и в Бухаре в начале XX в. была произведена фиксация курса таньги, ставшая, таким образом, первым шагом на пути к «монетному объединению» трех государств. После включения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи в 1895 г., т.е. упразднения таможен и таможенных сборов между ними, этот шаг выглядел вполне закономерным этапом в дальнейшей экономической интеграции. Однако насколько же эффективным оказались принятые меры?

Во-первых, так и не была достигнута конечная цель — полное изъятие таньги из обращения и повсеместное распространение в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве российского рубля. Прежде всего, соглашения с протекторатами не предусматривали никакой процедуры контроля выполнения эмиром и ханом условий соглашений. Вероятно и сами финансовые чиновники ханств, скорее всего, не имели представления о том, сколько серебряных монет находится в обращении в их государствах. Наконец, если бухарские и хивин-

ские торговцы или менялы с доверием принимали русское серебро, то простые ремесленники и крестьяне относились к нему с подозрением (не говоря уже о бумажных кредитных банковских билетах). Поэтому даже российские предприниматели, скупая хлопок, шерсть, мерлушки и проч., предпочитали пользоваться таньгой, чтобы проще взаимодействовать с местными продавцами [Логофет, 1911б, с. 72]. Более того, чтобы не допускать повышения обменного курса таньги, банковские учреждения в Амударьинском военном отделе без согласования с руководством Госбанка периодически «вбрасывали» на рынок хранившиеся у них запасы таньги [Садыков, 1965, с. 129–130].

Во-вторых, формально отказавшись от права чеканки монеты эмир Абдул-Ахад и хан Мухаммад-Рахим II рассматривали это свое решение как вынужденное и временное и не теряли надежды на то, что оно рано или поздно будет восстановлено. Бухарский эмир, который, как уже отмечалось выше, привык к различным «исключениям» в его пользу из решений российских властей, действовал в этом направлении особенно активно, прибегая к посредничеству даже таких российских государственных деятелей, которые, казалось бы, совершенно не имели никакого отношения к финансово-правовой политике.

Так, в сентябре того же 1901 г. в Туркестан прибыл военный министр А.Н. Куропаткин, при этом одним из пунктов его служебной поездки стали бухарские владения. Эмир Абдул-Ахад воспользовался случаем и, помимо ряда других вопросов, обратился к министру с просьбой разрешить вернуть в оборот стертую таньгу, которую ему предписывалось принимать у населения, но затем не пускать в оборот, и позволить ему приобрести в России серебро (со скидкой 3 руб. с каждого пуда) для чеканки монет. Кроме того, он обратил внимание Куропаткина на то, что если таньгу заменят 15-копеечной монетой (как и планировалось в итоге), «бедные бухарцы были бы обижены такою денежною реформою» [Куропаткин, 1902, с. 144]. Для эмира не было секретом, что Военное министерство постоянно конфликтовало с Минфином по вопросам управления Туркестанским краем и протекторатами и он, видимо, рассчитывал, что министр примет его сторону в споре с финансовым ведомством.

Хивинский хан еще и в июле 1908 г. обращался к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой разрешить ему чеканку таньги, поскольку, как он утверждал, его подданные так и не привыкли вести

дела в русской монете. Разрешение не было ему дано, и он стал чеканить серебряную монету тайно, выдавая ее в качестве жалования своим воинам из числа кочевых туркмен [Садыков, 1965, с. 131], отследить наличие денег у которых имперская администрация возможностей, конечно, не имела. По слухам, доходившим до туркестанской администрации, тайной чеканкой монеты занимался и бухарский эмир, который в соответствии с соглашением от 23 апреля 1901 г. отчеканил в 1902 г. 25 млн таньги, а потом еще несколько раз, но к 1904–1905 гг. официально прекратил ее чеканку. Подозревали, что он «по-старому, где-нибудь в Шахрисябзе чеканит теньгу из громадных запасов слитков серебра, хранящихся у него в арке, и через сорафа (банкира) Мир-Салихова или кого другого пускает их в обращение» [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 156]. Медная же монета продолжала чеканиться и после реформы, причем эмир под ее предлогом, начал выпуск новых «черных пулов», которые стоили вдвое больше, чем прежние [Маджи, 1962, с. 48].

Современники отмечали, что таньга оставалась в ханствах основным платежным средством и в первые десятилетия XX в., хотя в официальных обзорных трудах и путеводителях по Туркестану и протекторатам все цены в Бухаре и Хиве указывались в рублях (см., например: [Туркестанский край, 1913, с. 185–190]). Путешественники, лично побывавшие в ханствах, отмечали, что таньга применялась в расчетах повсеместно, хотя и выглядела как «кусочки серебра» или как «древние монеты, больше, чем какая-либо из ходящих сегодня» [Graham, 1916, p. 33].

Недолго сохранялся и установленный вышеупомянутыми соглашениями курс таньги в Бухаре и Хиве. Уже в 1903 г. путешественники по Бухаре отмечали, что она фактически стоит не 15, а 18–20 коп. [Никольский, 1903, с. 14], сохранялся этот курс и к началу 1910-х годов [Логофет, 1911а, с. 300–301]. Что же касается Хивинского ханства, то даже ведущие в нем дела российские компании выступали за повышение официального курса обмена таньги. Так, в 1907 г. представители Большой ярославской мануфактуры и компании «Надежда» обратились к начальнику Амударьинского отдела с просьбой обеспечить сохранение курса таньги на уровне 20 коп. [Садыков, 1965, с. 130; Ю.О.Я., 1908, с. 128].

Дополнительные проблемы создавало наличие «стертых» монет, по поводу которых эмир Абдул-Ахад обращался к военному министру

Куропаткину во время его приезда в Бухару. Дело в том, что соглашение 1901 г. не предусматривало особого порядка выкупа этих монет, в которых серебра было гораздо меньше, чем в нестертых таньгах. Соответственно, выкупая их у эмира по 15 коп., Госбанк нес немалые убытки — так, после покупки первой партии он потерял более 100 тыс. руб. и, естественно, потребовал, чтобы эмир принял на себя часть этих убытков, что того немало удивило. Тем не менее ему пришлось возместить 50% потерь Госбанка в размере 53 тыс. руб. Когда и во второй выкупленной Госбанком партии монет оказалось немало стертых, его руководство заставило эмира компенсировать уже 2/3 потерь — 44 тыс. руб. Эмир, апеллируя к тому, что подобное не предусматривалось соглашением 1901 г., попросил разрешения для возмещения убытков отчеканить 3 млн монет из собственного серебра, в чем ему не было отказано — но при условии, что все убытки при выкупе стертой таньги в дальнейшем будет нести он сам [Туркестан, 2016, с. 75–76].

Наконец, большой проблемой в реализации финансово-правовой политики России в протекторатах стала закрытость информации о проводимых мероприятиях, о соглашениях с эмиром и ханом, в результате чего не только простые русские предприниматели и подданные среднеазиатских монархов, но даже и высокопоставленные чиновники не до конца понимали смысла достигнутых соглашений. Так, например, в Туркестане в 1900-е годы полагали, что соглашение 1901 г. предусматривало чеканку таньги для Бухары в России, даже туркестанский генерал-губернатор А.М. Самсонов в январе 1910 г. на особом совещании по бухарским делам повторил этот слух, обвинив эмира в том, что тот добивался отмены этого и возвращения права чеканить таньгу вновь на собственном монетном дворе (чем вызвал критику со стороны Минфина) [Там же, с. 75, 81]. Не отражались расходы, связанные с выкупом таньги (как понесенные, так и запланированные), и в ежегодных «Общих государственных росписях доходов и расходов» — либо все из-за той же закрытости информации, либо имперские финансовые структуры просто-напросто не могли даже предположительно определить сумму этих расходов на каждый год.

Тем не менее исследователи по-разному оценивали результаты фиксации курса бухарской и хивинской таньги и перспективы дальнейших денежных реформ в протекторатах. Одни и спустя несколько лет полагали, что «монетное объединение», т.е. полная замена таньги

русским рублем в ближайшее время не произойдет [Губаревич-Радобильский, 1905, с. 160]. Другие считали, что бухарцы и хивинцы уже привыкли не только к русскому серебру, но и нашли немало преимуществ в использовании бумажных кредитных билетов, так что «монетное объединение» выглядит вполне реальным [Логофет, 1911б, с. 73].

Современные исследователи тоже по-разному оценивают финансово-правовую политику Российской империи в отношении Бухары и Хивы. Советские специалисты в первую очередь обращали внимание на «колониальный характер» денежной политики, утверждая, что она реализовывалась в интересах русской буржуазии и купечества и вела к разорению жителей среднеазиатских ханств [Тухтаметов, 1966, с. 59]. Постсоветские авторы, оставляя в стороне идеологическую составляющую, в большей степени сосредотачиваются на эффективности реализованных мероприятий, отмечая невысокую ее степень и критикуя чрезмерное стремление к единообразию финансово-правовых отношений в многонациональной империи — без учета ее региональных специфик [Правилова, 2006, с. 133].

Как представляется, в современных условиях следует оценивать характер и эффективность вышеописанных действий именно с точки зрения достижения конечной цели. Таковой, как уже отмечалось, являлась фронтальная модернизация Бухарского эмирата и Хивинского ханства, их интеграция в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи, главным показателем которого в данном аспекте должен был стать полный отказ Бухары и Хивы от танги и переход на рубли даже во внутренних расчетах. Поскольку этого так и не произошло вплоть до падения империи и обретения полной независимости Бухары и Хивы в 1917 г., таким образом, финансово-правовая политика России в их отношении не была полностью эффективной. Однако причиной неудачи стало отнюдь не то, что российские власти не учитывали национальной и региональной специфики — напротив, на наш взгляд, власти в большей чем надо степени учитывали позицию бухарских и хивинских властей, не решаясь на более активные действия по реформе денежных отношений. Другой причиной, как мы установили, являлась несогласованность действий различных российских ведомств, чем также пользовались в своих интересах правители среднеазиатских ханств, тормозя дальнейшие преобразования и сохраняя в значительной степени прежние финансово-правовые отношения в своих владениях.

§ 4. Реорганизация вооруженных сил Бухарского эмирата и Хивинского ханства

Изменения в правовом развитии Бухарского эмирата и Хивинского ханства после установления над ними протектората Российской империи коснулись даже такой специфической сферы как военное дело. Ниже мы попытаемся выявить основные тенденции в развитии вооруженных сил Бухары и Хивы до и после установления протектората.

В ханствах Средней Азии регулярная армия впервые была создана в 1830-е годы бухарским эмиром Насруллой. Она включала пехоту (сарбазов) и артиллерию, солдаты получали вознаграждение за службу в денежной форме и продовольствием. Любопытно, что в числе воинов эмира находилось определенное число русских пленников — по-видимому, это было связано как с нехваткой профессионалов среди бухарцев, а также и с тем, что эмир не всегда мог доверять собственным подданным ([Арендаренко, 1889, с. 543–544, 548, 556–557; О слухах, 2016, № 133, с. 272–273]; см. также: [Бабаев, 2010, с. 156–157; Исмаилова, 2004, с. 81–106]). Также стоит отметить, что военное дело в Бухаре было организовано по образцу Османской империи — точно так же, как несколько позже, в 1860-е годы, в Кокандском ханстве и государстве Йэйтишар в Восточном Туркестане (современном Синьцзяне) [Троицкая, 1972, с. 138–140; Яншин, 2009, с. 97–100]. Соответственно, в организации вооруженных сил этим правителям содействовали как турецкие инструкторы, так и английские, поскольку как раз в это время в самом разгаре была «Большая игра» — длительное соперничество России и Британии за контроль над Центральной Азией.

Кокандское ханство в 1868 г. ненадолго попало под российский протекторат и, казалось, имело шанс на преобразование армии по российскому образцу. В частности, в том же 1868 г. в Ташкенте с торгов было продано кокандскому хану около 1 тыс. комплектов списанной военной формы российских солдат, в которую хан приказал облачить свою гвардию [Коканская гвардия, 1871]. Однако в 1876 г. Кокандское ханство после очередного антироссийского восстания было ликвидировано, став частью Российской империи. В 1877 г. погиб Якуб-бек, и его государство годом позже пало под натиском китайских войск. Из всех центральноазиатских государств, имевших к этому времени регу-

лярную армию, остался только Бухарский эмират, который на рубеже 1860–1870-х годов признал протекторат Российской империи. С этого времени в организации военного дела Бухары произошли существенные изменения.

В первые годы после установления протектората в бухарской армии «по инерции» сохранялось английское влияние: солдаты носили обмундирование и оружие английского образца, команды отдавались на английском языке [Lansdell, 1875, p. 21–22; Schuyler, 1877, p. 64]. Но уже в 1880-е годы русское влияние стало вытеснять английское за счет присылки в Бухару российских военных инструкторов (см., например: [Фалько, 2016]). Проводилась реорганизация бухарской армии постепенно: к концу 1890-х годов из 25 тыс. воинов эмира только 4 тыс. солдат в столице были укомплектованы по российскому образцу [Curzon, 1889, p. 198–199; Le Messurier, 1889, p. 167]³¹. К началу XX в. уже вся армия эмира была организована по русскому образцу, включая обмундирование, вооружение, наличие русских инструкторов, отдававших русские же команды [Логофет, 1911а, с. 252–254; Olufsen, 1911, p. 116]. Даже личная гвардия эмира была сформирована и облачена по образу и подобию казачьих и черкесских отрядов российской армии [Васильчиков, 2002, с. 64; Olufsen, 1911, p. 578].

Иностранцы, побывавшие в Бухарском эмирате в последней четверти XIX — начале XX в., определяют численность войск эмира в 25–30 тыс. воинов [Le Messurier, 1889, p. 168–169]. Но после того как на территории эмирата в 1880–1890-е годы были созданы российские поселения, в них появились российские гарнизоны, общая численность которых в начале XX в. составляла до 8 тыс. человек [Фомченко, 1958, с. 12]. Это позволило российским чиновникам в Бухаре поднять вопрос о сокращении армии эмира [Лессар, 2002, с. 106–107]. К концу 1890-х годов число бухарских воинов уменьшилось до 20 тыс., причем около 8 тыс. присутствовало только на бумаге. А сам эмир Абдул-Ахад заявлял, что готов совсем отказаться от армии, полагаясь на защиту Российской империи [Olufsen, 1911, p. 582]. Однако эти слова лишь должны были подчеркнуть лояльность эмира российской короне, а на самом деле он не собирался отказываться от собственных войск. Напротив, эмир регулярно получал от российских властей

³¹ Так же постепенно реорганизовали войска русские и в собственных национальных регионах [Пузанов, 2015].

новое оружие. Сарбазы регулярно направлялись в отдельные районы эмирата для подавления восстаний, действуя без поддержки российских войск, т.е. справляясь собственными силами. В 1917 г. после падения монархии в России и провозглашения эмиром Алим-ханом реформ в Бухаре в ханстве стали проводиться разного рода массовые мероприятия. В их разгоне также участвовали эмирские войска [Тухтаметов, 1966, с. 52–53, 122, 138]. Однако далеко не всегда бухарский монарх мог положиться на своих воинов. Так, например, в 1909 г., когда в Бухаре начался кровавый конфликт между суннитами и шиитами, и эмир направил войска для прекращения резни, многие сарбазы сами приняли участие в конфликте, причем по обе его стороны [Там же, с. 90].

Также стоит упомянуть о попытках российской администрации сформировать в Бухарском эмирате некий аналог казачьих войск. Как уже отмечалось, во второй половине 1880-х годов на территории Бухарского эмирата по договоренности с эмиром возник целый ряд русских поселений: в 1886 г. в Чарджуе и в 1889 г. в Керки были размещены российские гарнизоны, целью которых было обеспечение безопасности границы Бухары с Афганистаном, фактически находившимся под протекторатом Британской империи. Еще два военных поселения появились в Патта-Гиссаре в 1894 г. и Термезе в 1897, а уже в 1888 г. неподалеку от столицы эмирата возникло русское поселение Новая Бухара (современный Каган), ставшее резиденцией русского политического агента — официального дипломатического представителя империи в Бухаре. К началу XX в. общее число военнослужащих на территории эмирата достигало 8 тыс. человек, причем большинство составляли именно казачьи части, насчитывавшие две бригады с перспективой дальнейшего увеличения их числа [Фомченко, 1958, с. 15–16]. Таким образом, бухарские власти и военнослужащие имели возможность своими глазами увидеть русское казачество, убедиться в преимуществах такого рода войск для своего региона и, соответственно, принять на вооружение некоторые элементы казачьих войск. Более того, в начале XX в. при обсуждении вопроса об охране границ протектората и обеспечении эффективности таможен (в процессе вхождения Бухары и Хивы в таможенную черту Российской империи) Министерство финансов сочло целесообразным доукомплектовать число пограничных войск за счет «вольнонаемных джигитов», т.е. должна была быть создана «вольнонаемная стража, каковая раньше весьма успеш-

но охраняла границы Бухары с русским Туркестаном» [Губаревич-Радобыльский, 1905, с. 173].

Не вполне понятно, откуда должны были браться эти «джигиты». Логично предположить, что речь идет о национальном населении Русского Туркестана, однако в таком случае это решение означало бы их перевод в другие местности, что противоречило идее «милиции», как ополчения, функционирующего в местах собственного проживания. Таким образом, есть основания полагать, что речь идет о бухарских подданных, которые, по согласованию с эмиром, могли бы усилить российский «ограниченный контингент» в эмирате. Характеристика этой «стражи» как «вольнонаемных джигитов» подтверждает намерение формирования подразделений по образу и подобию казачьих — благо такой прецедент уже был создан среди туркмен Закаспийской области. Как известно, туркмены оказали, пожалуй, наиболее ожесточенное сопротивление продвижению русских в Среднюю Азию. Но Несмотря на то что они, подобно остальному населению Туркестанского края, были освобождены от воинской повинности, тем не менее туркменские джигиты охотно вступали в конную милицию: в 1885 г. был сформирован первый отряд, а в 1892 г. действовал уже целый конно-иррегулярный дивизион [Котюкова, 2012, с. 31]. Весьма положительно о боевых качествах туркмен, их храбрости и, что важно, лояльности имперским властям, отзывались как российские, так и иностранные очевидцы. Наверное, наиболее впечатляющую картину возможностей использования туркменской «милиции» изобразил британский журналист Дж. Добсон, побывавший в Туркестане в 1888 г. Пообщавшись с начальником Мервского округа Закаспийской области М. Алихановым-Аварским, он писал: «Он постоянно держит под ружьем 300 туркмен и говорил мне, что за двадцать четыре часа у него могут быть готовыми еще 6 тыс. полностью оснащенных кавалеристов из туркменской милиции. Было бы нетрудно мобилизовать по первому требованию даже большее число, так как любой туркмен — это готовый солдат легкой кавалерии как настоящий казак иррегулярных войск, и ему требуется только огнестрельное оружие и боеприпасы, чтобы вступить на поле сражения». Также журналист отмечает, что русские власти очень высоко ценят туркменских воинов, в результате чего «туркменские солдаты милиционной армии, естественно, гордятся своими русскими погонами и медалями и с готовностью бросились бы в пасть смерти, чтобы завоевать крест Свя-

того Георгия» [Добсон, 2013, с. 164–165]. Вполне возможно, что российская администрация рассматривала возможность привлечения к службе в «милиции» и кочевых подданных бухарского эмира.

Еще одним фактором, обусловившим внедрение опыта организации казачьих войск в Бухарском эмирате стал процесс интеграции бухарской правящей династии в сановную иерархию Российской империи. Так, эмир Сайид Абдул-Ахад, второй бухарский правитель под протекторатом Российской империи, имел не только придворный чин генерал-адъютанта, множество имперских наград, звание генерала от кавалерии, но и был наказным атаманом Терского казачьего войска, являясь к тому же шефом 5-го Оренбургского казачьего полка [Логофет, 1911а, с. 254; Эмир, 1911]. Аналогичным образом генералом по Терскому казачьему войску числился и его сын и наследник Сайид Алим-хан [Прибытие, 1911]. Тем самым российские власти как бы «ненавязчиво» привлекали внимание бухарских правителей именно к казачьим частям. И в самом деле, в обновленной бухарской армии появились части, которые вполне можно соотнести с российскими казачьими воинскими формированиями.

Безусловно, не следует абсолютизировать использование российского (и в особенности казачьего) опыта в реформировании армии Бухарского эмирата. Когда эмир Музаффар (отец Абдул-Ахада и дед Алим-хана) впервые обратился к российской администрации с просьбой о командировании в Бухару русских инструкторов (обратим внимание — инициатива, опять же, формально поступила именно от среднеазиатского правителя!), к нему были направлены офицеры и унтер-офицеры различных родов войск. В результате к началу XX в. в составе бухарской армии имелись линейные (пехотные) батальоны, артиллерийские батареи и т.д. Однако две гвардейские сотни, составлявшие личный конвой эмира (400 человек при 12 офицерах) и гвардейская конно-артиллерийская батарея (100 человек при 5 офицерах), были сформированы и экипированы именно как казаки. Д.Н. Логофет описывает их следующим образом: «Гвардейские части, 2 конные сотни конвоя и конно-горная батарея расквартированы в гор. Кермине при эмире и имеют форму обмундирования, похожую с казаками Терского войска; на вооружении конных сотен состоят винтовки бердана, шашки и кинжалы. В конной батарее 4 конных орудия, нижние чины вооружены шашками и кинжалами. Лошади карабаирской породы среднего разбора» [Логофет, 1911а, с. 252, 254].

Иностранные путешественники в Бухарском эмирате также обращали внимание на особенности экипировки личной охраны эмира. Американец У. Кертис, побывавший в Центральной Азии в начале XX в., прямо говорит о том, что телохранители эмира сформированы по образу и подобию казаков [Curtis, 1911, p. 123]. Датчанин О. Олуфсен, примерно в то же время также посетивший Бухарский эмират и Хивинское ханство, уточняет, что телохранители хана, ранее состоявшие из сарбазов (т.е. бухарских рекрутов), теперь преобразованы в некое подобие «черкесской гвардии» российского императора [Olufsen, 1911, p. 578]. Таким образом, можно увидеть, что истоки появления «казачьих частей» в Бухарском эмирате — это и участие русских инструкторов, и желание местного монарха до некоторой степени уподобиться своему сюзерену, императору Российской империи.

Военное дело в Хивинском ханстве, с 1873 г. также находившемся под российским протекторатом, было менее развито. Некоторые исследователи склонны считать, что уже с начала XIX в. в Хиве существовала собственная регулярная армия, характеризовавшаяся наличием детально разработанной системы званий и должностей, регулярной выплатой жалования и «социальным обеспечением» [Гулбоев, 2013; 2014а; 2014б]. Однако ни о какой «регулярности» хивинской армии говорить не приходится: ханы имели в своем распоряжении нукеров — собственных телохранителей, которые получали за службу определенные земельные наделы и привлекались для участия в боевых действиях, в остальное время занимаясь своим хозяйством [Садыков, 1972, с. 16]. Воинская повинность распространялась и на кочевые туркменские племена [Погорельский, 1968, с. 34], однако они нередко выступали не на стороне хивинских ханов, а против них.

В отличие от Бухарского эмирата, который граничил непосредственно с Туркестанским краем и был соединен с ним железнодорожным сообщением, Хивинское ханство представляло собой «отдаленный» протекторат, лишенный к тому же транспортной инфраструктуры. Кроме того, Хива была более уязвимой для проникновения европейских эмиссаров, стремившихся не допустить дальнейшего усиления России в Центральной Азии. Поэтому имперская администрация не считала целесообразным модернизировать армию Хивы по аналогии с бухарскими вооруженными силами: существовали серьезные основания, что реорганизованные хивинские солдаты могут сыграть ту же роль, какую сыграли сипаи в Индии в

1856–1857 гг. Неудивительно, что в 1873 г. тысячи хивинских нукеров были распущены по настоянию российских властей: осталось не более 2 тыс. человек, преимущественно следивших за порядком в самой Хиве [Погорельский, 1968, с. 39–40]. Уровень «военно-технического сотрудничества» России с Хивой в этот период красноречиво охарактеризовал хивинский диван-беги (глава правительства) Мухаммад-Мурад, иронично заметивший в беседе с иностранным путешественником, что после установления российского протектората у хивинцев появились ружья «тех времен, когда Наполеон шел на Москву» [Olufsen, 1911, р. 196]³². Только ближе к концу XIX в. администрация Туркестанского края стала поднимать вопрос о вооружении хивинских нукеров. Причиной стали участвовавшие выступления туркмен, вооруженных, как оказалось, английским оружием, поставлявшимся из Персии [Погорельский, 1968, с. 97–98]. В 1896 г. генерал-губернатор Туркестанского края А.Б. Вревский и начальник Амударьинского военного отдела генерал-майор М.Н. Галкин обратились в Военное министерство с предложением по созданию в Хиве милиции и вооружению ее русским оружием. В 1897 г. в Хиву было поставлено 300 винтовок, в 1904-м — еще 100 и в 1907-м — еще 300; в 1908 г. были поставлены также две пушки с комплектом снарядов [Погорельский, 1968, с. 40–41]. По-видимому, по мере все большего попадания Хивы под влияние России бывшие опасения имперской администрации в неблагонадежности хивинцев исчезли.

Впрочем, передачей ханским властям оружия участие России в организации военного дела в Хиве и ограничилось: милиция не была организована, поскольку российские власти не смогли решить вопрос, кто будет ее содержать, и продолжали питать подозрения по поводу лояльности нукеров. Даже в 1913 и 1916 гг., когда туркмены поднимали восстания против хана (при поддержке немецких и османских властей) туркестанские власти предпочли вводить на территорию ханства собственные войска, а не вооружать хивинских нукеров.

Попытка создания милиции в Хиве была предпринята уже в 1917 г. военным комиссаром Временного правительства в Хиве генералом М. Мирбадаловым. Причиной стали рост революционных настроений и непрекращающиеся туркменские восстания в ханстве.

³² В 1883 г. в Хиву было поставлено 50 берданок и 5 тыс. патронов к ним [Погорельский, 1968, с. 41].

Однако ни деятельность русских инструкторов, ни вооружение нукеров русским оружием не дали должных результатов: согласно отчету Мирбадалова, нукеры самовольно покидали свои посты, уходили в родные кишлаки, не заботились об оружии и даже продавали патроны [Погорельский, 1968, с. 127, 130]. А уже в 1918 г. туркменский предводитель Джунаид-хан захватил столицу ханства и стал фактическим правителем Хивы, свергнув законного хана Исфендиара. Российские представители в ханстве предпочли пойти на сотрудничество с ним — для совместного противостояния советским властям в Туркестане.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что военное дело в Бухаре и Хиве на рубеже XIX–XX вв. испытало существенное влияние со стороны России. Фактически изменения в организации вооруженных сил Бухары и Хивы могут быть сопоставлены с аналогичными преобразованиями в самой России несколькими веками ранее, что свидетельствует о намерении российских властей постепенно интегрировать среднеазиатские ханства в имперское политико-правовое пространство. Таким образом, преобразования в военной сфере стали одним из правовых инструментов модернизации ханств, сближения их по уровню с имперскими пограничными регионами. При этом нельзя не отметить, что российские власти в полной мере осознавали специфику политического развития каждого из государств, что и обеспечило разные подходы в организации военного дела в Бухаре и Хиве.

§ 5. Деятельность российской полиции в Бухаре в начале XX в.

Сразу можно отметить, что в центральноазиатских владениях России полицейская служба не получила значительного развития вплоть до падения империи. Даже в Казахстане, который находился в составе России с XVIII в., правоохранительную функцию осуществляли сначала представители местной администрации (окружные и волостные султаны), затем — волостные управители, подчинявшиеся в полицейском отношении уездным исправникам (см. подробнее: [Почекаев, 2017б]). Аналогичным образом, и в Русском Туркестане правоохранительные функции среди местного населения возлагались на народных судей — биев [Литвинов, 2011]. Даже в «туземной части» столицы края Ташкента поначалу полицейские функции выполня-

ли старший аксакал («мэр»), и лишь с 1894 г. его заменил полицмейстер [Тимошевская, 2014, с. 95]. Генерал-губернаторы края, начиная с К.П. фон Кауфмана и заканчивая его преемниками начала XX в., последовательно выступали против передачи «военно-полицейских» функций охранным и жандармским отделениям [Литвинов П.П., 2014б, с. 43; Литвинов, 2016а, с. 8–9]. Лишь после революционных событий 1905–1907 гг. им пришлось рассмотреть вопрос о расширении штата городской полиции в Ташкенте [К вопросу, 1908] и согласиться на открытие там же Туркестанского районного охранного отделения и сыскных отделений (см. подробнее: [Литвинов, 2016б, с. 11; Тимошевская, 2014, с. 95]). Так что не приходится удивляться, что вопрос об организации полицейской деятельности в протекторатах не поднимался в течение длительного времени.

Тем не менее со временем необходимость в координации правоохранительной службы в Русском Туркестане и подконтрольных ему среднеазиатских ханствах стала осознаваться. В особенности это касалось Бухарского эмирата, который, в отличие от Хивинского ханства, испытал значительное влияние Российской империи по ряду направлений и, к тому же, имел достаточно протяженную общую границу с Русским Туркестаном.

По-видимому, первой российской полицейской структурой на территории Бухарского эмирата стали подразделения Жандармско-полицейского управления Среднеазиатской (Закаспийской) железной дороги, открытой в 1888 г. Особое отделение этого управления было открыто в Чарджуе, где уже располагался русский гарнизон. Поскольку полицейские чины считались, как и военнотружущие гарнизона, несущими службу за границей (в независимом Бухарском эмирате!), то им выплачивались «порционные»: офицерам — наравне с офицерами Чарджуйского гарнизона Туркестанского военного округа, а вахмистрам, унтер-офицерам и писарям — по 25 коп. в сутки [Литвинов В.П., 2014, с. 61]³³. В начале XX в., в связи с ростом беспорядков в эмирате, железнодорожные полицейские регулярно осуществляли поиск контрабандного оружия и конфисковали его [Тухтаметов, 1977б, с. 48]. К 1917 г. отделения жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги в Чарджуе и Термезе

³³ Об организации полицейской деятельности в русских поселениях на территории Бухарского эмирата см. § 2 наст. главы.

подчинялись начальнику Туркестанского районного охранного отделения [Агентурная работа, 2006, с. 362–363].

Общие же функции по охране правопорядка в русских поселениях Бухарского эмирата выполняли руководители местной администрации: в Чарджуе — воинский начальник (на правах уездного начальника) и подчинявшиеся ему военнослужащие, а в Новой Бухаре, управление которой принадлежало русскому политическому агенту, — «особое лицо по назначению туркестанского генерал-губернатора» [Логофет, 1909, с. 222], официально именовавшееся заведующим административно-полицейской частью города Новой Бухары. В введении последнего находились не только посты охраны (нанявшиеся на добровольной основе из числа местных русских подданных), но и арестный дом, а в начале XX в. даже поднимался вопрос об устройстве в Новой Бухаре тюрьмы, поскольку упомянутый арестный дом вмещал лишь до 15 человек [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 9, д. 114].

В 1908 г. в столице эмирата Старой Бухаре была учреждена должность русского полицейского чиновника, однако его обязанности оказались настолько расплывчаты, что никакой пользы от его деятельности имперские власти не получили, не сумев даже принять предупредительные меры в отношении вышеупомянутой «суннитско-шиитской резни» в январе 1909 г.³⁴ И лишь сама резня заставила туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова обратиться к бухарскому эмиру Абдул-Ахаду за согласием об учреждении в Бухаре русского полицейского управления. В результате в марте 1911 г. эмир был вынужден дать согласие на создание такого управления со штатом 12 человек, которые должны были финансироваться совместно Россией и Бухарой, причем из российской казны выделялось 2 тыс. руб., а из бухарской — 5,98 тыс. руб. (к февралю 1915 г. все расходы были полностью взяты на себя эмиром).

Т.Г. Тухтаметов специально подчеркивает, что Самсонов выступил с инициативой организации полицейского управления в эмирате исключительно по собственному усмотрению — без согласования с

³⁴ Хотя русский политический агент Я.Я. Лютш еще в феврале 1906 г. предупреждал туркестанского генерал-губернатора Д.И. Субботича о том, что «рознь между суннитами и шиитами здесь слишком острая, чтобы в настоящее время возможно было примирение между последователями обоих этих толков» [Россия, 2017, № 30, с. 124–125].

соответствующими министерствами и ведомствами, за что получил строжайший выговор от своего непосредственного начальника военного министра и министра внутренних дел, курировавшего полицию. Полиция, мыслившаяся Самсоновым как еще один инструмент собственного влияния на Бухару, была передана под контроль русского политического агента — ставленника Министерства иностранных дел [Тухтаметов, 1977б, с. 45—46]. Помимо пресечения деятельности иностранных (в первую очередь турецких) агентов, ведущих в Бухаре пропаганду против Российской империи³⁵, полицейское управление должно было вести учет русско-подданных мусульман, желавших получить образование в бухарских медресе. Такие граждане были обязаны иметь соответствующее письменное разрешение от полиции [Там же, с. 47—48]. Вместе с тем данное управление представляло довольно противоречивую структуру. С одной стороны, оно было подведомственно Туркестанскому охранному отделению, с другой — русскому политическому агенту, поэтому особо активных действий с его стороны не предпринималось, поскольку по-прежнему всю работу с местными информаторами осуществляло само Туркестанское отделение [Арапов, 2002, с. 129—130; ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 21, д. 726, л. 19]. Статус русских полицейских в Старой Бухаре существенно изменился лишь в 1916 г.

Несмотря на то что мощное восстание 1916 г., охватившее практически всю Русскую Центральную Азию (Казахстан и Туркестан), фактически никак не затронуло Бухарский эмират и Хивинское ханство³⁶, и даже полицейские чины из Новой Бухары и жандармские чины железной дороги были переброшены в Самаркандскую область для охраны местной системы коммуникаций [Восстание, 2016, № 21, с. 166—167], сложившаяся ситуация заставила имперские власти вплотную заняться организацией полицейской деятельности на территории Бухарского эмирата.

³⁵ После суннитско-шиитской резни российские дипломаты в Турции предупреждали власти Туркестана о том, что в Стамбуле действует Научное Бухарское общество, готовящее агентов для ведения антироссийской деятельности в Русской Средней Азии, причем его агенты проникали в Бухару и через Бомбей (т.е. владения Британской империи, которая формально с 1907 г. стала союзником России по Антанте) и даже из Европейской России [Арапов, 2002, с. 128—132; Восстание, 2016, № 1, с. 106—110].

³⁶ См. § 3 главы V наст. изд.

Сначала, под предлогом пресечения распространения восстания на территорию эмирата, Российскому политическому агентству и находящимся в его ведении полицейским чинам были предоставлены широкие полномочия по отслеживанию лиц, заподозренных в сотрудничестве с восставшими и иностранными разведками, что подтверждается рядом сообщений о проведении обысков и изъятии корреспонденции у подозрительных лиц в Старой Бухаре [Восстание, 1960, № 40, с. 62; № 83, с. 139–140, примеч. 23 на с. 719]³⁷.

А осенью того же года была предпринята попытка организации в Бухаре российской полиции, которую возглавил бы собственный начальник. Во главе нее был поставлен чиновник туркестанской администрации Вельман, работавший в тесном контакте с Туркестанским охранным отделением и эмирской стражей. В его обязанности входил надзор за подозрительными русско-подданными и иностранцами на территории эмирата — впрочем, без права розыска и высылки жителей Туркестана, скрывавшихся в Бухаре от призыва на тыловые работы [Восстание, 2016, № 22, с. 167; № 26, с. 171; Чиркин, 2006, с. 282]. Таким образом, можно сделать вывод, что полномочия российской полиции в Бухаре по-прежнему не распространялись на коренное население, которое находилось под надзором местных властей. Стоит отметить, что в это же время Министерство внутренних дел издало специальное положение об усилении полиции на территории России, и она стала формироваться в том числе и в ее азиатских владениях [Нижник, Гугасари, 2012, с. 15; Захарова, 2013, с. 6–7]. Это наводит на мысль, что к 1916 г. включение Бухарского эмирата в состав России представлялось российским властям делом недалекого будущего.

Однако полиция в Бухаре просуществовала крайне недолго: сразу же после Февральской революции 1917 г., когда полиция в Российской империи была упразднена, а полицейские чины отстранены от своих должностей (все полицейские органы в русских поселениях эмирата были заменены милицейскими структурами [Генис, 2003, с. 102; Тухтаметов, 1977б, с. 149]), то же самое случилось и с бухарской правоох-

³⁷ Надо сказать, что подобные распоряжения отдавались вполне в русле политики МВД Российской империи, которое, в связи с ростом революционных настроений в стране, заставляло органы политического сыска применять все более решительные меры в отношении подозреваемых (см. подробнее: [Жаров, 2012, с. 7–8]).

ранительной структурой. Причем если поначалу к полицейским чинам Туркестана не было применено никаких репрессий, то Вельману новые власти намеревались предъявить обвинения в многочисленных злоупотреблениях³⁸, что и заставило его «заблаговременно скрыться» в Ташкент, где он какое-то время «незаметно проживал в качестве частного обывателя» [Чиркин, 2006, с. 282–283].

Таким образом, российской полиции в Старой Бухаре не удалось в достаточной степени проявить себя и сыграть значительную роль в процессе правовой модернизации эмирата и интеграции его в политико-правовое пространство Российской империи. Однако можно полагать, что учреждение полиции в столице эмирата преследовало несколько целей. Во-первых, основной задачей полицейских сил в Бухаре стала борьба с явными недругами России и, следовательно, противниками модернизации Бухары по российскому образцу. Во-вторых, полномочия полицейского начальника давали ему немало возможностей, чтобы, наравне с политическим агентом, влиять на бухарские власти для принятия ими пророссийских политических и административных решений. Наконец, в-третьих, активизация правоохранительной деятельности российских уполномоченных органов позволяла активизировать распространение соответствующих принципов и норм имперского законодательства, уже и ранее применявшихся в русских поселениях на территории эмирата, на территорию и формально независимого государства, соответственно распространив полномочия российской полиции и на местное население. И учитывая все возраставший контроль России над Бухарой и сближение ее элиты с имперскими властями, есть основания полагать, что эти цели были бы достигнуты, если бы не революционные события 1917 г.

³⁸ По воспоминаниям С.В. Чиркина, короткое время исполнявшего обязанности русского резидента в Бухаре в 1917 г., Вельман имел весьма скромное содержание, но при этом «благоденствовал в Старой Бухаре», обставив свою казенную квартиру «с несоответствующим, казалось бы, его скромным средствам комфортом». А один из агентов Туркестанского районного охранного отделения характеризовал его как «человека еще молодого и любителя вина и женщин», постоянно устраивавшего «совместно с банковскими заправилами пикники с дамами, кажется, легкого поведения», и сообщал, что сами же его подчиненные и местные жители подавали на него жалобы [Восстание, 2016, № 76, с. 248]. Так что, как видим, оснований заподозрить его в злоупотреблениях имелось предостаточно.

Глава V

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В РЕГИОНАХ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ И В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Как мы могли убедиться, правовая политика Российской империи в Центральной Азии имела ряд особенностей на разных этапах ее взаимодействия с государствами и народами этого региона — как до, так и после установления протектората над среднеазиатскими ханствами. И тем не менее время от времени ситуация складывалась таким образом, что даже самые разнообразные правовые средства и методы, доказавшие свою эффективность, оказывались не вполне подходящими в конкретных условиях. Речь идет о политике в отношении отдельных регионов с особым статусом, при котором уже разработанные правовые средства не были достаточно эффективными, а также о непредвиденных обстоятельствах, влекущих возникновение чрезвычайных ситуаций — таких как вооруженные восстания или революционные события. В этих случаях приходилось изыскивать новые инструменты правового влияния на регион, не забывая при этом как о собственных интересах, так и о соблюдении базовых международно-правовых принципов.

§ 1. Правовая политика Российской империи на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)

Вхождение Западного Памира в состав Российской империи в последнем десятилетии XIX в. стало одним из этапов «Большой игры» — соперничества России и Англии за контроль над Центральной Азией во второй половине XIX — начале XX в., причем, по мнению исследователей этого соперничества, этапом весьма важным [Сергеев, 2012, с. 186—199; Хопкирк, 2004, с. 521—581].

Вскоре после установления протектората России над ханствами Средней Азии (Кокандом, Бухарой и Хивой), в 1873 г. две империи по-

пытались достичь компромисса в рамках так называемого Афганского разграничения, по условиям которого Западный Памир признавался сферой российского влияния. Однако уже в 1883 г. при подстрекательстве Англии афганский эмир захватил западнопамирские ханства Вахан, Рушан и Шугнан, а в 1891 г. на некоторые памирские территории стали претендовать и власти китайской империи Цин — также с молчаливого согласия Англии [Алексеев, 2014, с. 149; Громбчевский, 1891, с. 20–21; Захарчев, 2014, с. 17; Сергеев, 2012, с. 188; Тагеев, 1902, с. 17, 20].

В течение почти десятилетия Российская империя практически никак не реагировала на действия афганцев и китайцев, ограничиваясь формальными нотами протеста в адрес английских властей — Несмотря на то что сами памирцы неоднократно обращались к российским властям с просьбой о покровительстве с самого начала афганской оккупации¹. Однако в 1890 г. англичане начали строительство дороги до Гильгита — только что аннексированного ими североиндийского княжества, откуда открывался прямой путь на Памир. В 1891 г. генерал-губернатор Туркестанского края барон А.В. Вревский отправил в регион отряд под командованием полковника М.Е. Ионова, которому, впрочем, было предписано лишь провести разведку. Однако, как это часто делали туркестанские военачальники, Ионов по собственной инициативе не только предпринял решительные действия по выдворению английских разведчиков из Памира, но и сам, перейдя Гиндукуш, более чем на 100 км продвинулся вглубь собственно английских владений. Годом позже, уже при поддержке петербургских и туркестанских властей, полковник Ионов во главе более многочисленного отряда (соответственно, получившего название Памирского), выбил афганцев из захваченных ими регионов Памира, заставил китайцев без боя оставить захваченные территории и уничтожил все укрепления, созданные ими [Захарчев, 2014, с. 23–24; Рудницкий, 2013, с. 181–184, 208–210]. Соответственно, с 1892 г. на-

¹ Именно симпатии населения Западного Памира к России послужили причиной для жестокого и разорительного рейда афганских войск в 1889 г., сопровождавшегося массовыми расправами с местными жителями ([Громбчевский, 1891, с. 11–12]; см. также: [Алексеев, 2014, с. 149]). Аналогичный рейд был совершен ими и в 1893 г., после ухода отряда М.Е. Ионова из пограничных территорий [Лужецкая, 2008, с. 162].

чинается отсчет постоянного военного присутствия Российской империи на Памире в виде существования особого Памирского поста. В течение 1892–1894 гг. Памирскому отряду удалось полностью устранить угрозу со стороны Афганистана и империи Цин и постепенно налаживать систему управления на территории бывших ханств Вахан, Рушан и Шугнан, ликвидированных афганцами во время оккупации Западного Памира.

Однако окончательно присоединить регион к своим владениям Российская империя не могла по политическим причинам: центральные имперские власти (в особенности Министерство иностранных дел) традиционно опасались враждебной реакции Англии на дальнейшее расширение российских владений в Центральной Азии [Германов, 2015]. Поэтому в 1895 г. между Россией и Англией было заключено очередное соглашение, получившее название «Памирское разграничение»: по его условиям, Западный Памир переходил под управление Бухарского эмирата, который передавал Афганистану в качестве компенсации часть своей области Дарваз [Халфин, 1975б, с. 4, 8]. Нельзя не отметить цинизм этого соглашения, поскольку Бухара и Афганистан в это время юридически считались самостоятельными государствами, тем не менее две империи приняли за них важное политическое решение, фактически поставив два эмирата перед фактом.

Как бы то ни было, Западный Памир с 1895 г. считался частью Бухарского эмирата, при этом находясь под «покровительством» российских властей, что подразумевало постоянное присутствие здесь русского гарнизона (Памирского поста) и периодический контроль действий бухарских чиновников администрацией Туркестанского края [Там же, с. 10]. Такая сложная политическая ситуация длилась до 1905 г., когда Западный Памир фактически перешел под непосредственное управление России (номинально продолжая, впрочем, считаться частью Бухарского эмирата), и именно период 1895–1905 гг. привлекает наше внимание.

История перехода Западного Памира под контроль России подробно исследована специалистами. Различные ее аспекты освещены многими авторами — начиная с современников событий и заканчивая современными исследователями. Так получилось, что ряд начальников Памирского отряда и офицеров, служивших в нем, стали впоследствии настоящими экспертами по среднеазиатской полити-

ке Российской империи, оставившими и ценные воспоминания о собственной службе на Памире, и важные сведения по географии, биологии, этнографии региона, оценку его стратегического, геополитического положения². Среди таких авторов можно назвать, в частности, самого М.Е. Ионова; его сослуживцев: Б.Л. Громбчевского, А.Г. Серебренникова, Б.Л. Тагеева; начальников Памирского отряда В.Н. Зайцева, А.Г. Скерского, К.-Э. К. Кивекэса, И.Д. Ягелло и особенно выдающегося военного востоковеда и геополитика А.Е. Снесарева. Даже их официальные отчеты содержат ценнейшие сведения об особенностях жизни населения Западного Памира, что уж говорить об их исследовательских трудах. Кроме того, в описываемый период на Памире побывали путешественники: Н.А. Аристов, граф А.А. Бобринский, Ю.Д. Головнина, А.К. Разгонов; туркестанские чиновники А. Черкасов, В.Л. Корженевский и А.А. Семенов (впоследствии выдающийся советский востоковед). В советский период вопросы политической истории Памира на рубеже XIX–XX вв. исследовали такие авторы, как Н.А. Халфин, Б.И. Искандаров. Этнография местного населения в этот же период привлекла внимание Н.А. Кислякова, И. Мухиддинова и др. В постсоветский период история Памира в рассматриваемую эпоху продолжала привлекать интерес исследователей. Вопросы военной и политической истории рассматривали, в частности, А.К. Алексеев, Б.Г. Белоголовый, В.А. Германов, Н.А. Захарчев, Н.Л. Лужецкая, А.В. Постников, Е.Ю. Сергеев. Вопросы этнографии и религиозной истории памирского населения описаны А.К. Алексеевым, К.С. Васильцовым, Л.Н. Харюковым. Уже в начале XXI в. был защищен целый ряд диссертаций по истории присоединения Памира, по российской политике в регионе, а также по его изучению «военными востоковедами» [Алимшоев, 2003; Пирумшоев, 2011; Сайнаков, 2015; Самиев, 2010; Сумароков, 2006; Терехов, 2011].

Тем не менее, на наш взгляд, в исследовании этой тематики не было уделено специального внимания вопросу о правовых аспектах российской имперской политики на Западном Памире и, в частности, учету местных особенностей при ее разработке и реализации — правовых обычаев, религиозной специфики, этнической самобытно-

² В современной науке подобный феномен получил название «военное востоковедение» [Басханов, 2005; Колесников, 1997].

сти, особого социального и экономического уклада³. Без учета этих моментов исследование российскими офицерами и учеными этнографии Памира представляется чем-то вроде «хобби» разносторонних представителей военной и научной элиты Российской империи. А между тем, эти исследования являлись необходимым условием для правильного понимания особенностей региона и в полной мере учитывались как самими офицерами Памирского отряда, так и туркестанскими властями, которым они подчинялись. Вместе с тем нельзя не отметить, что нередко эта специфика ускользала от центральных властей империи в Санкт-Петербурге, а также от представителей российского МИДа, включая и руководителей Политического агентства, от которых, как мы увидим ниже, нередко зависела судьба населения Памира и дальнейшее развитие российской политики в регионе.

Еще один важный фактор, который нельзя было сбрасывать со счетов, — официальное бухарское управление на Западном Памире. Хотя уже по условиям «Памирского разграничения» 1895 г. регион признавался владением бухарского эмира, его чиновники появились в этом регионе лишь в конце 1896 г. При этом они сразу же столкнулись с проблемами в отношениях с местным населением, поскольку пытались создать здесь систему управления, суда и взимания налогов по образу и подобию существующей в эмирате, полностью игнорируя местную специфику. Российский политический агент в Бухаре В.И. Игнатьев по этому поводу уже в 1897 г. заметил, что бухарское правление после афганской тирании могло бы показаться памирцам более мягким — но при условии, что оно началось бы сразу же по изгнании афганцев. А бухарцы пришли на Памир после полутора лет фактического российского правления, неизмеримо более развитого и адаптированного к местным особенностям (см.: [Халфин, 1975б, с. 36]). Неудивительно, что как только эмир Бухары принял под свою власть Западный Памир, он начал ставить вопрос о передаче этого за-

³ Так, например, М.А. Бабаходжаев еще в 1962 г. в рецензии на работу Б.И. Искандарова упрекал автора в том, что тот недостаточно глубоко осветил особенности феодального устройства Западного Памира в период присоединения его к России, сосредоточившись исключительно на военных и политических аспектах проблемы [Бабаходжаев, 1962]. До некоторой степени исключение составляет лишь одна работа [Искандаров, Юсупов, 1981], однако ее авторы освещают именно сложившиеся правоотношения и не сосредотачиваются на подробностях российской правовой политики в регионе.

тратного и беспокойного региона под непосредственное управление имперской администрации. Однако угроза враждебной реакции на этот шаг со стороны Британской империи (на наш взгляд, несколько преувеличенная) заставила имперские правящие круги тянуть с решением этого вопроса почти целое десятилетие. И весь этот период (1896—1905) фактически представлял собой противостояние официальных бухарских властей в Западном Памире и начальства Памирского отряда, представлявшего здесь интересы России. Соответственно, местное население постоянно обращалось к русским с жалобами на действия бухарцев, что также заставляло вносить коррективы в имперскую политику, проводимую в регионе и даже в отношении с Бухарским эмиратом в целом. Позицию памирцев, прекрасно иллюстрирующую менталитет местного населения, отразил в своем отчете туркестанский дипломатический чиновник Половцов, командированный на Западный Памир в 1903 г. для расследования действий бухарских чиновников: «Все говорили мне, что покорили их русские, что принадлежат они русским и что они не знают, за какую с их стороны вину они отданы бухарцам» [Халфин, 1975б, с. 80].

А теперь постараемся проследить, с учетом вышесказанного, какие местные особенности Западного Памира и как именно учитывались российскими властями при выработке направлений имперской политики в этом регионе.

В первую очередь стоит остановиться на особенностях политического и административно-территориального устройства региона. Исторически он состоял из трех государств, именуемых в российской историографии ханствами или княжествами — Вахана, Рушана и Шугнана, во главе которых стояли наследственные правители — шахи («ша»). После захвата региона афганцами эти государства были упразднены, а правители оказались в изгнании. Последний правитель Вахана умер в 1893 г., не оставив наследников, зато претенденты на троны Рушана и Шугнана были живы (см.: [Лужецкая, 2008, с. 158]). Соответственно, в 1895 г. при обсуждении условий передачи Памира бухарскому эмиру российские дипломаты рекомендовали ему назначить в качестве своих наместников-беков в этом регионе именно местных династов — Тимур-шаха Рушанского и Сейид-Акбар-шаха Шугнанского. Однако эмир после долгих колебаний решил отдать наместничество в Шугнane его бывшему правителю, тогда как рушанского Тимур-шаха назначить беком отказался, заявив российским

представителям, что он непопулярен среди собственных подданных [Халфин, 1975б, с. 10–11]. Полагаем, и назначение Сейид-Акбар-шаха состоялось в большей степени по настоянию российских дипломатов, поскольку он еще во времена афганской оккупации демонстрировал симпатию к России и искал ее покровительства [Громбчевский, 1891, с. 7–8]⁴.

Несмотря на то что бухарские власти преобразовали административно-территориальное устройство Западного Памира, а в 1897 г. объединили его в одну административную единицу под началом рушанского бека (бухарского чиновника Ишанкула), причем по настоянию русских властей [Халфин, 1975б, с. 35–36, 38]⁵, в российской официальной документации продолжали фигурировать Вахан, Рушан и Шугнан. Более того, в 1903 г., когда вопрос о передаче Западного Памира России, казалось, был уже решен, туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов разработал проект о русском управлении на Западном Памире, в соответствии с которым он должен был быть преобразован в Памирский уезд, в составе которого предполагалось создать три волости — как раз Ваханскую, Рушанскую и Шугнанскую [Там же, с. 64]. Как видим, российские представители на Западном Памире старались учитывать местные политические традиции, в том числе и при составлении официальных нормативных актов, которые должны были регламентировать российское правление в регионе.

Такой же политике они старались следовать и в отношении местных особенностей социально-политического устройства. До афганской оккупации верховная власть принадлежала шахам, тогда как на низовом уровне управление осуществляли «волостные управители» минбаши и их помощники — аксакалы, сельские старосты — аробы и народные судьи — казии. Причем представители всех уровней управления (за исключением шахов) избирались местным населени-

⁴ Примечательно, что впоследствии сами же русские рекомендовали эмиру отозвать Сейид-Акбар-шаха именно из-за того, что он в свое время являлся наследственным правителем Шугнана: дескать, он рассматривал владение как свою собственность и обирал местных жителей, считая их своими подданными, всецело ему обязанными [Халфин, 1975б, с. 37–38].

⁵ Туркестанская администрация, настаивая на объединении, исходила из того, что при этом сократится число бухарских чиновников на Западном Памире и, соответственно, понадобится собирать меньше налогов на их содержание.

ем, что способствовало их легитимации и беспрекословному повиновению им населения [Там же, с. 115]. Российские власти постарались сразу же наладить контакт с местными управителями, именно через них передавая населению свои рекомендации и решения, которые сразу же исполнялись — практически как волеизъявления прежних шахов. Тем не менее вплоть до окончательного решения вопроса о «Памирском разграничении» некоторые минбаши и аксакалы продолжали колебаться в поддержке афганских или российских властей в регионе [Лужецкая, 2005, с. 138–139].

Бухарские же наместники, игнорируя традиции местного самоуправления, сформировавшиеся на Западном Памире в течение веков, постарались наладить систему правления по аналогии с другими бухарскими бекствами. Так, Ишанкул, наместник Рушана, назначил (без выборов!) ряд своих представителей на местах, присвоив им бухарские же чины мирахуров и караулбеги, пообещав исхлопотать от эмира ярлыки для утверждения их в этом статусе [Халфин, 1975б, с. 19–20]⁶. Фактически он продавал эти должности зажиточным памирцам, тем самым пытаясь сформировать новую элиту на Западном Памире, всецело обязанную ему своим возвышением и своими привилегиями. Правда, как отмечал представитель Политического агентства в Бухаре А. Черкасов, совершивший в 1904 г. инспекционную поездку на Западный Памир, в ряде случаев наместник откровенно принуждал состоятельных представителей местного населения платить ему деньги и принимать административные должности. Кроме того, когда на этих чиновников была возложена обязанность не только собирать налоги, но и периодически преподносить самому беку подарки (в виде халатов для нукеров, волов и проч.), многие из них предпочитали уходить со своих должностей, чтобы не настраивать против себя земляков [Искандаров, 1958, с. 102; Халфин, 1975б, с. 33, 115]. Естественно, русские власти на Памире, постоянно получавшие жалобы на самоуправство эмирских чиновников, предпринимали усилия для сокращения бухарского административного

⁶ Мирахур в бухарской чиновной иерархии соответствовал приблизительно российскому капитану, а караулбеги — поручику [Логофет, 1011а, с. 239, 243]. Присвоение таких чинов руководителям местного управления было распространенным явлением в Бухарском эмирате — подобно тому, как представители казахской элиты в Российской империи получали воинские чины и звания.

аппарата в регионе, восстановления выборности местного самоуправления. Эта выборность была в полной мере восстановлена в 1905 г., когда Западный Памир перешел под юрисдикцию Российской империи.

Сложная ситуация сложилась в судебной сфере. Казии, как уже отмечалось, на Западном Памире также избирались (правда, из представителей одних и тех же «родов казиев» — «авлод»), как и другие административные должности — несмотря на их довольно высокий статус (в прежние времена в отсутствие шаха казий выполнял функции его заместителя, временного правителя того или иного ханства [Лужецкая, 2008, с. 162]). Казии осуществляли суд на основе не только шариата, но и местных правовых обычаев, а также собственного усмотрения. В результате в системе наказаний преобладали штрафы в пользу пострадавших (до 1 тыс. таньга за убийство и в редчайших случаях кровная месть, возмещение украденного в полуторном размере и т.п.) в сочетании с небольшим вознаграждением самому казию за вынесение решения (вола в случае убийства и 2 таньги в случае воровства) [Серебренников, 1900, с. 83–84]. Отсутствовали смертная казнь и телесные наказания⁷. Уже афганцы во время оккупации Западного Памира постарались разрушить эту систему, введя дополнительные огромные штрафы за любые преступления — сверх приговоров казиев, — взимаемые в пользу оккупационных властей [Там же, с. 83].

Бухарские же власти также попытались распространить на Западный Памир свои судебные принципы и нормы, добавив к системе наказаний тюремное заключение и телесные наказания, что полностью противоречило местным принципам. Российским офицерам и чиновникам неоднократно приходилось останавливать подобные расправы бухарцев над памирцами, напоминая чиновникам эмира, что местное население находится под особым покровительством российских властей; также нередко были случаи, когда местные жители бежали от расправы бухарцев на территорию русских гарнизонов⁸.

⁷ Примечательно, что на Памире отсутствовала практика битья жен, хотя это и не возбранялось принципами шариата [Халфин, 1975б, с. 110].

⁸ А. Черкасов ярко описывает подобные случаи, свидетелем и даже активным участником которых был он сам во время своей инспекции Западного Памира ([Там же, с. 93–95]; см. также: [Исканжаров, 1958, с. 118]).

Кроме того, бухарские наместники запретили населению обращаться к суду ишанов — религиозных лидеров местных шиитов, что также являлось давней традицией Западного Памира. Вместо этого следовало обращаться к казиям (также назначаемым на должность беком), которые брали не только штрафы, но и высокие сборы в собственную пользу, называемые «хизметане» («за оказание содействия»). Опять пришлось вмешаться начальнику Памирского отряда Н.С. Аносову, который в 1900 г. заставил бека и его чиновников составить четкие предписания о том, кто и какие дела должен судить, и какие судебные сборы взимаются в каждом конкретном случае [Халфин, 1975б, с. 116]. Кроме того, в некоторых случаях русские офицеры сами выносили судебные решения, которые воспринимались местными жителями как обязательные к исполнению.

Один из самых болезненных вопросов взаимоотношений Западного Памира с соседями (включая и иностранных правителей-сюзеренов) — религиозная принадлежность населения. Оно было многонациональным, однако большинство составляли таджики, принадлежавшие к шиитской ветви ислама, причем к его специфическому исмаилитскому направлению (см., например: [Серебренников, 1900, с. 80; Тагеев, 1902, с. 99])⁹. Соответственно, во главе их общин стояли ишаны, которые избирались членами этих общин, но всегда из числа представителей одних и тех же святительских семейств, ведших свою родословную еще с XI–XII вв. Эти ишаны в силу происхождения и занимаемого положения пользовались беспрекословным повиновением собственных мюридов и высоким авторитетом среди остального населения. Номинально их избрание должно было подтверждаться официальным главой исмаилитов — Ага-ханом, резиденция которого находилась в Бомбее, однако в силу политических причин или личных качеств того или иного святителя этот формальный акт зачастую игнорировался ([Серебренников, 1900, с. 80; Халфин, 1975б, с. 104–105; Харюков, 1995, с. 106]; ср.: [Бобринский, 1902, с. 9]). Ишаны оказы-

⁹ Отметим, что население Восточного Памира, входившего в состав России в качестве Памирской волости, состояло преимущественно из киргизов-суннитов [Корженевский, 1906, с. 9; Серебренников, 1900, с. 63–64]. Современные исследователи не считают горные народы Памира родственными таджикам, а также рассматривают исмаилизм как особое направление в шиизме, однако военные чиновники и ученые рубежа XIX — начала XX в. не были достаточно квалифицированы, чтобы уловить эти тонкости.

вали значительное влияние на духовную и политическую жизнь Западного Памира и, как уже отмечалось выше, нередко осуществляли также и судебные функции.

Неудивительно, что и афганцы, и бухарцы старались подорвать власть этих влиятельных представителей духовенства. Во многом это объяснялось тем, что и в Афганистане, и в Бухаре преобладало суннитское течение ислама, в глазах представителей которого шииты воспринимались как кяфиры («неверные»). Неоднократно упоминавшийся выше А. Черкасов, например, отмечал, что беки и их чиновники нередко притесняли шиитов, выносили несправедливые судебные решения, а когда те апеллировали к нормам шариата, бухарцы заявляли, что для «неверных» шариат не действует — вот пусть они примут истинный суннитский ислам, тогда для них все изменится. В 1901 г. наместник Ишанкул даже попытался провести на Западном Памире религиозную реформу: он выписал из Бухары около 200 мулл, чтобы создать школы и проводить массовую агитацию в пользу суннизма. И только очередное вмешательство начальника Памирского отряда (эту должность тогда занимал К.-Э. К. Кивекэс) позволило пресечь эту инициативу.

В противоположность афганским и бухарским властям, русские представители на Западном Памире демонстрировали полную веротерпимость¹⁰. И хотя во многом подобный подход объяснялся так называемой политикой игнорирования ислама, в свое время инициированной первым туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, на Памире он оказался весьма эффективным и привлек на сторону русских ряд весьма влиятельных местных ишанов. Так, например, один из наиболее авторитетных памирских духовных лидеров рубежа XIX–XX вв., Юсуф-Али-шо¹¹, полностью поддерживал идею перехода Памира под непосредственное русское правление, агитировал своих прихожан обращаться к российским офицерам с жалобами на бухарские власти (за что те пытались выслать его за пре-

¹⁰ Как, собственно, и на территории самого Бухарского эмирата, где представители религиозных меньшинств неоднократно находили поддержку и покровительство в Российском политическом агентстве, о чем упоминают даже западные современники (см., например: [Olufsen, 1911, p. 298, 300, 546]).

¹¹ Его подробная характеристика и описание учения представлены графом А.А. Бобринским, лично общавшимся с этим святителем [Бобринский, 1902, с. 4–11].

дела Памира). В результате даже официальные чиновники (в частности, вышеупомянутый А. Черкасов) характеризовали его как верного сторонника русских [Халфин, 1975б, с. 96–97; Харюков, 1995, с. 110]. Естественно, демонстрируя политику религиозной терпимости, русские много выигрывали в глазах местных шиитов по сравнению с воинствующими суннитами-бухарцами, и это стало дополнительным доводом в пользу борьбы памирцев за переход под власть Российской империи [Халфин, 1975б, с. 121–122].

Не менее серьезной проблемой на протяжении практически всего рассматриваемого десятилетия была организация налогообложения населения Западного Памира. Феодалный уклад этого региона, не менявшийся в течение столетий, в сочетании с природным своеобразием послужил причиной бедности местного населения, его неспособности обеспечить себя запасами продовольствия на весь год (что признавали даже бухарские чиновники, отвечавшие за сбор налогов с памирцев). Сельское хозяйство в регионе было развито достаточно слабо из-за «ничтожного количества» осадков и малочисленности пахотных земель, в результате чего плотность населения была весьма невысокой ([Коржинский, 1898, с. 9–10; Серебренников, 1900, с. 41]; см. также: [Искандаров, 1958, с. 101]). Несколько больше было развито скотоводство, также местное население промышляло охотой и ремеслом (памирцы изготавливали гончарные и столярные изделия, шерсть и даже ружейный порох) [Серебренников, 1900, с. 73–74]. Десятилетнее владычество афганцев и их постоянные набеги фактически разорили и без того не слишком богатый край. А «Памирское разграничение» 1895 г. привело к тому, что регионы, из которых памирцы прежде получали рис, соль, железо и проч., оказались в составе России или Афганистана, и теперь единственной возможностью их приобретения становилась торговля с Русским Туркестаном.

Начальство Памирского отряда уже с первых дней взаимодействия с местным населением начало практиковать покупку продовольствия, фуража и вьючных животных за деньги. Конечно, это выгодно отличало российскую политику от действий афганцев (а затем и бухарцев)¹², памирцы поначалу даже отказывались принимать деньги, предпочитая получать от «тюрей» (так они в соответствии с централь-

¹² Для сравнения можно отметить, что на территории самого Бухарского эмирата офицеры Памирского отряда поступали куда более бесцеремонно, жестко

ноазиатской традицией именовали русских военных чиновников) подарки в знак их благосклонности [Серебренников, 1900, с. 58–59]. Однако нередко такой подход оказывался неэффективным, поскольку денежные отношения на Западном Памире практически отсутствовали — не было ни базаров, ни лавок, практиковалась только меновая торговля [Коржинский, 1898, с. 8]. Кроме того, несколько уменьшал энтузиазм памирцев при поставке товаров для нужд Памирского поста тот факт, что расплачивались начальники отряда по так называемым справочным ценам, т.е. по фиксированной цене, которая нередко была ниже реальной стоимости поставляемых товаров. Лишь в 1905 г., т.е. после окончательного перехода региона под юрисдикцию российских властей «справочные цены» были серьезно повышены начальником Памирского отряда К.-Э.К. Кивекэсом, а очередность поставок продукции для русских войск между селениями строго соблюдалась [Халфин, 1975б, с. 121]. Также некоторые начальники отрядов уделяли большое внимание развитию инфраструктуры региона: так, К.-Э.К. Кивекэс развивал ирригацию и врачебную службу, А.В. Муханов строил мосты и дороги, стимулировал освоение заброшенных земель и т.д. [Алексеев, 2009, с. 81–82].

После фактического установления контроля над Памиром в 1892–1895 гг. российские власти не занимались вопросами сбора налогов (хотя отдельные попытки и предпринимались в 1895–1896 гг. [Халфин, 1975б, с. 18–19]). Во-первых, конечно, учитывалось разорение региона афганцами; во-вторых (и это, на наш взгляд, было более существенным), Памир никогда не рассматривался российскими властями как выгодный в хозяйственном отношении регион. Он был более важен в стратегическом, геополитическом отношении, что неоднократно подчеркивалось на рубеже XIX–XX вв. многочисленными авторами — государственными и военными деятелями, а также экспертами — востоковедами и экономистами.

Исходя из этого, даже после официальной передачи Западного Памира под власть бухарских наместников, российские представители в регионе постоянно настаивали на освобождении местного населения от уплаты налогов на ближайшие три года — с 1896 по 1898 г. (время от времени даже собственными приказами отменяя распоряжения

требуя и даже насильно забирая и продовольствие, и ишаков из селений [Литвинов, 1904, с. 316].

бухарского правителя об их взимании) ([Туркестан, 2016, с. 829]; см. также: [Халфин, 1975б, с. 20–21]). Эмир поначалу встретил это требование «в штыки» (мотивируя тем, что в соглашении 1895 г. и речь не шла о таком условии), но затем был вынужден согласиться. В дальнейшем этот мораторий был продлен и на 1900–1903 гг. ([Туркестан, 2016, с. 851, 858]; см. также: [Халфин, 1975б, с. 46–47]). В результате бухарские чиновники взимали с памирцев лишь налоги для содержания собственно управленческого аппарата. Но, во-первых, они при этом злоупотребляли своими полномочиями, беря больше, чем следовало; во-вторых, аппарат был раздут в несколько раз. Так, например, Юлдаш-бий, сменивший Ишанкула в 1902 г., по штату имел право на 60 нукеров, а держал 184, т.е. втрое больше, освободив их всех от уплаты налогов и требуя с населения по халату на каждого. Кроме того, бухарские чиновники неоднократно, в придачу к налогам, настаивали, чтобы им предоставлялись девушки и несовершеннолетние мальчики «для утех». Подобные пороки имели широкое распространение в самой Бухаре, однако были абсолютно чужды памирским горцам¹³, которые в негодовании едва не перерезали всех бухарцев.

Российские офицеры (особенно К.-Э.К. Кивекэс) настаивали на том, что принцип освобождения памирцев от налогов для бухарской казны означает и невозможность сборов в пользу самих чиновников. Поэтому они требовали, чтобы бек и его подчиненные расплачивались за все получаемое продовольствие и другие товары — забывая при этом, что деньги на Памире не были в ходу, а ничего на обмен у чиновников, как правило, не было (соответственно, они говорили русским чиновникам, что берут продовольствие и другие товары памирцев «в долг») [Халфин, 1975б, с. 20–21]. В то же время и офицеры Памирского отряда, и даже их непосредственный начальник, военный губернатор Ферганской области¹⁴, неоднократно официально объявляли местному населению о полном их освобождении от уплаты на-

¹³ Несмотря на то что работоторговля (причем даже своими соотечественниками-таджиками) была распространена в памирских ханствах в течение веков [Постников, 2000, с. 63–64].

¹⁴ Ферганская область была образована в 1876 г. на территории Кокандского ханства, присоединенного к России. А поскольку в 1830-е годы кокандские ханы считались сюзеренами Памира, Россия рассматривала себя как правопреемницу Коканда в отношении этого региона и, как следствие, поручила контроль над ним именно губернатору Ферганы [Там же, с. 43].

логов на ближайшие три года [Тегеев, 1892; Халфин, 1975б, с. 25]. В таких условиях российские офицеры, которые, согласно официальным предписаниям (о которых речь пойдет ниже), имели право осуществлять контроль деятельности бухарских чиновников, неоднократно вмешивались в процесс сбора налогов и брали под защиту местных жителей, когда они отказывались эти налоги платить. Это привело к уникальной ситуации: бухарский эмир, обычно лишь получавший налоги со своих бекств, был вынужден сам направлять средства своим наместникам в Западный Памир [Халфин, 1975б, с. 31]¹⁵!

Даже в 1903 г., когда второй «мораторий» на сбор налогов на Западном Памире истек, и эмир отдал приказ своим чиновникам начать собирать зякет (основной налог, предусмотренный шариатом), русские власти, трезво оценивая напряженность в отношениях бухарцев с памирцами, продолжали настаивать на том, чтобы вновь освободить местное население от налогов — как минимум до осени 1904 г. А если все-таки чиновники начнут собирать, то пусть делают это нерегулярно и не в полном размере [Там же, с. 53, 59–60]¹⁶. Но и такое компромиссное решение не удовлетворило памирцев, и в 1903 г. жители Вахана восстали против наместника Юлдаш-бия, штурмом взяли его резиденцию, связали его и его чиновников и поволокли с собой по направлению к афганской границе, где намеревались их зарезать и бежать в Афганистан. Буквально в последний момент бухарские чиновники были спасены офицером Памирского отряда хорунжим Голявинским, которого «благодарный» бек самого же и обвинил в подстрекательстве ваханцев к бунту и попытке расстрела присланных им зякетчи (сборщиков налогов). Только последовавшее вскоре расследование вышеупомянутого туркестанского чиновника Половцева подтвердило клевету и злоупотребления Юлдаш-бия [Там же, с. 60–61].

В результате самая сложная ситуация в налоговой сфере для жителей Памира сложилась как раз в «переходный период» 1904–1905 гг.,

¹⁵ Эмир Абдул-Ахад заявлял российским дипломатам в Бухаре, что его расходы на содержание чиновников Западного Памира достигают 100 тыс. таньга в год, тогда как даже в свои лучшие времена этот регион мог бы давать ежегодно не более 23 тыс. таньга.

¹⁶ Примечательно, что бухарский эмир воспринял крайне негативно это требование, резонно, в общем-то, указав, что ставки налогов вырабатывались на совместном заседании российских и бухарских чиновников.

когда регион, ожидавший передачи от Бухары Российской империи, находился в своеобразном «подвешенном состоянии». Сами памирцы, ожидая смены подданства, не желали подчиняться бухарцам, тогда как чиновники эмира, зная о том, что скоро их обязанности подойдут к концу, всячески старались напоследок приумножить свое состояние, злоупотребляя полномочиями, которые еще не были отменены. В результате население Западного Памира платило как бы тройные налоги: в казну эмира, на содержание его чиновников и традиционные отчисления в пользу пиров и Ага-хана, верховного главы исмаилитов [Там же, с. 65–68].

Наряду с жалобами памирцев российским представителям и нахождением убежища от бухарцев на территории Памирского поста одним из главных средств борьбы со злоупотреблениями чиновников эмира и привлечения внимания русских к своим проблемам становились угрозы памирцев бежать с территории бывших трех ханств за границу. Дело в том, что население Западного Памира сохраняло патриархальный строй и жило «большими семьями», поддерживая тесные родовые связи [Там же, с. 18]. В результате «Памирского разграничения» 1895 г. представители одного рода нередко оказывались по разные стороны границы, проживая частично на территории бухарского Памира, в афганских и даже в британских владениях (например, в Читрале, захваченном англичанами в 1895 г.). Соответственно, угрозы жителей Западного Памира бежать в Афганистан или даже на английские территории выглядели вполне реальными [Искандаров, 1958, с. 124; Халфин, 1975б, с. 89]. Для России это было бы не просто потерей лояльного населения стратегически важного региона, но и ударом по ее международному престижу — как признание неспособности защитить доверившихся ей жителей Памира, на что неоднократно указывал, в частности, в своих отчетах начальник Памирского отряда А.Е. Снесарев [Будаков, 2014, с. 79–80; Халфин, 1975б, с. 59].

Конечно, не следует идеализировать действия российских властей (вернее, начальства Памирского отряда и Памирского поста), хотя они и выгодно отличались от жестокостей афганцев и злоупотреблений бухарцев. Имели место со стороны российских офицеров и случаи расправ с местным населением (такие как аресты и телесные наказания), и довольно жесткие меры по обеспечению поступления продовольствия и фуража Памирскому отряду [Бухерт, 2011, с. 31; Ис-

кандаров, 1958, с. 121; Лужецкая, 2010, с. 233]. В некоторых случаях формализм российских военных представителей мог иметь весьма тяжелые последствия для местных жителей. Так, однажды на территорию Памирского поста забрели три быка, и начальник отряда приказал нарезать одного из них на мясо для своих солдат, а когда хозяйка быка прибежала жаловаться, он велел выплатить ей «справочную цену» животного (т.е. ниже реальной его стоимости), проигнорировав ее стенания: на чем ее муж будет пахать землю [Халфин, 1975б, с. 118]. Не повышали симпатии к русским также и официальные заявления российских военных и дипломатических представителей местному населению в ответ на его жалобы, что памирцы должны всецело подчиняться своему законному государю эмиру и его наместникам, и что любое проявление неподчинения не вызовет сочувствия со стороны русских [Искандаров, 1958, с. 117].

Однако подобные заявления являлись всего лишь своеобразной «уступкой» российскому МИДу и его представительству в регионе — Российскому политическому агентству в Бухаре. В большинстве же случаев начальники и офицеры Памирского отряда демонстрировали открытую поддержку и покровительство жителям Западного Памира, нередко вступая в прямые конфликты с бухарскими чиновниками, прямо отменяя их решения или позволяя местному населению не подчиняться их приказаниям. Соответственно, политические агенты в Бухаре (после жалоб эмира) неоднократно упрекали начальство Памирского отряда в том, что оно прямо-таки провоцирует население Западного Памира на неподчинение законным бухарским властям и поддерживает мятежные настроения среди местного населения [Там же, с. 108]. И если вышеупомянутый агент В.И. Игнатьев старался по возможности найти компромисс между политикой эмирских властей и позицией Памирского отряда, то его преемник на этом посту Я.Я. Лютш просто-напросто игнорировал донесения и отчеты как начальника отряда А.Е. Снесарева, так и ферганского военного губернатора Г.А. Арендаренко, считая их «сплетнями» [Будаков, 2014, с. 80; Халфин, 1975б, с. 57–58].

Таким образом, как видим, Западный Памир оказался крайне невыгодным и непривлекательным регионом для бухарского эмира. Неудивительно, что уже вскоре после официального принятия его во владения эмир Абдул-Ахад стал настаивать на передаче его России —

сначала за определенную компенсацию¹⁷, но постепенно снижал свои требования, а под конец отказался и от любого «вознаграждения», прося лишь «забрать» Памир [Халфин, 1975б, с. 41–42]. Однако если начальники Памирского отряда и руководство Туркестанского края в полной мере осознавали и стратегическую важность Памира для России, и опасность его дальнейшего оставления в составе Бухарского эмирата, то центральные власти и МИД России в большей степени опасались резкой реакции со стороны Англии. Именно поэтому, даже несмотря на настояния эмира и его чиновников, вопрос о передаче Западного Памира постоянно откладывался и завершился компромиссом 1905 г.

Но прежде чем охарактеризовать новый правовой статус этого региона, необходимо сказать несколько слов о правовой базе, которая регламентировала статус российских представителей на Западном Памире в течение рассматриваемого десятилетия. Известный российский востоковед А.А. Семенов, служивший в начале XX в. чиновником в Туркестане, характеризовал российское управление Западным Памиром как «инструкционное» [Там же, с. 126]. И это в полной мере отражает его особенности.

Фактически единственным правовым актом, который регулировал статус Памирского отряда и его начальника как представителя российских интересов в регионе, а также взаимоотношения его с бухарскими чиновниками, являлась «Инструкция начальнику Памирского отряда». Впервые она была составлена по приказанию туркестанского генерал-губернатора А.В. Вревского в мае 1897 г. и в дальнейшем неоднократно корректировалась в соответствии с изменяющимися условиями на Западном Памире.

В первоначальном варианте «Инструкции» начальнику отряда было предписано осуществлять контроль за действиями бухарского наместника и его чиновников (особенно в налоговой сфере), но при

¹⁷ В 1899 г. эмир просил за уступку Западного Памира Российской империи утвердить за ним титул «высочества» (к этому времени он официально признавался имперскими властями в ранге «светлости») и в придачу — орден Андрея Первозванного или чин полного генерала. На это туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской не без ехидства ответил, что это эмир должен быть благодарен, что его избавляют от столь затратного региона, обходившегося Бухаре, по заявлениям чиновников эмира, в 100 тыс. таньга в год [Туркестан, 2016, с. 841–843; Халфин, 1975б, с. 42–44].

этом не вступать в прямые контакты с местным населением, а при поступлении жалоб от него рекомендовать бухарским чиновникам менять свои решения [Халфин, 1975б, с. 38–39]. Как уже отмечалось выше, подобные ограничения нередко игнорировались и начальниками отряда, и их офицерами, как правило, более активно взаимодействовавшими с местным населением и занимавшими весьма жесткую позицию по отношению к бухарским чиновникам (см. подробнее: [Махмудов, 2013, с. 54–55]). Это вызвало необходимость издания нового варианта «Инструкции начальнику Памирского отряда» в сентябре 1902 г. В ответ на постоянные жалобы бухарских чиновников на самоуправство русских офицеров на Памире (а также и на аналогичные претензии русских политических агентов в Бухаре) в инструкции прямо предписывалось офицерам отряда не вмешиваться в «дела бекства», а передавать информацию, полученную от местного населения вышестоящему начальству Ферганской области и Туркестанского края, которые уже по своим каналам должны были решать возникшие проблемы [Халфин, 1975б, с. 56].

Наконец, уже после принятия решения туркестанскими властями о переходе Западного Памира под российскую юрисдикцию, в январе 1905 г. была издана новая «Инструкция начальнику Памирского отряда». Согласно ей, начальник отряда фактически принимал на себя управление регионом, тогда как формально Памир оставался под властью Бухарского эмирата. Наместничество на Западном Памире упразднялось, и интересы эмира в нем теперь представлял специальный чиновник бека Гиссара, который лишь прикладывал печать к официальным актам и формально утверждал результаты выборов руководителей местного самоуправления [Там же, с. 68–69, 71]. Его подчиненное по отношению к начальнику Памирского отряда положение отражал и факт его переезда в Хорог, где в это время располагался штаб отряда¹⁸.

В ноябре 1905 г. эмир официально дал согласие на подобные изменения статуса Западного Памира. Как ни странно, этот важный шаг остался не зафиксированным ни в каком соглашении между Россией и Бухарой: опять же, из-за боязни негативной реакции Англии. Именно поэтому «негласное» управление Западным Памиром оставалось по-прежнему в руках начальника Памирского отряда, действующего

¹⁸ Штаб в Хорог перенес К.-Э.К. Кивекэс в 1903 г. [Алексеев, 2009, с. 81].

на основании инструкции туркестанского генерал-губернатора. Это также отражало особенности статуса региона на международной арене и в контексте отношений двух империй. Тем не менее само памирское население связывало с переходом под власть России перспективы своего дальнейшего развития (см., например: [Коржинский, 1898, с. 26]), что имело место и в последующее время.

§ 2. Среднеазиатское восстание 1916 г. как основание для упрочения контроля Российской империи над Бухарой и Хивой

В обширной историографии, посвященной восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, насколько нам известно, не уделялось значительного внимания вопросу о том, насколько оно повлияло на отношения Российской империи с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Более того, исследователи совершенно обоснованно отмечают, что, поскольку Бухара и Хива номинально не входили в состав России и, следовательно, не подчинялись российским законам, соответственно, на их население не распространялся и указ о мобилизации от 25 июня 1916 г., так что повода для восстания не было [Ганин, 2008, с. 186].

В самом деле, ситуация во многом и была именно такова. Если проанализировать информацию о событиях в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в период восстания, то можно убедиться, что никаких антироссийских выступлений в них не было. В Бухаре продолжали развиваться отношения в экономической сфере, и в частности, в разгар восстания в эмирате предпринимались меры для решения продовольственной проблемы — было создано Бухарское продовольственное совещание, каковые существовали и в регионах Российской империи [Генис, 2003, с. 67–68]. Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал М.Р. Ерофеев в телеграмме военному министру от 20 июля 1916 г. писал: «В Бухаре настроение хорошее. Во многих местах совершены молитвы дарования победы русскому оружию» [Восстание, 1960, № 43, с. 64]. По всей видимости, российская администрация, убедившись, что ситуация в Бухаре под контролем, не сочла нужным вводить дополнительные меры в связи с восстанием в Туркестане и как-то ограничивать экономическую дея-

тельность русских в эмирате, а также их взаимодействие с местными партнерами.

Как и в Бухарском эмирате, в Хивинском ханстве во время восстания и после него активно осуществлялось экономическое сотрудничество между российскими и местными предпринимателями. С начала 1916 г. в ханстве, охваченном глубоким экономическим кризисом, происходил передел собственности, в результате чего часть местных предприятий разорились и ушли с рынка, а их активы перешли к более крупным, причем российским, компаниям. Кроме того, в Хиве летом 1916 г. бурными темпами шло строительство ряда зданий в русском стиле, включая новый ханский дворец — вероятно с привлечением специалистов из России [Ниязматов, 441–442, 443–452, 455].

Это дает основание исследователям констатировать, что восстание 1916 г. в Туркестане существенно не повлияло на основу взаимоотношений империи со среднеазиатскими ханствами в экономической и, до некоторой степени, культурной сфере. Однако до сих пор не рассматривался вопрос о том, что спокойствие в Бухаре и Хиве во многом обеспечивалось благодаря деятельности российской администрации Туркестанского края, принявшей ряд мер, чтобы не допустить волнений в среднеазиатских протекторатах Российской империи. Ниже предпринимается попытка проследить, как события в Туркестане повлияли на изменение отношений России с Бухарой и Хивой, и в какой мере эти изменения закреплялись юридически.

Принятие мер диктовалось соображениями безопасности, намерением защититься от угроз, которые, по мнению российских властей, могли исходить от сотрудничества восставших Туркестана с правящей элитой и населением Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Имперские власти прекрасно осознавали, что среднеазиатские ханства не могут не быть затронутыми событиями в Русском Туркестане. Более того, как следует из документов (отчетов, телеграмм и рапортов представителей туркестанской администрации), участие различных бухарских и хивинских сил в событиях лета 1916 г. четко фиксировалось. Восставшие старались поддерживать сотрудничество с Бухарой и Хивой сразу по нескольким направлениям. Прежде всего, не следует забывать, что охваченные восстанием районы не так давно являлись частью эмирата и ханства, соответственно, и в них было немало сторонников возвращения под власть прежних правителей. Уже с весны 1916 г. распространялись слухи, что скоро русские потерпят пораже-

ние от немцев, и к Бухаре отойдут все ранее отторгнутые у нее владения [Восстание, 1960, № 90, с. 156]; неслучайно среди предводителей восстания фигурировали потомки прежних бухарских беков (в частности, Абдурахман Джевачи Абдуджабаров в Джизаке) ([Там же, № 47, с. 70–71; Шестаков, 1933, с. 74, 85]; см. также: [Ганин, 2008, с. 161]). Кроме того, восставшие апеллировали к бухарским и хивинским властям (в большинстве случаев — правителям бекств, пограничных с регионами, охваченными восстанием) как единоверцам, призывали их помочь в борьбе с «неверными» оружием, продовольствием, военной силой; некоторые эмиссары восставших (причем не только из Туркестана, но и из Казахстана) приезжали в Бухару для закупки оружия ([Восстание, 1960, № 56, с. 109; № 84, с. 141; № 421, с. 624; № 422, с. 627; № 424, с. 630]; см. также: [Ганин, 2008, с. 160, 204]). Большую опасность в глазах туркестанских властей представляло идеологическое сотрудничество восставших с представителями Бухары и Хивы — панисламистами, пантюркистами, джадидами и проч. [Шестаков, 1933, с. 61]. Например, известно, что накануне восстания в работе джадидов Самарканда участвовали некоторые младохивинцы (в частности, Палван-Нияз Юсупов). Немало беспокойства причиняли российским властям также отдельные торговцы из Средней Азии, которые вели дела не только в Туркестане, но также в Поволжье и на Урале, соответственно; имевшие возможность общаться как с исламскими организациями соответствующих регионов, так и с представителями российской администрации [Ниязматов, 2010, с. 462–463]. Еще больше беспокоила российскую администрацию деятельность разведок тех стран, с которыми Россия находилась в состоянии войны — Германской и Османской империй¹⁹. Ряд современных исследователей вообще полагают, что восстание было инспирировано именно агентами этих разведок, всего лишь эффективно использовавшими социальные, политические и религиозные противоречия между российской администрацией и местным населением. Наконец, после подавления восстания многие его участники предпринимали попытки скрыться именно на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства (впрочем, также как и в Афганистане или Восточ-

¹⁹ Интересно отметить, что сами восставшие на допросах, проводимых чиновниками туркестанской администрации, отрицали, что среди них велась агитация представителями Бухары и Османской империи [Шестаков, 1933, с. 69, 75].

ном Туркестане) [Восстание, 1960, № 58, с. 111; № 78, с. 134; № 319, с. 501; Шестаков, 1933, с. 63, 65, 68].

Чтобы пресечь все эти направления взаимодействия восставших с бухарскими и хивинскими политическими кругами, российские власти предприняли ряд мер, которые мы и намерены рассмотреть ниже — сначала на примере Бухарского эмирата, а затем — Хивинского ханства. Поскольку туркестанская администрация выявила несколько направлений (истинных или мнимых) сотрудничества восставших Туркестана с бухарцами, то и сотрудничество ее с властями эмирата в целях подавления восстания осуществлялось тоже по нескольким направлениям.

Прежде всего, российские власти предприняли меры, чтобы пресечь слухи о том, что бухарцев также привлекут на тыловые работы — а такие слухи распространялись и в эмирате, и в Самарканде, вызывая беспокойство местного населения и обостряя его отношения с русскими ([Восстание, 1960, № 59, с. 114; 2016, № 19, с. 162; № 23, с. 169]; см. также: [Пирумшоев, 2017, с. 79]). Накануне и во время восстания представители туркестанской администрации неоднократно делали заявления о том, что бухарцы, в отличие от русско-подданных, не попадают под действие указа, и отвергали возможность привлечения их к этим работам даже за плату — чтобы не вызвать волнения в среднеазиатских ханствах [Восстание, 1937, № 1, с. 27; 1960, № 31, с. 53; № 127, с. 212]. Не ограничиваясь этим, временно управляющий политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульга в первые же дни после начала волнений в Туркестане «просил» (а фактически приказал) кушбеги, в свою очередь, принять меры по пресечению этих слухов, предлагая помощь полиции русских поселений [Там же, 1960, № 35, с. 59; 2016, № 22, с. 167].

Перемещение потенциальных участников восстания из Бухары в Туркестан, а также бегство восставших после разгрома на территорию эмирата имперская администрация также постаралась контролировать. Так, в июле 1916 г. исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеев писал военному министру Д.С. Шуваеву, что бухарский кушбеги приказал правителям пограничных бегств установить наблюдение за всеми пересекающими границу и не допускать ее массового пересечения самаркандцами. Несомненно, это было сделано по указанию российских властей [Там же, 1960, № 42, с. 64, 721, примеч. 52].

Взаимодействие восставших с иностранными агентами, пантюристскими и джадидскими кругами Бухары также находилось под контролем имперской администрации. 1 июля 1916 г. начальник Самаркандского уезда полковник А.И. Мартинсон в рапорте самаркандскому военному губернатору Н.С. Лыкошину ссылаясь на агентурные сведения о переписке восставших с бухарцами и афганцами и на основе этих сообщений просил распоряжения «о перлюстрации туземной корреспонденции», причем не только для Самарканда, но и для российских чиновников «в Бухарских владениях» [Там же, 1960, № 50, с. 103]²⁰. Сам Лыкошин отнесся к этой информации еще более серьезно: 7 июля в 1916 г. в телеграмме генерал-губернатору Туркестанского края он сообщает, что самаркандские мятежники связались с населением Гиссара и Шахрисябза (постоянно находившихся в оппозиции к центральным властям Бухары) и призывали их также поднять восстание. В связи с этим он прямо испрашивал распоряжения о вводе войск в Бухарское ханство для действий против мятежников ([Там же, 2016, № 18, с. 161]; см. также: [Рахимов, 2017, с. 85]).

На столь решительные меры туркестанская администрация пойти не решилась (тем более что управляющий политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульга в переписке с МИДом охарактеризовал опасения Н.С. Лыкошина как лишённые оснований [Восстание, 2016, № 20, с. 165]), а потому ограничился распоряжением на перлюстрацию писем идущих из Бухары и обратно. Так, уже 11 июля 1916 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения рапортовал в Департамент полиции в Петрограде, что усилиями Политического агентства в Бухаре было перехвачено письмо ташкентских казиев афганскому эмиру с предложением выступить против России, «но разбору не поддается» ([Восстание, 1960, № 38, с. 61]; см. также: [Пирумшоев, 2017, с. 80]). За сбор сведений о ситуации в Бухаре отвечал специальный помощник самаркандского военного губернатора, который, в свою очередь, информировал о ней командующего Туркестанского военного округа [Восстание, 1960, № 61, с. 115]. Точно так же был установлен специальный надзор за бухарцами, пребывавшими во время восстания на территории Туркестана [Там же, № 314, с. 464].

²⁰ Инициативу своего подчиненного поддержал и сам военный губернатор Лыкошин в переписке с туркестанским генерал-губернатором [Восстание, 2016, № 18, с. 161].

Исследователи высказывают предположение, что бухарцы не пришли на помощь туркестанцам, несмотря на неоднократные призывы, по ряду причин. Во-первых, меры для предупреждения выступлений принимали сами бухарские власти, которых пугала возможность повторения в эмирате туркестанских событий. Во-вторых, на бухарцев могло произвести впечатление быстрое и жестокое подавление выступления в ближайшем к ним туркестанском регионе — Джизакском уезде (где оно длилось с 13 по 27 июля). Наконец, в-третьих, российские отряды, расположенные на территории эмирата, были очень оперативно перегруппированы и взяли под охрану русские поселения и железнодорожные станции [Шестаков, 1926, с. 94]. В связи с этим интересно отметить, что по распоряжению Штаба Туркестанского военного округа территории, прилегающие к Туркестанской железной дороге для более эффективной их охраны были разбиты на 12 участков, и одним из них (12-м) стал участок «Бухара — Термез с веткой Карши-Китаб» [Восстание, 1960, с. 727, примеч. 335]. Таким образом, в условиях чрезвычайной ситуации на территорию формально независимого Бухарского эмирата в полной мере распространялись распоряжения туркестанской военной администрации!

Утверждения о том, что в Бухаре во время восстания в Туркестане вообще не было волнений, некорректны. Исследователи упоминают, что как раз летом-осенью 1916 г. в эмирате имели место восстания в ряде бекств. Но выступления дехкан в Шахрисябзском²¹ и Китабском бекствах носили (как было принято их характеризовать в советской историографии) «антифеодальный характер» и были подавлены силами самого эмира [Тухтаметов, 1966, с. 122]. А вот выступление в Ширабадской долине уже имело антироссийский характер: поводом для волнений послужила деятельность российской концессии «Айвадж», руководители которой, Глушков и Конев, незаконно захватили земли местных жителей. В результате восставшие потребовали не только

²¹ Впрочем, при анализе событий в Шахрисябзском бекстве нельзя упускать из виду, что власть Бухары над ним была восстановлена в полной мере лишь в 1870 г. — при прямой поддержке российских войск. Соответственно, среди местного населения (преимущественно племени кенегес) были широко распространены антибухарские и антироссийские настроения, и волнения 1916 г. могли быть в равной степени направлены как против эмира Сейид Алим-хана, так и против российских властей, чьим ставленником он являлся (устная консультация д.и.н., профессора МГУ Д.Ю. Арапова, 18.09.2015).

вернуть эти земли, но и выступили против практики концессий как таковой. Судя по всему, это восстание не приобрело столь острой формы, как в Туркестане, Шахрисябзе и Китабе, поскольку нет сведений, что на его подавление были брошены войска. Лишь осенью 1916 г. в Ширабад был направлен агроном, надворный советник Леонтьев, чтобы разобраться с причиной волнений — причем официальной целью его поездки было ознакомление с развитием сельского хозяйства в регионе. А уже в начале 1917 г. регион посетил сам туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, который вместе с политическим агентом А.Я. Миллером рассмотрел претензии дехкан и приказал руководителям концессии «Айвадж» возвратить незаконно захваченные земли их хозяевам. Таким образом, и в событиях 1916 г. мы видим, что российская администрация строго блюла принцип, согласно которому дела в Бухарском эмирате с участием русских разбирались исключительно российскими властями [Там же, с. 123]. И только тот факт, что решение выносил не представитель Российского политического агентства, а сам туркестанский генерал-губернатор, свидетельствует о сохранении чрезвычайной ситуации в российско-бухарских отношениях в рассматриваемый период.

Изменения же в отношениях Российской империи с Хивинским ханством во время восстания в Туркестане оказались более радикальными, что объяснялось спецификой как политической ситуации в самом ханстве, так и особенностями взаимодействия имперской пограничной администрации с ее властями. В отличие от Бухары, где — не без помощи русских войск — уже в 1870-е годы была восстановлена прочная власть центра над регионами, Хива и в начале XX в. оставалась раздробленным государством с сильной кочевой оппозицией ханской власти, которая держалась во многом благодаря российской поддержке [Ниязматов, 2010, с. 417]. Последний случай оказания имперскими властями прямой поддержки хану Исфендиару датируется началом 1916 г., т.е. имел место буквально накануне восстания в Туркестане! Отдаленность Хивы от основных российских владений, немногочисленность военных отрядов в Амударьинском отделе, Закаспийской области и непосредственно на территории ханства [Погорельский, 1968, с. 98; Чиркин, 2006, с. 247] заставляли туркестанскую администрацию принимать решительные меры в отношении противников ханской власти — вплоть до прямого военного вмешательства.

Восстание в Хиве в январе 1916 г. и в особенности участие в нем йомудского предводителя Джунаид-хана (которого российские власти не без оснований считали креатурой османской и германской разведок²²) заставили генерал-губернатора Туркестанского края Ф.В. фон Мартсона ввести военное положение в Амударьинском отделе, а также и в Хивинском ханстве — на что им была получена соответствующая директива из Петрограда за подписью военного министра А.С. Сухомлинова и министра иностранных дел С.Д. Сазонова [Ниязатов, 2010, с. 429]. Тот факт, что центральные власти столь быстро санкционировали распространение военного положения на государство, юридически считавшееся независимым, весьма красноречиво показывает, что на самом деле ханство воспринималось едва ли не как часть Российской империи. Кроме того, введение военного положения в Хивинском ханстве представляется аналогичным вышеупомянутому включению отдельных территорий Бухарского эмирата в качестве «участка» для особой защиты войсками Туркестанского военного округа. Также обращает на себя внимание тот факт, что генерал А.С. Галкин, командовавший туркестанскими войсками при подавлении восстания, не был ограничен никакой инструкцией: он в течение долгих лет занимал административные должности в Туркестане (в свое время побывав и на посту начальника Амударьинского отдела) и считался «знатоком Хивы», так что ему было позволено действовать в ханстве по собственному усмотрению [Погорельский, 1968, с. 106]. Наделение русского генерала практически диктаторскими полномочиями также свидетельствует, на наш взгляд, об усилившейся в условиях чрезвычайной ситуации тенденции восприятия Хивинского ханства как части Российской империи.

Восстание в Хиве зимой-весной 1916 г. также неоднократно освещалось в исторических исследованиях, поэтому в рамках данного исследования нас интересует не его ход и подавление, а некоторые последствия.

Во-первых, Ф.В. фон Мартсон по итогам действий в Хиве в очередной раз поднял вопрос перед центральными властями о присоединении ханства к России — как гарантии спокойствия на его тер-

²² Т.Г. Тухтаметов в своем исследовании прямо противопоставляет турецкого и германского ставленника на хивинском троне Джунаида российскому ставленнику Исфендиару ([Тухтаметов, 1969, с. 92]; см. также: [Ниязатов, 2010, с. 418–419]).

ритории. Но это предложение не встретило поддержки в Петрограде, поскольку присоединение Хивы вызвало бы очередной виток обострений с рядом мировых держав, чьи интересы затрагивали любые изменения в Средней Азии — причем не только противников России в Первой мировой войне Германии и Турции, но и союзников, в частности, Англии. Кроме того, по всей видимости, у Мартсона не было четкого плана по присоединению Хивы, и он сделал предложение под влиянием текущего момента (хотя и инициировал создание специального Хивинского комитета). Его подчиненный С.В. Чиркин отмечал, что подобная воинственная риторика совершенно не вязалась ни с личностью, ни с предыдущей деятельностью генерал-губернатора. Тем не менее, не желая рисковать, центральные власти отозвали В.Ф. Мартсона [Чиркин, 2006, с. 248–249]. Сменивший его в июле 1916 г. А.Н. Куропаткин, несмотря на свою куда большую воинственность, сумел, как мы увидим ниже, действовать в отношениях с властями более дипломатично и добиться укрепления российского контроля над Хивой даже без ее присоединения к России.

Во-вторых, важным последствием восстания в Хиве стало пребывание начальника Амударьинского отдела полковника В.П. Колосовского в ханстве уже после разгрома основной части мятежников и отмены военного положения — в мае-июле 1916 г. По-видимому, к нему, по крайней мере частично, перешли широкие полномочия А.С. Галкина, поскольку он добился отмены вывода тех российских воинских подразделений, которые еще оставались в ханстве после подавления восстания, фактически осуществляя от имени хана меры по стабилизации обстановки в регионе [Погорельский, 1968, с. 113]. Самое же главное, что он развернул активную деятельность по выявлению и нейтрализации иностранных агентов [Ниязматов, 2010, с. 433]. Его действия также позволяют провести параллель с «оперативно-розыскными» действиями Российского политического агентства в Бухаре в этот же период деятельности. Особая агентурная сеть была создана для отслеживания перемещений Джунаид-хана, причем не только на территории Хивинского ханства, но и за рубежом — в Персии и Афганистане [Восстание, 1960, № 283, с. 431; № 311, с. 459]. Правда, как отмечают исследователи, усилия Колосовского в значительной степени не были оценены: он предоставил своему непосредственному начальнику А.С. Галкину поименный перечень лиц, которые действовали в ханстве во вред России, с указанием, на какую разведку они ра-

ботали и какую деятельность осуществляли (собирали информацию для Германии и Турции, поставляли оружие Джунаид-хану и проч.), однако генерал не принял никаких мер. С.В. Чиркин объясняет его пассивность тем, что Галкин, к этому времени являвшийся уже пожилым человеком, «был алкоголик и в состоянии запоя часто манкировал делами» [Чиркин, 2006, с. 247]. Советские же исследователи судили генерала более строго, обвиняя его в том, что он сам был тайным агентом Германии и Турции и именно поэтому не принимал никаких мер по борьбе с их резидентами в Хиве [Якунин, Кулиев, 1953, с. 46]. Однако аналогичным образом повел себя и сам генерал-губернатор Мартсон, которому Колосовский также направлял рапорты и списки иностранных агентов [Ниязматов, 2010, с. 433–434], хотя его никто и никогда не обвинял в сотрудничестве с иностранными разведками: по всей видимости, проблемы, начавшиеся непосредственно в Туркестане, заставили руководство имперской администрации до некоторой степени пренебречь вопросами безопасности на территории Хивинского ханства.

В августе 1916 г. В.П. Колосовский был снят со своего поста — причем не за действия в Хиве, а по обвинению во взяточничестве (в том числе и вымогательстве денег у самого хивинского хана, в чем он сам откровенно признавался на следствии) ([Погорельский, 1968, с. 84–95, 89]; см. также: [Котюкова, 2009а, с. 5, 11]). Тем не менее, вероятно, именно из-за его пребывания в Хиве во время восстания в Туркестане и небезуспешной борьбы с иностранными агентами ханство в этот период времени оставалось достаточно спокойным.

Весьма примечательно, что Колосовский постарался не допустить повода для восстания — применения указа о мобилизации. Хотя Хива, как и Бухара, официально не подпадала под его действие, туркестанским властям было известно, что на территории ханства кочует ряд казахских родов из Уральской области, общим числом около 3 тыс. человек, 426 из которых полагалось призвать на тыловые работы. Начальник Амударьинского отдела в ответ на такое распоряжение туркестанских властей написал, что возникнут трудности с его выполнением, поскольку весьма проблематично отследить в пределах ханства кочевников и доподлинно установить их подданство [Садыков, 1972, с. 178]. Благодаря этому повод для восстания не появился. Зато практически сразу после того, как Колосовский покинул ханство, в августе 1916 г., там начались новые волнения в Хиве; кроме того, хивинские

йомуды приняли участие вместе со своими русско-подданными сородичами в восстании туркмен Закаспийской области ([Ниязматов, 2010, с. 459; Шестаков, 1926, с. 109–110]; см. также: [Восстание, 1960, № 49, с. 96]). Вероятно, во многом это было связано с тем, что сменивший Колосовского на посту начальника Амударьинского отдела полковник Завитневич объявил амнистию и освободил ряд предводителей прежнего хивинского восстания [Погорельский, 1968, с. 114], что в глазах населения ханства могло свидетельствовать о его излишней мягкости или неуверенности в своих силах.

Однако сам факт постоянного пребывания в Хиве российского военного представителя во главе отряда войск, по-видимому, был сочтен туркестанскими властями удачным решением постоянной проблемы междоусобиц в Хивинском ханстве и вражды с русско-подданными. 8 декабря 1916 г. в Петрограде произошло совещание, в котором приняли участие туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, а также руководство Военного министерства и Министерства иностранных дел. На этом совещании было признано целесообразным его предложение о введении института военного комиссара в Хиве, в компетенцию которого должно было входить даже принятие решения о преемнике хана! В начале нового, 1917 г., используя в качестве повода очередной всплеск антиханских восстаний в Хиве, Куропаткин пригласил хана Исфендиара в Ташкент, где 29 января 1917 г. они подписали соглашение о военном комиссаре и размещении в Хиве русского гарнизона в количестве двух рот солдат, двух сотен казаков и двух артиллерийских орудий. Примечательно, что расходы на военного комиссара, его штат и гарнизон (около 200 тыс. руб. в год) должен был нести хивинский хан [Садыков, 1972, с. 179–180; Чиркин, 2006, с. 258–259].

Проект соглашения с Хивой был направлен Куропаткиным тогда же, в конце января 1917 г., в Военное министерство, а 15 февраля он отправил рапорт Николаю II о его подписании [Восстание, 1938, с. 224], однако в результате Февральской революции проект не был официально одобрен. Впрочем, как показали последующие события, и Временное правительство прислушалось к мнению Куропаткина: пребывание в Хиве с марта по октябрь 1917 г. сначала генерала Х. Мирбадалова, затем подполковника Б.П. Тризны и, наконец, полковника И.М. Зайцева во главе гарнизона, по сути, и стало реализацией проекта о военном комиссаре в Хивинском ханстве — правда, называлась

эта должность просто «комиссар Временного правительства Российской державы в Хиве» (впрочем, положение, которое должно было юридически закрепить статус этого чиновника, было представлено на рассмотрение Военному министру лишь в сентябре 1917 г. и, подобно вышеупомянутому проекту А.Н. Куропаткина, также не было утверждено — уже из-за Октябрьской революции). Тем не менее нельзя не отметить стремление туркестанских властей (и лично А.Н. Куропаткина) упорядочить отношения с Хивинским ханством, усовершенствовав их хотя бы до уровня русско-бухарских отношений: институт военного комиссара, на наш взгляд, имеет большие сходства с институтом политического агента в Бухарском эмирате — с той только разницей, что комиссар должен был подчиняться не МИДу (как агент), а Военному министерству. Учитывая напряженную обстановку в ханстве, это отличие представляется вполне логичным.

Некоторые проблемы взаимоотношений с Бухарским эмиратом и в особенности с Хивинским ханством, с которыми столкнулись российские власти во время восстания 1916 г., на наш взгляд, могут быть объяснены, во-первых, неопределенным статусом среднеазиатских ханств по отношению к империи (фактические протектораты при формальном признании их независимости); а во-вторых, отсутствием четкой правовой базы, которая бы регулировала эти отношения. Как мы могли убедиться, взаимоотношения России с Бухарой и Хивой в этот сложный период строились на основе распоряжений туркестанской администрации — самого генерал-губернатора, начальника Амударьинского отдела (в отношениях с Хивой) и «рекомендаций» Российского политического агентства (в отношениях с Бухарой), нередко реализовывавшихся без одобрения вышестоящих имперских органов власти — Военного министерства и МИДа или до получения такого одобрения. Все эти правозначимые решения и действия предпринимались *ad hoc*, т.е. для решения конкретной задачи, возникшей здесь и сейчас. Только последний генерал-губернатор А.Н. Куропаткин попытался предложить вариант институционализации отношений с Хивинским ханством — фактически доведя формат правоотношений России с ним до формата отношений с Бухарским эмиратом, — однако, как уже было сказано, события февраля 1917 г. не позволили реализовать проект в полной мере.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что, с одной стороны, восстание 1916 г. в Туркестане не повлекло радикальных

перемен в правовом регулировании отношений Российской империи с ханствами Средней Азии, издания новых правовых актов, которые бы изменили формат этих взаимоотношений. С другой стороны, действия российской администрации в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во время восстания (и под предлогом борьбы с ним) еще раз отчетливо продемонстрировали, что Россия фактически считает среднеазиатские ханства зависимыми территориями и находит возможным в условиях чрезвычайной ситуации распространять на них отдельные имперские правовые акты и правовые режимы, включая контроль перемещений через границу, охрану значимых объектов на территории ханств русскими войсками, проведение сыскной работы для выявления иностранных агентов и т.п.

Полагаем, что дополнительные исследования, в том числе изучение архивных документов из канцелярий Бухарского эмирата, Хивинского ханства, Туркестанского генерал-губернаторства (в том числе Амударьинского отдела), Российского политического агентства в Бухаре позволят лучше понять механизм реализации российских правовых предписаний — в частности, выяснить, вводились ли они в действие непосредственно на основе распоряжений туркестанских властей или же опосредованно, путем принятия соответствующих актов эмира Бухары и хана Хивы. Это позволит лучше понять и официальное юридическое положение среднеазиатских ханств по отношению к Российской империи накануне ее падения.

§ 3. Вопрос о правовом статусе ханств Средней Азии в политике Временного правительства

Политика Временного правительства по отношению к среднеазиатским протекторатам Российской империи, насколько нам известно, до сих пор не становилась предметом специального исследования. Это вполне объяснимо, поскольку Средняя Азия отнюдь не входила в число приоритетных направлений новых российских властей. Тем не менее, на наш взгляд, этот вопрос заслуживает внимания, поскольку его изучение позволяет проанализировать исторический опыт взаимодействия России с государствами и народами Средней Азии в эпоху перемен, что актуально и в наше время в условиях интеграции на евразийском пространстве.

В самом начале марта 1917 г. вести о Февральской революции в России дошли до Бухарского эмирата и Хивинского ханства и сразу вызвали воодушевление различных слоев населения, связанное с ожиданиями перемен в политической, экономической, общественной жизни. Складывающаяся социально-политическая обстановка поставила в довольно затруднительное положение Временное правительство, которому пришлось быстро поменять свои планы относительно правового регулирования отношений в российских протекторатах в Средней Азии.

Дело в том, что поначалу новые власти России совершенно не планировали никаких изменений на ее национальных окраинах — Несмотря на то что провозгласили их в своих первых же декларативных правовых актах. В связи с этим весьма характерным представляется «разъяснение» последнего туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина о том, что заявление Временного правительства «о даровании гражданского равноправия» не имеет отношения к местному мусульманскому населению Туркестана, поскольку оно не несет воинской повинности и, следовательно, отличается по статусу от населения других регионов Российской империи (см.: [Кастельская, 1980, с. 96]). Не распространялись на население Туркестана, Бухары и Хивы и протекторатов также декларации Временного правительства об амнистии и другие права и свободы, провозглашенные, казалось бы, в отношении всего населения Российской империи [Архив, 2001, с. 148].

Одним из важнейших показателей позиции Временного правительства стал провозглашенный им принцип соблюдения всех международных договоров, «принятых павшим режимом», о чем были разосланы телеграммы российским дипломатическим представителям в зарубежных государствах [Васюков, 1966, с. 27–28]. В отношении Средней Азии это означало сохранение в силе договоров между Российской империей, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, заключенных в 1873 г. и фактически установивших российских протекторат над этими государствами. Более того, некоторые наиболее радикальные члены Временного правительства (в частности, А.Ф. Керенский) продолжали отстаивать необходимость окончательного включения Бухары и Хивы в состав России, тем самым следуя линии российских властей начала 1910-х годов [Россия, 2011б,

с. 28]²³. Сложившаяся ситуация в полной мере устроила бухарского эмира Сейида Алим-хана (1910–1920) и хивинского хана Исфендиара (1910–1918), которые немедленно выразили свою лояльность Временному правительству, одобрили продолжение участия России в Первой мировой войне и даже подкрепили свою позицию в материальном выражении [Архив, 2001, с. 159; Погорельский, 1968, с. 121; Тухтаметов, 1969, с. 119–120].

Однако сохранение текущей ситуации ни в коей мере не устраивала население среднеазиатских ханств, чьи настроения подогревались представителями русского населения Бухары и Хивы — рабочими, солдатами, политизированными представителями чиновничества, ссыльными революционерами и т.д. Поэтому уже в начале марта 1917 г. Временное правительство начало демонстрировать намерение произвести перемены в своих среднеазиатских владениях и протекторатах. Полагаем, слово «демонстрировать» в данном случае является наиболее уместным, поскольку первоначальные преобразования свелись лишь к номинальной замене имперских институтов в Туркестане и Бухаре — при фактически полном сохранении прежнего курса с целью поддержания контроля над ханствами Средней Азии путем небольших уступок им в политико-правовой сфере [Зиманов, 1976, с. 92].

В соответствии с циркуляром Временного правительства «Об устранении губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей с возложением управления губерниями, в качестве губернских комиссаров Временного правительства, на председателей губернских земских управ» [Сборник, 1917, с. 8–9], было объявлено об упразднении должности Туркестанского генерал-губернатора. Правда следует отметить, что Временное правительство видело это «устранение» в качестве временной меры, а ряд членов Временного правительства (в том числе П.Н. Милюков), активно возражали против отмены этого института [Архив, 2001, с. 21]. Вместо генерал-губернатора вводился коллегиальный орган управления краем — Тур-

²³ По-видимому, подобная позиция А.Ф. Керенского связана с тем, что он провел детство и молодость в Туркестане, вплоть до 1916 г. имел связи с регионом в качестве адвоката и продолжал поддерживать связи с туркестанцами даже после того, как стал главой Временного правительства (см. подробнее: [Котюкова, 2009б]).

кестанский комитет Временного правительства, права и обязанности которого также распространялись на Бухарский эмират и Хивинское ханство [Сборник, 1917, с. 12]. Объем генерал-губернаторских полномочий фактически полностью перешел к этому комитету, отличавшегося от прежнего единоличного главы Туркестанского края не только коллегиальностью, но и тем, что в него вошли бывшие депутаты Государственной Думы именно от Туркестана. Как видим, новые власти постарались принять во внимание знакомство членов нового регионального органа власти с местными политическими и правовыми реалиями, что далеко не всегда учитывалось прежде при назначении генерал-губернаторов.

На очередном заседании Временного правительства 17 марта 1917 г. было принято решение о переименовании Российского императорского политического агентства в Бухаре в Российское резидентство [Архив, 2001, с. 124]. Инициатива переименования принадлежала последнему императорскому агенту А.Я. Миллеру, который в телеграмме министру иностранных дел П.Н. Милюкову 13 марта 1917 г. писал: «Принимая во внимание неверное толкование массой русского населения титула: [политический агент] и вызываемое этим недоверие....не будет ли признано возможным заменить “политический агент” титулом “российский резидент в Бухаре”» [Шестаков, 1927, с. 80]. Таким образом, если в Туркестанском крае произошла настоящая замена одного административного органа другим, в Бухаре Временное правительство ограничилось формальной сменой «старорежимного» названия агента на новое — резидент, и «новую» должность продолжал занимать А.Я. Миллер. Впрочем, его пребывание на этом посту оказалось недолгим: уже в апреле его сменил С.В. Чиркин, который в сентябре был заменен В.С. Елпатьевским.

Кроме того, изменения в административно-территориальном управлении, происходившие в России, нашли отражение и на территории Бухарского эмирата в виде формирования территориальных исполнительных комитетов Временного правительства: исполкомы появились в русских поселениях на территории бухарских городов (Новая Бухара, Чарджуй, Керки, Термез, Карши, Зиадин и Кизил-Тепе), которые находились в ведении Туркестанского комитета. В мае 1917 г. состоялся съезд исполнительных комитетов, на котором был выбран глава исполнительной власти в русских поселениях эмирата — областной комиссар. Характерно, что и эту должность занял

чиновник бывшего политического агентства П.П. Введенский — заместитель А.Я. Миллера (к этому времени сам исполнявший обязанности резидента) [Генис, 2003, с. 107—116]. Тем не менее введение новых должностей, попытка найти компромисс между различными группировками на некоторое время позволили констатировать восстановление политического баланса в Бухарском эмирате — пусть и весьма хрупкого.

Гораздо более драматично складывалась политическая обстановка в Хивинском ханстве, в котором центральная власть и в имперский период была куда более слабой, а влияние российской пограничной администрации — менее значительным, чем в Бухаре. До Февральской революции в ханстве даже не было российского официального представителя: его функции (до некоторой степени аналогичные обязанностям политического агента в Бухаре) выполнял начальник ближайшего к Хиве административно-территориального подразделения Туркестанского края — начальник Амударьинского отдела.

Узнав о революции в Петрограде, население отдела уже в начале марта сформировало советы рабочих и солдатских депутатов, которые 7 марта 1917 г. приняли решение отстранить «царское» руководство отдела и передать всю полноту власти Комитету общественной безопасности, контролируемому советами [Садыков, 1972, с. 182]. Однако вскоре из Ташкента в Амударьинский отдел (в качестве нового начальника) был командирован генерал-майор М. Мирбадалов, ранее являвшийся генералом для поручений при командующем Туркестанским военным округом. Вместе с хивинским ханом Исфендиаром (вернувшимся с отдыха в Крыму) он появился в ханстве, став одновременно начальником русского гарнизона в Хиве и комиссаром при хане. Фактически именно он стал отвечать за обеспечение правопорядка в Хивинском ханстве, хотя никакого нормативного закрепления его полномочий не существовало [Погорельский, 1984, с. 185]. Только в мае 1917 г. Туркестанский комитет приступил к разработке «Положения о комиссаре Временного правительства Российской державы в Хиве», в августе оно было утверждено и в сентябре направлено на утверждение Временного правительства в Петроград ([Галузо, 1928, с. 72—74]; см. также: [Погорельский, 1968, с. 132—133]). Таким образом, три последовательно сменивших друг друга военных комиссара Временного правительства в Хиве (генерал М. Мирбадалов в марте — мае, подполковник Б.П. Тризна в июне — августе и пол-

ковник И.М. Зайцев в сентябре — октябре) действовали, не обладая формально закрепленными полномочиями.

Следует подчеркнуть, что комиссар в Хиве был военным, а не дипломатом, и создание такого поста свидетельствовало о намерении Туркестанского комитета решать политико-правовые проблемы Хивинского ханства преимущественно силовыми, а не дипломатическими методами. Это свидетельствует о куда более сложной обстановке в Хиве по сравнению с Бухарой, где российский резидент А.Я. Миллер резко воспротивился инициативе Туркестанского комитета также ввести пост военного комиссара. 30 марта 1917 г. он писал в телеграмме, направленной в МИД: «Применение в Бухаре проектированного для Хивы военного комиссариата представляется совершенно невозможным прежде всего в виду несомненного наличия либеральной организованной группы, коей необходимо дать возможность высказать свои взгляды на ближайшие задачи, лежащие на бухарском правительстве, и дать возможность найти компромисс под ближайшим руководством резидентства с консервативной партией» [Шестаков, 1927, с. 88]. Таким образом, российские представители в Бухаре полагали, что политическое развитие эмирата позволяет решать большинство проблем политическими, а не военными методами и делали ставку на дипломатию, с чем в конечном счете согласились и центральные власти.

Сформировав новые органы власти в среднеазиатских владениях России, Временное правительство приступило к рассмотрению вопроса о реформах в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Во многом к этим действиям российские власти подталкивали представители зарождающихся политических партий в самих Бухаре и Хиве, известные как джаиды (чуть позже их стали называть, соответственно, младобухарцами и младохивинцами). Связав с приходом к власти Временного правительства ожидания значительных перемен в своих ханствах, джаиды очень быстро убедились, что новые власти России отнюдь не спешат проводить реформы в Средней Азии и решили сами обратиться к Временному правительству, требуя активизировать реформаторскую деятельность в Бухаре и Хиве [Россия, 2011б, с. 29; Ходжаев, 1970, с. 98]. Опасаясь, что, если процесс реформ не будет инициирован со стороны России, политические силы Бухарского эмирата и Хивинского ханства начнут его сами, Временное правительство было вынуждено согласиться на проведение реформ.

Предложения по основным направлениям реформ в Бухаре были разработаны российским резидентом А.Я. Миллером, который 20 марта 1917 г. направил в Петроград проект манифеста бухарского эмира о проведении реформ [Шестаков, 1927, с. 82]. Временное правительство одобрило манифест и 28 марта поручило МИД порекомендовать эмиру огласить его. Когда же оказалось, что эмир все еще колеблется, 3 апреля было принято еще более жесткое решение «предложить эмиру незамедлительно обнародовать манифест о реформах» [Архив, 2001, с. 187, 220].

Манифест был обнародован 7 апреля 1917 г. практически в редакции А.Я. Миллера. Это позволило бухарским консерваторам из числа приближенных эмира и в особенности мусульманскому духовенству распустить слухи, что преобразования, провозглашенные эмиром, совершенно чужды бухарцам, навязаны им насильно Россией и преследуют цель развратить население, вытеснить нормы шариата и т.д. [Пылев, 2005, с. 87; Салимбек, 2009, с. 145–146]. Однако подобные утверждения были ложными: как содержание манифеста, так и откровенные мнения самих же бухарских сановников свидетельствуют о том, что провозглашаемые реформы разрабатывались в соответствии с политической программой джадидов-младобухарцев.

В самом деле, если мы обратимся к тексту манифеста, то увидим, что основные направления реформ — это снижение налогового бремени и введение бюджета, развитие промышленности и предпринимательства, введение местного самоуправления, развитие наук и образования. А ведь именно этого добивались джади́ды, в тесном контакте с которыми (по инструкции министра иностранных дел П.Н. Миллюкова) действовал российский резидент [Зиманов, 1976, с. 97; Вескер, 2004, р. 131]. Кроме того, у нас имеется свидетельство высокопоставленного бухарского сановника (правителя вилайета, а затем главного зякетчи, т.е. главы налогового ведомства) Мирзы Салимбека, который характеризует манифест как «не имеющие смысла слова, состряпанные несколькими вероотступниками джади́дами» [Салимбек, 2009, с. 142].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении планируемых российскими властями преобразований в Бухаре с нормами и принципами шариата. Надо сказать, что А.Я. Миллер весьма проницательно предполагал, что бухарские консервативные круги (сановничество и духовенство) непременно обвинят и российских,

и местных реформаторов в намерении нарушить нормы мусульманского права, отвратить местное население от традиционных ценностей [Шестаков, 1927, с. 83]. Именно поэтому он настоятельно рекомендовал реализовать реформы по тем направлениям, по которым не было бы столкновений между нововведениями и нормами шариата, и всячески настаивал на том, чтобы в манифесте было как можно больше указаний на то, что все реформы будут осуществляться именно в соответствии с шариатом ([Архив, 2001, с. 187; Шестаков, 1927, с. 80]; см. также: [Генис, 2011, с. 18; Пылев, 2005, с. 87]).

Тем не менее бухарское духовенство и чиновничество сумело настроить народ против объявленных реформ, обвинив представителей Временного правительства в Бухаре в намерении навязать населению нормы, противоречащие шариату, а джадидов — в пособничестве русским ([Салимбек, 2009, с. 142–143]; см. также: [Генис, 2003, с. 89–90]). Младобухарцы не сумели своевременно оценить обстановку и решили отметить оглашение манифеста демонстрацией, во время которой намеревались выразить одобрение и поддержку эмиру. Российское резидентство настоятельно не рекомендовало проведение такого мероприятия, однако джадиды не вняли советам дипломатов, в результате чего манифестация была разогнана многочисленной толпой, разогитированной бухарскими муллами и сановниками. А уже неделю спустя, в середине апреля 1917 г., бухарские власти начали репрессии против младобухарцев, заставив большинство их руководителей бежать в русские поселения в эмирате и Туркестан [Пылев, 2005, с. 95; Центральная Азия, 2009, с. 311; Carrère d'Encausse, 2009, p. 137].

В итоге джадиды, прежде ориентировавшиеся на сотрудничество с Временным правительством, уже в апреле 1917 г. связали свое будущее с советами [Пылев, 2005, с. 91; Becker, 2004, p. 196]²⁴, которые стали обвинять российское резидентство в том, что именно оно спровоцировало расправу с джадидами и намеренно препятствовало проведению реформ [Генис, 2003, с. 364–365; Тухтаметов, 1969, с. 140–141]. Резидент А.Я. Миллер был арестован представителями совета депутатов Новой Бухары, и Временному правительству пришлось,

²⁴ Впрочем, еще летом 1917 г. новое руководство младобухарской партии пыталось по-прежнему сотрудничать с Временным правительством и в своих телеграммах к нему просило повлиять на эмира Алим-хана, чтобы он вновь разрешил деятельность джадидов в Бухаре [Зиманов, 1976, с. 115–116].

«сохраняя лицо», принять решение о его отставке и отзыве в Петроград и назначить нового резидента [Фомченко, 1958, с. 50].

Тем не менее в какой-то мере обвинения сотрудников резидентства в Бухаре были обоснованы: видя, как бурно отреагировали на манифест и сторонники, и противники реформ, они, и в самом деле, решили «притормозить» процесс реформ до полного восстановления спокойствия в Бухаре [Искандаров, 1970, с. 34]. Как оказалось, это было правильным решением: уже 24 апреля 1917 г. новый резидент С.В. Чиркин писал о готовности эмира вновь приступить к преобразованиям по согласованию с российскими властями; а в начале октября сменивший его В.С. Елпатьевский в телеграмме Временному правительству также выказал намерение содействовать эмиру и его правительству в дальнейших преобразованиях [Шестаков, 1927, с. 103, 122]. Более того, в сентябре-октябре 1917 г. младобухарцы разработали «Проект реформ в Бухаре», в реализации которого предполагалось активное участие российских специалистов — в первую очередь юристов [Зиманов, 1976, с. 117–118; Ходжаев, 1970, с. 123–128].

События на фронтах, а затем в столице и регионах (июльское восстание в Петрограде и сентябрьское в Ташкенте) снизили интерес Временного правительства к преобразованиям в Бухаре. Если в марте 1917 г. оно рекомендовало не производить реформ в большей степени, чем это было необходимо [Carrère d'Encausse, 2009, p. 131], то уже в мае (после консультаций с А.Н. Куропаткиным и А.Я. Миллером) МИД стал настаивать на сохранении прежнего государственного устройства, правовой системы и социально-политических отношений настолько долго и в той степени, сколь это возможно. Причиной тому было и опасение, что ситуация в эмирате выйдет из-под контроля и нежелание тратить материальные и человеческие ресурсы (которых попросту и не было!) на преобразование аппарата управления в случае установления в Бухаре республиканского строя [Генис, 2011, с. 35; Куропаткин, 1927, с. 71].

Сходно, хотя и с некоторыми отличиями, складывалась ситуация с политико-правовыми преобразованиями в Хивинском ханстве. Как и в Бухаре, ведущую роль в инициировании процесса реформ сыграли местные джаиды — младохивинцы. Правда их политическое значение до Февральской революции не было столь существенным, как у младобухарцев: хивинское реформаторское движение к этому времени только зарождалось. Впрочем, тем более неожиданной ока-

залась и для ханского правительства, и для представителей российских властей их деятельность в марте — апреле, когда руководители младохивинской партии открыто выступили за радикальные преобразования. 4 апреля 1917 г., в день присяги хивинского гарнизона Временному правительству, они обратились к начальнику гарнизона генералу Мирбадалову с просьбой о поддержке, причем речь шла не просто о преобразованиях по «бухарскому образцу», но и о свержении ханской власти! Российский представитель согласился поддержать их требования при одном условии — что «хана не тронут» [Пылев, 2005, с. 99–100].

В результате уже на следующий день лидеры младохивинцев встретились с ханом и убедили его подписать манифест о реформах, на что он согласился, получив гарантии безопасности [Зиманов, 1976, с. 122–123]²⁵. Текст манифеста был близок к тому, который двумя днями позже огласил в своей столице бухарский эмир — с той только разницей, что он был полностью подготовлен самими младохивинцами, практически без участия российских властей²⁶. В манифесте провозглашалось формирование нового правительства (совета назиров), вводился представительный орган для контроля высших сановников («махкама-и адилья», т.е. «комитет правосудия», нередко упоминаемый в историографии как меджлис), предписывалось развитие транспортной инфраструктуры, строительство железных дорог и т.д. [Погорельский, 1968, с. 125; Садыков, 1972, с. 183–184; Тухтаметов, 1969, с. 122].

Тот факт, что российские представители в Хиве не имели отношения к разработке манифеста, поначалу имел положительные последствия. Не имея повода обвинить джадидов в том, что они пытаются навязать Хиве «русские» нормы права, местные консерваторы

²⁵ В истории с оглашением манифеста присутствовал один курьезный момент, по нашему мнению, достаточно ярко отражающий уровень политико-правовой культуры Хивинского ханства в 1917 г.: когда хан в результате переговоров с младохивинцами согласился подписать манифест, оказалось, что готового текста документа у реформаторов не было! Им пришлось в спешном порядке подготовить его, что, конечно же, отразилось на его содержании и юридической технике [Погорельский, 1984, с. 64–65].

²⁶ Несколько позже российский комиссар генерал Мирбадалов, которому было поручено наблюдать за ходом реформ в Хиве, потребовал расширить состав меджлиса, включив в него представителей других национальностей, населявших ханство [Там же, с. 126].

были вынуждены смириться с тем, что и меджлис, и правительство возглавили лидеры младохивинцев [Зиманов, 1976, с. 126; Садыков, 1972, с. 184; Becker, 2004, р. 199]. Однако незаинтересованность младохивинцев в тесном контакте с российскими представителями в Хиве вскоре привела и к негативным результатам. Всего пару месяцев спустя население перестало поддерживать джадидское правительство из-за половинчатости их мер и националистической политики²⁷, и в июне хан без особого труда отправил их в отставку. Представители Временного правительства не пытались воспрепятствовать ему, ограничившись лишь тем, что не позволили расправиться с рядом руководителей младохивинской партии и позволили им найти убежище в пределах России²⁸. Поэтому уже в августе младохивинцы (подобно младобухарцам в апреле) решили пойти на союз с советами рабочих и солдатских депутатов, планируя совместными силами свергнуть ханский режим [Погорельский, 1968, с. 133].

Взлет и быстрое падение младохивинцев продемонстрировали невысокий уровень политической и правовой культуры Хивинского ханства, которое не могло самостоятельно реализовать процесс реформ без тесного сотрудничества с российскими властями. Поэтому сразу после июньского переворота Временное правительство сочло целесообразным усилить контроль за ситуацией в ханстве. Во-первых, на основании проекта «Инструкции российскому комиссару в ханстве Хивинском», разработанного еще в конце мая, у него появились формально определенные функции по поддержанию контактов с правительством Хивы, чем он не преминул воспользоваться с целью восстановления спокойствия в ханстве. Во-вторых, с той же целью в конце

²⁷ Почти все младохивинцы были узбеками и, соответственно, не пытались как-то изменить к лучшему положение других народов Хивинского ханства — туркмен, казахов, каракалпаков и проч., в результате чего межнациональные конфликты, не прекращавшиеся даже в «царский» период, усилились и внесли значительную долю в дальнейшую политическую нестабильность в ханстве (см. подробнее: [Погорельский, 1984, с. 67–68; Садыков, 1965, с. 184; Becker, 2004, р. 200]).

²⁸ Весьма показательна позиция полковника И.М. Зайцева во время репрессий против младохивинцев: когда в сентябре 1917 г. хан Исфендиар обратился к нему за содействием, комиссар потребовал официальное заявление о том, что джадиды обвиняются в отступничестве и оскорблении шариата, после чего так же официально заявил, что его, как российского представителя, религиозные дела не касаются [Погорельский, 1968, с. 136].

мая — начале июня 1917 г. в Хиве была предпринята попытка создания милиции из ханских нукеров, которые должны были быть экипированы и содержаться за счет властей Туркестана и, соответственно, находиться в распоряжении их представителей в ханстве [Погорельский, 1984, с. 68]. Наконец, в начале июля русский гарнизон в Хиве стал существенно пополняться: его доукомплектовали двумя казачьими полками и пулеметной командой. В результате фактическая власть в ханстве оказалась в руках именно начальника гарнизона — комиссара Временного правительства в Хиве [Садыков, 1972, с. 187; Becker, 2004, р. 200]. Теперь правовое развитие ханства зависело от усмотрения российских властей, и с этим пришлось считаться не только ханской администрации, но и оппозиции. Ни о каких дальнейших преобразованиях речи не шло, что вполне устраивало хивинское правительство. Так, когда в сентябре 1917 г. предводитель туркменского племени йомудов Джунаид-хан (еще в 1913 и 1916 гг. поднимавший мятежи против хана Исфендиара) попытался взбунтовать своих соплеменников против ханской власти, новый комиссар, полковник Зайцев, потребовал от предводителей восставших сложить оружие, что было сразу же исполнено [Погорельский, 1984, с. 72]²⁹. Эта ситуация нашла отражение в вышеупомянутом проекте «Положения о комиссаре Временного правительства Российской державы в Хиве».

Однако было бы некорректным считать, что представители Временного правительства намеревались контролировать Хивинское ханство исключительно через комиссара и только с помощью военной силы. Как и в Бухаре, российские представители в Хиве планировали разработать и реализовать комплекс реформ, которые должны были стать компромиссом: предоставить определенные права и свободы местному населению и одновременно сохранить основы выгодного для России традиционного политического строя ханства.

Убедившись в неэффективности младохивинцев, Туркестанский комитет Временного правительства решил принять более активное участие в преобразованиях в ханстве и убедить хана Исфендиара официально разделить власть с выборными органами, т.е. установить

²⁹ Впрочем, последовавшие события в Туркестане и Хиве заставили полковника Зайцева пойти на переговоры с Джунаид-ханом, завершившиеся созданием политического альянса между российским представительством и племенем йомудов [Садыков, 1972, с. 188].

в Хиве парламентскую монархию. Уже в конце мая российский комиссар в Хиве подполковник Б.П. Тризна предложил Туркестанскому комитету Временного правительства проект «конституции» Хивинского ханства, который после внесения ряда изменений был одобрен на заседании Туркестанского комитета 11 августа и опубликован в «Туркестанских ведомостях» за 29 августа и 8 сентября 1917 г. [Погорельский, 1984, с. 69–70]. Характерно, что проект был утвержден в августе — одновременно с вышеупомянутым проектом «Положения о комиссаре Временного правительства Российской державы в Хиве» и вместе с ним же отправлен на рассмотрение в Петроград [Галузо, 1928, с. 74–79].

Само название проекта — «Основные законы Хивинского ханства» — напоминает о российском конституционном акте начала XX в. — «Основных государственных законах» от 23 апреля 1906 г. [ПСЗРИ, 1909, № 27805, с. 456–461]. Конечно же, это не просто совпадение: Туркестанский комитет возглавлял известный востоковед В.П. Наливкин, провозглашавший себя социал-демократом (он был депутатом II Государственной Думы от Туркестанского края) и сторонником Временного правительства, но, прежде всего, он был имперским чиновником, занимавшим ряд ключевых постов в Туркестане (вышел в отставку с должности вице-губернатора Ферганской области) [Котюкова, 2010, с. 76–77; Лукашова, 1999, с. 52–54]. Для него, как и для многих его современников, «Основные государственные законы», предусматривавшие весьма умеренные конституционные реформы (что, впрочем, не всегда положительно оценивалось российской общественностью (см. подробнее: [Туманова, 2008; 2014]), послужили подходящим образцом для конституции Хивинского ханства.

Обратившись к тексту «Основных законов Хивинского ханства» 1917 г., можно обнаружить немало почти дословных совпадений с «Основными государственными законами» 1906 г. Приведем несколько примеров (курсивом приводятся статьи акта 1906 г.):

Ст. 2. «Сила законов равно обязательна для всех хивинских подданных без различия их общественного положения и пола». Ст. 43. *«Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих».*

Ст. 4. «Каждый закон имеет силу только на будущее время». Ст. 47. *«Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех*

случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее, или что он есть только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего».

Ст. 49. «Хивинские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать натуральные повинности». Ст. 29. «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона».

Ст. 50. «За преступное деяние каждый преследуется только в установленном законом порядке». Ст. 30. «Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном».

Ст. 51. «Никто не может быть задержан под стражей иначе, как в установленном законом порядке». Ст. 31. «Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных».

Ст. 52. «Жилище каждого неприкосновенно. Производство в доме, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается только в случаях, законом определенных». Ст. 33. «Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных».

Ст. 53. «Каждый хивинский подданный имеет право свободно избирать себе место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы ханства, если для всего этого не установлено законом ограничений». Ст. 34. «Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы Государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами».

Ст. 55. «Собственность неприкосновенна. Когда это необходимо для ханства, то принудительное отчуждение земель производится по закону». Ст. 35. «Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение».

Ст. 56. «Хивинские подданные имеют право устраивать собрания мирно и без оружия». Ст. 36. «Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия...»

Ст. 57. «Каждый может высказать свои мысли печатно и устно и распространять их разными способами в пределах, ограниченных законом». Ст. 37. *«Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами».*

Ст. 58. «Хивинские подданные имеют право образовывать общества и союзы в пределах, ограниченных законом». Ст. 38. *«Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях не противных законам...»*

Как видим, большинство «калькируемых» норм связано с институтом прав и свобод, которые, конечно же, не получили никакого развития в Хиве ни до разработки рассматриваемого проекта, ни даже после него. Понадобилось еще не менее десятилетия тесного взаимодействия с РСФСР, чтобы этот конституционно-правовой институт был понят и принят в Средней Азии, и его принципы нашли отражение в местном конституционном законодательстве [Диноршоев, 2014].

Однако не следует считать хивинскую конституцию просто «калькой» с акта 1906 г.: ее авторы постарались учесть специфику восточного мусульманского государства³⁰. Так, ст. 1 «Основных законов Хивинского ханства» гласила: «Хивинское ханство управляется на основании шариата и законов, изданных в установленном порядке», а ст. 11 — что «хан осуществляет свою власть на точном основании шариата и справедливости с тем, чтобы каждый житель ханства под покровительством шариата и закона спокойно жил и пользовался трудами рук своих». Так, авторы проекта подчеркивали, что не собираются посягать на религиозные убеждения местного населения.

Ст. 16 предоставляла хану право выбрать премьер-министра, что в полной мере совпадало с его прежним правом назначения везира. Ст. 13 закрепляла право хана «творить суд в ханстве, разбирая дела в случае обращения к нему обеих сторон», а ст. 40 включала в состав кабинета министров также и «кази-калляна (шейх-уль-ислама)», т.е. верховного судью ханства, что отражало характерную для государств Востока неразделимость исполнительной и судебной власти.

³⁰ Любопытно, что подобный «цивилизационный» подход теоретики конституционализма (и, в частности, прав человека) стали практиковать лишь в последние годы [Туманова, Киселев, 2011, с. 42–43].

Среди прав хивинских подданных, «скопированных» с российского образца, отсутствовала свобода веры (ст. 39 «Основных государственных законов» 1906 г.): это противоречило бы ст. 1³¹. В число обязанностей не была включена «защита престола и отечества» (ст. 28 акта 1906 г.): совсем недавно, летом 1916 г., в Средней Азии произошло мощное восстание, предлогом для которого стал императорский указ о призыве местного населения (официально освобожденного от воинской повинности) на тыловые работы. Несомненно, авторы проекта не захотели рисковать: подобная норма могла быть воспринята как намерение российских властей привлечь хивинцев к участию в боевых действиях и еще больше обострить обстановку в ханстве.

Нашли отражение в проекте и конкретные предложения по реформам в Хиве: ст. 3 гласила, что законы должны быть одобрены меджлисом (из 50 депутатов) и утверждены ханом. Проект подробно регламентировал статус депутатов меджлиса, права, обязанности, а также ответственность за невыполнение функций — вплоть до лишения вознаграждения за пропущенные дни (гл. III). Отметим, что авторы не включили в окончательную редакцию предложение Б.П. Тризны о том, что в случае повторного отклонения ханом законопроекта, предложенного меджлисом, хан вправе распустить меджлис и объявить новые выборы [Зиманов, 1976, с. 130].

Принципиально новым положением стало назначение жалованья для представителей исполнительной и судебной власти (ст. 16, 36), тогда как раньше обладатели этих должностей обеспечивались по системе «кормления», злоупотребляя своими права и разоряя население. Ст. 35 предусматривала ответственность министров перед меджлисом, а ст. 48 — предание высших государственных чиновников особому суду (ранее все должностные преступления разбирались самим ханом).

Внимание исследователей уже привлекали положения о том, что главы региональной администрации, беки, должны были соотносить свои действия с выборными местными советами — «шураками» (ст. 43–45) [Садыков, 1972, с. 186]. На наш взгляд, это — своеобразный «реверанс» Туркестанского комитета в сторону советов народных и солдатских депутатов, демонстрация желания сотрудничать с ними.

³¹ Впрочем, сложности с этим правом существовали и в России начала XX в. [Дорская, 2002].

Однако текст статей показывает, что авторы проекта не имели четкого представления о статусе советов, которые в их интерпретации как бы совмещают функции и местного самоуправления, и регионального органа законодательной власти, и совещательного органа при главе местной администрации.

Ряд статей «Основных законов» отражает намерение российской администрации сохранить контроль над вассальным государством. Ст. 3, 10 подчеркивают, что хан вправе осуществлять, если он признан российским правительством. Согласно ст. 9, положения конституции «не могут быть изменены ни по требованию хана, ни по требованию меджлиса, если на это не последует согласия российского правительства». По ст. 32 решение хана о роспуске меджлиса должно быть одобрено комиссаром российского правительства. Согласно ст. 48, суд над высшими сановниками ханства (министрами, председателем меджлиса, беками) должен был осуществляться «под председательством лица, назначенного российским правительством, и имеющему в своем составе не менее половины членов нетуземцев». Еще раз напомним, что вместе с проектом «Основных законов» было разработано «Положение о комиссаре Временного Правительства Российской державы в Хиве» [Галузо, 1928, с. 72–74], который должен был обеспечивать проведение реформ в ханстве.

Впрочем, если «Положение о комиссаре» еще за несколько месяцев до официального утверждения Туркестанским комитетом фактически реализовалось, то «Основные законы» так и остались проектом. Приходится только гадать, какую реакцию хивинских властей и населения вызвали бы эти законы в случае вступления в силу, и в какой степени они стали бы применяться на практике. Поступив в военное министерство, они затем были переданы в Юридическое совещание при Временном правительстве, где оставались еще до 25 октября 1917 г., так что вступить в силу им не было суждено [Becker, 2004, p. 201].

Нельзя утверждать, что Временное правительство не осознавало, что его правовая политика в Средней Азии зашла в тупик. Напротив, его члены прекрасно отдавали себе отчет в том, что информации о регионе у них немного и, как следствие, отсутствует четкое представление о том, в каком направлении следует вести дальнейшую политику в правовой сфере. Неудивительно, что уже в августе 1917 г. в Петрограде появились среднеазиатские делегации, прямо ставившие

вопрос о выходе из подчинения Временному правительству, которое все более и более упускало контроль над окраинами [Ренгартен, 1929, с. 9].

Вполне обоснованно видя причины неудач в отсутствии квалифицированных кадров, Временное правительство старалось решить эту проблему. Например, в течение всего лета оно предпринимало попытки уговорить видного российского востоковеда В.Ф. Минорского (являвшегося, к тому же, опытным дипломатом и юристом) возглавить Российское резидентство в Бухаре [Генис, 2003, с. 370–371]. Аналогичным образом, в июле 1917 г. новым главой Туркестанского комитета Временного правительства был назначен еще один крупный востоковед и военный чиновник, В.П. Наливкин, при котором произошло некоторое упорядочение отношений между властями Русского Туркестана и Хивинским ханством (см., например: [Котюкова, 2010, с. 79]). Наконец, осенью того же года предполагалось отправить в Бухару в качестве советника эмира по вопросам реформ еще одного видного востоковеда, А.А. Семенова, имевшего к этому времени значительный опыт работы на административных постах в Туркестане [Россия, 2011б, с. 44]. Однако эти действия Временного правительства не привели к решению проблемы. В.Ф. Минорский отказался покинуть свой дипломатический пост в Персии. Деятельность же В.П. Наливкина и А.А. Семенова не успела оказать существенного влияния на политику России в среднеазиатских ханствах, поскольку в октябре 1917 г. в Петрограде пришли к власти большевики, которые предоставили всем национальным окраинам и протекторатам Российской империи полную независимость, предпочтя строить отношения с ними «с нуля» [Центральная Азия, 2008, с. 311]. Это привело к полной замене принципов правового регулирования отношений с ханствами средней Азии, которые были сформированы в период Российской империи и в той или иной степени сохранялись Временным правительством.

Подводя итог вышесказанному, можно охарактеризовать правовую политику Временного правительства в ханствах Средней Азии следующим образом. Несмотря на реформы на территории самой Российской империи, оно старалось сохранить то же правовое положение Бухары и Хивы, которое существовало в эпоху империи. Однако поняв, что местные политические круги и население в целом ожидают перемен, оно было вынуждено санкционировать преобразования

в среднеазиатских ханствах. Тем не менее Временное правительство старалось крайне осторожно балансировать между необходимостью осуществить изменения и сохранением традиционных ценностей, диктуемых шариатом. Естественно, методы подобной политики выбирались путем «проб и ошибок», поскольку Временному правительству приходилось действовать в условиях длящейся революционной ситуации. Весьма показательна в этом отношении фраза, сказанная первым главой правительства, князем Г.Е. Львовым, А.Н. Куропаткину в передаче последнего: «...кн. Львов мне сказал, что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, “как щепки, носимся на волнах”» [Куропаткин, 1927, с. 66]. В полной мере такая характеристика может быть отнесена и к обстановке в Средней Азии в этот период времени. Слишком краткое пребывание Временного правительства у власти не позволило увидеть, насколько эффективными в конечном счете оказались выбранные им, в конце концов, методы правового регулирования в отношении среднеазиатских ханств.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ В ОЦЕНКАХ БУХАРСКИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Ценные сведения о правовой политике Российской империи в Бухарском эмирате, находившемся с 1868 по 1917 г. под российским протекторатом, содержатся не только в официальной документации русского и бухарского происхождения (нормативных правовых актах, переписке властей различных уровней), но и в свидетельствах современников — российских сановников и чиновников, иностранных путешественников, а также, безусловно, — в записках самих жителей Бухары. Отдельные исследователи обращались к свидетельствам среднеазиатских современников, отражающим реалии колониального периода, однако в большей степени рассматривали их именно как источник политической истории Средней Азии под властью Российской империи [Сангирова, 2000; Babadzhanov, 2004]. Ниже предпринимается попытка проанализировать представления местной элиты о том, как менялись правовые реалии Бухары в период российского протектората, выявить их отношение к реализуемым Россией преобразованиям в эмирате, их оценки проводимых мероприятий.

Объектом анализа стали сочинения шести бухарских авторов, которых объединяет то, что они принадлежали к элите Бухарского эмирата, отличались широким кругозором и хорошим слогом, что делает их труды не только ценными, но и легко читаемыми источниками. Вместе с тем они принадлежали к разным социальным и политическим кругам и, соответственно, по-разному оценивали деятельность российских властей в Бухарском эмирате.

Ахмад Дониш (1827–1897) был высокопоставленным сановником бухарских эмиров, но вместе с тем и мыслителем, придерживавшимся просветительских взглядов. В связи с этим он нередко открыто критиковал действия бухарских властей, сравнивая их с политикой Российской империи. Будучи патриотом своей страны, Дониш поначалу воспринял установление протектората над Бухарой как трагедию, однако со временем увидел немало положитель-

ного во влиянии России на эмират. Этот подход нашел отражение в произведении «История мангытской династии», представляющем собой часть его незавершенного «Исторического трактата». Сочинение представляет большую ценность для анализа, поскольку Дониш был свидетелем описываемых им событий, принимал участие и в выработке политических решений эмирата, непосредственно взаимодействовал с высокопоставленными российскими представителями властей — как региональных (туркестанских), так и центральных, поскольку трижды побывал в Санкт-Петербурге в качестве секретаря бухарского посольства.

Мирза Абдал'Азим Сами (ок. 1838 — ок. 1914), подобно Ахмаду Донишу, был бухарским сановником, занимая пост мунши (секретаря) эмира. Соответственно, он также имел возможность лично участвовать в важных политических событиях, в том числе и в сфере русско-бухарских отношений. Однако в начале XX в. он по какой-то причине был удален от двора и, вероятно, именно это повлекло критическую оценку деятельности бухарских властей в составленной им «Истории мангытских государей». Правда, в отличие от Дониша, Сами не склонен превозносить российскую политику в Бухаре — напротив, на страницах своего произведения он неоднократно выражал надежду на восстановление независимости эмирата.

Мирза Салимбек (1848—1930), потомственный бухарский сановник, последовательно занимал ряд высоких постов: секретаря при эмире Музаффаре, бека Чарджуя при его сыне и преемнике Абдул-Ахаде и, наконец, верховного зякетчи (фактически министра финансов) при последнем эмире Алим-хане. Его воспоминания под названием «Тарих-и Салими» (т.е. «История Салима») были написаны уже под конец карьеры в 1917—1920 гг. и, в отличие от записок Дониша и Сами, отражают крайне консервативные взгляды автора и его безусловную лояльность бухарским правителям — тем большую, что писал он свои мемуары без намерения опубликовать их и тем самым добиться от правителя каких-то дополнительных благ. Он крайне негативно относится к деятельности «неверных» российских властей в Бухарском эмирате и, соответственно, резко осуждает любые попытки преобразований, предпринимавшиеся местными реформаторами под влиянием России. Тем не менее, как мы покажем ниже, он сам сумел приноровиться к новым политико-правовым реалиям и даже извлекать выгоду из отношений с русским чиновничеством.

Мухаммад Шариф Садр-и Зийа (1867–1932) также принадлежал к сановной элите эмирата, некоторое время в 1917 г. занимая даже должность главного кадия (верховного судьи) эмирата. Его взгляды представляют собой нечто среднее между позициями Аздада Дониша и Абдал'Азиза Сами, с одной стороны, и Мирзы Салимбака — с другой: демонстрируя лояльность к эмиру, он вместе с тем осознавал необходимость преобразований и в начале XX в. оказывал покровительство бухарским реформаторам-джадидам. Взгляды Мухаммада Шарифа нашли отражение в его «Рузнома» («Дневнике»).

Садриддин Айни (1878–1954) выдающийся таджикский советский просветитель и писатель, в конце XIX — начале XX в. был приверженцем движения джадидов, считавших своим вдохновителем Ахмада Дониша [Рзаев, Ташкулов, 1990, с. 67; Becker, 2004, p. 159; Grassi, 2015]. В отличие от вышеперечисленных авторов, он не занимал государственных постов и принадлежал, таким образом, не к сановной, а к интеллектуальной элите Бухарского эмирата. Это нашло отражение в его произведениях — «Воспоминаниях» и «Истории мангытских эмиров», в которых важные политические события он описывает не в качестве очевидца, а по рассказам других лиц (в том числе и Дониша). Вместе с тем в его записках приводится немало конкретных фактов российского влияния на правовую жизнь Бухарского эмирата, которое он оценивает с точки зрения обычных местных жителей, тем более, что многие конкретные примеры правоотношений в новых условиях он приводит из личного опыта или со слов своих близких знакомых. Впрочем, нельзя не принимать во внимание, что анализируемые сочинения Айни были написаны им уже в советский период, так что, вполне возможно, он несколько преувеличил положительный характер российского влияния в Бухаре в дореволюционный период по сравнению с тем, как он мог его оценивать непосредственно на рубеже XIX–XX вв.¹

Наконец, последний из авторов, анализируемых нами сочинений, Абдурауф Фитрат (1886–1938), как и Айни, относится к интеллектуальной, а не к сановной элите, поскольку происходил из купе-

¹ Исследователи считают, что С. Айни поначалу был представителем «мягкого» течения реформаторов, ограничивавшихся просветительскими целями, и лишь со временем перешел на позиции радикальных джадидов, придерживавшихся антифеодальных и антимонархических взглядов [Казымова, 1997, с. 51].

ческой семьи, а потом предпочел заняться научной и общественной деятельностью. Его публицистическое произведение «Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть)» является своего рода «популярным изложением» программы бухарских реформаторов-джадидов. Фитрат однозначно одобряет многие направления политики российских властей в Бухаре (неслучайно русский перевод его произведения был опубликован в 1913 г. в российском Самарканде), что представляется весьма показательным, учитывая, что автор провел несколько лет в Турции и, соответственно, должен был бы в большей степени выступать сторонником реформ не по российскому, а по младотурецкому пути.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются записки представителей различных групп бухарской элиты, анализ и систематизация которых позволяют сформировать целостное и объективное представление о том, как различные социальные слои и политические группы бухарского общества оценивали режим российского протектората в Бухарском эмирате, его последствия для политического и правового развития государства.

Наиболее противоречивы, на наш взгляд, сведения анализируемых источников о положении Бухарского эмирата и его правителей по отношению к Российской империи и о процессе укрепления российского контроля над Бухарой.

Так, А. Дониш трижды (в 1857–1858, 1869–1870 и 1873–1874 гг.) побывал в составе бухарских посольств в Санкт-Петербурге и имел возможность убедиться во многих преимуществах России по сравнению с Бухарой, что, собственно, и обусловило его реформаторские воззрения, изложенные, в том числе в дневнике его путешествия в Петербург [Хайдаров, 2012, с. 11]². Его политическим идеалом, как ни странно, стала система управления, существовавшая в России, и император, по его мнению, мог бы стать образцом для бухарских монархов, как правитель, установивший и поддерживающий порядок в государстве [Айни, 1960, с. 789; Рзаев, Ташкулов, 1990, с. 114; Юлдашев, 1963, с. 56]. Но при этом, несмотря на преимущества, А. Дониш весь-

² Отметим, что и сам эмир Абдул-Ахад (первый бухарский монарх, вступивший на престол при прямой поддержке Российской империи) в свое время побывал в Петербурге и отразил свои впечатления в личном дневнике [Yastrebova, 2004].

ма далек от мысли, что вхождение в состав России пойдет на пользу Бухаре — напротив, он весьма болезненно реагирует на позорный мир 1868 г., превративший эмират в протекторат Российской империи, необходимость выплаты контрибуции и т.д.

При этом в течение 1860–1870-х годов в Бухаре еще питали надежду, что Россия возвратит эмирату отторгнутые от него территории (в частности, города Самарканд и Джизак), уповая на то, что другие великие державы сдерживают агрессивные устремления русских. Весьма показательно в этом плане сообщение А. Дониша о намерении русских вырезать все местное мусульманское население Самарканда, и только Османская империя, Франция и Индия (т.е. Великобритания) не позволяют им сделать это. Тем не менее в записках ученого неоднократно проскальзывает опасение — русские скоро захватят и оставшуюся часть эмирата, что противоречит его же собственному (и вполне обоснованному) мнению о том, что русским невыгодно захватывать страну, поскольку сохранение власти эмира позволило им экономить средства, которые пошли бы на изменение системы управления в Бухаре [Дониш, 1967, с. 80, 87].

А. Дониш осуждает робкую и нерешительную позицию эмира Музаффар по отношению к России, в частности, проявившуюся даже в том, что правитель не осмеливался самостоятельно решать проблему нехватки воды для столицы, сложившуюся после захвата русскими Самарканда и установления контроля над верховьями р. Зеравшан, питавшей также и Бухару. Русские же, как полагал А. Дониш готовы были решить эту жизненно важную проблему лишь после того, как полностью присоединят территорию эмирата к своим владениям [Там же, с. 97]. Впрочем, по мнению ученого, эмир Музаффар, фактически подчиняясь России, все же формально сохранял самостоятельность своего государства, тогда как его сын Абдул-Ахад после вступления на трон даже формально признал вассальную зависимость от Российской империи³. Про нового эмира даже говорили, что он практически не бывает в Бухаре, а живет в Кермине, потому что провинился перед русским царем, и тот запретил ему бывать в собственной столице [Айни, 1960, с. 436]!

³ Впрочем, подобная позиция нового эмира вполне объяснима: именно благодаря поддержке имперских властей Абдул-Ахад вступил на престол без всякой борьбы за власть [Айни, 1975, с. 299].

Аналогичных взглядов придерживаются и другие местные авторы. А. Сами и Салимбек однозначно осуждают политику имперской администрации, которая, внешне демонстрируя мир и дружбу Бухаре, тем не менее предоставляет убежище противникам эмира — мятежным региональным правителям Баба-беку и Джура-беку, которые даже получили высокие воинские звания русской армии, а также племяннику эмира Музаффару, которого последний подозревал в намерении захватить трон [Сами, 1962, с. 113–114; Салимбек, 2009, с. 48–49; Pierce, 1960, p. 27–28].

В глазах бухарских авторов прокладывание на территории Бухарского эмирата железной дороги, проведение телеграфа, строительство мостов и проч. служило еще одним символом подчинения Бухары России. Поэтому они весьма одобрительно отзываются о попытках эмира Музаффара не допустить введения этих «новшеств» в эмирате, сокрушаются о том, что эмир под давлением туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева все же дал согласие, а его сын и наследник Абдул-Ахад сам способствовал строительству железной дороги, телеграфа (владельцем которого он и стал) и проч. при пассивной позиции собственных сановников, которые никак не противились русским предложениям [Дониш, 1967, с. 111; Сами, 1962, с. 118; Салимбек, 2009, с. 65–66; Sadr-i Ziya, 2004, p. 190–191].

Строительство железной дороги и телеграфа стало в глазах бухарских современников одним из первых этапов подчинения Бухары Российской империи⁴. В дальнейшем русские использовали еще несколько поводов для усиления своего контроля над эмиратом и его правителем. Первым из них стало назначение русского «консула» (т.е. императорского политического агента) в Бухаре, чего крайне не хотели представители эмирской администрации, опасаясь вмешательства этого представителя имперских властей во внутренние дела эмирата. Российские власти уверяли, что в задачу этого дипломатического чиновника будет входить только защита русских подданных на терри-

⁴ При этом нельзя не отметить, что и железнодорожное сообщение, и телеграф (в отличие от многих других преобразований, осуществленных российскими властями в Бухаре) вводились в эмирате на основе соглашений с эмиром, т.е. формально соблюдался суверенитет Бухарского эмирата, и эти действия юридически осуществлялись в формате международного сотрудничества [Логофет, 1909, с. 218–221].

тории Бухары, однако бухарские сановники не без оснований сомневались в том, что он этим ограничит свою деятельность [Салимбек, 2009, с. 70–71].

И их сомнения оправдались в 1888 г., когда был убит главный зякетчи Мухаммад-Шариф-диван-беги, считавшийся сторонником российских интересов в Бухаре. Его убийство стало поводом для активного вмешательства имперских властей в процесс расследования, причем в качестве подозреваемого был допрошен даже сам эмир, сумевший, впрочем, доказать свою непричастность к убийству [Айни, 1975, с. 299; Сами, 1962, с. 117–118]. С этого времени в столице эмирата говорили, что отныне господом богом для Бухары стал туркестанский генерал-губернатор, а политический агент — его пророком [Айни, 1960, с. 725]! А. Сами язвительно писал, что у эмира осталось совсем немного полномочий: назначить пять-шесть чиновников да собрать налоги для русской казны [Сами, 1962, с. 120].

Наконец, завершающим этапом административного подчинения эмирата России, по мнению современников, стали события религиозного конфликта в Бухаре — суннитско-шиитской резни в январе 1910 г. Эмир Абдул-Ахад выказал полную неспособность самостоятельно справиться с волнениями (его солдаты и офицеры сами становились в конфликте на сторону своих единоверцев), что и заставило задействовать в их подавлении сначала охрану Императорского политического агентства, а затем и перебросить в Бухару дополнительные войска. Русские власти, как и во время убийства Мухаммад-Шарифа-диван-беги, сами провели расследование, возложив вину за резню на руководство шиитской диаспоры, что послужило поводом для отстранения от власти сановников-шиитов и замены их суннитами [Sadr-i Ziya, 2004, p. 255–256]. Беспомощность эмира послужила поводом для очередного активного вмешательства России во внутренние дела Бухары и вновь подняла вопрос о возможном упразднении эмирской власти и включении Бухары в состав империи. Все это в глазах представителей бухарской элиты выглядело как окончательная утрата Бухарой самостоятельности.

Религиозные радикалы стали обвинять даже самого эмира Абдул-Ахада в том, что он симпатизирует шиитам (которых большинство населения Бухары считало агентами российского влияния [Тухтаметов, 1977б, с. 33]), а его сын и наследник Алим-хан вообще воспиты-

вается в Петербурге в христианском духе. Все это должно было, как утверждали представители антироссийских кругов Бухары, закончиться окончательным присоединением Бухары к России и запретом мусульманского вероисповедания. Помимо эмира доставалось также бухарским государственным деятелям и джадидам, выступавшим за реформы. Так, Салимбек критикует деятельность Мирзы Насруллы кушбеги, который в начале 1910-х годов выступал за проведение частичных реформ⁵ и, по словам автора, «на каждой улице, на базарах Бухары и в вилайатах... устраивал скопища джадидов и продвигал свои дела». Самых же джадидов Салимбек и его единомышленники обвиняли в сближении с русскими и даже в том, что они готовы носить русскую одежду [Салимбек, 2009, с. 139].

Российские власти старались внести изменения в сфере уголовно-правовых и процессуальных отношений в Бухарском эмирате. С. Айни приводит яркие примеры вмешательства Российского политического агентства и туркестанских властей в судопроизводство эмирских чиновников. При этом имперские власти настаивали на отказе эмирской администрации от жестоких наказаний за ряд преступлений и до определенной степени преуспели в этом: вскоре после вступления на престол эмир Абдул-Ахад отменил самое варварское наказание — сбрасывание с минарета, а также закрыл зиндан — подземную тюрьму при своем дворце, перестал превращать казни в некое подобие общественных празднеств [Айни, 1960, с. 827].

Однако когда они попытались воздействовать на эмира с целью отмены суровых наказаний за религиозные преступления, их действия оказались не столь успешными. Дело в том, что Бухара на протяжении многих веков являлась среднеазиатском центром мусульманской культуры и образования, в том числе и в сфере правоведения, и установление над ней российского протектората не изменило этой ситуации [Khalid, 2000, p. 372]. С приходом к власти династии Мангытов (на рубеже XVIII—XIX вв.) начались конфликты между эмирами и мусульманским духовенством по поводу судебных полномочий: вли-

⁵ Насрулла-бек парвоначи стал первым министром эмира под влиянием российских властей, добившихся отставки его предшественника — Астанакула-кушбеги, придерживавшегося крайне консервативных позиций [Khalid, 2000, p. 378].

ятельные улемы настаивали на том, что вмешательство правителей в дела правосудия противоречит шариату, и во время правления Абдул-Ахада существенно усилили позиции, взяв в свои руки решение большинства гражданских и уголовных дел [Abdirashidov, 2016, p. 104; Sartori, 2016, p. 196, 220]. Вмешательство же России в этих условиях они трактовали как посягательство на религиозные основы жизни населения эмирата и с подачи улемов несправедливый суд стали называть «русским судом» [Айни, 1960, с. 720–724]. Отметим, что такая позиция противоречит, в частности, сообщению А. Дониша о том, что, когда русские взяли Ташкент, они сразу же установили там справедливый суд, который даже принимал сторону слуг, споривших со своими хозяевами [Дониш, 1967, с. 57].

Впрочем, изначально поводом для вмешательства русских властей в уголовно-правовую сферу отношений в эмирате формально являлась защита интересов русских подданных: согласно действовавшему законодательству, все гражданско-правовые споры и уголовные дела с участием подданных Российской империи должны были решаться в русском суде (Политического агентства и Самаркандской области). Это, как отмечает тот же С. Айни, заставило многих бухарцев принимать российское подданство, тем самым приобретая судебный иммунитет в эмирате. Стражники эмира не имели права задерживать этих новоявленных русских подданных, а должны были через кушбеги (первого министра эмира) информировать императорского политического агента о правонарушении, и он либо сам выносил решение или приговор, либо же просто «принимал к сведению» такую информацию [Айни, 1960, с. 681].

В результате многие авантюристы, перестав быть подданными эмира, даже начали заниматься различной профессиональной деятельностью, не получая обязательного в таких случаях разрешения эмирских властей. С. Айни рассказывает, как его знакомый, пользуясь неграмотностью чиновников и стражников и их незнанием, как должны выглядеть русские паспорта, избежал ответственности, предъявив представителям власти некую яркую бумагу с изображением русских геральдических знаков — потом оказалось, что это была упаковка от русского мыла с изображением медалей, полученных им на специализированных выставках [Там же, с. 682–687]!

В экономической сфере современники весьма сурово критикуют отсталость эмирата по сравнению с Россией, затрагивая такие аспек-

ты как налогообложение, промышленность, торговля, сельское хозяйство.

Одним из существенных доводов в пользу антироссийских настроений, по мнению местных авторов, стало существенное повышение налогов, которые шли в российскую казну. Прежде всего, речь идет об огромной контрибуции, для выплаты которой эмир практически грабил своих подданных [Айни, 1960, с. 182; Дониш, 1967, с. 69]. При этом, как отмечает А. Дониш, русских подобная позиция вполне устраивала: «Между тем русские чиновники хорошо понимали, что контрибуцию они сами не смогут собрать в казну, поскольку открытая тирания и насилие не свойственны их законам и поскольку они сверх установленного порядка на большее не осмеливаются. Они видели, что эмир пьет кровь своего народа, и им это было приятно и они говорили, согласно стиху: “Откуда бы ни совершалось убийство, — все нам на пользу. Когда жители города станут бессильными, то после того, как одержим победу и завладеем им [городом], — сохранить и удерживать их в подчинении будет легче”». Другие сборы осуществлялись эмиром для даров и взяток российским властям. Так, чтобы получить воду от самаркандских властей, эмир Музаффар объявил чрезвычайный сбор в 100 тыс. таньга, которые были переданы русским чиновникам, в ведении которых находилось водоснабжение Самарканда и Бухары. Его сын Абдул-Ахад, отправляясь в Санкт-Петербург, собрал 45 млн таньга «на подарки и подношения», т.е. для даров императору и взятки сановникам [Дониш, 1967, с. 80, 110, 115].

Многие члены движения джадидов происходили из купеческой среды (сам лидер движения А. Фитрат был сыном богатого бухарского торговца), а некоторые и лично занимались предпринимательской деятельностью [Carrère d'Encausse, 2009, p. 88, 95]. Неудивительно, что в своей политической программе младобухарцы большое внимание уделяли вопросам развития торговли и промышленности в Бухаре. Соответственно, в сочинениях А. Фитрата и С. Айни дается анализ экономического положения эмирата, подчеркиваются преимущества ведения дел русскими купцами и промышленниками. Так, А. Фитрат отмечает, что бухарские купцы стараются не столько получить прибыль, сколько подчеркнуть масштабы своей деятельности, при этом нередко действуя себе же в убыток — например, стараясь купить максимум товара и переплачивая за него, чтобы прослыть самым крупным торговцем. В таких условиях, продолжает ученый,

купцы конкурируют между собой, не имея возможности обрести крупный капитал для ведения действительно крупных дел — в отличие от русских купцов, которые издавна организуют товарищества и используют объединенные капиталы для выгодных сделок [Фитрат, 1913, с. 94–97]. Еще А. Дониш предлагал создать в Бухарском эмирате государственный банк, который оказывал бы поддержку местным предпринимателям [Юлдашев, 1963, с. 58], однако его идеи вызвали осуждение со стороны ревностных приверженцев ислама, заявлявших, что дача денег под проценты противоречит шариату [Кадимисты, 2017, с. 72, 74].

Русские, пользуясь отсутствием промышленных традиций в Бухаре, открывали на территории эмирата собственные заводы и фабрики, тем самым разоряя местных мелких производителей. В какой-то мере этому способствовали эмиры и сановники, сами обращавшиеся к русским властям с предложениями организации в Бухаре промышленных предприятий. Так, вскоре после вступления на трон Абдул-Ахад (по совету А. Дониша) предложил создать в Бухаре завод для изготовления сахара и сладостей из овощей и фруктов, большое количество которых пропадало из-за невозможности продать их [Дониш, 1967, с. 116].

Весьма противоречиво складывалась ситуация в сельскохозяйственной сфере. С одной стороны, бухарские власти и население негативно относились к европейским методам обработки земли — по их словам, так «обрабатывают землю в аду черти» [Фитрат, 1913, с. 65–66]. В результате все попытки русских властей и отдельных специалистов по сельскому хозяйству внедрить передовые технологии неизменно заканчивались провалом. С другой стороны, эмирские власти не могли отказать российским предпринимателям в аренде земель, которые те орошали и возделывали так, как считали нужным. Впрочем, время от времени отдельные консервативно настроенные региональные правители-беки осмеливались отказать русским, несмотря на их привилегированное положение. Мирза Салимбек с гордостью пишет в своих мемуарах, как он сумел заставить русского инженера Ананьева отказаться от претензий на участок земли, который тот (по его собственным словам) оросил и возделал за свой счет — пришлось ему ограничиться арендой участка за 400 руб. в год, причем вся сумма шла самому Салимбеку. Когда же четыре других предпринимателя попытались также взять в аренду земли (причем достаточно запу-

щенные и не слишком плодородные), обратившись непосредственно к кушбеги, Салимбек, не имея возможности получить от них доход, добился, чтобы центральные власти отказали им [Салимбек, 2009, с. 116–120].

Подобные случаи показывают, что даже явно антироссийски настроенные представители бухарской знати со временем приноравливались к новым реалиям и даже находили возможность извлекать прибыль при ведении дел с русскими. По сведениям С. Айни, сам эмир Абдул-Ахад имел немалый доход от торговли каракулем в России [Айни, 1975, с. 304]. Торговцы же, имея постоянный опыт взаимодействия с российскими партнерами, старались использовать самые разные возможности получения прибыли — порой даже в весьма специфических сферах. С. Айни вспоминает, как один купец мочил хлопок перед взвешиванием, а потом долго просушивал его. На вопрос, зачем он это делает, тот объяснил, что русские страхуют хлопок по весу, поэтому если его взвесить мокрым, а затем, после доставки в пункт назначения — сухим, окажется, что товар потерял в весе, и есть возможность получить страховое возмещение за потерянный вес [Там же, с. 461–462].

С. Айни и А. Фитрат неоднократно подчеркивают в своих сочинениях, что несовершенство хозяйства и экономических отношений в Бухаре тем более очевидно, что рядом, в соседнем Самарканде такое же население живет гораздо лучше, эффективнее ведет хозяйство и не страдает от разорительных поборов властей [Фитрат, 1913, с. 75, 79]⁶.

Еще одна сфера, в которой русские власти старались проводить преобразования, вызывает полное одобрение прогрессивных бухарских современников — речь идет о медицине, гигиене и санитарии в Бухаре. Еще в 1890-е годы имперской администрацией предпринимались первые попытки повышения уровня бухарской медицины: создавались больницы с русским персоналом, проводилась профилактика

⁶ Оснований для таких сравнений было предостаточно, поскольку российская администрация сохранила в Туркестане и некоторые институты, действовавшие ранее под властью Бухары — например, местное самоуправление, осуществляемое аксакалами. Бухарские реформаторы, таким образом, видели, что даже традиционные институты функционируют под российской властью эффективнее [Morrison, 2008, p. 114]. Впрочем, в своих записках Фитрат зашел так далеко, что даже экономическую политику англичан в Индии оценивал выше, чем деятельность бухарских властей [Khalid, 2004, p. 260].

и лечение болезней, борьба с эпидемиями. Однако население в течение длительного времени не доверяло русским медикам, против которых его также настраивало и духовенство, обвинявшее русских врачей в том, что их деятельность противоречит шариату. Не без доли юмора С. Айни описывает ситуацию в связи с эпидемией холеры в 1893 г.: бухарские власти, опасаясь за свои владения, официально запретили лечить бухарских подданных в русской больнице, и «теперь “задачей” больницы было уничтожение лишь русских подданных», за которыми «охотились» казаки из Императорского политического агентства, приходившие в дом к больному и требовавшие предъявить документы — если больной оказывался русско-подданным, его доставляли в больницу [Айни, 1960, с. 453].

Неоднократно в Бухаре бывали медицинские комиссии по борьбе с эпидемиями и риштой (ленточным червем). Они проводили исследования и давали рекомендации эмирским властям по улучшению санитарной ситуации в столице — следовало осушить болота, вырыть новые каналы, очистить улицы и запретить продажу на них еды [Там же, с. 596]. Однако эмир и его сановники запросили улемов, будут ли эти действия соответствовать шариату, на что, естественно, получили отрицательный ответ⁷. В результате эмир не только не выполнил рекомендаций, но даже отказался приказать своим чиновникам, чтобы те запретили жителям пить сырую воду (из-за чего у многих и возникала болезнь ришты), хотя это ничего не должно было стоить эмирской казне [Там же, с. 869–893]. Русским медикам к концу XIX в. удалось добиться только одного — перенести скотобойни из жилой части города на окраину, но и это действие дало повод антироссийским кругам лишний раз обвинить эмира в том, что он подчиняется всем требованиям русских [Там же, с. 596–599].

В первом десятилетии XX в. ситуация не изменилась: как сообщает А. Фитрат, бухарские лекари (многие из которых получали знания из старинных книг, унаследованных от предков, также занимавшихся медициной) продолжали обвинять русских врачей в нарушении шариата и призывали бухарцев не лечиться у «кяфиров». При этом сам

⁷ Например, в ответ на рекомендацию подметать улицы, бухарцы стали кричать, что русские намерены «выгнать из Бухары все добро и благодать божью». [Фитрат, 1913, с. 50].

Фитрат (выступая в собственном сочинении как «индийский путешественник»), утверждал, что никаких нарушений шариата в деятельности русского доктора он не видит, в том числе и в строительстве русских больниц [Фитрат, 1913, с. 46–49, 52]. Противники российской медицины в Бухаре распускали слухи также о неопытности русских врачей, в результате возникали интересные казусы: бухарцы из знатных и богатых семейств в случае болезни не обращались к русским медикам в Бухаре, а предпочитали ехать в русское поселение в Чарджуе или даже в Самарканд и лечиться у тамошних докторов — также русских [Айни, 1960, с. 452]!

При этом стоит отметить несколько двойственную позицию бухарских современников-джадидов в отношении русской медицины (равно как и культурной сферы в целом). С одной стороны, они признают необходимость повышения уровня чистоты в городе и проведения медицинских мероприятий — профилактики и лечения болезней, предупреждения эпидемий и проч. А с другой — стараются найти некую «золотую середину» между современными европейскими достижениями в этой сфере и соблюдением принципов шариата. Именно поэтому многие представители реформаторского движения склонялись больше к заимствованию не российского опыта преобразований в Туркестане, а результатов реформ в Османской империи (в частности, и анализируемый нами А. Фитрат, четыре года обучавшийся в Турции) [Ахатова, 1998, с. 4; Abdirashidov, 2016, p. 103]⁸. Вероятно, именно эта протурецкая ориентация джадидов в течение длительного времени заставляла имперские власти относиться к ним с подозрением, несмотря на реформаторский характер их движения, в целом соответствующий и целям модернизации в эмирате, реализуемой российской администрацией⁹.

⁸ Первое джадидское общество было также образовано в 1909 г. именно в столице Османской империи Стамбуле [Becker, 2004, p. 162].

⁹ В течение долгого времени консервативно настроенные круги самой Российской империи были вполне довольны состоянием дел в Бухаре и осознали необходимость преобразований лишь в начале XX в. В результате имперскую администрацию не устраивали позиции ни консервативных бухарских чиновников, ни радикальных реформаторов-джадидов [Khalid, 2000, p. 386; Morrison, 2008, p. 91]. В этот же период реформаторское движение возникло и в Русском Туркестане, однако младотуркестанцы (в отличие от младобухарцев) придерживались менее «туркофильских» позиций [Grassi, 2011, p. 5–6].

Итак, несмотря на противоречивое (и как мы убедились, преимущественно критическое) отношение бухарской элиты к российским преобразованиям в эмирате, в начале XX в. российский протекторат стал осознаваться как свершившийся факт и неотъемлемая часть политической и социально-экономической жизни Бухары. Изменения, проведенные русскими, невозможно было игнорировать, и часть элиты сумела даже приспособиться к новым реалиям.

Никоим образом не рассматривая Бухару как часть Российской империи, представители местной элиты не могли игнорировать факт ее участия в общеимперской политике и, как следствие, старались анализировать даже внешнюю политику России с точки зрения ее последствий для Бухарского эмирата. Так, А. Сами и Садр-и Зийа в своих записках довольно много внимания уделяют событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. Привыкнув к этому времени считать Российскую империю едва ли не самой могущественной в мире державой, бухарские современники испытали нечто вроде шока, узнав о понесенном ею поражении от какой-то Японии. Подобное событие не могло быть рационально объяснено в привычных им категориях¹⁰, поэтому единственным «разумным» объяснением стало божественное вмешательство. И у А. Сами, и у Садр-и Зийа в записках присутствует суждение, что ранее Россия (в период Петра I и его преемников) возвысилась благодаря справедливому правлению и постоянно побеждала, теперешний же царь Николай II стал поступать несправедливо, притеснять собственных подданных, особенно мусульман, что и привело к его поражению. Япония же победила, потому что, как пишет А. Сами, ступила «на путь искания истинной веры». Теперь, продолжает историк, Бухара может воспользоваться ослаблением России и вернуть те земли, которые империя отторгла у нее почти 40 лет назад ([Сами, 1962, с. 120–122; Sadr-i Ziya, 2004, p. 217–220]; см. также: [Коситова, 2017, с. 68–69]). Садр-и Зийа также обращает внимание и на другие политические события, участником которых была Российская империя. Так, он осуждающе говорит о захвате русскими Маньчжурии, много пишет о борьбе «британского льва» и «русского медведя»

¹⁰ Хотя Садр-и Зийа и приводит вполне объективные причины поражения России: неопытность русских командующих, отсутствие стратегических целей в войне и контактов между воинскими соединениями и проч. [Sadr-i Ziya, 2004, p. 236–237].

за Иран, который в его интерпретации предстает «слабым зайцем» ([Sadr-i Ziya, 2004, p. 223–225, 278–282]; см. также: [Коситова, 2017, с. 67; Шукуров, 2007, с. 34–35]).

Однако подобная широта взглядов была характерна для части сановников, представителей торговых кругов, формирующейся бухарской интеллигенции, тогда как основная часть населения продолжала пребывать под влиянием консервативных кругов и радикального мусульманского духовенства и воспринимать процесс модернизации, проводимый русскими, враждебно¹¹.

Таким образом, анализ сведений представителей бухарской элиты о российской политике в Бухарском эмирате, учитывая разнообразие представленных в них позиций, позволяет сформировать достаточно объективное представление об отношении местной элиты к действиям Российской империи в своем протекторате в рассматриваемый период — с конца 1860-х до середины 1910-х годов. Как мы имели возможность убедиться, даже сторонники реформ однозначно положительно воспринимали все преобразования, проводимые российскими властями в Бухаре, одобряя любые попытки их вмешательства во внутренние дела эмирата. Ни один из авторов (за исключением С. Айни в его «послереволюционный» период жизни) не отождествлял себя с Россией, с подданством ей. Поэтому в их оценках российской политики в Бухаре отчетливо просматривается патриотическая линия, а также у ряда авторов — и приверженность к исламу. Эти факторы обусловили в значительной степени негативное отношение к российской политике в эмирате даже тех авторов, которые традиционно считаются в науке симпатизирующими России и ее прогрессивным мероприятиям в Бухаре — в частности, таких как А. Дониш и С. Айни. Вместе с тем все они, по сути, признают российское влияние в эмирате как свершившийся факт и, как мы имели

¹¹ Подобный раскол в обществе подтверждается даже в отношении русского языка: С. Айни в своих «Воспоминаниях» не раз упоминает о том, как преследовались студенты медресе и прочие представители простого населения за попытки выучить русский язык и его использование, поэтому его приходилось изучать тайно. Тогда как представители сановной знати не только не скрывали знания русского языка, но и, напротив, считали его своим дополнительным преимуществом в борьбе за власть при дворе [Айни, 1960, с. 220–224, 246–251, 394–395]. Лишь в начале XX в. официально было разрешено преподавание русского языка в школах, открытых джадидами [Бобоёрова, 2010, с. 3].

возможность убедиться, некоторые из них даже сами научились извлекать выгоду из восприятия российских ценностей, в том числе и правовых.

Все это позволяет сделать вывод, что Россия оказала существенное влияние на различные сферы отношений в своих среднеазиатских протекторатах (особенно в Бухаре), отчасти достигнув своей цели — проведения фронтальной модернизации и интеграции ханств Средней Азии в имперское политическое, правовое, экономическое пространство.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ ИВР РАН	— Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.
КРО	— Казахско-русские отношения в XV—XIII вв.
МИПСК	— Материалы по истории политического строя Казахстана.
ОГАЧО	— Объединенный Государственный архив Челябинской области.
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
СЗРИ	— Свод законов Российской империи.
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.
ТС	— Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности.
ЦГА РУз	— Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
ЭНКПЭ	— Эпистолярное наследие казахской правящей элиты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

- Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН).
Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-14.
Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-15.
Российский государственный исторический архив. Ф. 1396 (Ревизия сенатора Палена К.К. Туркестанского края в 1908–1910 г.). Электронные версии документов. <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de> (с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel)).
- Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Электронные версии документов. <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de> (с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel)).
- Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-2. Канцелярия русского политического агентства (Бухара). Электронные версии документов. <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de> (с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel)).
- Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-125. Канцелярия хивинского хана. Электронные версии документов. <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de> (с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel)).

Опубликованные источники и литература

- Абдуллаева, 2008 — *Абдуллаева М.А.* Правовое положение женщины в исламе // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3 (8). С. 569–574.
- Агеев, 2005 — *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Агентурная работа, 2006 — Агентурная работа политической полиции Российской империи: сб. документов. 1880–1917 / сост. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- Айни, 1960 — *Айни С.* Воспоминания / пер. с тадж. А. Розенфельд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Айни, 1975 — *Айни С.* История мангытских эмиров // Айни С. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. С. 266–312.

- Алексеев, 2009 — *Алексеев А.К.* Россия на «крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. Вып. 3. С. 76–90.
- Алексеев, 2014 — *Алексеев А.К.* К истории образования Памирского отряда // Таджики: история, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 146–157.
- Алимджанов, 2015 — *Алимджанов Б.А.* Позиция российской администрации в ирригационном вопросе Туркестана (1867–1917 гг.) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 10. С. 16–18.
- Алимшоев, 2003 — *Алимшоев М.М.* История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2003.
- Аму, 1879 — Аму и Узбой. Самара: Самарская губернская типография, 1879.
- Андреев, 2013 — *Андреев А.А.* Хива и Россия в начале XVIII века, или история одной несостоявшейся провинции // Столицы и провинция. Материалы IV Междунар. конгресса петровских городов 8–9 июня 2012 г. (Санкт-Петербург). СПб.: Европейский дом, 2013. С. 259–272.
- Апарышев, 2012 — *Апарышев И.В.* История государственного регулирования алкогольного рынка в России // История государства и права. 2012. № 19. С. 38–40.
- Арапов, 1981 — *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Арапов, 2002 — Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (По архивным материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи) / публ. Д.Ю. Арапова // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 127–134.
- Арапов, Котюкова, 2006 — *Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В.* «Прогресс Бухарского ханства зависит исключительно от России». Докладная записка Е.К. Михайловского. 1912 г. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 124–139.
- Арендаренко, 1889 — *Арендаренко Г.А.* Бухарские войска в 1880 г. // Арендаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874–1889. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 538–570.
- Арендаренко, 1974 — Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г.А. Арендаренко). М.: Наука, 1974.

- Архив, 2001 — Архив новейшей истории России. Сер. Публикации. Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1: Март — апрель 1917 года. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
- Арцишевский, Чанский, 1883 — Михаил Дмитриевич Скобелев в его письмах и распоряжениях в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 г. / Сообщ. А.Ф. Арцишевский и И.А. Чанский // Русская старина. 1883. № 5. С. 387–432.
- Астанова, 1979 — *Астанова Г.Ю.* Из истории водопользования в Каракульском тумане Бухарского эмирата второй половины XIX — начала XX века // Общественные науки в Узбекистане. 1979. № 8. С. 27–29.
- Атдаев, 2010 — *Атдаев С.Д.* Туркмены Хивинского ханства в XVIII веке. Казань: Б.и., 2010.
- Ахатова, 1998 — *Ахатова Д.А.* Просветительско-педагогические воззрения Абдурауфа Фитрата: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ташкент, 1998.
- Бабаджанов, 2004 — *Бабаджанов Б.* Русская колонизация Центральной Азии: взгляд местных интеллектуалов // Исламские ценности и центральноазиатские реалии: тезисы выступлений на международной конференции / Рабочие документы ИФЕАК. Вып. 7. Ташкент, 2004. С. 11–22.
- Бабаджанов, 2010 — *Бабаджанов Б.М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент: Yangi nashr, 2010.
- Бабаев, 2010 — *Бабаев Б.* Из истории организации регулярного войска в Бухарском эмирате при эмире Насрулле (1827–1860) // Ученые записки Худжандского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 155–163.
- Бабаходжаев, 1962 — *Бабаходжаев М.А.* Книга по истории Восточной Бухары и Памира // Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 2. С. 61–62.
- Байкова, 1964 — *Байкова Н.Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Ташкент, 1964.
- Баллас, 1903 — *Баллас М.* Виноделие в России. Ч. VI: Азиатская Россия (Туркестан). СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903.
- Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: ИВЛ, 1963. С. 167–432.
- Бартольд, 1965 — *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965. С. 95–233.

- Басханов, 2005 — *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005.
- Басханов, 2015 — *Басханов М.* У ворот английского могущества: А.Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Баторский, 1886 — *Баторский А.А.* Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и 1807–1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. СПб.: Военная типография, 1886. С. 1–93.
- Безгин, 1891 — *Безгин И.Г.* Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714–1717). СПб.: Тип. Р. Голике, 1891.
- Беневени, 1986 — Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Наука, 1986.
- Бенцелевич, 1914 — *Бенцелевич Н.А.* Водные пути Туркестана. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. LV. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1914.
- Биддүльф, 1892 — Русская средняя Азия Биддүльфа / пер. с англ. кн. Трубецкого // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. L. СПб.: Военная типография, 1892. С. 202–212.
- Бичурин, 1834 — *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1834.
- Благовещенский, 2006 — *Благовещенский Г.* Экономическое развитие Туркестана // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 5: Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 1 / пер. Л.А. Захаровой. Алматы: Санат, 2006. С. 241–282.
- Бларамберг, 1850 — *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган // Записки Императорского Русского географического общества. 1850. Кн. 4. С. 49–120.
- Бобоёрова, 2010 — *Бобоёрова Л.Х.* Айни и таджикская просветительская литература: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010.
- Бобринский, 1902 — *Бобринский А.А.* Секта исмаилля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М.: Тов-во Скоропечатня А.А. Левенсон, 1902.
- Большая игра, 2014 — «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архивных документов / сост., предисл. и примеч. Т.Н. Загородниковой. М.: Новый Хронограф, 2014.

- Бороздин, 2012 — *Бороздин С.С.* Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867–1914): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.
- Брежнева, 2011 — *Брежнева С.* Отношение русского общества к наступлению Российской империи на Туркестан (вторая половина XIX в.) // Вісник Чернігів. національного пед. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. Сер. Історичні науки. Вип. 87. № 8. 2011. С. 129–133.
- Брусина, 2012 — *Брусина О.И.* Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 151–166.
- Будаков, 2014 — *Будаков В.В.* Генерал Снесарев на полях войны и мира. М.: Вече, 2014.
- Бустанов, Корусенко, 2014 — *Бустанов А.К., Корусенко С.Н.* Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 140–149.
- Бухерт, 2002a — *Бухерт В.Г.* «Война была ведена с нашей стороны с крайней жестокостью». Из истории присоединения Средней Азии к Российской империи // Источник. Документы русской истории. 2002. № 3 (57). С. 57–61
- Бухерт, 2002б — *Бухерт В.Г.* «Мы стали твердою ногою на Аму-Дарье». Хивинский поход 1873 г. в описании великого князя Николая Константиновича // Источник. Документы русской истории. 2002. № 4 (58). С. 14–22.
- Бухерт, 2003a — *Бухерт В.Г.* «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. 2003. № 1 (61). С. 5–21; № 2 (62). С. 8–23.
- Бухерт, 2003б — *Бухерт В.Г.* «Я всецело предался служению краю». Письмо генерала М. Черняева Александру III // Источник. Документы русской истории. 2003. № 3 (63). С. 14–15.
- Бухерт, 2011 — *Бухерт В.Г.* «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И.И. Зарубина. 1917 г. // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 30–32.
- Бухерт, 2016 — *Бухерт В.Г.* «Если бы я захотел резни, то она была бы». Письмо К.П. фон Кауфмана А.А. Кирееву. 1876 г. // Восточный архив. 2016. № 1 (33). С. 17–22.
- Быков, 2003 — *Быков А.Ю.* Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII — начала XX века). Барнаул, 2003.
- Валиханов, 1985 — *Валиханов Ч.Ч.* Сношения России с Хивой // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 184–190.

- Васильев, 2014 — *Васильев Д.В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М., 2014.
- Васильчиков, 2002 — То, что мне вспомнилось... Воспоминания князя Иллариона Сергеевича Васильчикова. М., 2002.
- Васюков, 1966 — *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М.: Мысль, 1966.
- Веселовский, 1877 — *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877.
- Веселовский, 1881 — *Веселовский Н.* Русские невольники в среднеазиатских ханствах. Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Вып. 7. СПб.: Б.и., 1881.
- Винский, 1878 — Проект об усилении Российской с Верхнею Азией торговли через Хиву и Бухарию. Писан, в царствование Александра Павловича, Григорием Степановичем Винским, а послан к г. министру от Павла Елисеевича Велички, начальника Оренбургского Таможенного Округа // Русский архив. Т. XXXV. 1878. Кн. I. С. 400—403.
- Витевский, 1879 — *Витевский В.И.* Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. Кн. 8. С. 377—428; Кн. 10. С. 203—241.
- Витевский, 1895 — *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 4. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1895.
- Витте, 1924 — *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. III. Л.: Государственное изд-во, 1924.
- Вишневский, 1996 — *Вишневский А.Г.* Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 131—153
- Воейков, 1915 — *Воейков А.* Туркестан, его воды и орошение. Пг.: Общественная польза, 1915.
- Восстание, 1937 — Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937.
- Восстание, 1938 — Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы. Ашхабад, 1938.
- Восстание, 1960 — Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. документов. М., 1960.
- Восстание, 2016 — Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов / сост., предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюковой. М., 2016.
- Г.Б., 1899 — *Г.Б.* Наши колонии. Новая Бухара // Нива. 1899. № 13. С. 254—256.

- Гагемейстер, 1862 — *Гагемейстер Ю.А.* О торговом значении Средней Азии в России // Русский вестник. 1862. № 10. С. 706–736.
- Галузо, 1928 — *Галузо П.* Из истории национальной политики Временного правительства // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 46–79.
- Ганин, 2008 — *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2008. С. 152–214.
- Гафуров, 1955 — *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. М.: Госполитиздат, 1955.
- Гедин, 1899 — *Гедин С.* В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан: Путешествие в 1893–1897 годах. Т. I. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1899.
- Гейер, 1901 — *Гейер И.И.* Путеводитель по Туркестану. 1-е изд. Ташкент: Типо-литография В.И. Ильина, 1901.
- Гельман, 1900 — *Гельман Х.В.* Обводнение старого русла Аму-Дарьи // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Вып. I. 1900. С. 120–165.
- Генис, 2003 — *Генис В.Л.* Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М.: Социально-политическая мысль, 2003.
- Генис, 2011 — *Генис В.Л.* Борьба вокруг реформ в Бухаре. 1917 год // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 18–37.
- Германов, 2015 — *Германов В.А.* Российский форпост на «крыше мира». Геополитический феномен Памирского поста в обеспечении имперских интересов и региональной безопасности в Туркестане и сопредельных странах (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Электронная публикация с сайта Информационно-аналитического центра. <<http://ia-centr.ru/expert>> (дата обращения: 20.06.2015).
- Гинс, 1910 — *Гинс Г.* Современное водное хозяйство Туркестана и необходимость водного закона // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 46–103.
- Гинс, 1912 — *Гинс Г.* Основные начала проекта водного закона для Туркестана. (С приложением проекта в редакции междуведомств. комиссии.) СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1912.
- Гладышев, Муравин, 1851 — Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / предисл. Я.В. Ханыкова. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1851.
- Глуховский, 1867 — Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб.: Б.и., 1867.

- Глуховский, 1893 — *Глуховский А.И.* Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного Аму-Дарьинско-Каспийского пути. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893.
- Глущенко, 2001 — *Глущенко Е.А.* Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001.
- Глущенко, 2010 — *Глущенко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.
- Голодная степь, 1867—1917. История края в документах / отв. ред. А.В. Станишевский. М.: Наука, 1981.
- Гольдберг, 1949 — *Гольдберг Н.М.* Русско-индийские отношения в XVII веке // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. II. С. 129—148.
- Гродеков, 1883 — *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883.
- Громбчевский, 1891 — Доклад подполковника Б.Л. Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891. М.: Б.и., 1891.
- Грулев, 1900 — *Грулев М.В.* Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-Дарьи между Чарджуем и Пата-Гиссаром // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. 1900. Т. II. Вып. I. С. 5—87.
- Грулев, 1909 — *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1909.
- Губаревич-Радобыльский, 1905 — *Губаревич-Радобыльский А.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1905.
- Гулбоев, 2013 — *Гулбоев Н.Н.* Хива хонлигидаги мансаб ва унвонлар тарихидан // Sharqshunoslik. 2013. № 16. Р. 178—185.
- Гулбоев, 2014a — *Гулбоев Н.Н.* Роль жалованья в армии Хивинского ханства (XIX в.) // Восточные общества: традиции и современность. Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ (11—14 октября 2013 г., Баку). М.; Баку: Б.и., 2014. С. 141—148.
- Гулбоев, 2014b — *Гулбоев Н.Н.* XVIII аср охири — XX аср бошларида Хива хонлигида курол-яроғлар ва уларнинг асосий жихатлари // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 2014. № 3. С. 62—65.
- Гуляев, Чучалов, 1910 — К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происшедших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана / подгот. А. Добросмыслов //

- Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV. 1910. С. 69–90.
- Давронов, 1990 — *Давронов Х.* Изменения в экономике Бухарского эмирата в период протектората России (1868–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1990.
- Данилевский, 1851 — *Данилевский Г.И.* Описание Хивинского ханства // Записки Императорского Русского географического общества. 1851. Кн. 5. С. 62–139.
- Дело, 1871 — Дело 1714–1718 годов, об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1871. Стб. 197–400.
- Дингельштедт, 1893 — *Дингельштедт Н.* Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1893.
- Диноршоев, 2014 — *Диноршоев А.М.* Формирование идей прав человека в Конституции Таджикской АССР 1929 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 65–68.
- Дмитриев, 1969 — *Дмитриев Г.Л.* Самаркандский вопрос в русско-бухарских отношениях 1867–1873 гг. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. I / Научные труды Ташкентского государственного ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 343. С. 74–92. Ташкент, 1969
- Дмитриев, 2007 — *Дмитриев С.В.* Китайский и индийский чай в Средней Азии последней трети XIX в. (по архивным материалам) // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова): сб. статей. СПб., 2007. С. 281–286.
- Дмитриев, 2008 — *Дмитриев С.В.* «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX — начала XX в. // Рахмат-наме: сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб., 2008. С. 117–129.
- Добсон, 2013 — *Добсон Д.* Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию / пер., вступ. ст. и коммент. Н.В. Банниковой. М.; Рязань, 2013.
- Долгих, 2015 — *Долгих Е.В.* К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. — 1936 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 08. История. 2015. № 5. С. 14–63.
- Дониш, 1967 — *Ахмад Дониш.* История мангитской династии. Душанбе: Дониш, 1967.

- Дорджиева, 2008 — *Дорджиева Е.В.* Традиции и модернизация в Калмыкии в XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 49–52.
- Дорская, 2002 — *Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 215–224.
- Дорская, 2013 — *Дорская А.А.* Правовой режим имущества религиозного назначения в Российской империи: современные проблемы дореволюционного «наследства» // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4 (21). С. 4–12.
- Егоренко, 2008 — *Егоренко О.А.* Бухарский эмират в период протектората России (1868–1920 гг.). Историография проблемы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Егоров, 1886 — Поход русской армии в Индию. Проект сост. генер.-лейт. Евгений Егоров в 1855 г. // Русская старина. 1886. Вып. VI. С. 599–614.
- Еров, 2005 — *Еров А.Ш.* Бухарский эмират на мировом рынке: вторая половина XIX — начало XX столетия: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2005.
- Ерофеева, 2007 — *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, испр. и доп. Алматы, 2007.
- Ерофеева, 2013 — *Ерофеева И.В.* «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы, 2013.
- Ефремов, 1811 — Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его отсюда через Англию в Россию. 3-е изд. Казань: Университетская типография, 1811.
- Жакмон, 1906 — *Жакмон П.П.* Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. 1906. Т. CV. № 7. С. 73–87.
- Жалсанова, 2013 — *Жалсанова Б.* Опыт борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX — начале XX в. // Власть. 2013. № 10. С. 168–171.
- Жаров, 2012 — *Жаров С.Н.* Особенности нормативного регулирования правоприменения в политическом сыске Российской империи в начале XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 20. С. 6–8.
- Жаров, 2013 — *Жаров С.Н.* Правовое регулирование деятельности пограничной стражи Российской империи в конце XIX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2013. Т. 13. № 3. С. 6–8.

- Жаров, Парсуков, 2014 — *Жаров С.Н., Парсуков В.А.* Организация сторожевой службы Отдельным корпусом пограничной стражи Российской империи в конце XIX — начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). Право. Вып. 40. С. 13–22.
- Жолобова, 2014 — *Жолобова Г.А.* Первый правовой опыт борьбы с фальсификацией виноградного вина в России на рубеже XIX–XX вв. // История государства и права. 2014. № 14. С. 3–7.
- Жуковский, 1915 — *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типо-литография Н.И. Евстифеева, 1915.
- Загидуллин, 2006 — *Загидуллин И.К.* Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань: Б.и., 2006. С. 44–103.
- Залесов, 1862 — *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1862. № 9. С. 41–92.
- Залесов, 1871 — *Залесов Н.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. 1871. Т. 91. С. 421–474; Т. 92. С. 42–82.
- Записка, 1914 — Записка драгомана генерального консульства в Калькутте // Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. 1914. № 35. С. 54–181.
- Захарова, 2013 — *Захарова Т.В.* Из истории формирования полицейской стражи в дореволюционной Якутии (1916 г.) // История государства и права. 2013. № 9. С. 6–7.
- Захарчев, 2014 — *Захарчев Н.А.* Тайны Памирского поста. Ульяновск: Мастер Студия, 2014.
- Зиманов, 1976 — *Зиманов С.* От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата: Наука, 1976.
- Зияев, 1968 — *Зияев Х.* Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1968.
- Зияев, 1983 — *Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фан, 1983.
- Иванин, 1874 — *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. СПб.: Общественная польза, 1874.
- Иванов, 1940 — *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. Л.: Гос. публичная библиотека, 1940.

- Иванов, 1958 — *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Игнатъев, 1897 — Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб.: Государственная типография, 1897.
- Избасарова, 2013 — *Избасарова Г.* Отражение в архивных источниках периода правления В.А. Перовского. Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «История Казахстана: инновационные концепции и периодизация как приоритет научного познания» (18 апреля 2013 г., Алматы). Алматы: Елтаным, 2013. С. 336–342.
- Искандаров, 1958 — *Искандаров Б.И.* Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века). М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Искандаров, 1963 — *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1963.
- Искандаров, 1970 — *Искандаров Б.И.* Бухара (1918–1920 гг.). Душанбе: Дониш, 1970.
- Искандаров, Юсупов, 1981 — *Искандаров Б.И., Юсупов Ш.* Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе: Дониш, 1981. С. 53–79.
- Исмаилова, 2004 — *Исмаилова Б.* Политическое и социально-экономическое положение Бухарского эмирата: вторая пол. XVIII — середина XIX века: дис. ... докт. ист. наук. Худжанд, 2004.
- История, 1947 — История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1947.
- К вопросу, 1908 — К вопросу о реорганизации Ташкентской городской полиции // Туркестанский сборник. Ташкент: Б.и., 1908. Т. 466. С. 20–22.
- Кадимисты, 2017 — Кадимисты о ссудном проценте / пер. Н.К. Гарипова // Мусульманский мир. 2017. № 1. С. 71–73.
- Кадымова, 2013 — *Кадымова Р.Р.* Вклад Ризаэддина Фахреддина в формирование нового статуса женщины в татарском обществе конца XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
- Казымова, 1997 — *Казымова Г.* Джадидизм и становление общественно-философских воззрений С. Айни // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 5. С. 49–52.
- Каппелер, 2000 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С.М. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

- Каразин, 1876 — *Каразин Н.* Тюркменки, купающие лошадей // *Нива*. 1876. № 17. С. 299–300.
- Каррер д'Анкокс, 2010 — *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / пер. с фр. А.А. Пешкова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Каспэ, 2001 — *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
- Кастельская, 1980 — *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980.
- Кауфман, 1885 — Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб.: Военная типография, 1885.
- Каюмов, 2005 — *Каюмов М.У.* Общественно-политические процессы в Хивинском ханстве (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2005.
- Керимов, 2007 — *Керимов Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб.: Диля, 2007.
- Килевейн, 1861 — *Килевейн Е.Б.* Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 // *Записки Императорского Русского географического общества*. СПб., 1861. Кн. 1. Отд. II. С. 95–108.
- Кисляков, 1941 — *Кисляков Н.А.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад; Л.: Государственное изд-во Таджикской СССР, 1941.
- Козинцев, Почекаев, 2018 — *Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю.* К истории среднеазиатской таможенной политики России во второй половине XIX в. (Докладная записка В.П. Череванского 1872 г.) // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 39. No. 5. P. 58–78.
- Коканская гвардия, 1871 — Коканская гвардия в русских военных обносках // *Туркестанский сборник*. Ташкент, 1871. Т. 41. С. 161.
- Колесников, 1997 — *Колесников А.А.* Русские военные исследователи Азии. Душанбе: Дониш, 1997.
- Конкин, 2009 — *Конкин Д.В.* Вакуфные владения в Крыму в свете законов Российской империи // *Источники существования исламских институтов в Российской империи*. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 178–188.
- Корженевский, 1906 — *Корженевский В.Л.* Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан. СПб.: Б.и., 1906.

- Коржинский, 1898 — *Коржинский С.* Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения. СПб.: Тип. Санкт-Петербургского градоначальства, 1898.
- Корусенко, 2014 — *Корусенко С.Н.* Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII — начале XIX века // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 3 (3). С. 105–119.
- Коситова, 2017 — *Коситова У.Ф.* «Рузнома» («Дневник») Садри Зиё и особенности таджикской мемуаристики в конце XIX и начале XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Худжанд, 2017.
- Костенко, 1871 — *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: Изд. Бортневского, 1871.
- Костенко, 1887 — *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // Военный сборник. 1887. № 10. С. 139–160.
- Котюкова, 2009а — *Котюкова Т.В.* Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 3–18.
- Котюкова, 2009б — *Котюкова Т.В.* Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 60–69.
- Котюкова, 2010 — *Котюкова Т.В.* Антипод «человека в футляре». Воспоминания о В.П. Наливкине // Восточный архив. 2010. № 1. С. 76–89.
- Котюкова, 2012 — *Котюкова Т.В.* Воинские качества мусульман Туркестанского края в восприятии русской военной и гражданской бюрократии в конце XIX — начале XX века // Религиозная жизнь народов Центральной Азии / Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 16. М., 2012. С. 29–42.
- Котюкова, 2015 — *Котюкова Т.В.* Туркестан в дискурсе фронтальной модернизации Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 1. С. 43–54.
- Кошчанов, 1964 — *Кошчанов А.* К истории ирригации в Хивинском ханстве конца XIX — начала XX века // Общественные науки в Узбекистане. 1964. № 1. С. 57–60.
- Кривошеин, 1913 — Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году // Вопросы колонизации. № 12. 1913. С. 297–364.
- КРО, 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961.
- Кубанов, 2007 — *Кубанов К.Г.* Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007.

- Куропаткин, 1902 — Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. СПб., 1902.
- Куропаткин, 1927 — Из дневника А.Н. Куропаткина / публ. М.Н. Покровского // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 56–77.
- Куфи, 2001 — *Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-харадж (Мусульманское налогообложение) / пер. с араб. А.Э. Шмидта, подгот. изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. СПб., 2001.
- Кушпаева, 2016 — *Кушпаева А.Б.* О «Проекте Устава товарищества для развития торговли со Средней Азией» // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей Междунар. науч.-практич. конф. / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 114–116.
- Ламанский, 1859 — *Ламанский В.И.* Записка Дмитрия Волкова об Оренбургской губернии 1763 г. // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. XXVII. Отд. II С. 49–60.
- Лессар, 2002 — Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / подгот. публ. М.А. Чепелкина // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 96–126.
- Литвинов, 1904 — *Литвинов Б.* Через Бухару на Памиры // Исторический вестник. 1904. Т. ХСVIII. С. 297–331, 698–729, 1045–1087.
- Литвинов, 2011 — *Литвинов В.П.* Административная ссылка по приговору народных судов Русского Туркестана // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2011. № 3. С. 5–18.
- Литвинов В.П., 2014 — *Литвинов В.П.* Из истории железнодорожной полиции в Туркестане конца XIX века (правовой аспект) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 9. С. 59–62.
- Литвинов П.П., 2014а — *Литвинов П.П.* Об образовании розыскных пунктов департамента полиции МВД в Туркестане начала XX века (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 9. С. 63–70.
- Литвинов П.П., 2014б — *Литвинов П.П.* Об организации царской «охранки» в Туркестане (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 3. С. 43–49.
- Литвинов, 2016а — *Литвинов П.П.* О контрмерах военной администрации Туркестана против учреждения царской «охранки» в регионе // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 8. С. 6–10.

- Литвинов, 2016б — *Литвинов П.П.* Царская «охранка» и Туркестанский военный округ // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 8. С. 11–14.
- Лобысевич, 1898 — *Лобысевич Ф.И.* Описание Хивинского похода 1873 года / под ред. В.Н. Троцкого. СПб.: Общественная польза, 1898.
- Логофет, 1909 — *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909.
- Логофет, 1911а — *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб.: Изд. В. Березовский, 1911.
- Логофет, 1911б — *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II. СПб.: Изд. В. Березовский, 1911.
- Лонская, 2000 — *Лонская С.В.* Мировая юстиция в России. Калининград: Калининградский государственный ун-т, 2000.
- Лонская, 2003 — *Лонская С.В.* Мировая юстиция и местное управление в дореволюционной России: аспекты взаимоотношений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4. С. 191–197.
- Лонская, 2006 — *Лонская С.В.* Территориальная организация мировых судей: исторический опыт и современные проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. Вып. 9. С. 16–23.
- Лужецкая, 2005 — *Лужецкая Н.Л.* Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд. А.Е. Снесарева): Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане (1893 г.) // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 134–152.
- Лужецкая, 2008 — *Лужецкая Н.Л.* Отчет начальника Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока 2008. № 1 (8). С. 154–164.
- Лужецкая, 2010 — *Лужецкая Н.Л.* Материалы Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН о движении летучего отряда полковника Ионова на р. Бартанг в Рушане. 1893 г. // Письменные памятники Востока. 2010. № 1 (12). С. 223–236.
- Лукашова, 1999 — *Лукашова Н. В.П.* Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 36–57.
- Лунев, 2004 — *Лунев Ю.Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004.
- Лунев, 2009а — *Лунев Ю.Ф.* Уголовное право в узбекских ханствах XVI–XIX веков // История государства и права. 2009. № 2. С. 40–42.
- Лунев, 2009б — *Лунев Ю.Ф.* Шариат как источник права узбекских ханств // История государства и права. 2009. № 4. С. 34–37.

- Лурье, 2012 — *Лурье С. Imperium* (Империя — ценностный и этнопсихологический подход). М.: АИРО-XXI, 2012.
- Лысенко, Гончаров, 2017 — *Лысенко Ю.А., Гончаров Ю.М.* Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной модернизации // *Былые годы*. 2017. № 4. С. 1480–1487.
- Львов, 1868 — *Львов И.* Завоевание Туркестана // *Русский вестник*. 1868. Июль. С. 152–174.
- Маджи, 1962 — *Маджи А.Е.* К истории двух последних десятилетий Бухарского ханства // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. 1962. № 2 (29). С. 46–53.
- Мак-Гахан, 1875 — *Мак-Гахан Дж.А.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М.: Университетская типография, 1875.
- Маликов, 2015 — *Маликов А.М.* Противостояние Бухарского эмирата и Шахрисабза в первой половине XIX века // *Жанубий Ўзбекистон тарихи, археологияси, этнологияси янги манбаларда: Республика илмий-амалий конференция материаллари*. Карши: Б.и., 2015. С. 210–213.
- Маргинани, 2008 — *Бурхануддин Маргинани*. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. Ч. 1. Т. I–II / пер. с англ. под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., предисл., вступ. ст. и науч. коммент. А.Х. Саидова. М., 2008.
- Мартенс, 1873 — *Мартенс Ф.Ф.* О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1873.
- Мартенс, 1880 — *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Изд. Э. Гартъе, 1880.
- Матвеева, 1994 — *Матвеева Н.В.* Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1994.
- Матвиевская, Зубова, 2005 — *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» Письма И.В. Виткевича к В.И. Далю // *Гостинный двор*. 2005. № 16. С. 298–312.
- Материалы, 1869 — *Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию*. СПб., 1869.
- Материалы, 1922 — *Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг.* / под ред. А.И. Буковецкого. Вып. 1. Пг.; М., 1922.
- Маткаримова, 2010 — *Маткаримова С.М.* Историография Хивинского ханства в период Кунгратской династии (XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2010.
- Махмудов, 2013 — *Махмудов О.* «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных ис-

- следователей // CIAS Discussion Paper. No. 35. Kyoto University, 2013. P. 47–72.
- Меликов, 1912 — *Рагим бек Меликов*. Современное правовое положение мусульманской женщины // Баку. 4 марта 1912. № 52.
- Миллер, 2005 — *Миллер Г.Ф.* Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях и о строении крепостей по реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература, 2005. С. 472–507.
- Милютин, 2006 — Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Л.Г. Захаровой. 1868 — начало 1873. М., 2006.
- Милютин, 2009 — Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Л.Г. Захаровой; изд. 2-е, доп. и испр. 1876–1878. М., 2009.
- МИПСК, 1960 — Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1960.
- Мирмаматова, Мамадалиев, 2014 — *Мирмаматова Р.А., Мамадалиев И.А.* К вопросу о раскрепощении женщин-мусульманок Средней Азии во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах «Туркестанского сборника») // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2014. № 2 (58). С. 149–155.
- Михалева, 1982 — *Михалева Г.А.* Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Ташкент: Фан, 1982.
- Михайлов, 1869 — *Михайлов М.* Наша средне-азиатская торговля // Туркестанский сборник. Т. V. Ташкент: Б.и., 1869. С. 1–10.
- Муравьев, 1822a — Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. I. М.: Тип. Августа Семёна, 1822.
- Муравьев, 1822b — Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. М.: Тип. Августа Семёна, 1822.
- Муравьев, 1875 — Рапорт кап. Муравьева 4-го майору Пономареву, от 17 декабря 1819 года, № 50 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI. Ч. II. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1875. С. 709–710.

- Наврузов, 1992 — *Наврузов С.* Система орошения Хивинского ханства в освещении дореволюционной исторической литературы // *Общественные науки в Узбекистане.* 1992. № 11–12. С. 50–53.
- Назарьян, 2010 — *Назарьян Р.* Самаркандская старина. Кн. 1. Документальные очерки. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Назарьян, 2013 — *Назарьян Р.* «Поставить виноделие на должную степень совершенства...». О самаркандском виноделе Дмитриии Филатове // *Восток Свыше.* Вып. XXX. Ташкент, 2013. С. 100–108.
- Насриддинова, 2009 — *Насриддинова Д.* Деятельность татарских женщин в учебных заведениях Туркестана // *Материалы II Всерос. молодежной науч.-практич. конф. «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии»* / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. Нижний Новгород: Медина, 2009. С. 149–154.
- Национальная политика, 1999 — *Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия)* / сост., ред., примеч. Ю.И. Семенова. М.: RUS-SKY, 1999.
- Немытина, 1997 — *Немытина М.В.* Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 1997. № 4. С. 52–62.
- Немытина, 2012 — *Немытина М.В.* Реформы второй половины XIX в. в России: опыт модернизации государственно-правового порядка // *Вестник Российского Университета дружбы народов. Сер. Юридические науки.* 2012. № 4. С. 8–15.
- Неплюев, 1892 — *Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (им самим писанная).* СПб., 1892.
- Нива, 1874 — *Разные известия. Действия правительства* // *Нива.* 1874. № 35. С. 560.
- Нижник, 2012 — *Нижник Н.С.* «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2012. № 1. С. 27–33.
- Нижник, Гугасари, 2012 — *Нижник Н.С., Гугасари Е.С.* Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2012. № 1 (53). С. 10–18.
- Низамутдинов, 1969 — *Низамутдинов И.* Из истории среднеазиатско-индийских отношений (IX–XVIII вв.) Ташкент: Узбекистан, 1969.
- Никольский, 1903 — *Никольский М.Н.* Благородная Бухара (Страничка из скитаний по Востоку). СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1903.

- Ниязматов, 2010 — *Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Ниязматов, 2013 — *Ниязматов М.* Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Носович, 1898 — Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. 1898. № 8. С. 271–290; № 9. С. 629–650.
- О возделывании, 1874 — О возделывании водки в Хиве (усл.). Туркестанский военный округ, начальник Амударьинского отдела. Отделение судное. 4 ноября 1874 г. № 420. Электронные версии документов. <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de> (с сайта проекта «Зеркала» (Zerrspiegel)).
- О правах, 1907 — О правах евреев на винокурение и торговлю крепкими напитками в Туркестанском крае // Туркестанский сборник. Т. 432. Ташкент: Б.и., 1907. С. 80.
- О слухах, 2016 — О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1. 20 апреля 1853 г. — 31 июля 1862 г.: сб. документов / сост. Б.Т. Жанаев. Караганда: Б.и., 2016.
- Овчинников, 1958 — *Овчинников Р.В.* Обзор документов Астраханской приказной палаты о русско-индийской торговле последней четверти XVII века // Археографический ежегодник за 1957 год. 1958. С. 217–227.
- Олсуфьев, Панаев, 1899 — *Олсуфьев А.А., Панаев В.П.* По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. СПб.: Тип. товарищества М.О. Вольф, 1899.
- Очерки, 2007 — Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. СПб., 2007.
- Пален, 1909 — *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.
- Пален, 1910 — *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.
- Памятники, 1895 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, часть 2 (годы с 1508 по 1521) / под ред. Г.Ф. Карпова, Г.Ф. Штендмана // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.
- Перевезенцева, 1997 — *Перевезенцева Т.В.* Бухара под российским протекторатом // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 9–10–11. С. 63–73.
- Перовский, 2010 — Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833–1842). Документальная публикация / сост. И.М. Гвоздикова. Уфа, 2010.

- Петров, 1894 — *Петров Н.* Об ирригации в Туркестанском крае. Ташкент: Типо-литография С.И. Петухова, 1894.
- Петровский, 1873 — *Петровский Н.Ф.* Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. Т. LX. 1873. Т. II. С. 209–248.
- Пирумшоев, 2011 — *Пирумшоев М.Х.* Памир в русской историографии второй половины XIX — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2011.
- Пирумшоев, 2017 — *Пирумшоев Х.* Участие трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. статей. Бишкек, 2017. С. 77–82.
- Побережников, 2011а — *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронтальная модернизация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191–203.
- Побережников, 2011б — *Побережников И.В.* Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2011.
- Погорельский, 1968 — *Погорельский И.В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.
- Погорельский, 1984 — *Погорельский И.В.* История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917–1924 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Покровский, 1927 — *Покровский С.П.* Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти — до национального размежевания средне-азиатских республик. Ч. I // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1927. № 16. С. 39–58.
- Покровский, 1928 — *Покровский С.П.* Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при советской власти — до национального размежевания средне-азиатских республик. Ч. II // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1928. № 17. С. 31–57.
- Попов, 1853 — *Попов А.* Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853.
- Постников, 2000 — *Постников А.В.* «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой Игре» Британии и России (1869–1896 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2000. Vol. 17. P. 33–99.
- Потто, 1900 — *Потто В.А.* Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. № 7. С. 110–135.

- Почекаев, 2014 — *Почекаев Р.Ю.* Присоединение Средней Азии к Российской империи и борьба за общественное мнение в России (1840–1910-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 45–58.
- Почекаев, 2015a — *Почекаев Р.Ю.* К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18.
- Почекаев, 2015b — *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015.
- Почекаев, 2017a — *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017.
- Почекаев, 2017b — *Почекаев Р.Ю.* Организация полицейской деятельности в Казахстане XIX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы XIV междунар. науч.-теоретич. конф. (27–28 апреля 2017 г., Санкт-Петербург) / под ред. Н.С. Нижник. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 341–343.
- Почекаев, 2019 — *Почекаев Р.Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
- Почекаев, Почекаева, 2017 — *Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2017.
- Права — Права среднеазиатской женщины // Туркестанский сборник. Т. 148. СПб.: Б.и., б.г. С. 133–139
- Правилова, 2006 — *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006.
- Прибытие, 1911 — Прибытие в Петербург эмира бухарского // Родина. 1911. № 22.
- Присоединение, 1960 — Присоединение Туркмении к России: сб. архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960.
- Прокламация, 1873 — Прокламация графа Перовского к азиатским народам // Туркестанские ведомости. 1873. № 35.
- ПСЗРИ, 1830 — ПСЗРИ. Собрание первое. Т. I–XLVII. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1830.
- ПСЗРИ, 1830a — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. II. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1830.

- ПСЗРИ, 1835 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. IX. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1835.
- ПСЗРИ, 1836 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. X. Ч. 1. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1836.
- ПСЗРИ, 1852 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVI. Отд. I. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1852.
- ПСЗРИ, 1855 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIX. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1855.
- ПСЗРИ, 1863 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVI. Отд. II. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1866.
- ПСЗРИ, 1866 — ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отд. I. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1866.
- ПСЗРИ, 1888 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. VI. СПб.: Государственная типография, 1888.
- ПСЗРИ, 1889 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. VII. СПб.: Государственная типография, 1889.
- ПСЗРИ, 1890 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. VIII. СПб.: Государственная типография, 1890.
- ПСЗРИ, 1891 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. IX. СПб.: Государственная типография, 1891.
- ПСЗРИ, 1893 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. X. Отд. I. СПб.: Государственная типография, 1893.
- ПСЗРИ, 1897 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XIII. СПб.: Государственная типография, 1897.
- ПСЗРИ, 1898 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XIV. СПб.: Государственная типография, 1898.
- ПСЗРИ, 1899 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XV. СПб.: Государственная типография, 1899.
- ПСЗРИ, 1901 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XVIII. Отд. I. СПб.: Государственная типография, 1901.
- ПСЗРИ, 1909 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. I. СПб.: Государственная типография, 1909.
- ПСЗРИ, 1912 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXIX. Отд. I. СПб.: Государственная типография, 1912.
- ПСЗРИ, 1915 — ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXII. Отд. I. Пг.: Государственная типография, 1915.
- Пузанов, 2015 — *Пузанов В.Д.* Формирование полков «иноземного строя» в Сибири XVII в. // Военно-юридический журнал. 2015. № 8. С. 24–28.
- Путинцев, 2012 — [*Путинцев А.Т.*] Описание пути, по которому ходил переводчик коллежский регистратор Путинцев, состоящий при генерал-лейтенанте Глазенапе, по именному высочайшему его им-

- ператорского величества повелению посланный тайно от крепости Бухтарминской до китайских городов Чугучака и Кульжи при караване с товаром коммерции советника и тарского 1-й гильдии купца Нерпина. 1811 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И. М. Самигулин. Астана: Общество инвалидов — Чернобылец, 2012. С. 82—120.
- Пылев, 2005 — *Пылев А.И.* Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917—1920 гг. Выбор путей развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.
- Расулев, 1969 — *Расулев А.Р.* К истории хлопководства в Бухаре конца XIX — начала XX века // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 7. С. 48—52.
- Рахимов, 2017 — *Рахимов Н.* На перепутье: генерал-востоковед Н.С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. статей. Бишкек: Нео Принт, 2017. С. 83—88.
- Резун и др., 2001 — *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001.
- Ремез, 1922 — *Ремез И.А.* Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей. Ташкент: ЦСУ Туркеспублики, 1922.
- Ренгартен, 1929 — Балтийский флот накануне Октября (из дневника И.И. Ренгартена) / подгот. текста А. Дрезена // Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 5—36.
- Рзаев, Ташкулов, 1990 — *Рзаев А.К., Ташкулов Д.* Туси. Дониш. М.: Юридическая литература, 1990.
- РИО, 1958 — Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958.
- РИО, 1965 — Русско-индийские отношения в XVIII веке. М., 1965.
- РИО, 1997 — Русско-индийские отношения в XIX в.: сб. архивных документов и материалов. М., 1997.
- Рожкова, 1963 — *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Романовский, 1868 — *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб.: Типография II отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1868.
- Российская дипломатия, 1992 — Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М.: Международные отношения, 1992.

- Россия, 2011а — Россия — Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII — начале XX. М.: URSS, 2011.
- Россия, 2011б — Россия — Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX — начале XXI. М.: URSS, 2011.
- Россия, 2017 — Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века: сб. документов и материалов / отв. ред. Д.А. Аманжолова. М.: Новый хронограф, 2017.
- РТО, 1963 — Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад, 1963.
- Рувинский, 2011 — *Рувинский Р.З.* Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII–XIX веках: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.
- Рудницкий, 2013 — *Рудницкий А.Ю.* Этот грозный Громбчевский... СПб.: Алетейя, 2013.
- Рукавкин, 1776 — Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване Самарского купца Данилы Рукавкина // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М.: Московский университет, 1776. С. 203–214.
- Садыков, 1965 — *Садыков А.С.* Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. Ташкент, 1965.
- Садыков, 1972 — *Садыков А.С.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент: Фан, 1972.
- Сайнаков, 2015 — *Сайнаков С.П.* Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2015.
- Салимбек, 2009 — *Мирза Салимбек.* Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата) / пер. Н.К. Норкулова. Ташкент: Akademiya, 2009.
- Сами, 1962 — *Мирза Абдал'Азим Сами.* Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / пер. Л.М. Епифановой. М.: Наука, 1962.
- Самиев, 2010 — *Самиев А.М.* Географические исследования Памира в конце XIX — первой половине XX вв. и их значение для развития науки и экономики современного Таджикистана: дис. ... канд. геогр. наук. Душанбе, 2010.
- Сангирова, 2000 — *Сангирова Д.Х.* «Тарихи Азизи» — важный источник по истории изучения царского колониального периода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000.
- Саранчов, 1874 — Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца, сапера Е. Саранчова. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1874.

- Сафина, 2014 — *Сафина Г.Ф.* О мусульманской благотворительности в до-революционный период Российского государства // История государства и права. 2014. № 12. С. 36–41.
- САЭР, 1922 — Средне-Азиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии / под ред. Ю.И. Пославского, Г.Н. Черданцева. Ташкент: Изд. Туркестанского экономического совета, 1922.
- Сборник, 1879 — Сборник князя Хилкова. Пг.: Б.и., 1879.
- Сборник, 1902 — Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. 2-е изд. Т. I. СПб., 1902.
- Сборник, 1917 — Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. № 1.
- Сборник, 1952 — Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.
- Семенов, 1929 — *Семенов А.А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды Средне-Азиатского государственного университета. Сер. II. Orientalia. Вып. 1. Ташкент, 1929.
- Сергеев, 2012 — *Сергеев Е.Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во изданий КМК, 2012.
- Серебренников, 1900 — *Серебренников А.* Очерк Памира. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1900.
- СЗРИ, 1912 — Свод законов Российской империи (неофициальное издание). Кн. I. Т. II. СПб.: Печатня Графического ин-та, бр. Лушкевич, 1912.
- Ситняковский, 1899 — *Ситняковский Н.Ф.* Заметки о Бухарской части долины Зеравшана // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. I. 1899. Вып. II. Ташкент, 1900. С. 121–178.
- Скальковский, 1901 — *Скальковский К.* Внешняя политика России и положение иностранных держав / Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901.
- СМИЗО, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Смирнов, 2013 — *Смирнов Ю.Н.* Документы Оренбургской экспедиции (комиссии) о политике России в отношении контактов и торговли со Средней Азией и сопредельными странами Востока // Уральский исторический вестник. 2013. Т. 3. № 40. С. 47–58.

- Снесарев, 1906 — *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906.
- Соболев, 1911 — *Соболев М.Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск: Типо-литография Сибирского тов-ва печатного дела, 1911.
- Солонченко, 2007 — *Солонченко Е.А.* Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007.
- Стасевич, 2011 — *Стасевич И.В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011.
- Стогов, 2017 — *Стогов Д.И.* Коммерческая деятельность князя М.М. Андроникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–1 (80). С. 165–170.
- Столыпин, 2003 — Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. / предисл., примеч. и коммент. Д.Ю. Арапова // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2003. № 2. С. 124–144.
- Султанова, 2012 — *Султанова В.И.* Рост городов как центров капиталистической модернизации в Южном Казахстане в конце XIX — начале XX века // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. История. 2012. № 9. С. 92–95.
- Сумароков, 2006 — *Сумароков Л.И.* История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2006.
- Тагеев, 1892 — Воспоминание о Памирском походе 1892 г. Записки очевидца Б.Л. Тагеева // Нива. 1893. № 47. С. 1074–1075.
- Тагеев, 1902 — *Тагеев Б.Л.* Памирские походы 1892–1895 г. Десятилетие присоединение Памира к России. Варшава: Б.и., 1902.
- Татищев, 1784 — *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. IV. СПб.: Тип. Вейтбрехта, 1784.
- Терентьев, 1875 — *Терентьев М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркулева, 1875.
- Терентьев, 1906а — *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906.
- Терентьев, 1906б — *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906.
- Терехов, 2011 — *Терехов В.П.* Государственная политика России, СССР и Российской Федерации по отношению к Памиру (вторая половина XIX — начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

- Тёрнер, 2009 — *Тёрнер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко; отв. ред. В.В. Согрин. М.: Весь Мир, 2009.
- Тимошевская, 2014 — *Тимошевская А.Д.* Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX — начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 92–96.
- Топилдиев, 2009 — *Топилдиев Н.Р.* Социально-экономическое и политическое положение Кокандского ханства накануне и в период его завоевания Российской империей: дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2009.
- Торкаман, 2008 — *Торкаман А.И.* Женщина с точки зрения ислама // Иран-наме. 2008. № 4. С. 221–230.
- Торопицын, 2011 — *Торопицын И.В.* Политико-экономические санкции как способ решения внутривосточных проблем и пограничных инцидентов на юго-востоке России в 1730–1740-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12). Ч. II. С. 170–173.
- Троицкая, 1972 — *Троицкая А.Л.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX века // Восточный сборник. Вып. 3. 1972. С. 138–148.
- Туманова, 2008 — *Туманова А.С.* Конституционная реформа начала XX века и правосознание элиты Российского общества // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 13–17.
- Туманова, 2014 — *Туманова А.С.* Модернизация формы Российского государства в начале XX века: дискуссия о правовом содержании и значении конституционной реформы // Российское государство. 2014. № 3. С. 11–24.
- Туманова, Киселев, 2011 — *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.
- Тураев, 1989 — *Тураев Х.* «Рузнама-йи сафар-и Фитибурх» как источник для изучения русско-бухарских отношений конца XIX века // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 3. С. 53–55.
- Туркестан, 2016 — Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Б.М. Бабаджанов, Т.В. Котюкова, О.А. Махмудов, С.Н. Абашин. М.: Кучково поле, 2016.
- Туркестанский край / под ред. Г.М. Цвилинга. Ташкент: Тип. Туркестанского тов-ва печатного дела, 1913.
- ТС, 1869 — Туркестанский сборник. Т. VIII. Ташкент: Б.и., 1869.

- Тухтаметов, 1966 — *Тухтаметов Т.Г.* Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент: Фан, 1966.
- Тухтаметов, 1969 — *Тухтаметов Т.Г.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М.: Наука, 1969.
- Тухтаметов, 1977а — *Тухтаметов Т.Г.* Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значения для Хорезмского оазиса). Нукус, 1977.
- Тухтаметов, 1977б — *Тухтаметов Т.Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе: Ирфон, 1977.
- Тухтаметов, 1999 — *Тухтаметов Ф.Т.* Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века. Уфа: Башкирский государственный ун-т, 1999.
- Учок, 1982 — *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах / пер. с тур. З.М. Буниятова. М.: Наука, 1982.
- Фаизов, 2003 — *Фаизов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. М.: Гуманитарий, 2003.
- Фалько, 2016 — *Фалько С.А.* Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К.В. Церпицкого в Бухарский эмират (1884 г.) // Гілея: науковий вісник. 2016. Вип. 109. (№ 6). С. 106–115.
- Федоров, 1913 — *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 10. С. 30–55.
- Фиолетов, 1941 — *Фиолетов Н.* Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 68–79.
- Фитрат, 1913 — *Абд-ур-Рауф.* Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть) / пер. с перс. А.Н. Кондратьева. Самарканд: Типо-литография тов-ва Б. Газаров и К. Слиянов, 1913.
- Флексор, 1910 — *Флексор Д.* К вопросу о выработке водного закона для Туркестана // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 348–410.
- Фомченко, 1958 — *Фомченко А.П.* Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1958.
- Фурсов, 2006 — *Фурсов К.А.* Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Тов-во изданий КМК, 2006.
- Хайдаров, 2012 — *Хайдаров А.А.* Реформаторские взгляды Ахмада Дониша в обновлении системы образования в Бухарском эмирате (XIX и начало XX веков): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2012.
- Халфин, 1956 — *Халфин Н.А.* Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов

- XIX века. Ташкент: Изд-во Среднеазиатского государственного университета, 1956.
- Халфин, 1965 — *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Халфин, 1974 — *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.
- Халфин, 1975а — *Халфин Н. А.* Общество для содействия русской промышленности и торговле и Средняя Азия // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 45–63.
- Халфин, 1975б — *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на западном Памире. М.: Наука, 1975.
- Харитоновна, 2014 — *Харитоновна Е.В.* Московская оросительная компания. Из истории ирригации Туркестанской области // Московский журнал. 2014. № 8. С. 82–89.
- Харюков, 1995 — *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во Московского университета, 1995.
- Хевролина, 2009 — *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М.: Квадрига, 2009.
- Ходжаев, 1970 — *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии // Ходжаев Ф. Избранные труды: в 3 т. Т. I. Ташкент: Фан, 1970. С. 69–308.
- Хопкирк, 2004 — *Хопкирк П.* Большая игра против России: азиатский синдром / пер. с англ. И.И. Кубатько. М.: Рипол Классик, 2004.
- Хрулев, 1863 — *Хрулев С.* Проект устава Товарищества для развития торговли со Среднею Азиею. СПб.: Тип. Главного артиллерийского управления, 1863.
- Центральная Азия, 2008 — Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Цыпляев, 1911 — *Цыпляев П.И.* Рукописи С.Н. Севастьянова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXIII. 1911. С. 190–261.
- Чарыков, 2016 — *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. Л.А. Пуховой. М.: Русский путь, 2016.
- Черданцев, 1911 — *Черданцев Г.Н.* Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. Ташкент: Тип. Туркестанского тов-ва печатного дела, 1911.
- Чернов, 2008 — *Чернов О.А.* Деятельность российского политического агента Н.В. Чарыкова в Бухарском эмирате // Известия Саратовского университета. Т. 8. Сер. История. Международные отношения. 2008. Вып. 1. С. 52–56.

- Чернов, 2010 — *Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010.
- Чиркин, 2006 — *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006.
- Чуллийев, 1994 — *Чуллийев Ш.Б.* Средняя Азия в русско-индийских отношениях последней четверти XIX — начала XX в. (по материалам «Туркестанского сборника»): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1994.
- Шадманова, 2009 — *Шадманова С.* Свадебные церемонии в Туркестане на страницах периодической печати конца XIX — начала XX в. // *Raх Islamica*. 2009. № 2 (3). С. 146–157.
- Шадманова, 2012 — *Шадманова С.* Некоторые взгляды на жизнь женщин-мусульманок в Туркестане в конце XIX — начале XX в. (на основе материалов периодической печати) // *Raх Islamica*. 2012. № 1–2 (8–9). С. 85–91.
- Шестаков, 1926 — *Шестаков А.В.* Восстание в Средней Азии в 1916 г. (К десятилетию событий) // *Историк-марксист*. 1926. № 2. С. 84–114.
- Шестаков, 1927 — *Шестаков А.* Бухара в 1917 году // *Красный архив*. № 1 (20). 1927. С. 78–122.
- Шестаков, 1933 — *Шестаков А.* Джизакское восстание 1916 г. // *Красный архив*. 1933. № 5 (60). С. 60–91.
- Шкапский, 1909 — *Шкапский О.* К вопросу об орошении земель в Туркестане. СПб.: Б.и., 1909.
- Шукуров, 2007 — *Шукуров Р.* Анатомия отчуждения: воображаемая карта мира в «Дневнике» Садр-и Зийа // *Иран-наме*. 2007. № 3. С. 29–39.
- Эмир, 1911 — Эмир бухарский // *Нива*. 1911. № 3. С. 57.
- ЭНКПЭ, 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: сб. исторических документов: в 2 т. Т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. / сост., отв. ред., введ., биографии, коммент. И.В. Ерофеевой. Алматы, 2014.
- Эткинд, 2013 — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Ю.О.Я., 1908 — *Ю.О.Я.* Хивинская теньга в связи с недавним прошлым теньгового вопроса // *Туркестанский сборник*. Т. 464. Ташкент: Б.и., 1908. С. 122–128
- Юдин, 1896 — *Юдин П.Л.* Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // *Русская старина*. 1896. Т. LXXXVI. С. 409–429.
- Юлдашев, 1963 — *Юлдашев К.* О социально-экономических воззрениях Ахмада Дониша // *Общественные науки в Узбекистане*. 1963. № 10. С. 55–58.

- Юсупов, 1963 — *Юсупов III*. Положение женщин в восточной Бухаре в конце XIX и начале XX вв. // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1963. № 1 (32). С. 45–50.
- Якунин, Кулиев, 1953 — *Якунин А.Ф., Кулиев О.К.* Восстание 1916 года в Средней Азии // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 33–49.
- Яншин, 2009 — *Яншин В.П.* Вооруженные силы центральноазиатских государств в XIX в. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2009. Т. 9. № 5. С. 95–103.
- Abdirashidov — *Abdirashidov Z.* Known and Unknown Fitrat: Early Convictions and Activities // *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Vol. 37. P. 103–118.
- Babadzhanov, 2004 — *Babadzhanov B.* Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals // *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal and Related Areas* / ed. by B. Eschment, H. Harder. Würzburg: Ergon Verlag, 2004. P. 75–90.
- Baxter, 1893 — *Baxter W.E.* England and Russia. L.: Swan Sonnenschein & Co., 1893.
- Becker, 2004 — *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. L.; N.Y.: Routledge, 2004.
- Burton, 1998 — *Burton A.* Marchands et négociants boukhares 1558–1920 // *Cahiers d'Asie centrale*. 1998. No. 5–6. P. 37–62.
- Carrère d'Encausse, 2009 — *Carrère d'Encausse H.* Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia / transl. by Q. Hoare. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2009.
- Curtis, 1911 — *Curtis W.E.* Turkestan: The Heart of Asia. N.Y.: Hodder & Stoughton, George H. Doran Co., 1911.
- Curzon, 1889 — *Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L.: Longmans, Green and Co., 1889.
- Dobson, 1890 — *Dobson G.* Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. L.; Calcutta: W.H. Allen and Co., 1890.
- Edwards, 1885 — *Edwards H.S.* Russian Projects against India: From the Czar Peter to General Skobeleff. L.: Remington & Co., 1885.
- Firdaws al-iqbal, 1999 — *Shir Muhammad Mirab Munis, Muhammad Riza Mirab Agahi.* Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / transl. by Chagat; annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999.
- Germanov, 2007 — *Germanov V.* Shiite-Sunnite Conflict of 1910 in the Bukhara Khanate // *Oriente Moderno. Nuova serie*. 2007. No. 1. Studies on Central Asia. P. 117–140.

- Graham, 1916 — *Graham S.* Through Russian Central Asia. N.Y.: The Macmillan Co., 1916.
- Grassi, 2011 — *Grassi E.* Tajik Literature between Reforms and Revolutions (1870–1954): PhD. Diss. Napoli, 2011.
- Grassi, 2015 — *Grassi E.* The Manuscripts of the Works by Aʿmad Dāniš and his Popularity as a “Precursor” of the Bukharan Jadids // Iranian Languages and Literatures of Central Asia (From the 18th Century to the Present) / ed. by M. Chiara De, E. Grassi. Paris: Peeters Publishers, 2015. P. 233–258.
- Joffe, 1995 — *Joffe M.* Autocracy, Capitalism and Empire: The Politics of Irrigation // The Russian Review. 1995. Vol. 54. No. 3. P. 365–388
- Khalid, 2000 — *Khalid A.* Society and politics in Bukhara, 1868–1920 // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. No. 3/4. P. 367–396.
- Khalid, 2004 — *Khalid A.* Visions of India in Central Asian Modernism: The Work of Abd ar-Raʿuf Fitrat // Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal and Related Areas / ed. by B. Eschment, H. Harder. Würzburg: Ergon Verlag, 2004. P. 253–274.
- Lansdell, 1875 — *Lansdell H.* Russian Central Asia. Vol. II. N.Y.: Arno Press, 1875.
- Le Messurier, 1889 — *Le Messurier A.* From London to Bokhara and Ride through Persia. L.: Richard Bentley and Son, 1889.
- Levi, 1999 — *Levi S.* India, Russia and the Eighteenth-Century Transformation of the Central Asian Caravan Trade // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1999. Vol. 42. No. 4. P. 519–548.
- Morrison, 2008 — *Morrison A.S.* Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Morrison, 2014 — *Morrison A.* Twin Imperial Disasters. The Invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British Official Mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. 2014. Vol. 48. Iss. 1. Jan. P. 253–300.
- Norman, 1902 — *Norman H.* All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & Central Asia. L.: Heinemann, 1902.
- Olufsen, 1911 — *Olufsen O.* The Emir of Bokhara and His Country. Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter of My Voyage on the Amu Darya to Khiva). London: William Heinemann, 1911.
- Peterson, 2011 — *Peterson M.K.* Technologies of Rule: Empire, Water and the Modernization of Central Asia, 1867–1941: PhD. Diss. Cambridge, 2011.
- Pierce, 1960 — *Pierce R.A.* Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Rickmers, 1913 — *Rickmers W.R.* The Duab of Turkestan: A Physiographic Sketch and Account of Some Travels. Cambridge University Press, 1913.

- Sadr-i Ziya, 2004 — The Personal History of a Bukharan Intellectual. The Diary of Muhammad-Sharif-I Sadr-i Ziya / transl. by R. Shukurov; ed. by E.A. Allworth. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Sartori, 2016 — *Sartori P.* Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. Vol. 59. P. 193–236.
- Schuyler, 1877 — *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. II. N.Y.: Scribner, Armstrong & Co., 1877.
- Seitz, 2013 — *Seitz J.B.* Irrigation and Agriculture in the Khanate of Khiva 1768–1914: PhD. Diss. Bloomington, 2013.
- Shioya, 2011 — *Shioya A.* Irrigation Policy of the Khanate of Khiva Regarding the Lawzan Canal, 1830–1873 // Area Studies Tsukuba. 2011. Vol. 32. P. 115–136.
- Shioya, 2013 — *Shioya A.* Who Should Manage the Water of the Amu-Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th — Early 20th Century) / ed. by P. Sartori. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 111–136.
- Sela, 2006 — *Sela R.* Invoking the Russian Conquest of Khiva and the Massacre of the Yomut Turkmens: The Choices of a Central Asian Historian // Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft / Études asiatiques: Revue de la Société Suisse — Asie. 2006. Bd. 60. S. 459–477.
- Skrine, Ross, 1899 — *Skrine F.H., Ross E.D.* The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L.: Methuen & Co., 1899.
- Yastrebova, 2004 — *Yastrebova O.* The Bukharan Emir Abd ak-Ahad's Voyage from Bukhara to St. Petersburg // Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal and Related Areas / ed. by B. Eschment, H. Harder. Würzburg: Ergon Verlag, 2004. P. 63–74.

Pochekayev, R. Yu. Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization [Text] / R. Yu. Pochekayev ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2020. — 328 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1989-9 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2056-7 (e-book).

The book analyzes the legal aspects of the interaction between the Russian empire and the states of Central Asia since the early 18th century to 1917. The author describes the main stages of Russian influence on the legal development of the Central Asian khanates, outlining the main directions of this influence. He focuses on the ways and methods of the Russian legal policy employed in the Central Asian khanates placed under the Russian protectorate. He also explores the problem of the Russian legal policy implemented in the Central Asian regions with special legal status as well as under conditions of martial law, revolutionary situation, etc. The research undertaken by the author allows understanding of the historical experience of the integration within the Eurasian space of which the next stage is being actively realized today as well as evaluating the efficiency, strengths and weaknesses of the legal means of this integration in the 18th through the early 20th centuries.

The book is designed for specialists in the fields of history of state and law, Russian history, Eastern studies, political science, as well as for undergraduate students majoring in the aforementioned specialties.

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович

**Российский фактор
правового развития Средней Азии: 1717–1917
Юридические аспекты фронтальной модернизации**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *В.Е. Красавцева*

Художник *В.И. Дмуховская*

Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*

Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 13.12.2019. Формат 60×88 1/16

Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 19,9. Уч.-изд. л. 18,3

Тираж 500 экз. Изд. № 2296

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Тел.: (8352) 56-00-23